

Департамент культуры Минобороны России
Российская Академия ракетных
и артиллерийских наук
Военно-исторический музей
артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

**Труды Двенадцатой Международной
научно-практической конференции**

14–16 мая 2025 года

Часть III

**Санкт-Петербург
ВИМАИВиВС**

2025

УДК 351.852.1 + 355.48

ББК 79.1 + 68 + 63

В 65

Печатается по решению Ученого совета ВИМАИВиВС

Научный редактор — *С. В. Ефимов*

Организационный комитет конференции

«Война и оружие. Новые исследования и материалы»:

В. М. Крылов, директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, доктор исторических наук, академик РАН, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

С. В. Ефимов, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи по научно-просветительской и выставочной работе, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

С. В. Успенская, заместитель директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Российской Федерации,

В. И. Кобякова, старший научный сотрудник научного отдела сохранности памятников культуры и истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат технических наук,

Е. Г. Игнатьева, начальник научного отдела редактирования и допечатной подготовки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Война и оружие

Новые исследования и материалы

Труды Двенадцатой Международной
научно-практической конференции

В четырёх частях

Часть 3

Информационная поддержка

Иллюстративный материал предоставлен авторами статей

На обложке: рисунок Е. Ю. Емельянова

ISBN 978-5-7937-2768-6

© ВИМАИВиВС, 2025

© Коллектив авторов, 2025

А. В. Орлов (Санкт-Петербург)

ЗАВОДЫ ПРОТИВ ЗАВОДОВ (БОРЬБА ЗА ОБОРОННЫЕ ЗАКАЗЫ В ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ 1893–1899 гг.)

Появление скорострельной артиллерии заметно отразилось на состоянии и развитии военной индустрии Российской империи. Технологически это был новый этап промышленного развития. Это обстоятельство прежде всего отразилось на успеваемости и возможностях казенных заводов. У Главного артиллерийского управления (ГАУ) не было современного и вполне обеспеченного пушечного завода, что сложилось еще за четверть века до начала перевооружения новой артиллерией. При таком положении у ГАУ было два варианта решения проблемы: первый и традиционный – кооперация с казенными заводами однородной специализации, Пермским пушечным и Обуховским сталелитейным; второй – заказать пушки частным производителям в России или за границей. Заграничный вариант мог быть только ограниченным, так как массовое серийное производство необходимо было наладить внутри России. Речь при этом шла о 57-мм пушке системы Норденфельта англо-французской компании. Поскольку система была иностранная, ее освоение в России потребовало дополнительных затрат и времени.

Помимо Обуховского и Пермского заводов, заказы на пушки этой системы были предоставлены частным Александровскому сталелитейному заводу (АСЗ) и Обществу Путиловских заводов (ОПЗ) в Петербурге. Этим частным предприятиям предстояло на первых порах стать ведущими производителями этой системы. Подключение частных производителей к решению вопроса свидетельствовало о том, что казенные заводы не

были еще подготовлены к производству новых пушек по разным мотивам, в том числе и в определении цены на пушку. Частные заводы, как правило, не были перегружены работами по артиллерии, но, располагая немалыми механическими средствами и металлургическими мощностями, были заинтересованы в новых для них специализациях. Это относилось к тем заводам, которые уже зарекомендовали себя в производстве стальных снарядов. Таких предприятий, особо крупных и опытных в стальном литье, было немного. Лидерами в сталеснарядном деле оказались Путиловский и Александровский сталелитейный заводы¹. Причем особое место в этой связи занимал АСЗ, так как его цехами инспектор артиллерийских приемок генерал-лейтенант Энгельгардт «воспользовался для разработки на Александровском сталелитейном заводе для нашей артиллерии образца безоткатного лафета к 75-мм скорострельной пушке. Пушку эту Александровский завод изготавливает в настоящее время [весна 1895 г. – *Прим. авт.*] и рассчитывает представить на Главный Артиллерийский Полигон для испытания весной настоящего года»². Представляет интерес, какие аргументы и суждения высказывали эти предприятия, добиваясь выгодных для них условий выполнения заказов, в особенности при сравнении с работой казенных заводов. Правление АСЗ (Ф. Ф. Кох) сообщало в ГАУ от 17 декабря 1897 г.: «Экономические условия, при которых работают частные заводы, значительно разнятся от тех, при которых работают казенные заводы, в доказательство чему мы приводим нижеследующее.

В тех случаях, когда казенному заводу приходится расширять старое или ввести новое производство, ему открываются для этих целей специальные кредиты. Израсходованные на сооружение суммы возврату не подлежат и процентов по ним не уплачивается. Частный завод, при подобных обстоятельствах, должен прибегать или к выпуску новых акций или облигаций, или же производить краткосрочный заем; в обоих случаях проценты должны уплачиваться или как дивиденд на акции, или как проценты на заем. Сверх того, Общество должно уплачивать целый ряд обложений, податей и пошлин, как, например, земельный налог на нормальный доход, 5% с чистой прибыли, налог на содержание полиции, гильдейские сборы и т. п., от которых казенные заводы освобождены. Следует также заметить, что часть лиц высшего

управления казенных заводов получают свое содержание из сумм не заводских, а соответствующих Министерств, следовательно расходы по администрации менее обременяют стоимость производства, между тем как содержание администрации частного завода падает на стоимость изделия.

Даже те условия, которые ставятся Правительством частным заводам при исполнении заказа, совершенно разнятся от условий, предъявляемых к казенному заводу. Обществу, при получении заказа, предписывается заключить контракт, что влечет за собою расходы, не имеющие место при заказе казенному заводу. В случае нарушения сроков поставки Обществу, при получении заказа, предписывается заключить контракт, что влечет за собою расходы на актовую бумагу и гербовые марки, расходы, не имеющие место при заказе казенному заводу. В случае нарушения сроков поставки с Общества взыскивается штраф, достигающий иногда 20% всей стоимости непоставленных предметов, если опоздание было всего немногим свыше 15 дней. Казенные же заводы, факт общеизвестный, почти никогда не соотнобразуются с установленными сроками и несмотря на то они, из-за этих просрочек или по другим причинам, не подвергаются ни штрафам, ни удержаниям причитающихся сумм. Как велик бы не был заказ, частные заводы никогда не получают аванса, ни задатка, без представления залога и следовательно должны нести всю тяжесть расходов не только по оборудованию нового производства, но и все расходы по материалу и на рабочих. С другой стороны, есть примеры, что артиллерийские заказы казенному заводу оплачивались сполна, при самой выдаче наряда, что составляет громадную разницу с условиями заказов частным заводам.

Обуховский завод всегда с избытком снабжен артиллерийскими заказами, его обширные мастерские едва успевают удовлетворять требованиям. Он изготовляет пушки больших калибров, как известно, производство это приносит значительную прибыль, под условием, чтобы работа шла непрерывно. Это все позволяет ему легко взять заказы на несколько пушек малого калибра. По дешевой цене, без точных соображений о стоимости их. Так, например, Обуховский завод назначил первоначальную цену в 1.370 рублей за полевую пушку (с прицелом), а затем не нашел возможным принять заказ без значительного увеличения цены. Под влиянием низких цен Обуховского завода,

Александровский завод вынужден был взять 2 заказа по 1.370 рублей, но когда был предложен 3-й, в 160 пушек, по еще более низкой цене, Александровский завод предпочел отклонить этот заказ, – чтобы не понести большие убытки.

Александровский Сталелитейный завод имеет мастерские со всеми приспособлениями для специального приспособления пушек малых калибров и лафетов к ним; заказы же на этого рода изделия Общество получает лишь от времени до времени, и то на очень незначительные количества, а иногда заводу приходится держать без дела дорогих специалистов техников, мастеров и опытных рабочих в виду того, что может представиться заказ, своевременное и быстрое изготовление которого было бы невозможно, если бы пришлось набирать и подготавливать новый персонал служащих и рабочих.

14 пушек и лафетов, заказанные в 1896 г., едва заняли незначительную часть мастерской, в течение 10 месяцев и с октября 1897 г. мастерская эта не имеет никаких заказов, занимаясь только изготовлением конкурсных пушек для новой полевой скорострельной артиллерии, работа, которая, разумеется, обходится заводу очень дорого.

Если сравнить те громадные заказы на пушки, которые Обуховский завод получает от Морского Ведомства и от Сухопутной Артиллерии с незначительными заказами на тот же предмет Александровского Завода, то станет вполне очевидным, при каких неравных условиях работают эти 2 завода и вместе с тем с какими ненормальными условиями и затруднениями пришлось встречаться при работах в пушечных мастерских.

Александровский завод получал, начиная с 1893 года, только следующие заказы:

1893 года 19-го мая – 40 береговых пушек и 40 лафетов к ним

1895 года 17-го мая – 20 береговых пушек и 32 лафета

31-го мая – 36 полевых пушек

30-го ноября – 60 полевых пушек и

1896 года 30-го декабря – 14 береговых пушек и 14 лафетов

к ним.

Таким образом от Александровского завода требовалось сперва средним числом только 2,5 пушки и 2,5 лафета в месяц, потом в течение полугода Завод вовсе не имел заказов, затем для выполнения контрактов за № 13676, 6757 и 1591 (16 пушек и 32 лафета к поставке в 21 месяц) требовалось от него по 6 пушек

и 1,5 лафета в месяц, наконец, контракт за № 16439 заставляет сократить внезапно наше производство до 1,4 пушки и 1,4 лафета в месяц, и так как большая часть машин, служащих для пушечного производства, не может исполнять другие работы – легко понять, что подобные условия не могли повлиять на удешевление цен.

Позволяем себе обратить внимание Главного Артиллерийского Управления еще на то обстоятельство, что нашим письмом от 18-го июля сего года, за № 3, мы уменьшили цену 57 мм. скорострельных пушек с лафетом на 50 рублей перед ценой последнего заказа, при условии получения заказа на гильзы, и что вследствие Вашего отношения от 9-го августа сего года, за № 20916, мы согласились сохранить эту цену, не получая даже совместного заказа на гильзы. **Но мы оставались при полной уверенности, что заказ на лафеты и орудия будет отдан нам, так как в отношении Главного Артиллерийского Управления от 9-го августа сего года, за № 20916, сказано: «Предполагая внести ныне же представление в Военный Совет о заказе Александровскому Заводу всех пушек, лафетов и т. д...», – ввиду чего и приступили к изготовлению орудий и лафетов** [подчеркнуто в тексте красным карандашом. – *Прим. авт.*], чтобы во-первых исполнить наивозможно быстрее весь заказ, а во-вторых, не увольнять техников и мастеров и не прекращать работ в пушечном отделе. В настоящее время работа пушек и лафетов уже значительно подвинулась.

При таком положении дела мы получаем отношение за № 30559, от 2-го декабря, которым Главное Артиллерийское Управление не только не соглашается на заявленную нами цену, но требует еще понижение цены и притом даже с уменьшением количества заказываемых орудий.

При определении цены на какой-либо из предметов производства – в частном деле, должны быть приняты в расчет все расходы, как непосредственные, относящиеся к производству, так и косвенные, о которых мы выше упоминали. Казенные заводы большую часть этих косвенных расходов не несут, и в расчет, следовательно, при расценках, они не входят. Этим и объясняется, почему казенные заводы, которые, как известно, вообще работают дороже частных, могут выводить продажную стоимость более низкую, хотя в действительности более дорогая цена частного завода окажется в результате для казны выгоднее.

Гильзовая мастерская, изготавливающая гильзы малого размера, стоит окончательно без работы уже более 2-х лет, что разумеется заставляет нас нести большие убытки. Смеем надеяться, что Главное Артиллерийское Управление не захочет погасить в такие плачевные условия и пушечные мастерские. Принимая во внимание все вышеизложенное, **Правление Общества Александровского Сталелитейного завода имеет честь покорнейше просить Главное Артиллерийское Управление – согласно с отношением от 9-го августа сего года за № 20916, внести представление в Военный Совет о заказе Александровскому заводу всех пушек, лафетов, комплектов орудийной принадлежности, картечей и фольговой ленты, по заявленной Правлением цене** [в тексте выделено карандашом на полях скобкой. – *Прим. авт.*].

В крайнем же случае, если понижение цены на орудия совершенно неизбежно для оставления заказа за нашим Заводом, то Правление Общества, желая идти навстречу требованиям Главного Артиллерийского Управления, решается предложить еще скидку в рубл. серебром 250 – на орудие с условием, чтобы Завод был освобожден от поставки комплектов орудийной принадлежности и прицелов. (Как это и было при совместном исполнении Обуховским и Орудийным заводами заказа на 12 штук 57 мм. пушек, принадлежности для которых были изготовлены Александровским Заводом).

Какое бы ни было решение Главного Артиллерийского Управления, Правление Общества имеет честь покорнейше просить не отказать в уведомлении, как только будет решен вопрос, чтобы Александровский Сталелитейный Завод мог сделать должное распоряжение о продолжении работ по изготовлению пушек или же, если не будет никакой надежды на получение заказа, о прекращении работ и увольнении персонала Пушечного отдела, для которого в таком случае не имелось бы занятия.

От руки карандашом ниже запись от ГАУ: «Вопрос может быть решен лишь Военным советом, а основывать свои действия на одной надежде преждевременно»³.

Справка. В докладе правления Общества АСЗ общему собранию акционеров 4 декабря 1895 г. сообщалось, что «вопрос о приобретении скорострельных орудий в настоящее время один из самых важных в артиллерийском ведомстве. Имея это в виду, правление обеспечило за Обществом в силу долгосрочного

договора исключительное право выделки в России всех изобретений донныне и могущих быть изобретенными впредь до истечения срока договора обществом Норденфельдт приспособлений для скорострельных орудий. Общество это в настоящее время опередило всех своих соперников по этому производству. Принимая во внимание особенный характер дела и затронутые им общественные интересы, Правление уверено, что принимая участие в столь важном для страны предприятии, Общество обеспечивает отчасти свою будущность»⁴. Речь шла о «развитии деятельности механических мастерских общества» и о «возможно лучшем устройстве для производства пушек, снарядов, гильз и вообще артиллерийских принадлежностей».

Еще в 1885 г. завод посетил господин Лемонье от завода Тегг-Ноире и осмотрел завод совместно с директором АСЗ г-ном Мюризе, «обсудив при этом необходимые в устройстве завода изменения, которые следовало принять для осуществления программы, начертанной г-ном Шарлье»⁵. Завод Терр-Нуар во Франции был известен в Европе как ведущий производитель бронёбойных снарядов. 8 июля 1895 г. Общество АСЗ заключило договор с Генрихом Эргардтом в Дюссельдорфе о покупке патента на право производства в России по способу Эргардта «в полную и исключительную собственность»⁶. В объявлении специально-стей АСЗ в 1900 г. сообщалось, что Общество Александровского Сталелитейного завода имеет помимо завода в Петербурге рудники и заводы Питкаранта в Финляндии (выплавка штыковой меди и древесно-угольного чугуна), чугуноплавильный завод в Усть-Славянске (возле Санкт-Петербурга). Завод в Петербурге состоит из отделов: сталелитейного и прокатного, котельно-строительного, артиллерийского и кирпичного, а также «привилегированного для России производства штампованных, железных и стальных изделий»: стаканы и корпуса для артиллерийских снарядов всех типов; трубы для орудий. Артиллерийский отдел завода изготовлял: скорострельные полевые и обыкновенные пушки, снаряды, лафеты, зарядные ящики и проч., латунные гильзы для скорострельных пушек всех калибров⁷.

Итак, для АСЗ, по его заявлению, недостаток в работе соединялся с малым вообще объемом заказа, что грозило заводу простоем и потерей рабочих рук, подготовленных к такого рода работе. Из переписки с ГАУ не видно, чтобы правление АСЗ преувеличивало создавшееся для предприятия положение дел, что

достаточно легко было проверить с помощью свидетельства артиллерийского приемщика, принимавшего изделия завода и бывавшего постоянно в его цехах на месте работ.

ГАУ, однако, интересовало совсем другое. Управление настаивало на понижении цены за пушку и, кроме того, на уменьшении самого заказа, причем в категорической форме и без промедления («в скорейшем времени категорический ответ»)⁸.

Правление Общества Путиловских заводов – А. Фойгт, Д. Нератов – так объясняло свое положение в прошении в ГАУ от 16 декабря 1897 г. «...Правление Общества имеет честь объяснить следующее: ...В стоимость готового изделия [57-мм пушки Обуховского завода сравнительно со стоимостью пушки Путиловского. – *Прим. авт.*] здесь не введена значительная группа расходов, возрастающих вместе с лучшим устройством и более совершенным механическим оборудованием данного технического учреждения, скрывающаяся в казенных учреждениях обыкновенно будучи разбросана по разным статьям сметных исчислений, иногда даже различных ведомств, в частной же промышленности статья всегда принимаемая в расчет при определении продажной стоимости данного изделия под наименованием цеховых расходов. Эта группа складывается из расходов: на отопление мастерской, освещение, на смазочные и обтирочные материалы, приводные ремни, измерительные инструменты, инструменты для обработки металлов, большой и малый ремонт, погашение специального оборудования, провозы и перемещения материалов и готовых изделий, участие в расходах на механическую и химическую заводские лаборатории, испытания в данном случае пушек стрельбою, содержание мастеров, инженеров и прочей администрации мастерской и пр. пр.

При определении продажной стоимости изделия, цеховые расходы, по общепринятому в коммерческом техническом счетоводстве порядку, начисляются в %% на рубль выплаченной заработной платы и, как известно, возрастают в зависимости от увеличения механической работы в данном изделии и от уменьшения суммы находящегося в исполнении наряда, достигая иногда до 200% суммы выплаченных рабочих дней по данному заказу.

Имея в виду крайнюю незначительность в настоящее время заказов на пушки, а также количество механической работы при изготовлении капонирных 57 мм. пушек, следует признать, что

начисление 100% к заработной плате в рассматриваемом случае не представляется преувеличенным и, таким образом, даже без начисления так называемых общих расходов всего предприятия, без расходов на оборотные средства, имеющихся и у казны, без начета на прибыль, необходимую частному промышленному учреждению, исходя лишь из вышеуказанных двух цифр:

Стоимость материала от Обуховского завода – 650 руб.

Непосредственный расход Орудийного завода – 650 руб.

И прибавляя лишь определенные указанным порядком цеховые расходы в 100% на расходы Орудийного завода – 650 руб.

Получаем стоимость одной капонирной пушки в 1950 руб.

Превышающую заявленную Обществом Путиловских заводов цену за каждую пушку с комплектами и запасными частями и принадлежностью в сумме 1800 руб.

Таковы соображения, которые дают Правлению смелость убедительно просить Главное Артиллерийское Управление, не настаивая на понижении цены против заявленных Правлением в отзыве от 5 августа с. г. за № 960 и не уменьшая размера заказа против предложения Главного Управления, первоначально изложенная в запросе от 8 июля с. г. за № 18154, выдать Обществу заказ безотлагательно.

При этом Правление Общества позволяет себе присовокупить, что усматривая в последовавшей за упомянутым запросом за № 18154 переписке об отсутствии первоначально в Главном Артиллерийском Управлении препятствий о признании заявленных Обществом цен умеренными и за неимением других заказов для поддержания только что открытой орудийной мастерской на заводах Общества, в виду необходимости удержать личный состав специальных техников, опытных мастеров и привычный кадр рабочих, Правление Общества вынуждено было, не дожидаясь формального заключения контракта, сделать по управлению заводами распоряжение о безотлагательном начале работ по исполнению... и заказа капонирных пушек, в результате чего в настоящее время, по истечении еще нескольких месяцев от начала работ, весь материал на все 60 пушек передан уже в пушечную мастерскую, частью поступил в обработку, причем все детали, например, части заряжающих механизмов, находятся в работе на станках.

В опасении, однако, что Главное Артиллерийское Управление, в зависимости от новых обстоятельств, обнаруженных

в последнее время, все-таки не признает возможным удовлетворить вышеуказанное ходатайство Правления Общества Путиловских заводов о выдаче ныне же заказа на капонирные 57 мм. пушки по ценам прежних заготовлений, – Правление могло бы предложить дать Обществу в настоящее время, вместе с заказом на капонирные пушки, заказ полевых пушек с поршневым затвором в количестве хотя бы около 100 штук.

В таком случае в интересах дела поддержание непрерывного действия пушечной мастерской на своих заводах, и на сей раз, подобно прошлому году, когда для получения заказа лишь на 160 легких пушек Обществу пришлось сбавить продажную цену против тогда существовавшей на 245 рублей на каждую пушку, и тем лишь обеспечить далеко неполную работу в течение года в пушечной мастерской, Общество с своей стороны готово идти навстречу поставленному Главным Артиллерийским Управлением вопросу о понижении заготовительных цен на капонирные пушки, **сбавило по сто пятьдесят рублей на каждую такую пушку, т. е. определяя новую цену за капонирную пушку по тысяче шестьсот пятьдесят за каждую** [подчеркнуто в тексте, с надписью на полях «1650 р. за пушку». – *Прим. авт.*], и оставляя за каждую легкую пушку с поршневым затвором уже пониженную цену по тысяче сто двадцать пять рублей; причем если бы было признано необходимым полевые пушки на сей раз заказать из никелевой стали, то Общество просило бы за такое назначить цену, установленную для Пермских пушечных заводов при последнем заказе им 320 пушек из никелевой стали. Заводом Общества уже приготовлена одна опытная легкая пушка из никелевой стали с механическими качествами металла в пределах задания Артиллерийского Комитета, и Общество могло бы немедленно ее предоставить для всестороннего испытания; валовый заказ, хотя бы на ограниченное в настоящее время число пушек, приблизительно около 100, дало бы возможность установить и проверить производство пушек из нового металла для будущего.

Имея в виду, что и в интересах Артиллерийского Ведомства, казалось бы, следует поддержать правильное течение водворенного в заводе Общества пушечного производства, особенно накануне, может быть, полного перевооружения полевой артиллерии новою материальною частью, – не признает ли Главное Артиллерийское Управление возможным удовлетворить ходатайство Общества

Путиловских заводов в той или другой из предположенных форм: выдачею заказа на капонирные пушки в размере и по ценам, заявленным Правлением Общества в отзыве от 5-го августа с. г. за № 960, или же заказом капонирных пушек по пониженным настоящим предложением ценам, компенсируя, однако, эту уступку со стороны Общества дачею одновременно заказа на полевые пушки с поршневым затвором в количестве около 100 пушек, на условия и по ценам здесь обозначенным»⁹.

Справка. Общество Путиловских заводов к середине 1890-х гг. окончательно сформировалось как крупнейший и ведущий производитель артиллерии в России наряду с Обуховским заводом Морского министерства. Путиловский завод выполнял следующие контракты ГАУ:

9-дм фугасных мелинитовых бомб (3360 шт.) для береговых и легких мортир по контракту от 22 января и 8 марта 1897 г. на сумму 641 740 руб.

10-дм стальных бронебойных бомб (205 шт.) от 23 января 1898 г. № 1048 общей стоимостью 66 647 руб.

11-дм палубобойных бомб по контрактам от 29 августа 1897 г. № 11083 и 26 января 1899 г. № 1757, всего на сумму около 350 000 руб.

9-дм фугасных пироксилиновых бомб по контракту от 20 марта 1899 г. за № 4865 на сумму 260 000 руб.

11-дм мелинитовых палубобойных бомб (1662 шт.) по контракту 12 апреля 1899 г. за №6033 на сумму около 650.000 руб., такие же бомбы по контрактам ранее № 11083/ 1897 г. и 1757/ 1899 г.

6-дм и 8-дм снаряды по контрактам от 13 августа 1899 г. № 12287 и от 16 ноября 1899 г. за № 15783 и 15784 всего на сумму 450 000 руб.

13 береговых лафетов к 6-дм скорострельным пушкам Канэ по контракту от 29 ноября 1895 г. за № 29451.

15 береговых лафетов к 6-дм скорострельным пушкам Канэ по контракту от 23 мая 1896 г. за № 13753.

8 береговых лафетов к 6-дм скорострельным пушкам Канэ по контракту от 24 января 1898 г. за № 2348.

18 береговых лафетов к 6-дм скорострельным пушкам Канэ по контрактам от 3 марта 1899 г. за № 7576 и от 25 февраля 1900 г. за № 3366 на сумму более 280 000 руб.

17 береговых лафетов к 10-дм пушкам в 45 кал. по контрактам от 23 января 1897 г. № 1201, от 23 января 1898 г. за № 1049,

от 12 февраля за № 2727, от 16 февраля 1900 г. за № 2800 на сумму 300 000 руб.

Переделка лафетов к 9-дм и 11-дм пушкам по контрактам от 28 октября 1898 г. за № 14705 и от 31 июля 1898 г. за № 10684 на сумму около 150 000 руб.¹⁰.

Этими контрактами вовсе не исчерпывается совершенно выдающаяся роль Путиловского Общества в деле обороны по одной только артиллерии. По заказам Морского ведомства ОПЗ по одному только контракту от 15 июля 1898 г. (сроком исполнения 14 месяцев) должно было изготовить бронебойных снарядов 12-дм, 10-дм, 8-дм, 6-дм и 75-мм 9850 штук на сумму 778 875 руб.¹¹. По контрактам Артиллерийского отдела ГУКиС Морского ведомства ОПЗ выполнял башенные установки для 12-дм и 10-дм орудий для броненосцев, а кроме того, подводные поршневые минные аппараты, спусковые минные аппараты, бортовые подводные и палубные аппараты для броненосцев, крейсеров и миноносцев¹². Конкурентами Путиловскому заводу в судовом минно-артиллерийском оборудовании были заводы Петербурга – СПб. Металлический, завод Г. А. Лесснера и завод Л. Нобеля.

Мотивировка ОПЗ выглядит сложнее, чем АСЗ, хотя в главном не расходится с Александровским заводом. Готовность уступить в цене, то есть не повышать цену, несмотря на малую величину заказа, Путиловское правление просило компенсировать заказом на другие пушки, чтобы во всяком случае дать работу заводу.

ГАУ, однако, интересовало и в этом случае не положение Путиловского завода, а интересы собственного «заведения», как именовались заводы Управления, интересы Петербургского Орудийного завода (ПОЗ). ГАУ исходило из двух мотивов, которые вовсе не касались частных производителей: во-первых, экономии собственного кредита, во-вторых, необходимости обеспечить загрузку работой Орудийного завода, который всецело зависел от поставок и успеваемости Обуховского сталелитейного завода (ОСЗ) Морского министерства. Не имея литейного производства, ПОЗ получал поковки от ОСЗ и связан был с готовностью Обуховского завода работать по ценам и в размере общего заказа с ним. Что же касается частных производителей, то для них заказ на пушки Норденфельта не только не увеличивался, но был урезан, да еще с условием, по сути, принудительно низкой цены за пушку.

Обязательство для ГАУ ежегодно давать заказы казенным горным заводам в фиксированном размере не решало вопроса о действительной способности заводов казенного Урала отвечать требованиям поставок технологически и количественно. Журнал Артиллерийского Комитета № 600 от 14-го декабря 1895 г. констатировал: «...При рассмотрении отчета Инспектора артиллерийских приемок за 1894 год, Артиллерийским Комитетом было обращено внимание на более чем неудовлетворительный успех работ по приготвлению стальных снарядов на Пермском заводе и журналом № 640/94 г. постановлено обратиться с настоятельной просьбою в Горный Департамент о принятии всех возможных мер, гарантирующих артиллерию в срочном получении изделий, заказываемых казенным Горным заводам.

Накопившиеся недоимки настолько велики, что, конечно, восполнить их в короткий промежуток времени представляется затруднительным. Пока же они существуют, Артиллерийское ведомство должно считать себя вправе обращаться с заказами к частным заводам, несмотря на существующие обязательства Сухопутного ведомства по отношению заказа изделий на казенных горных заводах.

Кроме того Комитет считает полезным еще раз напомнить о постановлении журнала № 640/94 г., а именно: казенные горные заводы, принимая те или другие заказы, должны соразмерять величину их с производительностью завода, причем вопрос о правоспособности последнего должен решиться в ежегодной Комиссии по даче нарядов, при участии Инспектора артиллерийских приемок. Наибольшая неисправность Пермского завода относится до выполнения наряда на 9 дм. фугасные бомбы для береговых мортир, т. е. до таких снарядов, которые с современной точки зрения представляются наиболее действительными средствами борьбы береговой артиллерии с неприятельским флотом и в получении которых, в возможно скорейшем времени, артиллерия наиболее заинтересована.

По поводу серьезного значения несвоевременности выполнения наряда на 9 дм. фугасные бомбы, Артиллерийское ведомство уже неоднократно обращало внимание Горного Департамента и, по видимому, положение вопроса об их приготвлении не улучшилось сколько-нибудь заметным образом»¹³.

Горный начальник Пермских пушечных заводов объяснял в ГАУ 7 сентября 1900 г.: «На запрос Главного Артиллерийского

Управления № 27852 от 25-го августа сего года, относительно причин несдачи в свое время 6 дм. скорострельных пушек Канэ наряда 1898 и 1899 гг., имею честь уведомить, что завод при получении наряда не был подготовлен достаточно к производству орудий Канэ; существующие станки были недостаточно точны для изготовления пушек, а для изготовления лафетов не было вовсе некоторых специальных механических станков, каковые частью пришлось проектировать и строить, частью же заказывать на другие заводы. Опоздание заводами иностранными и русскими сдачи станков, отсутствие достаточного помещения, новизна самого дела, трудность получения фасонной плотной отливки задержали успешное изготовление орудий.

Впрочем, в настоящее время уже испытано 5 орудий Канэ и испытание прошло совершенно удачно. Два орудия Канэ с лафетами близки теперь к окончанию»¹⁴.

Одним из наиболее сложных и весьма дорогостоящих производств было производство бронебойных фугасных снарядов. Дорого обходилось снарядное дело, связанное со множеством испытаний тяжелых снарядов крупных калибров из специальных сталей, способов закалки и термической обработки, большого количества брака таких изделий. Сами испытания требовали закупки и установки броневых плит и замены их в случае разрушения. Всего три завода, два частных и один казенный, сумели взяться за это сложное дело, однако, с неодинаковым успехом. Идя на большие издержки и риск за собственный счет, частный Брянский рельсопрокатный завод выдвинулся в лидеры бронебойной индустрии. «Правление Брянского завода в СПб. Окружное Артиллерийское Управление от 29 сентября 1901 г. В. Ф. Голубев, Вл. Жуковский. Правление Общества Брянского завода имеет честь довести до сведения СПб. Окружного Артиллерийского Управления, что несмотря на данную отсрочку в поставке 1200 штук стальных 9 дм. фугасных палубобойных бомб, длиною 2½ калибра для пушек образца 1867 года, заказанных по контракту от 24-го января 1899 г. за № 1492, изготовление их вследствие нижеизложенных причин замедлилось, причем в настоящее время сданы с полным успехом две контрольные партии, т. е. половина заказа уже исполнена, и кроме того отправлена для испытания 3-я контрольная партия.

В пояснение вышеизложенного Правление имеет честь сообщить следующее: Брянский завод не мог выполнить заказ по

вышеозначенному контракту в сроки, испрошенные ходатайством Правления от 7-го октября 1900 г. ...ввиду новизны всего производства на Брянском заводе и главным образом ввиду предстоящих технических затруднений, связанных с закалкой бомб.

Правление Общества Брянского завода, вполне понимая важность предстоящей задачи, принимало все меры и стремилось к тому, чтобы поставить производство палубобойных снарядов на возможно твердую почву, хотя бы даже и не выполнив своих обязательств по отношению к срокам, в той надежде, что СПб. Окружное Артиллерийское Управление оценит все старания и затраты, понесенные при такой постановке производства палубобойных снарядов. В ходатайстве от 7-го октября прошлого года за № 5517 правление уже имело честь сообщить СПб. Окружному Артиллерийскому Управлению, что для быстрой и точной обработки откованных бомб потребовалось увеличить число станков, на некоторых из них сделать специальные приспособления и частью совсем переделать станки, а самое главное – потребовалось построить особые здания с печами, резервуарами и другими принадлежностями для закалочной мастерской, чтобы в валовом производстве достигнуть тех же результатов, каким должны удовлетворять снаряды по указаниям последних опытов.

Для этой же цели Брянский завод, прежде чем приступить к валовой закалке снарядов, изготовил предварительно два различных закалочных снаряда для частного испытания стрельбою по 2-см. сталеникелевым плитам, каковое испытание по получении надлежащего разрешения и было произведено на Главном Артиллерийском Полигоне. Результаты этого частного испытания дали Брянскому заводу твердую уверенность в том, как должна быть произведена закалка снарядов и произведенные затем испытания стрельбою по плитам 2-х контрольных партий, результаты которых были вполне удовлетворительны, фактически это подтвердили. На все это, в свою очередь, потребовалось весьма значительное время.

Как доказательство серьезных намерений Правления Общества Брянского завода может служить еще и то обстоятельство, что Брянским заводом по своей инициативе изготавливаются два пробных 11 дм. палубобойных снаряда (на производство частного испытания стрельбою по 4 дм. сталеникелевым плитам этих снарядов на Главном Артиллерийском Полигоне уже имеется надлежащее разрешение). При этом Правление считает

нелишним прибавить, что в настоящее время 11 дм. палубобойные снаряды изготавливаются, хотя и с большим трудом, одним Путиловским заводом, тогда как другие заводы пока воздерживаются от изготовления таких снарядов, и Брянский завод мог взяться за это дело только после долгих и настойчивых, увенчавшихся полным успехом, стараний изготовить надлежащего качества 9 дм. палубобойные снаряды».

Резолюция начальника отделения: «Товарищ генерал-фельдцейхмейстера не встречает препятствий к испрошению разрешения на отсрочку. Доложено 29 октября»¹⁵. По замечанию сенатора П. Гарина: «Брянский завод никогда не диктовал условий артиллерийскому ведомству, но зато часто шел навстречу его желаниям в ущерб своим выгодам и нередко являлся потерпевшим от коренных дефектов деятельности учреждений этого ведомства»¹⁶.

Справка. Брянский рельсопрокатный, чугунолитейный, железнодорожный и механический завод – акционерное общество, основанное в 1873 г. Обществу принадлежали три завода: Брянский, при ст. «Завод Брянский» (в Бежице) Риго-Орловской железной дороги, Александровский Южно-Российский в Екатеринославе (ст. Кайдаки Екатерининской железной дороги) и Керченский металлургический, а также Брянское общество копеей и рудников. Главной специализацией Брянского завода являлись: рельсы, паровозы, вагоны, платформы, мосты, запасные части для подвижного состава. Александровский Южно-Российский завод: чугун, бессемеровская и мартеновская сталь, судостроительная сталь¹⁷. По артиллерии завод готовил 9- и 10-дм бронебойные бомбы, 9-дм сегментные бомбы, 8-дм пироксилиновые, 3-дм шрапнели, лафеты 3-дм скорострельных пушек (с 1902 г.), шрапнельную сталь для Донецкого металлургического общества¹⁸. Акции Брянского общества широко котируются на Парижской бирже, а в делах Общества большую заинтересованность имел синдикат французских банков во главе с Societe General. Заводы Брянского Общества являлись крупнейшими среди металлургических предприятий Юга России.

Представитель Государственного Контроля в правлениях Обуховского и Балтийского судостроительных заводов действительный статский советник Б. Б. Левин 24 ноября 1900 г. в докладной записке отмечал: «В начале 90-х гг. потребовалось для вооружения крепостей около 800 береговых и капонирных скорострельных пушек системы Максим-Норденфельда, и эти пушки,

несмотря на то, что цены Обуховского завода оказались значительно ниже, были, однако, заказаны сначала в количестве 130 экземпляров заводу Норденфельда в Англии, а затем Путиловскому и Александровскому заводам, которые пушек до того вовсе не делали, и потому пришлось им назначить более высокие цены, чтобы дать этим заводам возможность покрыть их затрату на самую установку этого производства. Установив пушечное производство на означенных заводах, Артиллерийское ведомство считало себя уже как бы обязанным не оставлять их и впредь своими заказами, а по неимению более заказов на Норденфельдские пушки, оно стало давать им уже пушки полевые, прямо отнимая таким образом заказы от Обуховского завода, бывшего до того времени единственным поставщиком этих орудий и изготовившего для полевой артиллерии свыше 5800 таких пушек. Наконец, в настоящее время, когда потребовалось для начала перевооружения полевой артиллерии 1500 скорострельных пушек, таковые были заказаны Путиловскому и Пермскому заводам, а Обуховскому заводу не досталось ни одной из этих пушек. В представлениях Главного Артиллерийского Управления Военному Совету проводилась также и мысль о необходимости установления на частных заводах даже производства крепостных орудий.

Во всех означенных случаях Главное Артиллерийское Управление ссылалось не на дороговизну изделий Обуховского завода, так как частные заводы запрашивали более высокие цены, а на постоянную его неисправность в отношении сроков исполнения заказов, хотя, как показала практика, частные заводы, даже заграничные (Норденфельда и Канэ), которым доставались означенные заказы, оказывались в этом отношении не более исправными, нежели Обуховский завод. Но если такой упрек со стороны Главного Артиллерийского Управления отчасти и был справедлив, то это зависело от того, что производительная сила Обуховского завода мало соответствовала предъявлявшимся к нему требованиям. Это обстоятельство однако не только не должно было служить для Артиллерийского ведомства поводом обходить его заказами и установить на свой счет производство пушек на частных заводах, а напротив того, давая свои заказы исключительно Обуховскому заводу, в то же время требовать от него соответственного увеличения своих механических средств, подобно тому как поступало Морское министерство, отпускавшее Обуховскому заводу значительные авансы, на счет которых

Обуховский завод в последние несколько лет настолько расширил и развил свою производительную способность, что ныне в состоянии сдавать Морскому Министерству изделий ежегодно на сумму около миллиона рублей.

Однако, усиленными заказами Морского министерства, которыми заняты почти все средства Обуховского завода, последний будет питаться недолго, не более двух лет, по прошествии которых, если Артиллерийское ведомство будет продолжать обходить Обуховский завод заказами, обширные его средства будут неминуемо приходить в упадок. Уже ныне бездействует на Обуховском заводе одна из его мастерских, выделяющая полевые орудия, – по неимению в деле ни одной пушки. Ожидавшийся заказ на новые скорострельные пушки, как выше сказано, представлен Путиловскому и Пермскому заводам. Первому – потому, что ему принадлежит самый проект пушки, а второму – потому, что его цена оказалась ниже цены Обуховского завода»¹⁹.

Между тем, интересное признание тот же представитель Госконтроля сделал в другой записке, от 12 февраля 1903 г. Отмечая, с одной стороны, что «такое отношение к Обуховскому заводу едва ли должно быть признано правильным. Обуховский завод – казенный, обязанный по... положению снабжать предметами артиллерию, как Морское, так и Военное ведомства», этот же представитель продолжал: «...Считаю долгом присовокупить, что водворяя на Путиловском заводе оружейное производство с значительною затратою для сего казны в виде назначения высоких цен на даваемые ему заказы, Артиллерийское ведомство имело ввиду создать у нас частный артиллерийский завод подобно существующим в Западной Европе, от которого по его мнению (Доклад Главного Артиллерийского Управления Военному Совету от 25 марта 1893 года за № 8395) только и возможно ожидать почина в деле усовершенствования артиллерии»²⁰.

Начальник ОСЗ генерал-майор Власьев писал управляющему Морским министерством П. Тыртову 15 марта 1902 г. «Одного только слуха о недовольстве принятой системы [полевой 3-дм скорострельной пушки. – *Прим. авт.*] было достаточно, чтобы частные заводы, несмотря на значительные рискованные расходы, сейчас же снова принялись составлять новые проекты и выполнять их в действительности, неся огромные расходы по выделке самих изделий, но и платя огромные гонорары тем редким, в особенности у нас в России, личностям, которые по своим

знаниям и талантливости могли взяться за разрешение такой трудной задачи. Так, я знаю, что Путиловский завод, помимо того, что заплатил значительные суммы единовременно за составление чертежей представленной им системы, он обязывается такому лицу, проект которого даст возможность получить валовый заказ на орудия и лафеты, – кроме того уплачивать по 5% со стоимости всех данных нарядов. Очевидно, при таких условиях он имеет полную возможность пользоваться предложениями самых лучших и талантливых инженеров»²¹.

Заключение

Развитие военной индустрии России требует внимания к ценовой политике ведомств. Цена заказа диктуется во многих случаях и так называемым «казенным интересом», т. е. экономией средств и занижением цен. Такая систематически проводимая политика, конечно, не стимулировала развитие оборонной промышленности, а больше осложняла и тормозила ее успехи и перспективы. Это касалось не только частной промышленности, но и самой же казенной. Постоянная убыточность и нехватка средств не могут быть признаны ни нормальными, ни эффективными действиями.

Распределение оборонных заказов – вторая сторона этой своеобразной политики распыления инвестиций и кредитования ведущих и второстепенных производителей. Борьба не с одним монополизмом, а с укрупнением и развитием наиболее сильных производителей отличала политику ГАУ в отношении частных производителей. Такая политика не может быть расценена как верная и положительно мотивированная стратегия в деле строительства военной промышленности государства, тем более такого как Россия с ее внешнеполитическими задачами и военными угрозами.

Крайне нелепое и невыгодное состояние самого «казенного хозяйства», как характеризовались государственные предприятия в оборонных отраслях, усугублялось:

- а) ведомственной разноподчиненностью их;
- б) трудной и проблематичной согласованностью взаимодействия казенных заводов;
- в) крайней медлительностью и бюрократизированностью принимаемых решений;
- г) постоянной нехваткой средств и отсталой организацией ведения работ, что неоднократно признавали ГАУ и военные министры.

Некоторые выводы. Изучение многих обстоятельств и сторон развития военной индустрии России, а артиллерийской в особенности, дают возможность для некоторых заключений.

1) Казенные и частные заводы в России в связи с переходом к скорострельной артиллерии с середины 1890-х гг. вступили в острую конкуренцию за право массового производства.

2) Развитие специальной металлургии, массовое производство боеприпасов, бронебойное производство, усложнение технологических решений и механических конструкций, механической обработки изделий, повышение физических и баллистических требований к новой артиллерии – все это в совокупности вело к большому удорожанию новой артиллерийской техники. Соответственно, происходил отбор тех производителей, которые могли бы успевать за такими переменами в промышленности.

3) Казенные заводы постоянно запаздывали с модернизацией в связи с необходимостью расширения и модернизации собственных мощностей.

4) На этом фоне частные производители в лице наиболее крупных и специализированных заводов (Путиловский, Александровский сталелитейный, СПб. Металлический, Брянский и многие «начинающие» производители в металлургии и металлообработке заводы Юга и Поволжья) заявляли о желании получать оборонные заказы и готовности приспосабливать свои мощности и средства для выполнения таких заказов.

5) Контрактные цены и объемы получаемых военных заказов становились заметной величиной непосредственного финансирования конкурирующих производителей. Борьба за оборонный заказ между частными предприятиями не ослаблялась фактом укрупнения некоторых из них.

6) Рост военных расходов вызывал в правительстве тенденцию, с одной стороны, ужесточения экономии «в интересах казны» и сдерживания в вопросе о расширении и строительстве новых казенных заводов. С другой, эта же экономия негативно отражалась на стимуляции развития частных производителей в оборонных отраслях, что тормозило общий рост военной промышленности империи.

7) Военное министерство, и в частности ГАУ, под давлением контролирующих ведомств, Министерства финансов и Государственного контроля, а также из соображений собственной ведомственной экономии продолжали политику удешевления

оборонных казенных заказов и поддерживали искусственную конкуренцию в стремлении не допустить монополизма в числе частных производителей в получении оборонных заказов.

8) Казенная монополия в ряде отраслей оборонных производств неизменно сохранялась за казенными заводами, несмотря на множество нареканий на неэффективность и маломощность заводов ГАУ и необходимость давно назревшей модернизации и расширения их для соответствия потребностям обороны государства, особенно на случай войны.

Нет случайности в том, что рост частной военной промышленности в России вполне объясним примером великих держав в Европе. В этом развитии Россия повторяла необходимый путь и не отличалась оригинальностью военно-промышленной монополии казенного характера. Нет случайности и в том, что такая казенная монополия при всех ее недостатках и слабости выдвинула потребность в появлении частного пушечного завода, каким стал Путиловский, а до него каким первоначально был учрежден Обуховский завод. И вовсе не выглядит случайным тот факт, что ОПЗ заняло положение ведущего производителя полевой артиллерии, в особенности тяжелой, между казенными пушечными заводами. Кроме величины и разнообразия артиллерийского производства Путиловский завод стал главным для ГАУ разработчиком артиллерийских систем, хотя бы и под руководством специалистов ГАУ, что было вполне естественно.

Нельзя не учитывать и недооценивать развитие частной промышленности в России на основе иностранных инвестиций, межзаводских соглашений (покупки технологий на договорной патентной базе) и фактически складывания нового типа отношений в промышленности между западноевропейскими промышленными фирмами и российскими в сфере именно военного производства. Примеры Путиловского завода и АСЗ, Франко-Русского, СПб. Металлического и металлургических заводов Юга России тому самые яркие подтверждения. Три важнейшие отрасли для обороны имели здесь решающее значение: сталелитейное и металлургическое производство, механическое (металлообработка) и машиностроительное. Для казны и казенных заводов такие отношения в силу совершенно разной природы частной и государственной сферы интересов были несовместимы. Наоборот, в частной среде такие отношения формировались уже на долгосрочной основе. В этом смысле заинтересованность

Военного министерства в каком-либо поощрении частных производителей не могла быть пассивной. По этой причине интерес ГАУ к Путиловскому заводу с его растущими возможностями и потенциалом, конечно, мог перевешивать аргументы в пользу Обуховского или тем более Пермского казенных заводов. Ведь ОПЗ как раз оправдывало такие перспективы и ожидания военных. России нужен был ее Крупш.

Частная промышленность не только питалась оборонными заказами от казны, как это постоянно подчеркивали в Министерстве финансов и Государственном контроле. Эта же промышленность несла и собственные расходы и риски, финансовые и производственные, когда бралась за выполнение сложных и дорогостоящих технологических задач. Тем самым она несла и ответственность и немалую долю материальных затрат в интересах государственной обороны. Если чиновники и не желали оценивать такие факты, исходя из предвзятой идеологии казенных жертв из-за барышей частных лиц и только, то приходится отмечать и тенденциозность и спекулятивность таких обвинений. Ведь в большинстве случаев промышленники, уступая давлению ГАУ, шли на понижение заявленных цен, понимая, что упорство может закончиться потерей заказа, а значит, и произведенными заранее затратами. Примеров такого рода предостаточно.

Крайне ограниченно понимаемые «интересы казны» приводили к догме, будто экономия в затратах на военную промышленность не принесет ущерба государственной обороне, хотя отлично при этом сознавалась потеря и времени, и реального достижения должного уровня вооружений. Отказывая премирывать, а не тормозить развитие частной военной индустрии в тех случаях, когда промышленники просили о снятии обременительных платежей в виде залогов, понижая до крайности цены, распределяя заказы без внимания к положению важнейших производителей и с учетом их мотивировок относительно последствий такой политики, так называемая казна наносила именно государству и обороне тяжелейший ущерб. Ущерб, несравнимый с теми самыми «барышами» частных лиц и интересов, о которых так любили повторять чиновники финансового ведомства и даже ответственные чины ГАУ, годами преследуя «сбережение» и «экономия», не давая необходимых средств на расширение производств и строительство давно назревших новых

заводов, специально необходимых самому же Артиллерийскому Управлению. Убеждение, что казенный заказ и есть форма премирования производителей, что авансами этих заказов можно покрыть и расходы и убытки от прежде данных заказов, что частные предприятия могут «изыскать» средства, не считаясь с конкретными и действительными проблемами при выполнении именно оборонных заказов, ими полученных, являлось едва ли не аксиомой такой политики. При всем этом ведомствам было хорошо известно, что и казенные военные предприятия слишком часто повторяли собственную убыточность и нуждались в кредитах, получая их с большим опозданием и, опять же, урезанные. Множество раз заявляя об этом и констатируя такое положение дел, соглашаясь это признать, чиновники в междоведомственных совещаниях не влияли на изменение самой практики этих сложившихся отношений, оставляя проблемы без решения. И проблемы накапливались и усугублялись.

Если казенные военные заводы были далеко не достаточны, что постоянно признавалось их начальниками, то компенсировать этот недостаток, казалось бы, можно было поощрением именно частной промышленности, способной к быстрому росту и расширению, что не вызывало сомнений в правительственных сферах. Однако именно с частной промышленностью не прекращалась борьба правительства, обвинявшего промышленников в стремлении нажиться на казенных заказах, в стремлении к монополизму и биржевым спекуляциям и в зависимости от иностранных производителей и банковских комбинаций. Тем самым создавалась не только атмосфера недоверия и подозрительности, но и поддерживались давно известные стереотипы бездоказательных утверждений. Понятно, что и казенные заводы видели в частных себе конкурентов.

Парадокс государственной политики в строительстве оборонной промышленности состоял в том, что казенные военные заводы не считались ни удовлетворительными, ни достаточными. С другой стороны, частная промышленность, делавшая значительные успехи в деле оборонных отраслей и подтвердившая большую гибкость и широкие способности в сравнении с казенными «заведениями», оставалась на положении «услуг» казне и вне признания за ними особых прав на государственный оборонный заказ для поддержания их деятельности и развития. В соответствии с таким неизменным положением в России

формировалась политика распределения оборонного заказа и специализации казенных и частных производителей. Первая мировая война вполне показала все слабости и ошибочность такого положения дел.

---

¹ РГИА. Ф. 266. Оп. 1. Д. 125. Л. 1–2, 421–422.

² АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 39/2. Д. 360. Л. 475–475об.

³ Там же. Ф. 6. Оп. 4/2. Д. 661. Л. 26–28об.

⁴ Биржевые ведомости. 1895. № 333. 4 декабря. С. 4. Биржевой отдел.

⁵ РГИА. Ф. 479. Оп. 19. Д. 3264. Л. 100об.

⁶ Там же. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 975. Л. 60–61.

⁷ Горный журнал. 1900. № 5. Объявления. С. 313.

⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 4/2. Д. 661. Л. 31–32об.

⁹ Там же. Л. 22–25.

¹⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 50. Д. 21. Л. 9–9об.; Ф. 6. Оп. 4/2. Д. 630. Л. 49–50об., 61; Ф. 6. Оп. 4/2. Д. 665. Л. 43–46об.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 427. Оп. 10. Д. 52. Л. 90–93.

¹² Там же. Д. 53. Л. 15–16, 27–39, 231–241.

¹³ АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 4/2. Д. 629. Л. 24об.–25.

¹⁴ Там же. Д. 718. Л. 49.

¹⁵ Там же. Д. 670. Л. 391–392об.

¹⁶ РГИА. Ф. 935. Оп. 1. Д. 212. Л. 389.

¹⁷ Отчет правления Общества Брянского завода с 1 января 1898 по 1 января 1899 г. СПб. 1899. С. 3; Горный журнал. 1899. № 3. Объявления. С. 540.

¹⁸ Приднепровский край. 1899. № 367. 12 января. С. 2.; 1898. № 300. 2 ноября. С. 1.

¹⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 4/2. Д. 718. Л. 65об.–66об.

²⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 848. Л. 14–15.

²¹ Там же. Л. 8–8об.

В. В. Оточкин, В. Л. Пашута (Санкт-Петербург)

**ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Н. С. УГРЮМОВ
И Д. А. БАЛАХАНОВ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ
«НА СТРАЖЕ РОДИНЫ» И «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
(1939–1940 гг.)**

История нашего государства хранит в воспоминаниях и документальных источниках память о Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. как одном из сложнейших испытаний Красной армии в преддверии Великой Отечественной войны. Сегодня по-разному можно оценивать готовность Советского Союза к этому столкновению, уровень боевой и психологической подготовки войск Ленинградского военного округа к действиям в сложных условиях поздней осени и зимы на Северо-Западном театре военных действий. Военная периодическая печать, действовавшая в реалиях того времени как средство информации и пропаганды для войск и для населения страны, сыграла огромную роль в показе подвигов бойцов, командиров и политработников на различных участках фронта, в обмене боевым опытом, в показе отличившихся в боевом соревновании, поднимая их на выполнение приказов Верховного Главнокомандования. Для сегодняшних поколений это важный исторический источник персонализации подвигов воинов Красной армии.

Мы обратились к страницам военных газет «Красная Звезда» – органа Народного Комиссариата Оборона СССР и «На страже Родины» – издания Военного Совета Ленинградского военного округа. Герои Советского Союза командир батальона Николай Степанович Угрюмов и комиссар полка Дмитрий Александрович Балаханов, воспитанники Военного института физической культуры, обретают зримость

в поступках, требовавших смелости, инициативы, организаторских способностей, готовности к подвигам, за которые они удостоены высшей награды Отечества.

Большой массив военной периодической печати этого периода был введен в научный оборот и стал общим достоянием для всех интересующихся военной историей благодаря оцифровке сотрудниками Президентской библиотеки (Санкт-Петербург) и Государственной публичной исторической библиотеки (Москва). Обращение к этим документам дает возможность персонализировать события периода Советско-финляндской войны более чем 85-летней давности.

Страницы биографий и военной службы Героев Советского Союза Д. А. Балаханова (1904–1939) и Н. С. Угрюмова (1902–1982) раскрыты в материалах о боевой истории полков и дивизий, в которых они воевали и которыми командовали, в трудах по истории Военного института физической культуры¹.

Николай Степанович Угрюмов свою военную службу в Красной армии начал в 1920 г. и уже в 1926 г. окончил Пехотную школу в Ленинграде (позднее Высшее общевойсковое командное училище имени С. М. Кирова), а затем служил на должностях командира взвода, командира роты в Московском военном округе. С преобразованием Краснознаменных курсов физического образования РККА и РККФ имени В. И. Ленина командиров – специалистов физической подготовки и спорта в созданный Краснознаменный военный факультет в структуре Государственного Центрального ордена Ленина института физической культуры (г. Москва), в 1932 г. Угрюмов получил назначение на должность начальника службы боепитания (аналог сегодняшнего наименования службы вооружения). В 1939 г. переведен в войска и в составе частей 70-й стрелковой дивизии принимал участие в действиях Красной армии в западных областях Белоруссии и Украины.

Знакомство с материалами газеты «На страже Родины» Ленинградского военного округа помогает воссоздать страницы боевой биографии Н. С. Угрюмова начального периода Советско-финляндской войны. С началом войны 30 ноября 1939 г. 70-я стрелковая дивизия, где капитан Н. С. Угрюмов командовал стрелковым батальоном 252-го стрелкового полка, наступала на Выборгском направлении. Овладев населенным пунктом Куоккала (сегодня п. Репино), затем защищенным

инженерным сооружением – фортом Ино, батальон капитана Угрюмова атаковал финские войска в направлении железнодорожной станции и поселка Териоки (сегодня г. Зеленогорск), проявляя боевую выучку, слаженность и тактическое мастерство. Бойцы батальона 252-го стрелкового полка капитана Угрюмова переправились на противоположный берег реки Сестры и овладели опорными пунктами финских войск. Отразив попытки финнов выбить красноармейцев из захваченных позиций, батальон Угрюмова вошел в населенный пункт Териоки, водрузив флаги на городских зданиях.

Уже 2 декабря 1939 г. напечатана передовая статья «Отвага и бесстрашие батальона капитана Угрюмова пример для всех», которая содержала следующий текст: «Роты стремительным броском, неотразимым штурмом заняли бугры и поляны над рекой – на той уже, на вражеской стороне. Решение Угрюмова: идти и занять Териоки!». Заметка В. П. Ставского «Два дня героических боев» рассказывает об умелых и инициативных бойцах и командирах рот и взводов «угрюмовского» батальона². В заметке помещена фотография мужественного командира с подписью «Капитан Угрюмов – командир отважного батальона, первым вступившего в Териоки»³.

В следующих номерах окружной газеты информация дополняется развернутыми оперативными материалами: 6 декабря «Териоки» и 9 декабря «Териоки – Ино», подписанными Н. Е. Вирта. Материалы содержат более широкую информацию о боевых действиях красноармейцев и младших командиров подразделения Н. С. Угрюмова в первые недели боевых действий войск Красной армии в начальный период Советско-финляндской войны.

Газета «На страже Родины» 11 декабря 1939 г. вышла под общим заголовком «Принимайте боевой вызов отважных бойцов батальона Угрюмова!», где было помещено «Обращение бойцов, командиров и политработников батальона, которым командует капитан Угрюмов, ко всем подразделениям и частям Красной Армии, действующим против белофиннов».

Основные направления боевого соревнования, изложенные в Обращении, рассматривались как своеобразная программа действий:

– быстро и с наименьшими потерями достигать указанных командованием рубежей;

- всегда и во всех условиях быть готовыми для полного разгрома любых вылазок коварного врага;

- по-большевистски беречь боевое имущество, экономно расходовать боеприпасы, ни одного выстрела не производить мимо цели, не оставлять ни одной необнаруженной мины;

- постоянно совершенствоваться во всех приемах ближнего боя, мастерски владеть штыком и гранатой, ходить на лыжах лучше наших врагов, умело взаимодействуя с танками и артиллерией, быстро и без потерь блокировать амбразуры огневых точек;

- удесятить свою бдительность днем и особенно ночью, всегда иметь постоянно действующую разведку; нести службу на постовых дозорах, полевых караулах, охранять штабы и тылы; соблюдать дисциплину марша, иметь организованную охрану своих позиций и заранее подготовленные данные для ночной стрельбы.

Обращение, которое подписали 19 бойцов и командиров батальона Н. С. Угрюмова, завершается словами: «Вступая в соревнование на быстрейший разгром белофинских банд, мы клянемся мужественно и умело, с достоинством и честью защищать свою Родину, не щадя сил и самой жизни, помогать финскому народу в его борьбе против угнетателей»⁴.

И уже на следующий день 12 декабря 1939 г. в газете обобщаются сведения с общих собраний красноармейцев и командиров частей и подразделений видов и родов войск Ленинградского военного округа, участвовавших в боевых действиях, рассмотревших Обращение подчиненных командира батальона Н. С. Угрюмова и откликнувшихся на этот почин.

А 13 декабря 1939 г. окружная газета «На страже Родины» помещает материал фотокорреспондентов Л. Бернштейна и Н. Хандогина «Батальон бесстрашных воинов»⁵. В нижней части полосы номера – очерк «Капитан Угрюмов и угрюмовцы» старшего политрука Л. Высокоостровского и Ц. С. Солодаря⁶ (ил. 1).

Ярким контрастом с сухими строчками информационных заметок и агитационными очерками стала публикация 19 декабря 1939 г. стихотворения военного корреспондента Цезаря Солодаря «Комбат Угрюмов».

Фонд Л. БЕРНШТЕЙНА и Н. ХАНДОГИНА

[illegible]

и в настоящее время продолжает существовать. Вспомогательная литература по истории культуры в нашей стране не так велика, как хотелось бы. В то же время в последние годы появилось немало интересных исследований по истории культуры, в том числе и по истории культуры древности. В частности, в последние годы появилось немало интересных исследований по истории культуры древности. В частности, в последние годы появилось немало интересных исследований по истории культуры древности.

Специальный выпуск
А. В. ПОПОВ
С. С. ПОПОВ

Л. Бернштейна
1 статей
рюмов и угрюмовцы»

*Над рекой Сестрой ракеты заблестали
И воскликнул наш любимый командир:
С нами вся Отчизна и любимый Сталин!
И пошел на правом фланге впереди.
Мы не ослабляли натиска стального,
Учащенно бились храбрые сердца.
И под гром снарядов задушевым словом
Ободрял комбат уставшего бойца.
Где идет Угрюмов – белофиннам круто,
Сталинским бойцам – путь не преградить.
С беспрепятственным боем шли мы двое суток,
Чтобы в Териоки первыми вступить.
На ночном привале тихо шепчут ели,
Караул не дремлет. Остальные спят.
Караульный помнит, как своей шинелью
Бережно связного укрывал комбат.
Но недолог отдых. Снова путь лесистый,
Снова выступаем в боевой поход.
По обломкам дотов вновь на грозный приступ,
Капитан Угрюмов батальон ведет!*

Следующий материал о капитане Н. С. Угрюмове и его сослуживцах был опубликован в газете «На страже Родины» 28 декабря 1939 г. под общим лозунгом «Угрюмовцы с честью выполняют свои обязательства». В заметке «Батальон ведет бой» содержался текст с информацией о боевых действиях, которые вели бойцы батальона Н. Угрюмова, возглавившего боевое соревнование в частях и соединениях Ленинградского военного округа, развернутого в Северо-Западный фронт.

16 января 1940 г. в газете «На страже Родины» № 16 (5379) был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза красноармейцам и начальствующему составу Красной Армии» с текстом «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом отвагу и героизм» с перечислением 27 фамилий⁷. Этим указом от 15 января 1940 г. капитану Угрюмову Николаю Степановичу

было присвоено звание Героя Советского Союза – первому в Советско-финляндской войне⁸. В газете «На страже Родины» в письме «К новым победам!» Н. С. Угрюмов писал о высокой оценке действий его подчиненных на фронте: «Это обязывает всех бойцов, командиров и политработников, не щадя своей крови и самой жизни, бить белофиннов до полного их разгрома и уничтожения... В победных боях за нашу Родину мы проявим еще больше доблести, мужества и отваги!»⁹.

18 января 1940 г. Герой Советского Союза Н. С. Угрюмов был назначен на должность командира 68-го стрелкового полка своей 70-й стрелковой дивизии. С 29 февраля по 7 марта 1940 г. полк участвовал в боях за Торнгунд (сегодня г. Высоцк), военно-морскую базу на о. Урансаари, атаковал и захватил остров Равансаари (сегодня о. Малый Высоцкий). 10 марта 1940 г. полк в составе 70-й стрелковой дивизии совершил шестисуточный переход в тыл группировки финских войск и ночью по льду форсировал Выборгский залив. Были захвачены плацдарм и прибрежные укрепления на северном берегу в районе населенных пунктов Нисалаhti (Чулково) и Хейнлахти (Кубенское), перерезана дорога из Хельсинки на Выборг. Это обеспечило успех операции по взятию Выборга и приблизило победное для СССР завершение войны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1940 г. 70-я стрелковая дивизия была награждена орденом Ленина.

С началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Герой Советского Союза полковник Н. С. Угрюмов командовал 2-й Ленинградской стрелковой дивизией народного ополчения Московского района г. Ленинграда, которая вела ожесточенные боевые действия на участках обороны под Лугой и Кингисеппом в битве за Ленинград.

В феврале–марте 1942 г. Угрюмов командовал 1-й горнострелковой бригадой 8-й армии Ленинградского фронта в боях при попытке прорыва блокады Ленинграда в районе Синявинских высот. С 17 января 1943 г. – командовал 102-й отдельной стрелковой бригадой 67-й армии, которая вела тяжелые наступательные бои в ходе операции «Искра», участвуя в прорыве блокады Ленинграда.

С августа 1943 г. Н. С. Угрюмов командовал 33-й гвардейской дивизией Южного (позднее 4-го Украинского) фронта, освобождавшей Запорожскую и Херсонскую области

входе Мелитопольской наступательной операции. В апреле 1944 г. дивизия проявила себя в Крымской наступательной операции и в освобождении Симферополя, получив награду – орден Суворова 2-й степени.

С сентября 1944 г. Н. С. Угрюмов командовал 8-й стрелковой дивизией 2-го Украинского фронта, за участие в Западно-и Восточно-Карпатских, Моравско-Оставской, Пражской наступательных операциях награжденной орденами Красного Знамени и Суворова 2-й степени.

8-я стрелковая дивизия Н. С. Угрюмова уже после 9 мая 1945 г. три дня вела бои по уничтожению прорывавшейся на запад группировки фашистских войск. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 11 мая 1945 г. Н. С. Угрюмову было присвоено звание генерал-майор.

После окончания войны генерал-майор Н. С. Угрюмов продолжал службу в Советской армии. С 1945 по 1956 г. командовал соединениями в Прикарпатском и Ленинградском военных округах. С 1957 г. возглавил военную кафедру Горьковского сельскохозяйственного института. После увольнения в запас в 1961 г. генерал-майор Угрюмов Н. С. жил в г. Красногорске Московской области, где активно участвовал в общественной работе и патриотическом воспитании молодежи. Герой Советского Союза генерал-майор Николай Степанович Угрюмов скончался 2 февраля 1982 г. На доме в г. Красногорске, где он жил, установлена мемориальная доска.

В военном гарнизоне в пос. Каменка Выборгского района Ленинградской области дислоцируется соединение, наследующее традиции 70-й стрелковой – 45-й гвардейской мотострелковой дивизии, создан Мемориал Героев, на одной из гранитных плит которого – скульптурный портрет Героя Советского Союза Н. С. Угрюмова.

Информацию о боевой службе и подвиге Героя Советского Союза Д. А. Балаханова (1904–1939), чья фамилия неразрывно связана с историей Военного института физической культуры, мы находим в материалах газеты «Красная Звезда» периода Советско-финляндской войны.

Дмитрий Александрович Балаханов родился в 7 ноября 1904 г. в г. Екатеринославе (позднее – Днепропетровск), окончил училище и техникум железнодорожного транспорта. В 1924 г. Дмитрий Балаханов был призван на военную службу во флот. В конце 20-х

годов – инструктор по физической подготовке учебного отряда Черноморского флота Военно-морских сил РККА.

В ноябре 1930 г. Д. А. Балаханов был зачислен на Краснознаменные курсы физического образования Рабоче-Крестьянской Красной армии и флота первого набора. Разносторонне развитый спортсмен, Д. А. Балаханов стал отличником учебы, уверенно осваивал программу курсов подготовки специалистов физической подготовки. После окончания курсов Д. А. Балаханов, как один из лучших слушателей, был оставлен на курсах преподавателем гимнастики.

В августе 1932 г. Д. А. Балаханов был назначен руководителем цикла военных дисциплин Краснознаменного военного факультета Государственного центрального института физической культуры (Москва), который готовил специалистов по физической подготовке и спорту для воинских частей, вузов РККА, домов Красной армии.

В 1933 г. в связи с созданием Военного факультета в Государственном институте физической культуры и спорта им. П. Ф. Лесгафта (Ленинград), который возглавил полковник А. А. Тарасов, будущий начальник Военного института физической культуры, Д. А. Балаханов был назначен военным комиссаром факультета.

При формировании в Белорусском особом военном округе 139-й стрелковой дивизии майор Дмитрий Александрович Балаханов был назначен военным комиссаром 609-го полка с присвоением звания батальонный комиссар. По завершении действий на территории Западной Белоруссии дивизия была размещена в Витебске с организацией боевой, политической и физической подготовки. В октябре 1939 г. 609-й стрелковый полк в составе дивизии был передислоцирован в Ленинградский военный округ.

Участие Дмитрия Александровича Балаханова в Советско-финляндской войне мы рассматриваем по описанию боевых действий 139-й стрелковой дивизии в военно-историческом исследовании Б. К. Иринчеева «Штурм линии Маннергейма. Оболганная победа Сталина»¹⁰.

В Советско-финляндской войне 609-й стрелковый полк с 30 ноября 1939 г. в составе 139-й стрелковой дивизии 8-й армии наступал на северо-западном стратегическом направлении на Петрозаводск. В начальный период войны действия 139-й

стрелковой дивизии были удачными. За девять дней боев, применяя тактику охватов и обходов, преодолевая сопротивление финских частей, дивизия продвинулась на 75–80 км вглубь финской территории. Уже 2 декабря дивизия захватила поселение Суоярви (сегодня центр Суоярвского района Республики Карелия), 5 декабря штурмом овладела Яглярви, преодолев заграждения из колючей проволоки, надолбы и окопы, 8 декабря стремительной атакой в районе Толварви были разбиты финские части войсковой группы полковника П. Талвела.

Утром 11 декабря стрелковые полки 139-й стрелковой дивизии перешли в наступление на Толварви, но оно было отбито финнами, получившими подкрепление. К вечеру на холмах между озерами полки перешли к обороне.

609-й стрелковый полк находился в центре, усиленный разведывательным батальоном и ротой танков с огнеметами. На левом фланге находился 364-й полк, подразделения которого не вышли на указанные позиции. Справа на фланге находился 718-й полк, не оправившийся от отражения контратак предыдущего боя.

Штаб 609-го стрелкового полка находился на холме в гостинице Толварви, первый этаж которой был построен из бетона и облицован гранитом. Здесь приняли последний бой бойцы и командиры подразделений полка во главе с комиссаром Д. А. Балахановым.

Строки из донесения о состоянии частей: дивизия в тяжелом положении. Фуража нет третьи сутки. Горючее не подвезено. Полки непрерывно в бою 10 суток, истрепаны. Дивизия ведет бой за дер. Толварви. С 7 декабря дважды отходили с занятых позиций. Потери 800–900 человек. У 609-го полка комсостав выведен из строя на 80%».

Командование корпуса отвечало на просьбы командира дивизии дать полкам сутки для организации снабжения, работы артиллерии, отдыха и обогрева бойцов требованиями возобновить наступление.

Несмотря на проведенную утром 12 декабря артподготовку, из-за отсутствия поддержки авиации наступление с 10.00 было перенесено на несколько часов. По стечению обстоятельств финская войсковая группа с подходом основных сил начала свое контрнаступление в это же время.

План финского наступления предусматривал одновременный удар по всем трем полкам 139-й сд. Боевые действия при

Толваярви 12 декабря 1939 г. – это встречный бой вдоль единственной дороги как для 139-й дивизии, так и для финских войск, решавших свои боевые задачи наступлением.

Первыми стали отходить батальоны 364-го, затем 718-го полков, которые потеряли управление. Дольше всех продержался 609-й сп в центре обороны, попавший в окружение. Подразделения 609-го полка оборонялись на гряде высотой более двадцати метров с уклоном в сторону противника, опускавшейся в озеро, покрытое льдом и снегом. Финны наступали по льду озера по обе стороны дамбы. Пулеметчики 609-го полка открыли по наступающему противнику огонь почти в упор, однако из-за стремительности броска под прикрытием складок холмистой местности серьезного урона финнам нанести не смогли. Финны сумели проскочить озеро и ворваться на позиции полка, уничтожая гранатами передовые огневые точки. Красноармейцы отступали, оказывая сопротивление. Бои шли за каждый метр, но отступление к гостинице продолжалось. За гостиницу и развернулся бой, который длился до вечера. Предложение сжечь гостиницу вместе с оборонявшимися было командованием финнов отвергнуто и начался штурм, переходивший в рукопашные схватки.

Несколько раз финны шли в атаку, карабкаясь по склону сопки, но в рукопашной схватке бойцы и командиры 609-го полка эти атаки отбивали. Но финны сумели занять гряду к северу от гостиницы и начали атаки с двух сторон. Штаб 609-го полка во главе с комиссаром Д. А. Балахановым, оставшийся в гостинице, оборонялся стойко.

Драматизм боя виден из записей адъютанта батальона 16-го пехотного полка, которые цитирует Б. К. Иринчеев: «В районе гостиницы противник дрался отчаянно, ногтями и зубами. Финны тоже дрались как могли. В ход шли автоматы, винтовки, ручные гранаты, но русаки все держались и держались. Теперь мы штурмовали гостиницу с двух сторон. Русские изо всех сил отбивались из гостиницы, стреляли из дверей, окон и отовсюду, откуда было можно. Исключительно яростный бой продолжался вокруг гостиницы уже час; мы снова и снова сходились с русскими в схватке, но они снова и снова отбивали нас и удерживали свои позиции. Противник отчаянно отбивался огнем и ручными гранатами, но в конечном итоге наши ручные гранаты завершили дело»¹¹.

Здание гостиницы финны взяли в рукопашном бою только с четвертой попытки. Были найдены 30–40 раненых; все

остальные были убиты. Среди погибших был комиссар 609-го стрелкового полка Д. А. Балаханов.

Штаб 609-го полка перестал существовать вечером 12 декабря. И не потому, как писал С. Н. Бирюк, что «понеся значительные потери, финны выбили советские части из здания турбазы (гостиницы. – *Прим. авт.*) в Толваярви»¹², а те бойцы и командиры 609-го полка, оборонявшие гостиницу, погибли или, будучи тяжело ранеными, не могли оказывать сопротивление. Штабы 364-го и 718-го полков также понесли тяжелые потери. В частях около 1000 человек считались погибшими, ранеными и пропавшими без вести; от 30% в 718-м полку, а в 609-м – до 60%.

Финнам мог достаться весь архив полка в качестве трофея, но, как отмечал Б. К. Иринчеев, документы полка в финском национальном архиве обнаружить не удалось¹³. Хотя документы могли быть и уничтожены.

В мае–июне 1940 г., как сообщал Военный комиссар Республики Карелия А. А. Артемьев, были найдены и перезахоронены в районе Толваярви тела 240 бойцов и командиров 609-го стрелкового полка.

Д. А. Балаханову были посвящены материалы в газете «Красная Звезда»: статьи «Слава Героям!», «Семь богатырей» Л. Казакова, «Герой Советского Союза комиссар Балаханов» Я. Ватолина, «Сталинские комиссары» Ф. Бокова.

Вот строки из передовой статьи «Красной Звезды» от 27 января 1940 г. «Слава Героям!»: «Личный пример политрука и комиссара в бою воодушевляет на подвиги сотни и тысячи красноармейцев. Стальная выдержка и молниеносный порыв, с каким действовал в атаках и батальонный комиссар Дмитрий Балаханов, цементировали ряды бойцов, зажигали в них отвагу и мужество. С боевым кличем комиссара «За Родину, за партию, за Сталина!» они кидались на врагов и грозными могучими ударами уничтожали их»¹⁴.

В статье «Семь богатырей» Л. Казаков писал: «С особою любовью произносят бойцы имя батальонного комиссара Дмитрия Балаханова. Верный сын Коммунистической партии комиссар Балаханов сплотил партийную организацию части, сделал ее монолитной, сумел направить все ее силы на выполнение боевых задач. Высокое политико-моральное состояние части в немалой степени явилось результатом его работы, его личного примера. В ответственные моменты боев он всегда являл

высокие примеры мужества и отваги. В боях Балаханов всегда впереди. Он лично вынес из боя 15 раненых товарищей». В другом бою Балаханов с горстью бойцов и командиров упорно сдерживал бешеный натиск врага: гранатами, винтовочным и пулеметным огнем небольшая группа красных воинов надолго задержала противника, геройски выполнила возложенную на них задачу». В статье газеты «Красная Звезда» за 2 февраля 1940 г. № 26 (4475) старшего политрука Я. Ватолина «Герой Советского Союза комиссар Балаханов» отражены эпизоды участия Д. А. Балаханова в боях и приведены примеры его военно-политической работы. «Заботиться о бойце это прежде всего значит научить его отлично владеть оружием – винтовкой, штыком, гранатой. Отецеская забота о людях, знание нужд и запросов бойцов и командиров полка – отличительная черта комиссара Балаханова». В статье названы должности и фамилии бойцов и командиров. Это и пулеметчик Новиков, командир батальона Фаустов, связист Соловьев, начальник штаба Морозов, секретарь партбюро Иващенко. Показаны инструктаж политруков и собрания о роли коммунистов и комсомольцев в бою, помощь раненому бойцу по доставке в госпиталь. В оставленном финнами доме – гостинице, где размещались штаб полка, командный пункт и перевязочная, под руководством Д. А. Балаханова были отражены несколько атак финнов.

23 февраля 1940 г. в «Красной Звезде» № 44 (4493) опубликована статья дивизионного комиссара Ф. Бокова «Сталинские комиссары». После подзаголовка «Ни одна мелочь не должна ускользать от внимания комиссаров» приводится разговор Героя Советского Союза комиссара Д. Балаханова с подчиненными, который в статье поставлен в ряд с комиссаром Дмитрием Фурмановым¹⁵. Военный комиссар Балаханов разделил с бойцами и командирами все тяготы и лишения с начала ведения боевых действий и погиб, возглавив героическую оборону штаба полка.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1940 г., опубликованным в газете «Красная звезда» № 21 (4470), «За образцовое выполнение боевых заданий командования в боях с финской белогвардейщиной и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» батальонному комиссару Балаханову Дмитрию Александровичу»¹⁶ (ил. 2).

ярви – в озеро Балахановское, на берегу которого находится рыболовно-охотничья база «Мыс Черемуховый» Ленинградского военного округа. На здании офицерами и курсантами Военного дважды Краснознаменного факультета физической культуры и спорта (ныне Военный институт физической культуры) установлена памятная доска «Герою Советского Союза Балаханову Дмитрию Александровичу. Погиб в боях за Родину 12 декабря 1939 года. От комсомольцев ВДКФФКиС».

В Военном институте физической культуры (начальник института – генерал-майор О. С. Боцман) под руководством заведующего кафедрой военно-политической работы в войсках (силах) профессора В. Л. Пашуты были организованы военно-исторические экспедиции по местам боевой деятельности Героя Советского Союза Николае Степановича Угрюмова и его однопольчан по маршруту: Белоостров – Сестрорецк – Репино – Зеленогорск – форт Ино – Высоцк – Выборг – Каменка и по поиску места подвига и захоронения Героя Советского Союза комиссара полка Дмитрия Александровича Балаханова в годы Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Они открыли ранее неизвестные страницы их биографий и стали основой для организации героико-патриотических мероприятий военно-политической работы и продолжения военно-исторических архивных исследований.

Память о Героях Советского Союза Николае Степановиче Угрюмове и Дмитрии Александровиче Балаханове сохранена в экспозиции музея, на стендах на кафедрах и в подразделениях, увековечена в бюстах на Патриотической аллее в Военном институте физической культуры (Санкт-Петербург).

---

¹ Военный дважды Краснознаменный институт физической культуры. Историко-документальная книга / В. Л. Пашута, А. О. Фролов, С. В. Лопатин [и др.]; под общ. ред. О. С. Боцмана; Военный институт физической культуры. СПб.: АС-Траст, 2023. С. 36–39.

² Ставский В. Два дня героических боев // На страже Родины № 277 (5334) от 2 декабря 1939 г. С. 1 – [Электронный ресурс]. – URL: <http://prlib.ru/item/348943> (дата обращения 28.12.2024).

³ На страже Родины № 278 (5334) от 3 декабря 1939. С. 1 – [Электронный ресурс]. – URL: <http://prlib.ru/item/348944> (дата обращения 28.12.2024).

⁴ Принимайте боевой вызов отважных бойцов батальона Угрюмова // На страже Родины № 285 (5343) от 11 декабря 1939 г. С. 1 – [Электронный ресурс]. – URL: <http://prlib.ru/item/348943>. (дата обращения 28.12.2024).

- ⁵ Бернштейн Л., Хандогин Н. Батальон бесстрашных воинов // На страже Родины 13 декабря 1939 г. – URL: <http://prlib.ru/item/348947> (дата обращения 28.12.2024).
- ⁶ Л. Высокоостровский Л., Солодарь Ц. Капитан Угрюмов и угрюмовцы // На страже Родины от 13 декабря 1939 г. – URL: <http://prlib.ru/item/348947> (дата обращения 28.12.2024).
- ⁷ На страже Родины. 1940, № 19 (5382) (19 января). URL: <https://www.prlib.ru/item/348980> (дата обращения 28.12.2024).
- ⁸ Смирнов А. А. Герои Советского Союза, получившие это звание в боях на Карельском перешейке 30 ноября 1939 – 13 марта 1940 гг. (Статистическое обобщение) // Мат. Межд. научн. конф. «VICTORIA. GLORIA. FAMA», посв. 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2003. С. 98–101.
- ⁹ Угрюмов Н. С. К новым победам! // На страже Родины. 1940, № 19 (5382) (19 января). URL: <https://www.prlib.ru/item/348983> (дата обращения 18.01.2025).
- ¹⁰ Иринчев Б. К. Штурм линии Маннергейма. Оболганная победа Сталина / Б. К. Иринчев. М.: Яуза-каталог, 2018. 480 с.
- ¹¹ Там же. С. 162.
- ¹² Бирюк С. Н. Пехота Сталина в «зимней войне»: обойти линию Маннергейма» / С. Н. Бирюк. М.: Яуза-пресс, 2022. С. 50.
- ¹³ Иринчев Б. К. Указ. соч. С. 159.
- ¹⁴ Слава Героям! // Красная Звезда № 21 (4470) от 27 января 1940 г. – [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/35554-21-27-yanv#mode/inspect/page/1/zoom/7> (дата обращения 18.12.2024).
- ¹⁵ Боков Ф. Сталинские комиссары // Красная Звезда. № 44 (4493) от 23 февраля 1940 г. – [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/35554-21-27-yanv#mode/inspect/page/1/zoom/7> (дата обращения 18.01.2024).
- ¹⁶ Красная Звезда. № 21 (4470) от 27 января 1940 г. – [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/35554-21-27-yanv#mode/inspect/page/1/zoom/7> (дата обращения 18.12.2024).
- ¹⁷ Архив военно-медицинских документов Министерства обороны Российской Федерации, г. Санкт-Петербург. Ф. Донесения 139 стрелковой дивизии. Д. 10. Л. 160б.–17.

А. Г. Панкратов (Санкт-Петербург)

«ШЕЛОМ ТАТАРСКИЙ?» БОЕВОЕ НАГОЛОВЬЕ ИЗ 1-го ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФОНДА ВИМАИВ_иВС

В 1-м отечественном оружейном фонде ВИМАИВ_иВС хранится шлем за инвентарным номером 138/117. Без преувеличения, можно заявить, что предмет является сохраненной реликвией отечественного средневекового защитного вооружения. Информация из карточки следующим образом освещает происхождение: «...Шлем первой половины XVI в. татарский. С надбровными вырезами, вертикальными каннелюрами на тулье и длинным шишаком...»¹

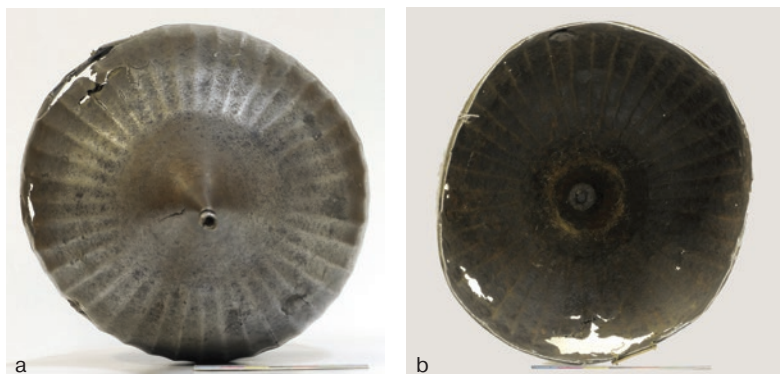
Предмет представляет собой боевое наголовье с высоким навершием, выкованное из стали². Достаточно прямые стенки тульи плавно закругляются, создавая область подвершия, которое сжимается в начало высокого шпиля. Основание шпиля представляет собой фигуру, близкую по форме к усеченному конусу, искусно откованную в сужающуюся трубку. Данная фигура продолжается за счет еще одной, конусовидной, вставленной в означенную трубку (ил. 1 а, b, c, d). Высота шлема – 31,5 см. Если рассматривать наголовье снизу – оно имеет форму неправильного овала, однако его геометрия относительно традиционного устройства шлемов необычная, вызванная, вероятно, непреднамеренной деформацией. Продольный размер – 20 см, поперечный размер – 22,5 см (!), скорее всего, изначально шлем был круглой формы (ил. 2 а, b).

Корпус шлема

Остановимся подробнее на конструкции корпуса шлема. В лицевой области он снабжен крупными вырезами для глаз аркообразной формы, они обеспечивают более глубокую

Ил. 1. Шлем; а – вид спереди; б – вид справа (относительно носящего шлем); с – вид слева; д – вид сзади. ВИМАИВиВС, инв. № 138/117

Ил. 2. Шлем; а – вид сверху; б – вид изнутри

посадку шлема на голове, чем шлемы с простой прямой тульей; внешние наружные уголки подрезаны для улучшения обзора. На подвершии шлема прочеканено 40 «ребер», образующих каннелюры – т. н. «ложки» в древнерусской доспешной терминологии³, они начинаются на высоте 6 см от края тульи. Длина каждого «ребра» составляет от 11,5 до 13 см. «Ребра», выполненные способом чеканки, выдвинуты над корпусом, две линии «ребер» на корпусе шлема образуют один каннелюр. Работы по чеканке выполнялись зубилом, следы постановки кромки зубила отчетливо видны изнутри на корпусе шлема. Пространство между «ребрами» внизу дополнительно отчеканено изнутри корпуса узким зубилом, снабженным довольно тупой толстой кромкой. Следы этого инструмента расположены полукругом, завершая каждый каннелюр; такими приемами сформировано пространство «ложки» (ил. 3). Таким образом, «ложка» от операции чеканки и слесарной доработки немного приподнята над корпусом шлема снаружи и имеет слегка вогнутое устройство. Размер стороны трапеции, образующей ложку наверху, у шпилья, обычно составляет около 8 мм, внизу этот размер составляет 13–14 мм. Толщина стенок шлема внизу у тульи примерно 1 мм. В области, покрытой «ложками», толщина металла превышает 1 мм. В настоящее время на изнанке шлема не удалось различить следы выколотки, так часто присутствующие на многих доспехах. По-видимому, работы с корпусом шлема производились по методике создания «гофры» и последующего «опускания» стенок – прием, входящий

Ил. 3. «Ложка», внутренняя сторона шлема

в методику, имеющую в англоязычной литературе название *raising*⁴.

По завершении обработки, покрытой ребрами, как уже было отмечено выше, корпус шлема сжат наружной ковкой, образуя полую часть шпилья наверху. В области, где завершаются ребра, диаметр основания начинающегося «шпилья» шлема достигает 11,5 см. На высоте 24,5 см от края тульи корпуса шлема полая часть шпилья завершается, в него вставлено длинное цельножелезное навершие вытяну-

той конической формы. Внизу на высоте 3,5 мм от края тульи шлема располагаются девять отверстий-скважин диаметром 1,2 мм, идущих через практически одинаковые промежутки. Судя по симметрии шага, должно наличествовать одиннадцать таких отверстий, пять из них не сохранились вследствие наличия утрат.

По низу тульи шлем обнят усиливающей железной полосой, прикрепленной от края на высоте 7 мм. Полоса 5,5–6 мм шириной и толщиной 1 мм (ширина полосы немного неравномерна), удерживается на корпусе при помощи 16 крохотных заклепок, установленных потайным способом. Возможно, полоса предохраняла от ударов, соскальзывающих с купола шлема, когда-то существовавшие втулки для подвеса кольчужной части шлема – бармицы, закрывавшей обычно шею и голову воина. На наличие когда-то существовавших втулок может указывать вытянутая странная форма шляпки заклепки, раскованной на корпусе шлема снаружи, расположенной первым номером от «левого» выреза для глаз. В настоящее время в скважины вставлены и расклепаны железные элементы, напоминающие маленькие гвозди,

изнутри на корпусе шлема виднеются плоско разбитые железные шляпки до 4 мм диаметром, несущие следы ударов молотком; таким образом, все предполагаемые отверстия существовавших когда-то втулок закрыты. Таких заклепок в настоящее время сохранилось 7 экз.; повторяюсь, что я считаю отверстия специально закрытыми в более позднее время.

Вырезы для глаз лежат в пределах прямоугольника 40 x 25 мм, по краю дополнительно защищены накладками-оковками, повторяющими форму глазных вырезов, они изготовлены из полосы, шириной схожей с полосой, обнимающей понизу тулью шлема. Техника исполнения прикрепления накладок глазных вырезов идентична данной полосе. Головки заклепок вбиты в заранее приготовленные отверстия; при визуальном осмотре местонахождение данных заклепок едва возможно разглядеть на поверхности полосы. Не обнаружить данные заклепочки и на внутренней поверхности шлема, так они аккуратно расклепаны и зашлифованы. В правой накладке глазного выреза для обзора виднеется неудачно проделанное отверстие – скважина под заклепку была проделана на самом краю оковки и разорвала ее; таким образом, повреждены край накладки и край глазного выреза шлема.

Более половины накладки левого глазного выреза утрачено, сохранилась лишь ее нижняя часть. Судя по обнажившимся отверстиям и сохранившимся потайным заклепочкам каждая накладка, защищавшая глазной вырез, удерживалась четырьмя такими крепежами.

Над накладками вырезов, обеспечивающих обзор, располагаются по два круглых отверстия диаметром 2–2,5 мм, они отстоят от накладки на 1 см; таким образом, первое отверстие над правым глазным вырезом располагается на высоте 31 мм от края шлема. Второе отверстие расположено на высоте 27 мм. Можно предположить, что при помощи них крепился металлический элемент с трубкой, предназначенный для присоединения плюмажа.

В затылочной области шлем сильно помят. Стенка тульи заведена внутрь, образуя практически плоскость, здесь также можно наблюдать трещину в крае тульи, поверх которой обод деформирован – он изогнут вниз некоторым углом, и виднеются царапины, похожие на следы силового воздействия тонких кромок заточенных лезвий, – следы скольжения и резания.

Повреждения являются следами ударов холодным оружием, полученных в древности воином, носившим шлем (ил. 1 d).

Крепление скобы для удержания наносника

Информация в одной из архивных карточек оповещает о потере существовавшей когда-то «...носовой стрелки...».

На высоте 4,5 см на носовой пластине можно видеть пару утрат правильной вытянутой формы, расстояние между ними 12 мм. Правая утрата имеет сложную форму в виде расположенных рядом двух сквозных отверстий околоромбовидной формы шириной 1,5 мм и высотой 5,5 и 3 мм соответственно. Вторая утрата наклонена к центральной оси шлема и, похоже, представляет собой скорее овальное отверстие неправильной формы между двумя отверстиями различного диаметра – 2 и 3 мм соответственно, ее длинна 5 мм (ил. 1 а; 4).

Пара аккуратно проделанных отверстий диаметром 3 мм, симметрично расположенных относительно центральной линии шлема, располагается выше, на высоте 5,6 см от края тульи.

Данные группы отверстий, несомненно, являются следами прикрепления обоймицы – скобы, предназначенной для удержания подъемной полосы, защищающей лицо воинов от поперечных ударов – «носовой стрелки». Кажется верным предположение о том, что скоба для наносника первоначально должна была крепиться при помощи нижней пары отверстий. Затем по каким-то причинам первоначально проделанные отверстия приобрели форму «пропилов», работы осуществлялись специфическим инструментом, похожим на узкий плоский надфиль. Мастер, работавший над поновлением шлема, похоже, не нашел возможным далее крепить скобу при помощи первой группы отверстий и задумал поместить ее выше, изготовив две аккуратные скважины под заклепки. Открытыми вопросами являются время изготовления этих отверстий для прикрепления скобки подъемного наносника-стрелки; был ли шлем изготовлен в комплекте с наносником или была проведена попытка прикрепления носовой скобки позже; действительно ли установили скобку на новом месте или были проведены только подготовительные работы.

Необходимо отметить, что, по-видимому, предполагающийся первоначальный вариант скобы для закрепления носовой

стрелки, скорее всего, представлял из себя предмет П-образной формы в разрезе с хвостиками квадратной или прямоугольной формы, изготовленными зацело с корпусом скобы. Хвосты пропущены через отверстия в корпусе и расклепывались изнутри. Именно так устроены скобы для носовых стрелок на восточных

Ил. 4. Отверстия для установки скобы наносника с внутренней стороны

боевых наголовьях, и именно поэтому, вероятно, геометрия сохранившихся отверстий имеет околоромбовидную форму.

Элементы крепежа на корпусе шлема

Возвращаясь к крепежным элементам, расположенным на корпусе, необходимо отметить, что внутри шлема можно наблюдать большое разнообразие головок заклепок. На высоте 3 см от края идет еще один ряд названных элементов – начинается вереница сильно раскованных шляпок. Ряд начинается в области пластины наносья, образованной вырезами для глаз, и обрывается в височной области. С правой стороны отверстия такой крепеж утрачен, далее можно наблюдать заклепку только через 43 мм на высоте 11,5–12 см, следующая заклепка установлена лишь через 70 мм, затем очередная заклепка установлена через 47 мм. Далее ряд обрывается и возобновляется на другой высоте – 4 см, ниже установлены две похожие заклепки с сильно разбитыми плоскими шляпками, расстояние между ними составляет 58 мм, они располагаются в затылочной части шлема. Помимо этого на левой стороне шлема на высоте 1,2 см на расстоянии 11,5 см от глазного выреза располагаются отверстие и заклепка с широкой шляпкой, под которой сохранился небольшой ромбовидный (12x12 мм) фрагмент толстой (3–4 мм) коричневой дубленой кожи, который я связываю с остатками подбородного ремня. На правой стороне примерно в похожей области виднеется отверстие не более 2,5 мм диаметром, вероятно, от встречной части подбородного ремешка. Его несимметричное расположение

относительно сохранившейся заклепки с кожей можно объяснить особенностями установки и переустановки различных мелких элементов в средневековых доспехах.

Навершие

Если попытаться подробно описать верхнюю часть шлема, стоит еще раз отметить, что по завершении ребер на корпусе шлема подвершие начинает изящно сжиматься, образуя упомянутую фигуру в виде конуса с немного вогнутой поверхностью. В верхней части трубки с левой стороны изнутри просматривается шов (ил. 1 с). Снаружи на корпусе шлема этот дефект проявился как виднеющаяся глубокая трещина, которая, очевидно, является результатом операции кузнечной сварки и демонстрирует область наковки одного края выкройки на другой. Таким образом, можно не сомневаться, что корпус шлема свернут из секторной заготовки. Можно предположить, что первоначально заготовка была сложена ковкой, затем шов был соединен методом кузнечной сварки. Возможен и иной путь кузнечно-слесарных операций: выкройку свернули в конус и сварили, а затем ковкой при помощи формирования гофры опустили края. Как показывают современные эксперименты с пластичными сталями, трубка для формирования основы шпилья при небольшой толщине металла могла быть сжата ударами снаружи без нагревания заготовки.

Очевидно, вследствие выполнения операций кузнечной сварки край тульи шлема как бы загибается внутрь корпуса; таким образом, стенка с одной стороны шлема является немного выпуклой и не так прямо и хорошо откована, как правая.

Завершающая часть навершия – отдельный элемент, железная фигура в форме сильно вытянутого усеченного конуса. По-видимому, для прикрепления к корпусу она снабжена тяжем, выходящим из основания и проходящим через отверстие в круглой шайбе. Шайба располагается внутри шлема на высоте 21,5 см от плоскости, на которую шлем поставлен. Посередине шайбы довольно отчетливо просматривается головка заклепки, расклепанный тяж притягивает к корпусу верхнюю фигуру навершия (ил. 2 б). Перед нами достаточно стандартное устройство прикрепления наверший в позднесредневековых шлемах. Для уточнения скрытой части конструкции шпилья необходимо рентгенологическое исследование.

Место, где навершие вставлено в трубку шпилья, маркирует акkuratнейшая слабозаметная линия стыка, что свидетельствует

о высоком качестве слесарного мастерства оружейника, изготовившего шлем; диаметр трубки здесь составляет 12 мм (ил. 5а).

Наверху цельножелезной части шпилья присутствует еще один элемент – крошечная фигурка, похожая на навершие булавы. Диаметр стержня шпилья под ним – 5 мм. Фигурка располагается на самой верхушке навершия, представляя собой утолщение на конце шпилья, высота фигурки 7,5 мм, перепад (разница

в толщине со штырем) составляет 2 мм. Она изготовлена из полоски металла, обернутой вокруг окончания штыря навершия. Полоска накована на стержень кузнечной сваркой, можно было бы предположить, что она вырезана слесарным методом, если бы не четкое разделение между полоской и верхушкой навершия при осмотре сверху. Ширина фигурки в самой нижней части шпилья 7 мм, самая большая ширина наверху – 10 мм. На фигурке исполнены маленькие грани, образующие ударные углы-выступы, демонстрирующие сходство данной небольшой принадлежности с навершиями больших боевых булав. Сверху на фигурке имеется цилиндрическая ниша глубиной 3 мм, в ней скопились фракции старой смазки. Посередине небольшое (диаметром менее 1 мм) отверстие, связанное со спецификой кузнечной операции, которой был изготовлен конус навершия (ил. 6 е). Возможно, в нише пайкой была закреплена еще одна часть навершия, характерная для данной группы шлемов, – в виде перевернутого усеченного конуса, а полоска выполняла роль муфты, прикрепляющей отсутствующую часть навершия.

Грань импровизированного маленького навершия симметрично выдвинута вперед на главную ось шлема, проходящую через центр носовой пластины. Внизу описанной фигурки слесарным методом вырезан очень аккуратный тонкий поясок (ил. 5 б).

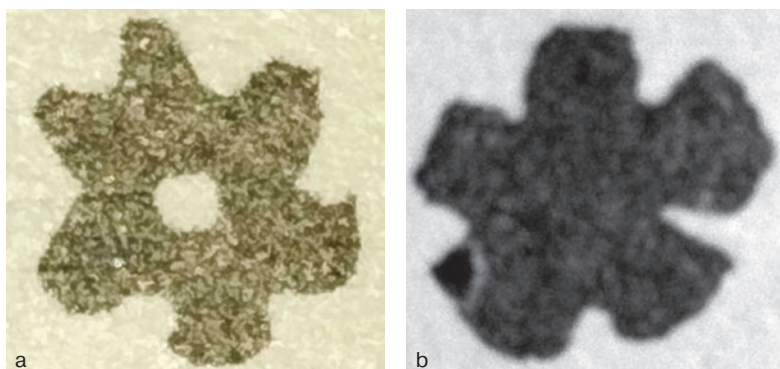

Ил. 5. Навершие шлема; а, б.

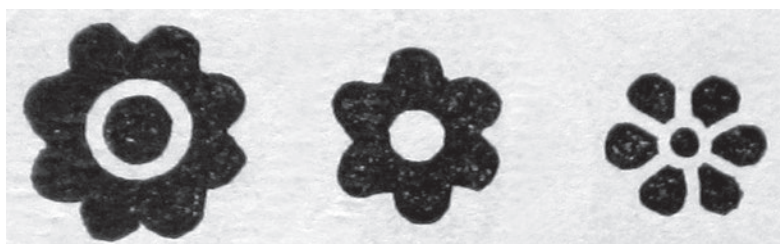

Ил. 6. Элемент наверхия шлема в виде наверхия булавы, виды со стороны граней: а – значок на грани справа при взгляде на шлем спереди; б слева; с – тыльная слева; д – центральная тыльная грань, дефект, заплатка; е – вид сверху

Задняя грань фигурки на левой стороне шлема имеет дефект. На ней располагается область, демонстрирующая разрыв железной полоски, обернутой вокруг верха шпилья, она кажется как бы утраченной. Данный дефект можно связать или с ошибкой в размере при наковке полоски, или с выгоранием части полоски во время операции кузнечной сварки. По всей видимости, в период использования шлема была попытка устранить данный дефект путем пайки – он частично закрыт оловянной заплаткой (ил. 6 d). Похожие фигурки – традиционный способ оформления верхушек наверхий восточных шлемов XV–XVI вв.

Ил. 7. Монограммы на итальянских клинках XV–XVI вв. по П. фон Винклеру, 1894 г.: а – марка мастеров, около 1500 г.; б – неизвестный значок, XVI в.

Ил. 8. Виды элементов декора персидской оружейной традиции, сходные с изображением на навершии

Навершие представляет огромный интерес для дальнейших исследований. Каждая грань предмета несет изображение очень маленького шестилучевого значка – «цветка» или «звезды», являющегося, возможно, оружейным клеймом или элементом восточного декора. Сходные марки встречаются на итальянских клинках, датируемых XV–XVI вв. (ил. 7 а, б).

Простейший шестилучевой цветок или цветок с большим количеством лепестков является древнейшей формой декора персидской оружейной традиции, сохранившейся, например, в мусульманском мире Дагестана – на вещах и оружии из аула Кубачи, это т. н. «*пархикуан*». Пархикуан традиционно является центральной областью посреди завитков или центром родового фамильного знака, тамги⁵ (ил. 8).

Ниже фигурки «булавы» на расстоянии 10 мм железный стержень навершия обвит тремя плотными витками уплощенной

плющением проволоки, странного сегментообразного сечения, высота элемента – 5 мм, наиболее длинный поперечный размер проволоки – 1,5 мм. Витки лежат не прямо, а располагаются немного наискось. Этот элемент можно сдвинуть – он свободно двигается по шпилью в сторону головки наворачивая. Сдвинув навитую проволоку, можно обнаружить область, покрытую ржавчиной, назначение элемента до конца неясно. Возможно, он был приспособлен для облегчения снятия и надевания шлема.

Основные повреждения и утраты

Наголовье можно охарактеризовать как имеющее значительные повреждения корпуса и утраты, вызванные процессами окисления и разрушения железа.

Несмотря на некоторое целостное впечатление, которое производит шлем со стороны, при внимательном рассмотрении видны дефекты поверхности, ее качество в настоящее время можно связать не только с воздействием окисла. Вероятно, уже во время изготовления металл подвергся «выгоранию» при обработке заготовки, ковке; возможно, во время операции цементации или закаливания, отчего поверхность покрылась целыми областями пор и вкраплений внутри и снаружи. В дальнейшем в этих вкраплениях развивалась коррозия. Однако состояние поверхности таково, что позволяет применить трасологическую методику, в частности, рассмотреть царапины, оставленные абразивом или напильником, оставленные при шлифовании или грубой чистке на различных частях корпуса шлема. Тулья подвергалась продольному горизонтальному шлифованию. Пространство в «ложках», судя по царапинам, также подвергалось дополнительной слесарной обработке, царапины идут по ним вдоль длинных сторон «ложек».

Корпус шлема имеет огромное количество утрат, перечислим основные повреждения, что бы описать сохранность шлема.

Над правой глазницей изнутри корпуса шлема накована большая (32х20 мм) заплатка; на 1 см от линии, образованной линией носовой пластины, виднеются маленькие неровные и острые края. Похоже, она была установлена в период изготовления шлема (ил. 4).

Если смотреть на шлем спереди, через 86 мм справа на краю венца шлема – утрата. На венце отсутствуют 2 см длины тульи, сама утрата полуовальной формы с неровными зубчатыми краями, далее по ободу шлема на 1 см от нее – две мелкие скважины.

Обод, пущенный вдоль тульи, полностью сохранился и накрывает область утраты, в этом месте к нему прикручен жестяной жетон с инвентарным номером.

Левая сторона шлема испещрена мелкими сквозными утратами. Особенно много отверстий в местах чеканки ребер, там, где металл был истончен работой острым зубилом. Похожие отверстия наблюдаются и на правой стороне купола шлема. Если полагать первым ребро, лежащее на центральной оси шлема, на пластине наносья, образованной вырезами для глаз, и двигаться по часовой стрелке справа налево, смотря на шлем спереди, на ребре № 2 на высоте 14,3 см присутствует заплатка, установленная в древности. В ребрах № 5 и № 6 видны маленькие утраты неправильной формы. Между ребрами № 8 и № 9 – засечка наискось длиной 8 мм, являющаяся наверняка следом от удара холодным оружием на высоте 12,5 см от края шлема. Между ребрами № 9 и № 11 также наличествует повреждение – вмятина, она поспособствовала разрыву ребра № 10. Ребро № 11 треснуло на высоте 8 см, длина трещины порядка 4,5 см. Можно также заметить трещину на ребре № 12, в нем виднеются утраты на высоте 6,5 и 8,5 см. Трещина в ребре № 14 и две утраты на высоте 6,6 и 8,8 см. Между ребрами № 14 и № 15 на высоте 8,5 см – крошечная утрата ромбовидной формы. Между ребрами № 20 и № 21 – утрата на высоте 6,7 мм, внизу от нее ближе к тулье стоит заплатка и наблюдаются следы олова. Между ребрами № 21 и № 22 на высоте 9 см – длинная дугообразная вдавлинка в виде полумесяца. На высоте 68 мм – зачерненная патиной крупная вдавлинка. Также ребро № 21 проедено окислом насквозь, образовав утрату каплевидной формы. Изнутри на корпусе шлема в области ребра № 21 на высоте 81 мм приржавел до этого, по-видимому, отсоединившийся фрагмент шлема в виде чешуйки. В нижней части ребра № 23 на высоте 67 мм – сквозное отверстие.

Между ребрами № 23 и № 26 располагается крупная утрата. Она начинается в «ложке» между ребрами № 23 и № 24 и имеет вид крупного выржавевшего фрагмента, близко к нему расположены две более мелкие утраты между ребрами № 24 и № 25, № 25 и № 26. Вокруг отверстий – глубокие вьевшиеся черные точки, на краю большой утраты можно видеть расслоения металла – края неровные и металл расслоился на две хорошо различимые фракции. Ребро № 27 также содержит трещины – 90 и 67 мм. Утрата находится между 25-м и 26-м ребром практически посередине

каннелюра – «ложки» на высоте 8,5 см. Между ребрами № 30 и № 31 сохранились заплатки сложной формы, закрывающие область примерно 30х17 мм.

Крупная утрата между ребрами № 28 и № 34, она имеет вид асимметричного разрыва высотой 70 мм и шириной 90 мм. Вследствие этой утраты сильно повреждены ребра № 30 и № 32. Между ребрами № 32 и № 33 в месте работы зубилом – трещина. Наличествует крупное сквозное отверстие в 36-м ребре. Сквозное отверстие между ребрами № 36 и № 37, смещенное к 37-му ребру, находящееся в пространстве большой вмятины.

При взгляде на шлем спереди заметна деформация наверху – шпиля, цельножелезная часть изогнута налево и немного назад.

Изнутри шлем покрыт черной субстанцией, возможно, остатками воронения или краски. В области деревянного бруса, на который опирается шлем при экспонировании, данная субстанция стерлась и виден широкий концентрический след, отмеченный налетом ржавчины. На правой стороне видны следы первого инвентарного номера, нанесенного белой краской. На затылочной части маркером нанесен старый инвентарный номер.

Атрибуция и хронология

История поступления в коллекцию ВИМАИВиВС говорит о изначальной принадлежности шлема к арсеналу Кирилло-Белозерского монастыря. Сохранявшееся в монастыре защитное наголовье было передано в Новгородский музей древностей при Новгородском губернском статистическом комитете. Оттуда при посредничестве священника Н. Г. Богословского под эгидой Новгородского музея древностей шлем был передан в составе группы предметов в Санкт-Петербург для участия во Всероссийской мануфактурной выставке редкостей, проходившей там в 1870 г. Дальнейшая судьба наголовья несколько туманна, поскольку Губернское земское собрание постановило закрыть Музей древностей в 1878 г., а наиболее ценные памятники церковной старины были переданы в церковно-археологический музей при Петербургской духовной академии. Можно предположить, что в этом временном промежутке шлем оказался в собрании Артиллерийского музея, возможно, не покидая Петербург с 1870 г. В архиве ВИМАИВиВС сохранилось письмо на форменном бланке Военного Министерства Главного Артиллерийского управления от 3 сентября 1870 г. о получении в музей предметов,

по списку под пунктом 21 числился «...шлем...», под пунктом 22 – «...кольчуги...», а под пунктом 23 – «...коробки в которых возились кольчуги...». То, что это именно тот самый интересующий нас шлем, хорошо иллюстрируют «Красные книги», где сохранилось подробное описание шлема, данное, по-видимому, самим Н. Е. Бранденбургом в графе «Название и подробная опись» под номером 2091.

«Шишакъ железный кованный, съ длинным вытянутымъ наверхишемъ (шишемъ); украшенъ выкованными доликами; спереди остатокъ носовой личины съ выемками для глазъ».

В графе «Где и откуда поступил» относительно него нет пометок, но напротив другого шлема, № 2092, который описан как «...шишакъ стальной, полированный, конической формы, съ длиннымъ въ виде вытянутой трубки наверхишемъ (шишемъ). Принадлежалъ вооружению Кирилло-Белозерского монастыря...», в данном разделе зафиксирован комментарий: «...въ 1870 и 1875 г.г. из Новгородского земского музея».

Создается впечатление, что комментарии относительно принадлежности к вооружению Кирилло-Белозерского монастыря и графы поступления подводят информационный итог относительно двух этих шлемов⁶.

В архиве ВИМАИВиВС в Основной книге учета экспонатов отдела Истории стрелкового и холодного оружия и защитного оружия – Защитное вооружение, порядковый номер № 22 /1930–1935 гг./ под номером 234 атрибуцией записано: «...шлем – Русский XVI в. Тулья сферо-коническая выбрана ложками. Наверхише гладкое с длинным тонким шишом. По венцу оковка. Надбровные вырезы. Носовая стрелка отсутствует. Сбоку шлема – дыра. Принадлежал вооружению Кирилло-Белозерского монастыря».

Карточка на предмет, составленная в марте 1936 г. (составитель – Горелова), утверждает, что предмет поступил до 1935 г., инвентаризирован в 1942 г. Сохранность в карточке описана следующим образом: «...утеряна носовая стрелка с левой стороны и сзади проеден ржавчиной, местами помят. В основании шишака – трещина. Над левой бровью утеряна оковка. В свое время экспонировался в I зале». Место изготовления определено как «Казань(?)», кто и где применял: «Казанские татары, в XVI в.».

С большой долей вероятности шлем запечатлен в альбоме уникальных рисунков и чертежей К. М. Бороздина,

путешествовавшего по России в 1809–1810 гг., сделанных А. И. Ермолаевым и Д. И. Ивановым⁷. Если говорить о дальнейшей изобразительной жизни наголовья – оно было представлено в работе А. В. Висковатова 1841 г.⁸, а со страниц этого издания было скопировано в иллюстрации к книге П. фон Винклера, изданной в 1894 г., в раздел, посвященный русскому оружию, где опять был наименован «шишаком»⁹. Следующее появление изображения шлема было все в той же серии рисунков из альбома К. М. Бороздина в издании исследований, посвященном крепости Кирилло-Белозерского монастыря, вышедшем в Москве в 1958 г.¹⁰

Стоит зафиксировать банальный вывод: шлем находился в арсенальном хранении и использовался русскими воинами, будучи в составе арсенала Кирилло-Белозерского монастыря. Таким образом, он входит в понятийное поле «русское оружие», но все наблюдения указывают на редкость подобного экземпляра и единичность обнаруженной данной конструкции, которые вызывают сомнения относительно того, имеет ли он право быть вписанным в отечественную классификационную схему. Применяя к шлему 138/117 имеющиеся в отечественной историографии классификационные построения, можно мало чего добиться. Известный ученый, археолог, д. и. н. А. Н. Кирпичников создал достаточно подробную классификацию боевых наголовий, обращавшихся на территории Руси для периода IX–XIII вв.; для более позднего периода он ограничился выделением двух основных групп: «шлемы и шишаки». Ученым было отмечено, что «...судя по миниатюрам, иконам, находкам и содержанию царской Оружейной палаты, в зрелом русском средневековье употреблялись унаследованные от домонгольского периода наголовья двух основных форм – сфероконической и куполовидной»¹¹. Далее все построения ограничены определениями «шелом и шишак». Достаточно уверенно им определено, что «...шоломом или шеломом являются образцы с высокой колоковидной тульей и длинным шпилем...»¹².

Геометрически шлем из ВИМАИВиВС, безусловно, имеет в основе полусферу и дополнен сверху фигурой, приближенной к конусу, однако имеет ряд свойств, отличающих его от типичного вида «шеломов». Нет никаких комментариев относительно шлема 138/117 в статье О. В. Шиндлера, взявшегося рассмотреть русские шлемы XVI в.¹³

Вместе с тем стоит обратить внимание, что нижняя часть – форма тульи и подвершие – сходны с геометрией шлемов из восточного московского клада из колодца Арсенальной башни Московского Кремля, которым А. Н. Кирпичников в свое время безоглядно присвоил наименование «шишаки», стремясь, по-видимому, связать некую линию поступательного развития определенного типа восточных боевых наголовий в составе русской панοπлии с конкретными археологическими находками, для которой, как он считал, сохранилось наименование «обышаки московские» в одной из редакций «Задонщины»¹⁴. В том числе он воспользовался переписанным А. В. Висковатовым сообщением о явке на смотр в 1553 г. Ивана Иванова, сына Кобылина-Мокшеева, явившегося на царскую службу «...на коне в доспехе, в шишаке и в шлеме»¹⁵, которое, как доказано в настоящее время О. В. Шиндлером¹⁶, является ошибочным. Текст старых карточек у ВИМАИВиВС, а перед ними А. В. Висковатов указывают на принадлежность к шишакам наголовья 138/117 вследствие выделяющегося длинного наверхия – «шиша».

Определения, данные А. В. Висковатовым, предлагают называть шишаком наголовье, которое заканчивалось «...длинным шпием или шишом, от которого и получил свое название...»¹⁷. Таким образом, большинство исследователей, начиная с прошлого столетия, оказались на распутье: наиболее отдаленная по времени терминология, существовавшая в Османской империи, связывает шишак (*cicak*) с наличием высокого наверхия-шпиля, что, очевидно, и выделяло его; в то же время, как было определено А. Н. Кирпичниковым на основании подписных образцов Ивана Васильевича¹⁸ и Ивана Ивановича¹⁹, на Руси именно «шоломы» или «шеломы» снабжались наиболее высокими наверхиями.

В настоящее время термин «шишак» слабо применим к наголовью 138/117, только с дополнительными комментариями; таким образом, хранитель, производивший последнюю атрибуцию шлема, абсолютно верно остановился на определении «шлем».

Согласно наблюдениям исследователей XX и XXI столетий, выделена достаточно узнаваемая группа восточных шлемов – т. н. «тюрбановидных», в которой выделяются три основные группы, разделяемые устройством и временными рамками^{20,21}. Наиболее древним из них является подписной, сильно поврежденный экземпляр, экспонирующийся в музее Аскери (Турция, Стамбул). Согласно надписи, он имел отношение к правителю

Ил. 9. Воины в ребристых шлемах с высокими наверхиями. «Хамса», Герат, Тебриз; сер. XV в. – п. п. XVI в. Лондон, Британский музей

Османского государства Орхану Гази (1324–1362)²²; таким образом, первые экземпляры, кажется, даже соотносимы с третьей четвертью XIV столетия. Но скорее всего, данная надпись есть лишь традиционный прием создания связи именуемого оружия с древним героем-правителем, и является лишь посвященной Гази; шлем на основании типологических особенностей стоит отнести к более позднему периоду.

С группой «тюрановидных» шлемов образец из ВИМАИВиВС 138/117 соотносит целый набор признаков: характерные вырезы для глаз; усиливающие элементы в виде поло-

сы, пущенной по тулье, и оковки над глазными вырезами; следы для крепления назальной подъемной полосы; фигурка, располагающаяся на наверхии; «ложки» на корпусе шлема. Однако есть существенные отличия, которые вырывают данное наголовье из круга достаточно характерной группы, ограниченной набором совокупных признаков: это отсутствие значительного расширения в лобной части, куда, собственно, и помещалась мягкая амортизирующая подкладка – «тюран», выполненная при переходе тульи в подвешие, являющаяся характерным элементом для подобных наголовий, и довольно высокое наверхие²³. Можно высказать предположение, что исследуемый образец относится к своеобразной, несколько более ранней группе, на основе которой сформировался стиль поздних «тюрановидных» шлемов, относящихся к второй половине XV в. и XVI в.²⁴

Действительно, похожие шлемы можно впервые зафиксировать на восточных миниатюрах XV–XVI вв.; в частности, их пропорции и элементы можно опознать на рисунках, сопровождающих творение Абу Мухаммада Ильяса Юсуфа ибн Муайяда по прозвищу Низами – поэму «Искандер-Наме», посвященную Александру Македонскому. Основной цикл миниатюр был создан в Герате в 1442 г., часть из них нарисована позже, в Тебризе, в первой четверти XVI в. На миниатюрах воины защищены шлемами, у них различимы высокие

Ил. 10. Воины в ребристых шлемах с высокими наверхшиями. «КУЛЛИЯТ», сборник восьми поэм, Шираз, 60–70-е гг. XVI в. Санкт-Петербург, библиотека им. Салтыкова-Щедрина

и низкие шпиль и ребристые корпуса подверший; правда, на них не отображены вырезы для глаз, но присутствуют носовые стрелки, которые удерживают в поднятом состоянии кольчужные вуали, защищающие лицо²⁵ (ил. 9). Но наиболее близкие по форме наголовья видны на воинах-героях, отображенных на миниатюрах сборника персидскоязычного поэта Амира Хосрова Дехлеви, поэмы «Куллият», переписанной в 60–70 гг. XVI в. в Ширазе каллиграфом Шахом Мухаммадом аль-Катибом. Здесь можно видеть шлем с куполом, несущим множественные «ложки», и увенчанный длинным тонким наверхшием²⁶ (ил. 10).

Таким образом, хронологическая привязка Н. Е. Бранденбурга, первоначально определившего наголовье как предмет XV в., в целом верна – подобными шлемами витязи Передней Азии уже могли защищаться в конце XV в. Пути появления данного шлема в Кирилло-Белозерском монастыре в настоящее время установить невозможно. Замечание в карточке относительно «...шелом

татарского...» и прежних хозяев – «казанских татар» – соблазнительно связать с трофеями царя Ивана Васильевича и его походом на Казань в 1552 г., такими путями, действительно, шлем мог оказаться в монастырском арсенале. Но, без всякого сомнения, данные строки, зафиксированные в карточке, могут являться лишь отголоском некой музейной легенды, сопровождавшей шлем и записанной хранителем, оформившим карточку.

---

¹ Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы «Русское и восточное оружие XV–XVII вв. в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (защитное вооружение)», научный руководитель – зам. директора музея по научно-просветительской и выставочной работе к. и. н. Ефимов С. В.

² Терминологические различия в определениях материала, из которого изготовлялись доспехи в Средневековье, обусловлены путаницей терминов, принятых в историографии. Так, например, при определении материала часто пишется «железо» или «кованое железо», образцы доспехов, имеющие большую по сравнению с прочими твердость, называют «сталлистыми». Все эти термины в рамках современных научных определений некорректны при описании материала, содержащего железо и углерод. Исследуемый шлем выполнен из достаточно жесткого материала. Судя по расслоениям и трещинам, основой для корпуса могли послужить раскованные и сваренные в лист достаточно разнородные по свойствам фрагменты.

³ Комаров И. А. Государева Оружейная палата. / И. А. Комаров, А. К. Левыкин, Е. А. Яблонская, О. И. Миронова, А. Н. Чубинский, Л. П. Кириллова. СПб.: Атлант. 2002. С. 309.

⁴ Brian R. Prise. Techniques of Medieval Armour Reproduction: The 14th Century. London, 2008. 508 p.

⁵ Бакланов Н. Б. Златокузнецы Дагестана (о кустарях-металлистах селения Кубачи). М.: «Центральное издательство народов СССР», 1926. С. 52.

⁶ Автор этой статьи выражает глубокую признательность начальнику Научного отдела фондов (обработки и хранения архивных документов) Никитину В. О. за помощь в работе с архивными документами и ценные советы.

⁷ Альбом рисунков и чертежей к путешествию по России К. М. Бороздина. ГПБ, Рукописный отдел, F-IV-204/2; табл. XVI; XVII; XVIII; XXI, л. 34, 36, 38, 44.

⁸ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению: [В 30 частях]. СПб., 1841–1862. Часть I. Том 1. Рис. 48. Русское вооружение с XIV до XVIII вв. Шишаки.

⁹ Фон Винклер П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX в. С.-Петербург: Типография И. А. Ефрона, 1894. Преиздание М.: 1992. Под редакцией А. И. Устинова, Ю. В. Шокарева. С. 277. Рис. 367–368.

¹⁰ А. Н. Кирпичников, Н. Н. Воронин, В. В. Косточкин, И. Н. Хлопин / Метательная артиллерия и оборонительные сооружения древней Руси; под ред. Н. Н. Воронина (Материалы и исследования по археологии СССР/ Акад. наук

СССР. Ин-т истории материальной культуры; № 77). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. С. 146–149. Рис. 8.

¹¹ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. С. 29.

¹² Там же.

¹³ Шиндлер О. В. Русские шлемы XVI века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 167–219. <http://www.milhist.info/2016/05/10/schindler_3> (10.05.2016).

Кирпичников А. Н. Куликовская битва / Под ред. Б. А. Рыбакова. Л.: Наука, 1980. С. 80.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. С. 29.

¹⁶ Шиндлер О. В. К вопросу о правомерности использования термина «шишак» в XVI веке, его происхождении и развенчании одного устаревшего мифа [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2018. Т. X. С. 163–187. <http://www.milhist.info/2018/09/24/schindler_6> (24.09.2018).

¹⁷ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению: [В 30 частях]. – СПб., 1841–1862. Часть I. Том 1. С. 54.

¹⁸ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л.: Наука, 1976. С. 30. Рис. 8.

¹⁹ Комаров И. А. Государева Оружейная палата / И. А. Комаров А. К. Левыкин, Е. А. Яблонская, О. И. Миронова, А. Н. Чубинский, Л. П. Кириллова. СПб.: Атлант. 2002. С. 44, 45, 300, № 2.

²⁰ Робинсон Р. Доспехи народов Востока. М.: Центрполиграф, 2006. С. 76.; Авацатурян Э. Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея. СПб.: ТПГ «Атлант», 2002. С. 64, 65.

²¹ Авацатурян Э. Г. Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея. СПб.: ТПГ «Атлант», 2002. С. 61–64.

²² Николле Д. Янычары. М.: ООО «Издательство АСТ»; «Издательство Астрель», 2004. С. 11.

²³ Высокие наверхия у тюрбановидных шлемов встречаются на некоторых экземплярах (см. Авацатурян Э. Г. Указ. соч. С. 64).

²⁴ Авацатурян Э. Г. Указ. соч. С. 64.

²⁵ Миниатюры к «Хамсе» Низами. Альбом с комментариями. Предисловие Э. Ю. Юсупова, Ф. Сулейманова, под ред. Э. Ю. Юсупова. Ташкент: Издательство «Фан», 1985. II, «Хамса», Лондон, Британский музей: 9. «Бой между Искандером и иранской армией».

²⁶ Миниатюры к произведениям Амира Хосрова Дехлеви. Альбом с комментариями. Предисловие Х. Сулейман, Ф. Сулейманова, под ред. Э. Ю. Юсупова. Ташкент: Издательство «Фан», 1983. XII. «Куллият». С. 91. Ил. 74. Единоборство Искандера с хаханом Чина, «Айинаи Искандари»; С. 130.

С. А. Песьяков (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ «ОХОЧИХ ЛЮДЕЙ» XIV–XVI вв. НА ОСНОВЕ ПСКОВСКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

Псковское летописание является важнейшим источником для изучения не только истории Северо-Западной Руси с XI по XVII в, но и событий, происходивших в аналогичное время на территории Прибалтийского региона. Особое место оно занимает в контексте исследования истории военных конфликтов между Псковским княжеством и его западными соседями, в число которых входили Ливонский Орден и Великое княжество Литовское. Подробные описания военных походов, осадных и оборонительных действий являются частыми сюжетными элементами летописного материала.

Среди многочисленных употребительных понятий, характерных для военного лексикона псковской летописной традиции, отдельное внимание исследователей привлекают так называемые «псковизмы» – специфические понятия, относящиеся к региональной языковой традиции Псковской земли. Одним из таких локальных лингвистических явлений стало наименование «охочие люди» («охвочие люди») – понятие, используемое изначально псковскими летописцами по отношению к отдельным военным отрядам, отрывочные упоминания о которых встречаются в период с XIV до XVI вв. Стоит отметить, что со временем (к XVII в.) термин «охочие» начинает употребляться уже общерусскими хроникерами по отношению к другим социальным и военно-политическим феноменам – в том числе первопроходцам Сибири.

Проблема изучения охочих/охвочих вызвана крайне скудными данными письменных источников, главным из которых является Псковский летописный свод. Недостаток информации

в источниках и ее противоречивость порождают много вопросов, которые тематически можно разделить на три группы научных проблем: неясный социальный состав отрядов охочих людей; нечастые упоминания в псковском летописании, хронологически ограниченные периодом с 1341 до 1558 г.; непостоянная и неопределенная военная роль охочих в псковском войске.

Эти проблемы сводимы к единой проблеме фиксации охочих людей как феномена военной истории Северо-Западной Руси. При условии, что исследователи Пскова, начиная с XIX в., зачастую очень уверенно и некритично описывают социальный состав охочих отрядов, их численность и место в основном псковском войске, существует необходимость обратить внимание на проблему исторической неопределенности, существующей вокруг этого термина. Псковские летописные источники дают отрывочные и неоднородные данные по поводу этого военно-исторического феномена, а интерпретации со стороны исследователей могут показаться излишне широкими.

Исследователи истории Псковской земли в период с XIV по XVI вв. крайне редко рассматривали термин «охочие» в отрыве от общего военно-исторического контекста того периода, ограничиваясь отсылкой к самому значению этого слова. Нами не были замечены различия в интерпретации лексической единицы «охочий»: историки связывают его с добровольческим принципом комплектования военного отряда. Классик древнерусской филологии И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» формулирует предельно коротко: «охочие люди», равно как и «охочие люди» — это добровольцы, а само слово производно от «охоты» — «радости», «веселия»¹.

Изучение историографии по данной тематике позволяет сгруппировать позиции — от выделения охочих в качестве устойчивого определения для традиционного типа воинского подразделения Псковской земли до местного лексического оборота, выполнявшего роль военного термина в зависимости от ситуации. Если же оставить за скобками редкие промежуточные мнения, поле дискуссии ограничивается двумя противостоящими научными позициями.

Первая позиция, которую мы условно обозначим «военно-исторической», относит охочих людей к местным иррегулярным военным отрядам, собираемым на добровольных началах из числа «черного» городского населения Пскова и его пригородов.

Сторонники данной позиции склонны придавать охочим военно-политическую и социальную роль, которую в отечественной историографии играют с XIV до начала XV в. новгородские ушкуйники и в позднейшее время казаки. К представителям этой гипотезы можно отнести дореволюционных историков С. М. Соловьева, И. Д. Беляева, Е. А. Болховитинова и др. Также внимание данному вопросу в подобном ключе уделяли советские и российские исследователи Б. Б. Кафенгауз, А. Р. Артемьев, О. В. Комаров, А. В. Быков, М. А. Несин и др.

Особое внимание стоит уделить, по нашему мнению, наиболее «радикальному» выразителю «военно-исторической позиции» А. Р. Артемьеву, который в своей статье «Об ушкуйничестве в Псковской земле» активно развивал тезис, что охочие люди Пскова – это аналог новгородских ушкуйников. По мнению ученого, несмотря на то, что термин «ушкуйник» в псковском летописании отсутствует, «он вполне применим к определенной категории городского населения республики, социальный характер и образ действия которой позволяет говорить о наличии такого движения», а «происхождение этого движения в Псковской земле, так же, как и в Новгороде, по-видимому, следует связывать с появлением там в первой половине XIV в. значительного количества малоимущих «молодых людей», готовых по первому зову отправиться на грабеж»².

Также Артемьев выделил за период с 1340 до 1471 г. «не менее 12 походов охочих людей, количество участников которых колебалось от 50 до 1500 и более человек. Десять из этих походов были в земли Ливонского ордена: в 1340 г. – один; в 1341 г. – пять; в 1368 г. – один; в 1408 г. – два; в 1463 г. – один и по одному в Литву, на города Луки и Ржев (1406 г.) и в Новгородскую землю (1471 г.). Во главе всех походов стояли князь, посадники, бояре или великокняжеские дьяки и совершались они, безусловно, с благословения Пскова»³.

Вторая позиция предлагает интерпретировать упоминания в летописях об охочих людях Пскова в качестве ситуативного обозначения любого вооруженного отряда, выступающего на добровольных началах ради проведения конкретной военной операции. Данная позиция была сформулирована лингвистом Федором Павловичем Сороколетовым в рамках изучения русской военной терминологии Северо-Запада Руси, что дает нам основание называть эту позицию «лексикографической».

Методологически Сороколетов анализировал языковые явления, относящиеся к группе «военная лексика», в контексте родовидовых отношений. Он выделил слово «войско» в качестве обобщающего «родового» термина, объединяющего частные «видовые» термины «в виде строго определенных явлений военной жизни русского государства: полкъ, рать (государева), ратные люди, воинские люди, стрельцы, солдаты, казаки, бойцы и др.»⁴. Причем термин «войско» имел два разряда: 1) функциональный – по роду службы, особенностям формирования и задачам (бойцы, казаки, служилые люди и пр.); 2) институциональный – отражающий «дальнейшее усложнение и совершенствование войсковой организации». К последним относился терминологический ряд «войско, полкъ, рота, приказ, застава, карауль» и т. п.⁵

Автор полагал, что за наименованием «охочие люди» скрывается не особое подразделение псковского войска, а всего лишь указание на добровольный принцип организации военного отряда ради выполнения боевой задачи.

Сороколетов отсылает термин «охочий» к определенной группе слов, «относимых к диалектным, составляется из обозначений, употребляемых для называния военных явлений, действий и процессов ситуативно, в качестве временных специальных обозначений»⁶. Ученый полагал, что такие бытовые, повседневные древнерусские слова только описывали ту или иную военную ситуацию (осаду, оборону, поход и пр.) и начинали относиться к военным явлениям лишь в контексте, не становясь профессиональным военным термином. Они не теряли «при этом тесных связей с бытовыми значениями и употреблениями» и отражали «не номинативные функции, а изобразительные, характеристические»⁷.

Далее ученый делал вывод, что это привело к тому, что это слово не вошло в ряд общерусской военной терминологии, при том «что многие слова и термины, обозначавшие военные понятия в глубокой древности, вошли в качестве специальных наименований в новую военную терминологию (полк, войско, война, нападать, нападение и т. п.), причем вошли в качестве основных терминов системы»⁸.

Важным нам представляется и позиция Сороколетова, что упоминание об охочих людях в источниках как добровольцах не характеризовало их с точки «социального положения в русском обществе»⁹.

Как мы увидим далее, создатели Псковских летописей не спешат давать нам определенный ответ, позволяющий безоговорочно принять ту или иную сторону, а потому исследователю придется проделать большую работу, чтобы прояснить данную проблему.

В нашей статье мы попытались собрать воедино все упоминания об охочих людях, встречаемые конкретно в Псковском летописании, и, отталкиваясь только от них, интерпретировать полученные данные. Понимая, что для полноты исследовательской картины существует необходимость в соотношении и сравнении информации из этого источника с другими (с последующим дополнением), мы все же попытаемся проанализировать сведения Первой, Второй и Третьей Псковских летописей как базовых источников, использующих термин «охочие люди».

Обратим внимание, что объектом нашего поиска является именно слово «охочий» (дубл. «охвочий»); в статье сознательно не рассматриваются упоминания о часто относимых к охочим людям «молодших», «добровольных», «пешцах» и прочих лексических единицах, связь которых с рассматриваемым нами феноменом псковской истории совсем не очевидна и требует отдельного исследования.

Итак, суммируем упоминания об охочих в Псковской 1-й летописи Тихановского списка, Псковской 2-й летописи Синодального списка и Псковской 3-й летописи Строевского списка.

В Псковской 1-й летописи мы имеем дело с семью упоминаниями охочих/охвочих, из которых только четыре упоминания относятся к разным датам, тогда как три описывают события, происходившие в один год и относящиеся к одному контексту.

1341 год – «Онъ (князь Георгий Витовтович. – *Прим. авт.*) же подымъ псковичъ и изборянь охочих людей, и поѣхаша на сумежие языка добывати; и сretoшася с великою ратию с немецкою на Микужичькомъ поли оу Микужичи рѣчки, оже они идутъ на стояние ко Изборьску; и оубиша о князи Юрии изборянь и пскович 60 мужъ, месяца августа во вторыи день, а сам Георгии приѣже во Изборескъ в малѣ дружинѣ»¹⁰.

1406 год – «И по томъ в то же время, того же месяца февраля, в 28 день, на память святого мученика Нестера, посадникъ псковьскіи Юрие Филипович Козачкович пойма с собою мало дружины мужии псковичъ охочих людей. Смена со изборяны

и островичи и вороначаны и велияны, шедше, повоеваша Ржову, а на Великих Луках стягъ коложский взяша, и полона много приводелаша»¹¹.

1409 год – «А новгородцы об всемъ том нерадиша, псковичемъ в перечину; а псковичи много челомъ биша новгородъцемъ, а новгородцы не помогоша псковичемъ нимало, и псковичи выѣхаша противу Нѣмецъ, охочимъ челоуѣкомъ, и оударишася на них, и бысть неспособность псковичемъ, оубиша пскович три мужи а два руками яша; тогда оубиша Ариста воеводу Картачевича»¹².

К 1463 году относятся всего три предложения с упоминанием охочих людей.

1463 год – «А иная сила псковъская нерублении люди, охвочей челоуѣкъ, в то же время ходиша за Изборъско въ слободу, и воеваша Немецкую волость, и полона бесчисленно взяша, и приидоша вси здорови со многим полономъ и добыткомъ; а воевода у них был Ивашко диякъ»¹³.

1463 год – «А егда сила псковъская быша под городкомъ, в то время псковичи биша челомъ на вечи посаднику Дорофѣю, и даша ему воеводство ехати со охочими людми в насадахъ воевати; а которое, прихожимъ людемъ, иноземцемъ, повелѣша пѣшимъ итѣти на Немецкую землю, а который изможныи приходець, ино тому на кони ехати; тѣ же иноземцы, биша челомъ псковичемъ, чтобы их приняли к себѣ в насады; они же их прияша»¹⁴.

1463 год – «И поѣхаша охочии человекъ и прихожии люди с посадникомъ Дорофеомъ в насадахъ и иныя в лодияхъ, и ехавше в Немецкую землю, много повоеваша, и Кержали половину выжгоша; и оуслышавше, что сила псковская отступила от городка, и возвратишася во Псковъ посадникъ Дорофеи своимъ войскомъ, со многимъ полономъ и добыткомъ, сами вси добри и здорови, заступлениемъ и помощию святыя троица ни единъ не оубить»¹⁵.

Псковская 2-я летопись предоставляет всего три упоминания.

1341 год – «И тогда посла Юрья Витовтовича к Новому городку языка добывать; он же, подѣйма с собою охвочих людей псковичъ и изборянь, и поехалаша на соумѣжье, и срѣтошася с великою немецкою ратью на Мѣкузицком поли, оже они едут на стояние къ Изборску: и оубиша пскович и изборянь 60 муж, августа 2, а самъ Юрьи приѣхже въ Изборескъ в малѣ дружинѣ»¹⁶.

1406 год – «И не по мнозѣ времени, того же месяца февраля въ 28, Юрьи посадник Козачкович, пойма с собою мало дружины, охвочих людии, пскович, изборян, острович,

вороначян, вельян, и шедше повоеваша Ржовуа и Лоукиб; а на Луках на Великихъ и стягъ коложьскыи взяша, и възвратиша-ся со множествомъ полона»¹⁷.

1463 год – «А в то время Ивашко диакъ скопи около себе нерубленыхъ людей охвочих, и ходиша за Изборско въ слободу в Немецкую землю и приведоша множество бесчисленно полонна и живота»¹⁸.

В Псковской 3-й летописи встречается восемь упоминаний об «охочихъ». По аналогии с Псковской 1-й летописью мы видим лишь пять упоминаний летописца в контексте разных событий, тогда как три относятся к одному, 1463 г.

1341 год – «И выехаше Филипъ и Олоуфереи, и мало дружине с ними, охочихъ 60 моужь, на срокъ ко островичемъ, а инии псковичи не оуспѣше с ними выехати; а Немци и Лотыгори тако же поехали воевати волости псковския»¹⁹.

1368 год – «По томъ псковичи ехавше съ княземъ Александромъ к Новому городку воевать Чюдской земли, и бысть им оу городка, поехаше в розгонъ в землю, Селило же Скертовскеи с дружиною в мале охочихъ людей поеха къ Кирыпиге, внезапно оударися на них рать немецкаа, а они бяше не ополчилися противу в их, и тоу оубиша Селила и инѣхъ, дружиною их, оубиша неколико, мужь, а иныхъ раниша, а инии разбѣгошася по лесу, а Немци воспятъ побѣгоша; и пригнаша псковичи и князь Александръ на побоище то, оубьеныхъ тоу похорониша, а раненыа разбеглися, из леса выидоша к нимъ, и возвратишася взад, а дружины добры оставше»²⁰.

1406 год – «Того же месяца февраля въ 28, на память мученика Нестера, Гюрги посадник псковской сынъ Филиповъ Козачковичъ, подымъ с собою мало дружины псковичъ охочихъ людей, Семень съ изборяны и островичи и вороначани и вельяне, шедше, повоеваше Ржевоу, а на Великихъ Лоукахъ стягъ кожскыи взяше, и полоноу много приведоша»²¹.

1409 год – «И въехаше псковичи противу рати, охочимъ человекомъ, и оудариша на нихъ, и бысть неспособность псковичемъ, и оубиша псковичъ три моужи, Ариста воеводу Картачевича, а два рукама 30 яша»²².

1463 год – «А иная сила псковская, нерублении люди, охвочей человекъ в то же время ходиша за Изборско в слободу, и воеваша немецкоюу власть, поимаша полонна бесчисленно, и приидоша сами здрави съ многымъ полономъ, а воеводою оу нихъ былъ Ивашко диакъ»²³.

1463 год – «А в то время какъ сила была под городком, псковичи на вече посадникоу Дорофею Олферьевичю даша ему воеводство ехать съ охвочим человеком, с моужи псковичи в насадах воевати Немецкой земли; а которое прихожим людем, иноземцомъ, повелѣша псковичи пѣшимъ ити на Немецкую землю, а которое из можныи приходеч, и он себѣ на кони к рати в силоу едет; тыа же иноземци биша челом псковичамъ, чтобы их приняли к собѣ в насады, и псковичи прияха их к собѣ в насады»²⁴.

1463 год – «И поехалше псковичи, охвочеи человекъ, и прихожии люди с посадником Дорофеемъ в насадах и иныа в лодьах, и ехавше в Немецкую землю и много воеваша, и Кержели половиноу выжгоша; и, оуслышавша, что сила псковскаа отстоупила от городка, и поехала во Псковъ посадникъ Дорофеи съ своим войскомъ, и приехалше посадникъ Дорофеи и с своими друзюи во Псковъ со многим полономъ, а самих всѣх богъ съблюлъ добры здравы; а всех было людей с посадником Дорофеем 20 ускоуевъ да 80 лодей, а все то с людьми»²⁵.

1558 год – «А воевали месяца генваря, почен от Нового городка Немецкую землю и за Юрьевъ и за Раковоръ и до Роугодива, а иное торонщики воевали по всему рубежю охочие, и полоноу много вывели; а сами божиею милостию всѣ здрави вышли, а сила вышла из земли мимо Сыренець на Козловъ берегъ»²⁶.

Итого, три основных памятника летописной традиции Псковского княжества упоминают об охочих людях в сумме 18 раз, причем следует учесть, что летописные своды зачастую дублируют основную часть событий. С точки зрения хронологии, мы имеем шесть дат с рассказами об охочих людях: 1341, 1368, 1406, 1409, 1463 и 1557 гг. Здесь стоит оговориться, что в упоминаниях 1341 г. 1-я и 2-я летописи разнятся в данных с 3-й: описываются два разных похода псковичей князя Юрия Витовтовича и военачальников Филиппа и Олферия, произошедших в течение одного года, а также к дате 1463 г. относятся две военные операции охочих – диака Ивашки и посадника Дорофея.

Таким образом, мы выделяем шесть дат и восемь походов, описываемых летописями как военные мероприятия охочих/охвочих.

Исходя из указанных сообщений, основываясь строго на псковском летописном материале, можно попытаться выделить следующие характеристики охочих людей с точки зрения описанного выше проблемного поля.

Согласно сведениям, датированным 1341 годом, к охочим людям относились не только жители Пскова, но и псковских пригородов Изборска и Поречья; упоминание 1406 г. описывает охочий отряд, состоящий из псковичей, изборян, островичей, ворончан и велиян – соответственно, жителей Пскова, Изборска, Острова, Воронача и Велье. В других летописных известиях используется катойконим «псковичи». Таким образом, мы можем утверждать, что отряды охочих людей формировались как из непосредственно граждан Пскова, так и из населения крепостей Псковского княжества.

Из шести дат только одна (1557 г.), игнорирует имя главы охочего отряда, тогда как все остальные указывают военачальников. 1341 г. – князь Георгий (Юрий) Витовтович (1-я и 2-я ПЛ), Филипп Ледович и Олферий Селкович (3-я ПЛ); 1368 г. – Сильвестр (Селило) Скартовский (Щертовский); 1406 г. – псковский посадник Георгий (Юрий) Филиппович Козачкович; 1409 г. – воевода Арист Картачевич (упомянут среди погибших); 1463 г. – дьяк Ивашко и посадник Дорофей Олферьевич,

Из восьми военных мероприятий охочих у семи указаны руководители, представлявшие различные слои феодального общества XIV–XVI вв. – от высшей феодальной знати в лице литовского князя Юрия Витовтовича до представителя низшей степени церковной православной иерархии Пскова в лице дьяка Ивашки. Также летописец указывает посаднические «статусы» Юрия Филипповича Козачковича и Дорофея Олферьевича, а также должность «воеводы» у Ариста Картачевича и Селилы Скартовского, что прямо указывает на их боярское происхождение. Несмотря на то, что летописи не содержат прямого описания социального положения Филиппа Ледовича и Олферия Селковича, данные военачальники, скорее всего, относились к псковскому боярству (этой позиции, в частности, придерживался И. Д. Беляев)²⁷.

Суммировав полученную информацию, мы можем констатировать, что в одном военном мероприятии командовал охочими людьми князь, в двух – псковские посадники, в трех – воеводы, еще в одном – лица без указанного «статуса» Филипп и Олферий (скорее всего, бояре) и, наконец, снова в одном – дьяк. Вполне допустимым представляется предположение, что состав отрядов, возглавляемых городской знатью в лице псковских бояр, мог существенно отличаться с точки зрения социального

происхождения воинов от «силы», состоящей из «нерубленных людей» (то есть не призванных на военную службу «по разнарядке») и возглавляемых человеком незнатного происхождения, именovanного летописцем уничижительно «диако Ивашко»²⁸.

Социальное положение военачальника охочих определялось (и определяло, в том числе) также важностью военных задач, стоявших перед ними. Анализ летописных сведений об охочих позволяет сделать следующий обзор.

В 1341 г. охочие князя Юрия Витовтовича «поехажа на сумежье языка добывати», то есть отправляются за пленными с целью получения разведывательной информации. В том же году небольшой отряд Филиппа и Олферия из 60 охочих выдвигается на встречу с союзными островчанами (жителями крепости Остров) для совместного похода на земли Ливонского ордена – «поехати воевати Лотыгоре»²⁹.

В 1368 г. охочие Селилы Скартовского отделяются от войска князя Александра, в составе которого принимали участие в походе на Чудскую землю, и направляются к ливонскому городу Кирыпиге («поеха къ Кирыпиге»), то есть выполняют отдельную задачу нападения на населенные пункты, находящиеся на вражеской территории.

В 1406 г. охочие Козачковича предпринимают поход на Ржев, принадлежавший в то время Литве. Летописец формулирует военные задачи отряда как «шедше повоеваша Ржев», что означает не взятие города Ржева, а разорение его предместий.

В 1409 г. отряд Ариста Каргачевича нападает на часть войска ливонцев («выехаша противу Немец»), устроившего крупный рейд по Псковским и Новгородским землям.

1463 г. описывает две военные операции охочих людей.

Первый – отряд охочих под руководством дьяка Ивашки устраивает набег на области Ливонского ордена. В этом случае особенно интересно использование летописцем термина «сила» по отношению к отряду охочих, что может означать как обозначение отдельной боевой группы, так и то, что отряд этот был многочисленным³⁰. В этом летописном упоминании мы не встречаем формулировку «в малой дружине», частую в подобных случаях.

Отметим глаголы, которые использует летописец 2-й Псковской летописи для обозначения организации этого «нерубленного» похода. Ивашко «скопи около себе (собрал вокруг себя. – *Прим. авт.*) нерубленных людей охвочих», тогда как по

отношению к знатым военачальникам, собирающим охочий отряд, летописец использует глаголы «подыме» (поднял), «поимья» (взял)³¹.

Спустя некоторое время, в том же 1463 г. организуется масштабный военный поход под руководством посадника Дорофея «ехати со охочими людьми» на речных судах («насадех») на Орденские территории». Уникальной особенностью этого известия является упоминание, что полномочия на военное предприятие Дорофею выдало псковское вече, что свидетельствует об особой значимости данного мероприятия, ибо ни в предыдущих, ни последующих упоминаниях о подобном летописец не сообщает (2-я ПЛ и 3-я ПЛ).

И, наконец, последним в перечисленном ряду военных операций охочих людей идет описание событий начала Ливонской войны (1558), а именно – масштабные действия охочих людей в Орденском приграничье (в 3-я ПЛ «воевали по всему рубежу охочие, и полоноу много вывели»).

Таким образом, восемь упоминаний о военных действиях охочих включают в себя одну разведывательную экспедицию Юрия Витовтовича для захвата пленных (1341); три крупных похода – экспедиция посадника Дорофея на кораблях (1363), грабительский набег «силы» дьяка Ивашки (1363) и рейд «торонщиков» во время приграничных столкновений 1558 г.; три частных («в малой дружине») походов – Филиппа/Олферия (1341), Селилы Скартовского (1368) и Юрия Козачковича (1406); одна вылазка охочих людей Ариста Картачевича против немецкого войска.

Из приведенных летописных данных вполне допустимо сделать некоторые выводы. Летописец относит к охочим людям не только непосредственно псковичей, но и жителей псковских пригородов (Изборска, Острова, Вороноча, Велья и пр.). Из летописных указаний нельзя напрямую выделить социальное происхождение охочих, однако мы имеем представление о том, что отряды охочих людей возглавляли как представители феодальной знати, так и вольные псковские горожане. В зависимости от военно-тактических реалий, менялся численный состав охочего «контингента» – от малочисленного (не более 60 человек) до многочисленного. Впрочем, о количестве участников мы можем судить также косвенно: например, в случае, когда летописец приводит количество ушкуев и ладей, в которых плыли в Ливонские земли охочие («а всех было людей с посадником Дорофеем 20 ускоуев да

80 людей, а все то с людьми»³². Здесь речь может идти о численности в 1000–1500 человек – по подсчетам О. В. Комарова³³.

Мы можем предположить, что псковские охочие отряды в разные годы, в зависимости от целей и руководителей, могли состоять как из знатных воинов из среды боярской верхушки Пскова, так и из представителей низших городских сословий (как могло быть в случае с набегом «дьяка Ивашки»), имея, тем самым, резерв добровольцев из самых разных слоев псковского населения.

Остается открытым вопрос, почему летописи ничего не говорят о псковских охочих до XIV в. и перестают упоминать после 1558 г. Также неясным представляется принцип комплектования отрядов охочих: помимо косвенных сведений летописцев о «нерубленных» и выдаче полномочий на командование охочими посаднику Дорофею на псковском вече, мы не встречаем в летописных источниках описания организации подобного рода отрядов. Данная научная проблематика должна быть рассмотрена в отдельном исследовании. Помимо этого, к важной исследовательской задаче относится вопрос о взаимоотношениях понятий «охочие люди» и «добровольные люди» в летописании того же периода.

Все вышесказанное позволяет нам предполагать, что «охочие» из псковских летописей представляли собой локальное, ситуативное наименование воинов из числа самых разных социальных слоев Пскова и пригородов, готовых участвовать в военных акциях против врагов Псковского княжества на нерегулярной и добровольной основе. Дальнейшее исследование феномена «охочих» требует существенного расширения источниковой базы, а также разработки отдельного научно-методологического аппарата, позволяющего произвести достоверную классификацию более общего явления в виде иррегулярных добровольческих отрядов Северо-Западной Руси.

¹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1902. С. 838.

² Артемьев А. Р. Об ушкуйничестве в Псковской земле (XIV–XV вв.) / Советская этнография. № 3. 1991. С. 112.

³ Там же.

⁴ Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (X–XVII вв.). М., 2009. С. 296.

⁵ Там же.

- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 305.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Псковские летописи. Вып. первый / Подгот. к печати А. Насонов. М.–Л., 1941. С. 18.
- ¹¹ Там же. С. 28.
- ¹² Там же. С. 32.
- ¹³ Там же. С. 65.
- ¹⁴ Там же. С. 66.
- ¹⁵ Там же. С. 66–67.
- ¹⁶ Псковские летописи: Вып. второй / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. С. 24.
- ¹⁷ Там же. С. 32.
- ¹⁸ Там же. С. 53.
- ¹⁹ Там же. С. 93–94.
- ²⁰ Там же. С. 104.
- ²¹ Там же. С. 113.
- ²² Там же. С. 117.
- ²³ Там же. С. 153.
- ²⁴ Там же. С. 154.
- ²⁵ Там же. С. 155.
- ²⁶ Там же. С. 235.
- ²⁷ Беляев И. Д. История города Пскова и Псковской земли. М., 1867. С. 30.
- ²⁸ Сороколетов Ф. П. Указ. соч. С. 205.
- ²⁹ Псковские летописи: Вып. второй / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. С. 93.
- ³⁰ Сороколетов Ф. П. Указ. соч. Указ. соч. С. 85.
- ³¹ Псковские летописи: Вып. второй / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. С. 53.
- ³² Там же. С. 155.
- ³³ Комаров О. В. Устройство псковского войска XIV – начала XVI вв. по летописным данным. NOVOGARDIA, № 2, 2019. С. 114.

А. А. Петров (Москва)

БОЙ ПОД ДЕРЕВНЕЙ КАУШЕН 6 АВГУСТА 1914 г. В ВОСПОМИНАНИЯХ ОФИЦЕРОВ РУССКОЙ ГВАРДЕЙСКОЙ КАВАЛЕРИИ

Бой под деревней Каушен 6 (19) августа 1914 г. – важное событие в истории участия русской гвардейской кавалерии в Первой мировой (Великой) войне. Это был первый большой бой для русских гвардейцев, произошедший на шестой день с момента открытия активных боевых действий в Восточной Пруссии. С русской стороны в нем принял участие Конный отряд генерал-лейтенанта Хана Гуссейна Нахичеванского, прикрывавший правый фланг 1-й русской армии генерала П. К. Ренненкампа, с немецкой стороны – 2-я ландверная пехотная бригада полковника фон Луппина.

В состав Конного отряда входили:

1-я гвардейская кавалерийская дивизия (Кавалергардский, лейб-гвардии Конный, лейб-гвардии Кирасирский Его Величества и лейб-гвардии Кирасирский Ея Величества полки, а также 1-я Его Величества батарея и 4-я батарея лейб-гвардии Конной артиллерии).

2-я гвардейская кавалерийская дивизия (лейб-гвардии Конно-гренадерский, лейб-гвардии Уланский Ея Величества, лейб-гвардии Драгунский и лейб-гвардии Гусарский Его Величества полки, а также 2-я и 5-я батареи лейб-гвардии Конной артиллерии).

Сводная кавалерийская дивизия (пять полков из состава 2-й и 3-й армейских кавалерийских дивизий и три батареи армейской конной артиллерии).

Всего в Конном отряде было 70 эскадронов, 7 батарей (42 орудия) и 32 пулемета¹.

В состав немецкой 2-й ландверной бригады входили 4-й ландверный пехотный полк (два батальона), 33-й ландверный

Ил. 1. Схема атаки 3-го эскадрона лейб-гвардии Конного полка на германскую батарею

пехотный полк (три батальона), 1-я и 2-я ландверные батареи (8 орудий, из них два оставлены в тылу для прикрытия путей отхода) и два ландверных эскадрона².

Казалось бы, русская сторона обладала на поле боя подавляющим превосходством, особенно в артиллерии и пулеметах (последних у немцев вообще не было). Несмотря на это, бой (а он был встречным и в значительной мере неожиданным для обеих сторон) вышел очень тяжелым, упорным и стоил обеим сторонам значительных потерь. Одной из причин этого стало неудачное руководство боем со стороны Хана Нахичеванского и его штаба.

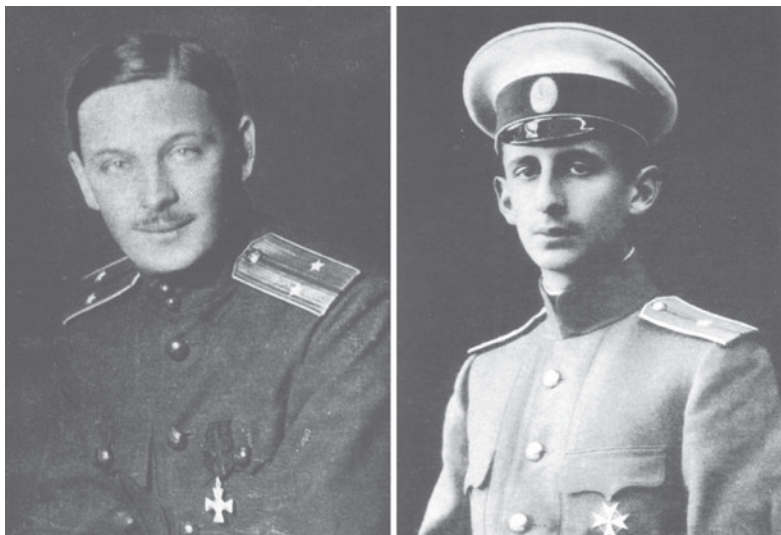
В конечном итоге победа в этом бою была одержана благодаря героизму офицеров и солдат гвардейских полков, а также их отличной подготовке в мирное время (как личной, так и на эскадронном уровне). Зримым воплощением этой победы стал подвиг 3-го эскадрона лейб-гвардии Конного полка во главе с ротмистром бароном П. Н. Врангелем, который лихой атакой в конном

Ил. 2. На лафете захваченного немецкого орудия сидят герои Каушенского боя. Справа – ротмистр барон П. Н. Врангель; слева (выглядывает из-за его плеча) полковник князь А. Н. Эристов

строю захватил два действующих германских орудия и четыре зарядных ящика³ (ил. 1 и 2).

Все это – массовый героизм, проявленный в бою, большие потери и связанная с ними память об ушедших товарищах – предопределили особенно пристальный интерес к этому бою в эмиграции со стороны членов полковых объединений русской гвардейской кавалерии. Бою при Каушене посвящены десятки публикаций, если же считать неопубликованные воспоминания его участников, о существовании которых известно по упоминаниям их коллег, то таковых наберется больше сотни. Наиболее подробные и серьезные описания боя приведены в полковых историях гвардейских полков, подготовленных прекрасными авторами, в полной мере проявившими в этом деле талант военных историков. Из таковых в первую очередь надо отметить историю Кавалергардов В. Н. Звегинцова, историю лейб-гвардии Конного полка работы Г. А. Гоштовта, полковую историю лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, а также рукопись по истории лейб-гвардии Конной артиллерии, принадлежащую перу В. С. Хитрово. В архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына хранятся документы, позволяющие

Ил. 3. Авторы текста 3-го тома «Истории Лейб-гвардии Конного полка» штабс-ротмистр А. П. Тучков (слева) и поручик В. И. Вуич

уточнить историю написания последних двух книг, а также методы работы гвардейских офицеров – историков своих полков.

В эмиграции вышла трехтомная «История Лейб-гвардии Конного полка», ее редактором был полковник В. Ф. Козлянинов. Третий том издания, в котором описывается участие полка в Великой войне, увидел свет достаточно поздно, в 1964 г., к 50-летию боя при Каушене. Редактором этого тома являлся уже ротмистр князь С. С. Белосельский-Белозерский, а написанием текста непосредственно занимались штабс-ротмистр А. П. Тучков и поручик В. И. Вуич (ил. 3). Четвертая глава в нем посвящена бою при Каушене, здесь описываются действия полка, и особенно подробно – атака ротмистра Врангеля⁴. Впрочем, в заметке, напечатанной в «Вестнике Конногвардейского объединения» и посвященной выходу этого тома полковой истории, автор сетовал, что описание боя получилось излишне коротким и сухим – из-за спешки и желания поскорее выпустить книгу⁵.

Написанием полковой истории Кавалергардского полка занимался полковник Владимир Николаевич Звегинцов (ил. 4).

Ил. 4. Полковник В. Н. Звегинцов, автор книги «Кавалергады в Великую и Гражданскую войну». Архив ДРЗ

В первом томе его книги «Кавалергады в Великую и Гражданскую войну» Каушенскому бою посвящена 5-я глава⁶. Этот рассказ вышел гораздо подробнее, чем в истории конногвардейцев; последнее, возможно, связано с тем, что на долю полка в бою не выпало столь же «блестящего» подвига. Между тем, хотя большинству полков русской конницы пришлось действовать спешными, в стрелковых цепях, полку в этом бою довелось провести одну атаку в конном строю на ту же немецкую батарею, за два часа до атаки конногвардейцев. Однако эта атака закончилась неудачей: немецкая батарея еще не бы-

ла подавлена, атакующий эскадрон понес большие потери, вынужден был спешиться и влиться в общие цепи⁷.

Офицер лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка полковник Георгий Адамович Гоштовт обращался к теме Каушена несколько раз. Он посвятил этому бою главу в полковой истории «Кирасиры Его Величества в Великую войну»⁸. В книге «Дневник кавалерийского офицера» он описал свои личные впечатления о бое⁹. Наконец, Георгий Адамович посвятил этому бою отдельную книгу, которую так и назвал – «Каушен». Она имеет подзаголовок «Повесть»; сам автор отмечал, что избрал такой жанр, чтобы не придавать ей «военно-научного или критического характера». Несмотря на это, данная книга является, по сути, именно достаточно подробным аналитическим разбором боя, первым, вышедшим за рамки журнальных статей или отдельных глав в более общих работах¹⁰.

Об описании Каушенского боя в полковой истории лейб-гвардии Конно-гренадерского полка необходимо рассказать подробнее, рассказ этот будет приведен ниже¹¹.

Лейб-гвардии Драгунский полк во время Каушенского боя находился в резерве, так что этому бою посвящены воспоминания лишь одного офицера полка – поручика Владимира Де Витта, который был откомандирован в дивизионную пулеметную команду и со своими пулеметами поддерживал атаки эскадронов других полков¹².

Полковая история лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка вышла очень поздно, Каушену посвящено в ней всего две страницы¹³.

Действиям лейб-гвардии Конной артиллерии во время похода в Восточную Пруссию и, в частности, в бою при Каушене, посвящена рукопись воспоминаний полковника Владимира Сергеевича Хитрово «Война 1914–1917. Поход в Восточную Пруссию» (ил. 5). Она была издана недавно, в 2016 г., в сборнике «Лейб-гвардии Конная Артиллерия в боях и операциях Великой Войны 1914–1917»¹⁴. Но еще в эмиграции, в виде рукописи, она была известна авторам других полковых историй, которые широко ее цитировали. Эта рукопись была передана в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына в составе архива «Общества взаимопомощи офицеров Лейб-гвардии Конной артиллерии в Париже»¹⁵. Рядом с нею в том же фонде хранятся документы, позволяющие уточнить условия, при которых создавались в эмиграции истории полков. Из них становится ясно, в частности, что офицеры – составители полковых историй, активно сотрудничали друг с другом, делились наработками и активно обменивались материалами.

Очень показательна в этом отношении история «Организационной группы военно-исторических собраний гвардейской конницы», которая была организована в декабре 1931 г. В постановлении о ее организации говорится следующее:¹⁶

«Группа офицеров гвардейской конницы, по инициативе генерал-лейтенанта князя Эристова¹⁷, собралась на частное совещание 6-го декабря 1931 года в составе: генерала князя А. Н. Эристова, В. Н. Бибикова, Н. Н. Бобрикова, Б. В. Геништа, Г. А. Гоштовта, В. Н. Звегинцова, В. В. Кононова, И. М. Кучевского, С. Л. Сафонова, Б. Н. Третьякова и В. С. Хитрово.

Из сообщения генерала князя Эристова и путем обмена мнений выяснилось:

1. Принимая во внимание, что архивы полков и батарей уничтожены и что воспоминания о действиях частей в Великую

Ил. 5. Полковник В. С. Хитрово, автор рукописи «Поход в Восточную Пруссию»

войну постепенно стираются в памяти ее участников, – крупный жертвенный период служения Царю и Отечеству полков и батарей гвардейской конницы может пропасть для истории.

2. Необходимо для предотвращения сего спешно принять все меры.

А посему:

Собравшаяся группа берет на себя инициативу организации военно-исторических собраний, именуясь впредь: «Организационной группой военно-исторических собраний гвардейской конницы».

Группа брала на себя организацию и прочтение цикла докладов о действиях гвардейской кавалерии, излагая ход боевых действий в хро-

нологическом порядке, начиная с мобилизации. За полгода было прочитано девять докладов, причем бою при Каушене было посвящено два доклада, за номерами 5 и 6, докладчиком являлся Г. А. Гоштвот¹⁸. Позднее, во время дружеского обеда, князь А. Н. Эристов, подводя промежуточный итог проделанной работе, заявил следующее:¹⁹

«Начатые по инициативе группы офицеров, занимавшихся собиранием материалов для составления своих полковых историй, доклады наши протекали с неизменным успехом и доказали правильность и своевременность нашего начинания. <...> Мы стараемся использовать опыт минувших докладов, и, сокративши до необходимого минимума общестратегическую часть, сосредоточим все наше внимание на изучении действий наших доблестных полков и батарей. Мы будем стремиться к тому, чтобы доклады наши обязательно заканчивались собеседованиями, во время которых путем обмена мнений и будут выясняться и восстанавливаться интересные нас детали».

Действительно, среди списка членов группы, кроме Гоштовта, будущими авторами полковых историй являлись также Звегинцов и Хитрово, все они активно взаимодействовали друг с другом.

Кстати, князь Эристов закончил свою речь знаменательными словами:²⁰

«Мы нашли своевременным и уместным приступить к соби-
ранию всего того, что может послужить к составлению истории
Гвардейской конницы в Великую войну.

Эту и только эту цель преследуем мы в нашей работе.

Наше будущее неизвестно.

Наше настоящее мрачно.

Но у нас есть великое прошлое. То прошлое, которое мы не мо-
жем, не должны, не имеем права предавать забвению».

Хитрово, как и другие авторы, действовал в строгом соответст-
вии с высказанным выше кредо.

В этом же фонде отложился «Дневник штаба 2-й Ландверной
бригады» за 18–19 августа 1914 г. (н. ст.)²¹. Это не что иное, как от-
чет командира немецкой бригады полковника фон Луппина о бое
при Каушене, который стал известен русским историкам-эмиг-
рантам, широко цитировался многими из них и использовался
при сопоставлении русской и немецкой версий боя. В данном деле
находится рукописный перевод дневника с немецкого, а также три
его копии, отпечатанные на машинке, очевидно, чтобы в случае
необходимости один экземпляр можно было передать для работы
другим авторам. Кроме того, к нему приложена сопроводительная
записка Хитрово. В ней говорится, что дневник «достал каким-то
путем в Берлине» офицер Кавалергардского полка В. Н. Бибиков,
но что относиться «к нему нужно с известной оглядкой»²².

Поскольку подлинные документы историкам-эмигрантам бы-
ли недоступны, они часто цитировали таковые, опубликован-
ные в военно-исторических трудах, вышедших к этому моменту
в СССР. К примеру, Хитрово в своей рукописи цитировал книги
Рогвольда и Радус-Зенковича²³.

Хитрово также, если так можно выразиться, ввел в научный
оборот рукопись воспоминаний начальника 2-й гвардейской ка-
валерийской дивизии генерала Г. О. Рауха. Сам он об этом в сво-
ей работе пишет следующее:²⁴

«Осенью 1932 года я обратился к нему (к генералу Рауху. —
Прим. авт.) с просьбой предоставить мне те материалы о действии

нашей дивизии, которые бы у него сохранились. В ответ он прислал мне пять тетрадей своих воспоминаний, написанных им зимой 1917–1918 годов, то есть тогда, когда события свежи еще были в памяти».

Эти материалы хранились у Хитрово четыре года, после чего по указанию Рауха были переданы в Русский заграничный исторический архив в Праге. При этом Хитрово не только сам широко использовал и цитировал Рауха, но и передал копии его материалов своим коллегам, так что цитаты из них появились и в других работах.

То же самое касается и воспоминаний офицера лейб-гвардии Конной артиллерии Н. А. Барановского, который в августе 1914 г. был ординарцем при штабе 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Кроме Хитрово с этими воспоминаниями ознакомились также Скрябин и еще один офицер лейб-гвардии Конной артиллерии А. С. Гершельман, последний по просьбе Хитрово в 1966 г. перепечатал их на машинке в нескольких экземплярах²⁵. Хитрово предполагал их издать, но сделать этого ему не удалось.

Наконец, благодаря посредничеству В. С. Хитрово А. С. Гершельман опубликовал свои воспоминания о Каушене в журнале «Военная Быль». Редактор журнала А. А. Геринг отнесся к ним несколько скептически. В своем письме к Хитрово от 9 сентября 1964 г. он позволил себе даже заявить: «Ничего нового он не вносит»; однако тут же оговорился: «Конечно, я помещу их в “Были”, так как и такие воспоминания имеют свою, и немалую, ценность. Они, именно, рассказывают не столько ЧТО было, а КАК это было, то есть настоящая “военная быль”»²⁶. Статья была напечатана в «Военной Были» в марте 1965 г.²⁷ Следует отметить, что в бою при Каушене погиб брат А. С. Гершельмана Юрий, он участвовал в конной атаке эскадрона Врангеля и был убит немецкой картечью.

Кроме статьи Гершельмана, на страницах «Военной Были» выходили и другие материалы о Каушене, некоторые из них вызвали целую полемику. Так, офицер Кавалергардского полка князь В. В. Кочубей в 1960 г. поместил в журнале статью «Ночь после Каушенского боя. Из воспоминаний», в которой позволил себе резко порицать командующего Конным отрядом Хана Нахичеванского за некоторые его ошибки²⁸. Это заставило другого офицера, ротмистра В. Арнхольда (который сам не был

участником этого боя) вступить за честь кавалерийского генерала²⁹. В свою очередь, Кочубей не оставил этот выпад без последствий, и ответил на него своей заметкой. В ней он утверждал, что уважает Хана Нахичеванского как человека и воина, но не может отказаться от своих упреков, поскольку они сделаны отнюдь не сгоряча, а являются плодом долгих раздумий и исследований. При этом он упомянул, что предполагал в свое время написать большую работу о Каушенском бое и собрал для нее богатый материал, но тот пропал у него во время Второй мировой войны³⁰.

Материалы о Каушене выходили также в журнале «Часовой». Так, в 1963 г. там вышла статья Рябинина «Кавалерия Первой русской армии в Восточной Пруссии в начале войны в 1914 году», в которой, в частности, были подробно описаны трудности, с которыми пришлось столкнуться Хану Нахичеванскому при управлении Конным отрядом³¹.

Воспоминания о Каушенском бое публиковались и в «Вестнике Конногвардейского объединения»³², полагаю, на этом список журнальных публикаций далеко не исчерпывается.

Наконец, необходимо вернуться к рассказу о полковой истории лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка. Члены объединения офицеров полка в течение многих лет готовили свою многотомную полковую историю. Она выходила под названием «Мирное и Боевое прошлое Лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка», и автором первых томов был полковник Константин Николаевич Скуратов. Книга эта выходила мизерным тиражом (как сейчас сказали бы – «на правах рукописи»), печаталась на ротапринте, а тщательно подобранные иллюстрации к ней, выполненные в виде фотокопий, вклеивались на соответствующие страницы³³. После смерти Скуратова в 1948 г. его дело продолжили другие члены объединения. К 1967 г. дело дошло до подготовки 6-го тома, посвященного началу Великой войны. Этот том редактировал ротмистр Александр Александрович Скрябин, бою при Каушене в нем посвящены главы 5-я и 6-я – 300 страниц текста, фактически, это уже получилась отдельная книга (ил. 6)³⁴.

Тому есть сразу несколько причин. Во-первых, лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк вступил в боевую линию с первых минут боя и не покидал ее до самого конца. При этом его спешенные эскадроны были направлены в различные места, как в центре, так и на левом фланге. Поэтому описывать участие полка в бою – означало составить подробное описание боя

Ил. 6. Ротмистр А. А. Скрыбин, автор 6-го тома полковой истории «Мирное и боевое прошлое Лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка»

на всех этих направлениях. Кроме того, у Скрыбина была и личная причина для такой работы. Молодым корнетом он участвовал в этом бою в составе 6-го эскадрона, которым командовал ротмистр И. И. Крамарев и который был послан на самое опасное направление: он должен был атаковать деревню Каушен в лоб по скошенному лугу, на котором отсутствовали какие-либо укрытия. Когда около четырех часов дня в сражении наметился перелом (немецкая батарея была приведена к молчанию и уже готовилась общая атака на деревню всех русских спешенных эскадронов³⁵), 6-й эскадрон конно-гренадер сумел ближе всех подойти к расположению врага. До позиции германской батареи ему предстояло одолеть лишь 200 шагов. Однако этот

успех был завоеван ценою громадных потерь. Из бывших в его цепи в начале боя пяти офицеров и 98 нижних чинов к этому времени осталось на более четверти. Двое офицеров были убиты и двое тяжело ранены, так что в командование эскадроном пришлось вступить Скрыбину. Но буквально за 10 минут до начала атаки, сломившей, наконец, сопротивление немцев, он был контужен разрывом снаряда. Таким образом, судьба остановила молодого офицера буквально на расстоянии «вытянутой руки» от захвата орудий. Тем больше оснований было у него теперь самым подробным образом описывать подвиги однополчан, чтобы сохранить их для потомства³⁶.

Поскольку этот том истории конногренадер выходил позднее почти всех остальных описанных выше книг, то он вобрал в себя всю информацию из них. Скрыбин в своих описаниях

цитирует книги Звегинцова и Гоштовта, воспоминания Хитрово, Рауха и Барановского, отчет фон Луппина и многие другие источники. Кроме того, большое место занимают его личные воспоминания о бое. Наконец, он воспользовался как «сохранившимися дневниками (по-видимому, его собственными. – *Прим. авт.*), как и собранными им в течение долгих лет многочисленными личными записками и воспоминаниями не только его однополчан, но и многих участников боя других полков»³⁷. Действительно, он цитирует воспоминания конногренадер: ротмистров К. Н. Скуратова и И. И. Крамарева, штабс-ротмистров Н. Д. Плешко и А. В. Дурасова, поручиков В. Н. Коптева, Н. В. Попова 2-го, корнетов Б. В. Геништа, Н. Л. Жадвойн, В. Э. Росси и Ф. А. фон Крузенштерна, а также офицеров лейб-гвардии Уланского Ея Величества полка ротмистра Г. Е. Бибикова, штабс-ротмистра Л. А. Бобошко, корнетов Н. Э. Вуича 1-го и К. Д. Нарышкина, лейб-гусара корнета Н. В. Шеншина 2-го, наконец, упомянутых уже выше кавалергарда Кочубея и лейб-драгуна Де Витта³⁸. В результате подготовленное Скрыбиным описание боя при Каушене оказалось наиболее полным и подробным. К сожалению, эта книга была подготовлена всего лишь в нескольких десятках экземпляров для членов объединения и представляет собою библиографическую редкость³⁹.

Потери сторон в бою при Каушене были следующими:

Общие потери Конного отряда – 45 офицеров, 429 нижних чинов и 369 лошадей. Из них 1-я бригада 1-й гвардейской кавалерийской дивизии потеряла 25 офицеров и 129 нижних чинов; 2-я гвардейская кавалерийская дивизия – 13 офицеров и 217 нижних чинов⁴⁰.

Потери Кавалергардского полка: убиты 4 офицера и 12 нижних чинов; ранены – 4 офицера и 28 нижних чинов; контужены – 3 офицера и 8 нижних чинов. Всего же – 11 офицеров, 48 нижних чинов и 29 лошадей⁴¹.

Потери в Конной гвардии: убиты 6 офицеров, 18 нижних чинов, ранены 8 офицеров, 20 нижних чинов, 4 нижних чина пропали без вести. Всего же выбыли из строя 14 офицеров, 42 нижних чина и 54 лошади⁴².

В лейб-гвардии Конно-гренадерском полку: убиты – 2 офицера и 31 нижний чин; ранены – 4 офицера и 89 нижних чинов; всего же вышли из строя 6 офицеров, 120 нижних чинов и 35 лошадей.

Из их в 6-м эскадроне выбыли все офицеры (2 убиты и 3 ранены), нижних чинов убито 23, ранено 52 (всего выбыло 75)⁴³.

Потери немцев, согласно отчету фон Луппина, были следующими: убиты 7 офицеров и 39 солдат; ранены 5 офицеров и 196 солдат; пропали без вести 4 офицера и 483 солдата⁴⁴.

Заканчивая описание боя при Каушене, большинство упомянутых выше авторов все же вынуждены были констатировать, что управление боем со стороны Хана Нахичеванского и его штаба было далеко не на высоте. Как он, так и начальник Сводной кавалерийской дивизии генерал В. К. Бельгардт упустили несколько явных возможностей, реализация которых сделала бы бой гораздо менее кровопролитным, а победу в нем – куда более решительной. Не имея возможности развивать эту тему, я хотел бы все же привести высказывание В. С. Хитрово, позволяющее взглянуть на этот вопрос с другой стороны.⁴⁵

«Победа была достигнута большою кровью, и думаю, что этого можно было избежать. Наше превосходство в артиллерии было настолько подавляющим (7 батарей против 2), что противник мог и должен был быть раздавлен артиллерийским огнем. К сожалению, это было в начале войны. Армия наша, да и не только наша, а и наших союзников, выступила в поход с устарелой доктриной, что артиллерия «способствует» продвижению пехоты, а не прокладывает ей путь. Было пренебрежение к силе огня. Было бросание эскадронов в атаку на нерасстроенную пехоту и стрелявшую из-за нее батарею. Впоследствии, к концу войны, ушли в другую крайность – пехота не ходила в атаку, пока позиции неприятеля не были сравнены с землей. Здесь же, под Каушеном, о «подготовке» атаки, хотя бы в пределах встречного полевого боя, никто и не думал, термина этого даже не существовало. И вот почему наши доблестные полки, идя в атаку до того, что сказалось действие артиллерийского огня, понесли столь большие потери».

Практически все авторы сходятся в одном: победа в бою при Каушене стала результатом коллективного подвига и самопожертвования солдат и офицеров всех частей 1-й и 2-й гвардейских кавалерийских дивизий. Не умаляя значения атаки барона П. Н. Врангеля, надо признать, что этот эпизод был все же наиболее «выигрышным» и лучше всего подходил под соответствующую статью Георгиевского статута. В глазах людей непосвященных он как бы «заслонял собою» все остальное. Но эта блистательная атака не имела бы успеха, если бы не была

подготовлена и дополнена усилиями остальных частей. По меткому замечанию Скрыбина, все гвардейцы здесь впили «новые свежие лавры в старый венок славы доблестных полков и батальонов с почти что трехвековым их существованием»⁴⁶.

¹ Гоштовт Г. А. Каушен (повесть). Париж. 1931. С. 76.

² Там же.

³ За этот подвиг П. Н. Врангель был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

⁴ История Лейб-гвардии Конного полка. Т. 3. Париж 1964. С. 129–138.

⁵ «Вестник Конногвардейского объединения» № 12. Париж. Декабрь 1963 – январь 1964. С. 4–5.

⁶ Звегинцов В. Н. Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну. Т. 1. Париж, 1936. С. 39–54.

⁷ Там же. С. 44–46.

⁸ Кирасиры Его Величества в Великую войну. Париж, 1938. С. 60–68.

⁹ Гоштовт Г. А. Дневник кавалерийского офицера. Париж, 1931. С. 73–81.

¹⁰ Гоштовт Г. А. Каушен (повесть). Париж, 1931.

¹¹ Скрыбин А. А. Мирное и боевое прошлое Лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка. Материалы к его истории. Т. 6. Главы 5, 6. Бой под деревней Каушен 6-го августа 1914 года. Париж, 1967.

¹² Де Витт В. Л. Ретцен – Каушен 5–6 августа 1914 г. / «Ширвиндт». Лейб-Драгуны дома и на войне. (Сборник). Вып. 1. Париж, 1928. С. 31–46.

¹³ Краткая история Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка 1775–1975. Париж, 1975. С. 52–54.

¹⁴ Хитрово В. С. Война 1914–1917. Поход в Восточную Пруссию / Сб. «Лейб-гвардии Конная Артиллерия в боях и операциях Великой Войны 1914–1917», М.: «Русский Путь», 2016. С. 105–133.

¹⁵ В архиве Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына (ДРЗ) он составил Фонд 308: «Общество взаимопомощи офицеров Лейб-гвардии Конной артиллерии». Упомянутый выше сборник был подготовлен силами научного коллектива Дома русского зарубежья, одним из его составителей является И. В. Домнин.

¹⁶ ДРЗ. Ф. 308. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

¹⁷ Руководитель группы князь А. Н. Эристов под Каушеном в чине полковника командовал 1-й Его Величества батареей лейб-гвардии Конной артиллерии; его батарея метким огнем подавила огонь тех самых орудий, которые взял затем Врангель. За этот подвиг князь Эристов удостоился ордена св. Георгия 4-й степени.

¹⁸ ДРЗ. Ф. 308. Оп. 1. Д. 49. Л. 6, 13. Отметим, что Гоштовт к этому времени уже издал свою повесть о Каушене.

¹⁹ ДРЗ. Ф. 308. Оп. 1. Д. 49. Л. 46–47.

²⁰ Там же.

²¹ ДРЗ. Ф. 308. Оп. 1. Д. 125.

²² Там же. Л. 38. Бибилов был одним из членов упомянутой выше «Организационной группы».

²³ Рогвольд В. Конница 1-й русской армии в Восточной Пруссии (август–сентябрь 1914 г.) М.–Л., 1926; Радус-Зенкович Л. А. Очерк встречного боя. По опыту Гумбиненской операции в августе 1914 г. Критико-ист. исслед. М., 1920.

- ²⁴ Хитрово В. С. Указ. соч. С. 52.
- ²⁵ ДРЗ. Ф. 308. Оп. 1. Д. 76. Л. 7.
- ²⁶ Там же. Д. 81. Л. 27.
- ²⁷ Гершельман А. С. Каушен. Воспоминания Лейб-гвардии Конной артиллерии батареи Его Величества подпоручика Александра Сергеевича Гершельмана 5-го. // Военная Быль № 72. Париж, март 1965. С. 16–20.
- ²⁸ Кочубей В. В. «Ночь после Каушенского боя. Из воспоминаний» // Военная Быль № 42. Париж, 1960. С. 5–10.
- ²⁹ Арнхольд В. «Еще о Каушенском бое» // Военная Быль № 45. Париж, 1960. С. 12–15.
- ³⁰ Кочубей В. В. «Еще о Каушенском бое (Ответ на статью под этим заглавием в № 45 «Военной Были»)» // Военная Быль № 48. Париж, 1961. С. 22–26.
- ³¹ Рябинин А. Кавалерия Первой русской армии в Восточной Пруссии в начале войны в 1914 году // Часовой. Париж, 1963. № 444, С. 12–14; № 445. С. 12–14.
- ³² Барон М. А. Торнау. 50-летняя годовщина Каушенского боя. Воспоминания // «Вестник Конногвардейского объединения» № 12. Париж, Декабрь 1963 – январь 1964. С. 5–10; Отрывок из походного дневника флигель-адъютанта Штабс-ротмистра Лейб-гвардии Конного полка Сергея Густавовича фон Струве // «Вестник Конногвардейского объединения» № 17. Париж, 1970. С. 7–9.
- ³³ Подготовительные материалы, связанные с ее изданием, отложились в архиве Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, в Фонд № 351: «Общество старых офицеров Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка (“Объединение Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка”)».
- ³⁴ Скрыбин А. А. Мирное и Боевое прошлое Лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка. Материалы к его истории. Том 6. Главы 5, 6. Бой под деревней Каушен 6-го августа 1914 года. Париж, 1967. Собственно, на описании боя при Каушене полковая история конногренадер, к сожалению, обрывается.
- ³⁵ Одновременно с ней и была проведена конная атака эскадрона барона Врангеля.
- ³⁶ Скрыбин А. А. Указ. соч. С. 375. В другом месте он упоминает, что к концу боя от его эскадрона осталось лишь 17 нижних чинов под командой четырех младших унтер-офицеров: Скрыбин А. А. Указ. соч. С. 493.
- ³⁷ Там же. С. 424.
- ³⁸ Все чины перечисленных здесь офицеров приводятся им на август 1914 г.
- ³⁹ В архиве Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына в фонде № 351 хранятся три экземпляра этой книги, принадлежавшие разным членам Объединения. ДРЗ. Ф. 351. Оп. 1. Дела 39, 40, 41.
- ⁴⁰ Хитрово В. С. Указ. соч. С. 127. Хитрово, в свою очередь, ссылается на книгу В. Рогвольда и на воспоминания генерала Рауха.
- ⁴¹ Звегинцов В. Н. Указ. соч. С. 51.
- ⁴² История Лейб-гвардии Конного полка. Т. 3. Париж, 1964. С. 137–138.
- ⁴³ Скрыбин А. А. Указ. соч. С. 608–610.
- ⁴⁴ Дневник штаба 2-й Ландверной бригады: ДРЗ. Ф. 308. Оп. 1. Д. 125. Л. 19. В. Н. Звегинцов и В. С. Хитрово в своих работах приводят эти данные без каких-либо комментариев.
- ⁴⁵ Хитрово В. С. Указ. соч. С. 127.
- ⁴⁶ Скрыбин А. А. Указ. соч. С. 424.

***И. Н. Петрухин (Тула), А. А. Герасимова (Москва),
А. В. Николаев, Б. Е. Смирнов (Санкт-Петербург)***

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ ЛАТНЫЙ ПОЛУДОСПЕХ ИЗ СОБРАНИЯ ЦВММ: К ВОПРОСУ АТРИБУЦИИ

В коллекции Центрального военно-морского музея хранится памятник западноевропейской латной защиты (ил. 1). В кругу интересующихся историей оружия Западной Европы данный памятник всегда вызывал повышенный интерес с точки зрения вопроса его принадлежности к той или иной стране, а также ранг и статус возможного пользователя.

Согласно данным музейной документации, памятник поступил 1 января 1938 г. – из старых поступлений, из ранее неучтенных предметов. К сожалению, другой информации о провенансе не имеется.

В карточке проверки комиссии 13 мая 1947 г. представлены следующие данные: «Автор (изготовитель, мастерская, изд-во, страна): *Италия или Германия (?)*. Датировка: *1580-е – 1620-е г.* Описание: *Доспех рейтарский. Адмиральские латы XVI в. Латы верхней части туловища с головным шлемом и наплечниками; прикрытие бедер держится на ремешках*».

На текущий момент в инвентарной карточке находится следующая информация: «Доспех военноподполковника. Материал, техника – *железо*. Размер *60х57х19 см (полудоспех), 33х22.5х30.5 см (шлем)*. Описание: *Доспех состоит из нагрудника типа «гусиная кожа» (Gansbauch), ожерелья с узкой горловиной, двух наплечников с передними и задними крыльями, без выреза, каждый из которых пристегнут к ожерелью с помощью ремня, двух трубчатых [...], двух налокотников с закрытой раковиной, двух закрытых наручей и двух подвижных набедренников, пристегнутых к нагруднику*

каждый с помощью трех ремней с пряжками. В комплект к полудоспеху входит шлем типа «морион a ergot». Наружная поверхность украшена геометрическим и растительным орнаментом. На левом переднем крыле наплечника нанесен узор в виде воина в римском доспехе с щитом и копьем, помещенного в стилизованный овал. На крыле другого наплечника такой же узор закрыт приклепанной сверху пластиной. На левом и правом наплечниках также нанесены узоры в виде медальонов людей в римских доспехах.

В графе «библиография» указано: «В. Бехайм. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 60, 61, 65, 77; Винклер П. фон. Оружие. 1992. С. 146–147».

Ил. 1. Полудоспех из экспозиции ЦВММ, исследуемый в статье. ЦВММ 19/183

Исходя из приведенных данных, можно предполагать, что при фиксации памятника в музейной документации было проведено первичное формальное описание, позволяющее идентифицировать памятник, которое было расширено в дальнейшем. Также была сделана попытка атрибуции на основании доступной литературы. Очевидно, что в настоящее время атрибуция памятника инв. № 19/183 из коллекции ЦВММ, как минимум, устарела и нуждается в корректировке. Предположения о принадлежности данного доспеха представителю высшего командования, а именно «Адмиральские латы XVI в.», либо конному воину – «Доспех рейтарский», противоречат друг другу. Поэтому целью

данной работы является введение исследуемого памятника в научный оборот с приданием ему научной атрибуции.

В ноябре 2024 г. И. Н. Петрухин произвел первичное визуальное и метрическое исследование памятника. Целью исследования было определить аутентичность предмета, чтобы исключить

версии о его более позднем происхождении, например, в качестве объекта антикварного производства XIX–XX вв. В результате визуального анализа удалось выявить ряд характерных для аутентичных латных защит признаков. Во-первых, внутренняя поверхность изделий имеет ярко выраженные следы производства от ручного ударного инструмента. Во-вторых, имеют место встречающиеся дефекты металла в виде трещин¹. В-третьих, измерение толщин при помощи специального инструмента (толщиномера) показало переменные толщины нагрудника и наспинника (см. далее) памятника. Подобные признаки характерны для латных защит периода XV–XVI вв. В-четвертых, архитектоника памятника соответствует типу известных и научно подтвержденных эталонных памятников оружейного дела. Для сравнения: предметы, созданные в более поздний период в качестве элементов интерьерного декора, как правило, не имеют переменных толщин и трещин на поверхности ввиду более высокого качества использовавшегося материала. Также «историзованные» латы XIX – начала XX в. имеют серьезные отличия в геометрии формы. В результате осмотра на памятнике (за исключением шлема) не было обнаружено каких-либо клейм производителя, а также иных символов, типичных для именитых оружейников эпохи.

Исследуемый памятник состоит из шлема типа кабассет, латного горжета, нагрудника и наспинника с латным подолом из горизонтально ориентированных ламинарных пластин, защитными малыми набедренниками – тассетами и пары защиты рук. Защита кистей рук, вероятно, отсутствует или не предполагалась вовсе. Вся поверхность доспеха имеет густо нанесенный декор, состоящий из декоративных лент, заполненных травленным гротесковым орнаментом с элементами трофеев. В декор также включены дополнительные рельефные элементы в верхней части нагрудника и наспинника (волютообразные элементы с медальонами) и на наплечниках. Также функциональные отбортовки в районе пройм для рук и горловин украшены насечками. Дополнительного декора с включением цветных и драгоценных металлов не обнаружено.

Шлем (ил. 2) представляет собой образец защитного вооружения Западной Европы второй половины XVI – начала XVII столетия. По конструкционным особенностям предмет можно отнести к типу, известному как кабассет². Шлем сделан из двух половин, соединенных методом клепки на (предположительно)

Рис.2

Ил. 2. Шлем и горжет. а – шлем типа кабассет, вид в профиль. Левая сторона; а1 – латинские литеры и символы на внутренней стороне полей шлема; b – латный горжет

латунные заклепки. Поля шлема отогнуты методомковки. На внутренней стороне обоих полей шлема имеются выбитые символы в виде семнадцати символов и латинских букв (ил. 2a1). Семь из них узнаваемы на одной стороне: W, I, B, T, I, L. Между I и T располагается символ, предположительно, в виде солнца. На другой стороне имеются символы в количестве восьми штук в виде двух звездочек, латинских литер D, N, S. Между буквами N и S находится нечитаемый символ, похожий на латинскую S и, вероятно, наложенную на него цифру 0 или букву O. После него идет изображение, состоящее, предположительно, из наложенных друг на друга латинских букв O и C. К сожалению, на текущий момент установить информацию по этим символам не удалось. Возможно, это может означать арсенальную метку места, где располагался предмет на момент поступления из мастерской. Шлем несет на себе следы реставрации или арсенального ремонта.

Латный горжет (ожерелье) (ил. 2b), состоящий из двух пластин, представляет собой защиту шеи плечевого пояса и части шеи. Защита шеи обеспечивается отогнутым краем пластин горжета спереди и сзади в районе горловины. Предположительно, горжет мог иметь еще две горизонтально ориентированные пластины (или несколько пластин), по одной на каждой стороне,

которые могли быть утрачены со временем. Версия об утраченных пластинах основывается на наличии шести заклепок на обеих пластинах (по три с каждой стороны) чуть ниже горловины и наличием остатков крепежных вертикально ориентированных кожаных ремней. Общий анализ конструкции латного горжета подтверждает его сходство с защитами такого типа.

Кираса состоит из нагрудника и наспинника (ил. 3), а также горизонтально ориентированного латного подола ламинарной конструкции. Количество пластин – по одной с каждой стороны. Соединение нагрудника и наспинника осуществляется за счет двух кожаных ремней в верхней части нагрудника, в районе горловины и двух пряжек в верхней части наспинника. В нижней левой части наспинника, в районе отгиба для крепления подола, имеются два прямоугольных отверстия. Вероятнее всего, они служили для фиксирующего ремня, соединяющего нагрудник и наспинник. На периферии передней пластины латного подола имеются шесть ремешков³ для крепления тассет. В отличие от нагрудника, защита спины имеет рельефный декор в виде волнообразных элементов.

По внешнему виду и конструкционным особенностям изделие можно отнести к последней четверти XVI – началу XVII в. Нагрудник кирасы имеет ярко выраженный киль внизу – тапуль⁴. В оружейоведении такой тип кирас именуется «гусиная грудь»⁵. Подобный тип кирас также известен как «пискот» (peascode,) из-за сходства с вошедшим в моду характерным стилем одежды. Форма нагрудника кирасы в Западной Европе, согласно В. Бехайму и К. Блэру⁶, видоизменяется в сторону смещения тапуля от центра вниз к зоне крепления латного подола после 1550 г. В 60–70-е гг. XVI столетия тапуль смещается практически в самый низ нагрудника в образцах латных защит итальянского производства. Это видно на примере ряда памятников оружейного дела итальянского происхождения для представителей высшего нобилитета (см. ил. 5 и таблицу 1).

Тассеты (ил. 3а) представляют собой пару цельнометаллических изделий с шестью пряжками (по три на каждую) для соединения с нагрудником кирасы. Поверхность тассет имеет дополнительный глубокий декор в виде имитации чеканкой горизонтально ориентированных пластин. Подобный прием можно часто встретить на памятниках оружейного дела поточного производства для нужд экипировки простых солдат⁷.

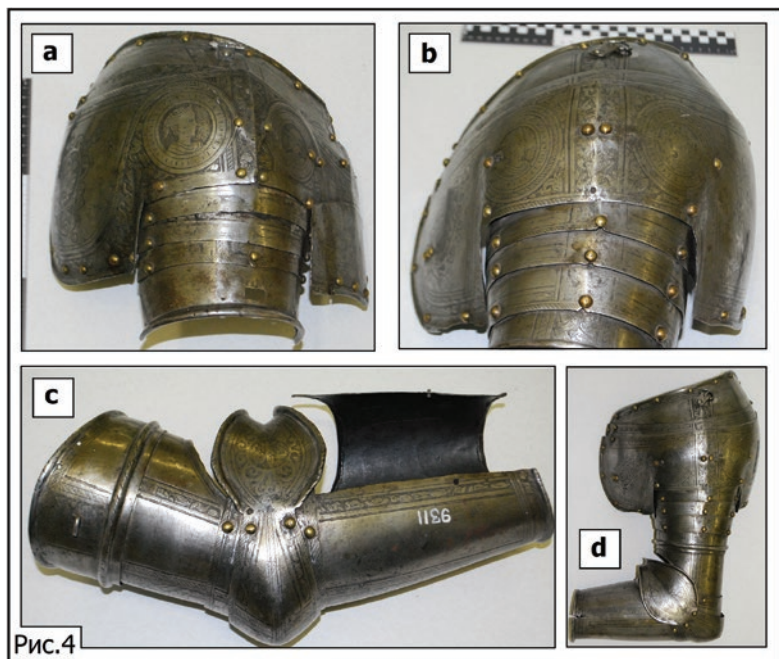

Ил. 3. Кираса (нагрудник с тассетами и наспинник). а – нагрудник с тассетами; б – наспинник

Защита рук (ил. 4) состоит из двух створчатых наручей, соединенных механическим налокотником с двумя трубами защиты плечей и пары больших наплечников. На правом наплечнике имеется след либо реставрации, либо арсенального ремонта в виде пластины, расположенной поверх подвижного набора дополнительных элементов наплечника.

Весь комплекс вышеуказанных предметов являет собой единую структуру, характерную для полудоспеха последней четверти XVI – начала XVII столетия. Поэтому в работе они рассматриваются как единый комплекс латной защиты. Следует отметить, что защита спины, несмотря на конструктивное соответствие комплексу, вероятнее всего, к данному комплекту не относится (ил. 3).

По составу деталей данный комплект относится к пехотному типу доспеха. Исходя из общей архитектоники памятника, по степени сбалансированности формы и согласованности деталей доспех можно отнести к итальянской доспешной традиции последней четверти XVI в. Особенности декора – композиция, техника, качество исполнения – дают основание полагать, что данный комплект относится к изделиям т. н. «пизанского стиля», производившихся в дешевой ценовой категории. Однако декор наспинника не совпадает с композиционным строем декора нагрудника (ил. 3).

Ил. 4. Защита рук. а – правый наплечник; б – левый наплечник; с – левая защита руки и локтя; d – правая защита руки и локтя в сборе с наплечником

Доспехи итальянского производства упоминаются в работах В. Бехайма, Г. Ф. Лейкинга, К. Блэра, М. Скалини и др. Преимущественным направлением было изучение производства дорогих миланских доспехов. Тем не менее, в настоящее время появляются работы, посвященные и массовому производству недорогих комплектов защиты. А. Вильямс в своей монографии «Рыцарь и доменная печь» в разделе, посвященном производству доспехов в Италии, отметил, что с середины XIII в. итальянские оружейники могли быстро производить большие партии защит (в основном шлемов, кольчуг, щитов). Также известно, что в 1427 г. за несколько дней до битвы под Маклодио Милан смог предоставить 400 комплектов защит для всадников и 2000 защит для пеших воинов⁸.

Г. Ф. Лэйкинг в своей работе «Записки о европейских доспехах и оружии сквозь семь веков» описал изучаемый в статье тип

Ил. 5. Примеры латных защит для представителей высокой знати итальянского производства второй половины – конца XVI в. а – доспехи Альфонсо II дэ Эсте, 1550–60 гг.; б – доспехи Дона Хуана Австрийского, внебрачного сына Карла V, 1575 г.; с – доспехи Гвидо Бентивольо, 1560 г.; d – трехчетвертной доспех предп. для Герни Эрберта, второго Эрла Пемброка, 1560–70 гг.; е – доспехи графа Адольфа фон Шварценберга, 1590 г.; f – фрагмент доспеха Винченцо Луиджи ди Капуа, 1595 г.

защит как доспехи «пизанского стиля»⁹. По его мнению, в конце XVI и начале XVII столетий на севере Италии подобные изделия производились массово, «на манер готового платья» и могли поставляться для нужд вооружения охраны городов или личной гвардии представителей высшего нобилитета. Характерным признаком являлась комплектация в виде кирасы с тассетами, пары латных рук с большими наплечниками, горжета и открытого шлема типа кабасет. Тассеты, в отличие от более дорогих образцов защит, изготавливались из единого куска металла с имитацией пластин. Вся поверхность подобных полудоспехов была покрыта декором в технике травления в виде простых лент, заполненных разрозненным антикизированным декором, получившим в среде английских антикваров начала XX в. образное название *Mops and Brooms* («мётлы и веники» – идиома, означающая бросовое качество)¹⁰. Особенностью дизайна этой группы доспеха были волютообразные мотивы с портретными медальонами на нагруднике, спине и защите плеч. Наплечники изготавливались симметричными без выреза для удержания копья. Подобная конструкция

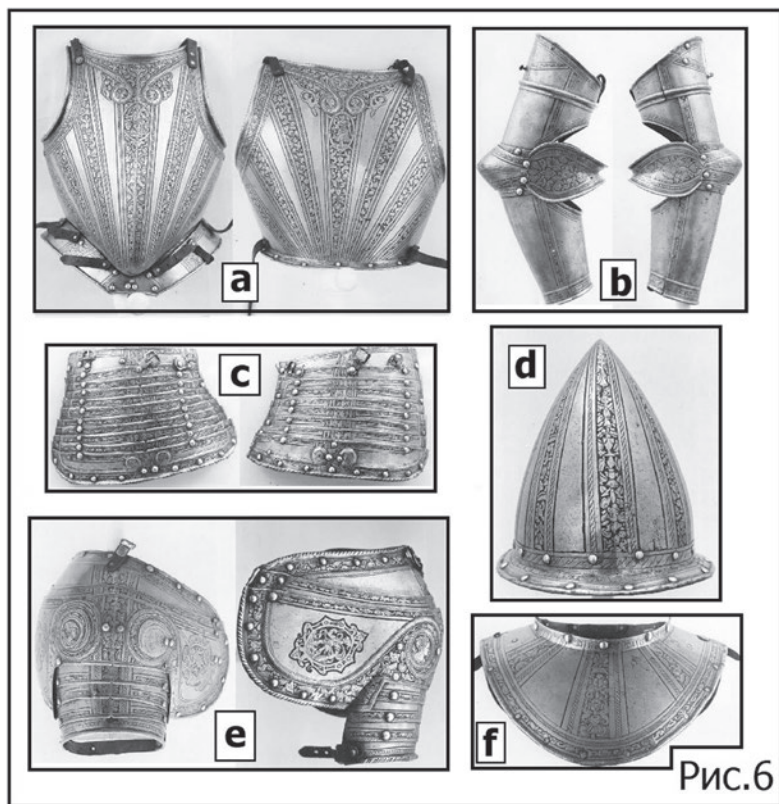

Рис.6

Ил. 6. Пример типового доспеха в т. н. «пизанском стиле» из Амстердамского музея для представителей Корпорации городских арбалетчиков. а – кираса (нагрудник и наспинник); б – защита рук; с – тассеты (защита таза и верхней части бедер); д – шлем типа кабассет; е – наплечники: левый и правый; ф – горжет

как раз имела место в пехотных формированиях или компоновке для пешего турнира в случае дорогих доспехов. Кирасы выполнялись в вышеуказанном стиле «пискот». Сами доспехи, помимо защиты, несли функцию парадного обмундирования.

Помимо комплектов защит для нужд гвардии, на севере Италии известны случаи изготовления таких же образцов, но для представителей высшей знати. Эти доспехи в своей эргономической схеме, а также функциональной архитектонике

Ил. 7. Представители высшего командования армий в доспехах в портретной живописи. а – Питер Пауль Рубенс. Портрет Генерала Амброзио Спинола, 1627 г.; б – Микеланджело Меризи да Караваджо. Портрет Алофы де Виньякур – Великого магистра Мальтийского ордена, 1608 г.; с – Тициан. Портрет императора Филиппа II фон Габсбурга, 1551 г. d – Неизвестный художник нидерландской школы. Портрет неизвестного офицера Мальтийского ордена, 1585 г. е – Хуан Пантоха де ла Крус. Портрет Филиппа Эммануила Савойского, 1604 г.; ф – Юстус Сустерманс. Портрет Фердинанда II, великого герцога Тосканского. Начало XVII в.

были идентичны простым. Главной отличительной чертой был более дорогой и качественный декор. Известны дошедшие до нас аутентичные персонифицированные памятники с богатой отделкой в виде нанесения драгоценных металлов на поверхность (ил. 5). Главными поставщиками для высшей знати из числа итальянских оружейников были ведущие миланские мастера, такие как семья Негроли¹¹, Помпео дела Чеза¹², Лучиано Пичинино.

Рис.8
Ил. 8. Крупное изображение декора нагрудников кирас для доспехов высшего командования армий итальянского производства. а – фрагмент гарнитура для войны и турнира через барьер 1575 г. б – декор нагрудника кирасы доспеха Вольфа Дитриха фон Райтэнау, князя-архиепископа Зальцбурга, 1587 г.; в – декор нагрудника кирасы доспеха Дона Хуана Австрийского, внебрачного сына Карла V, 1575 г.; д – декор нагрудника кирасы доспехов Альфонсо II дэ Эсте, 1550–60 гг.

В коллекции Амстердамского музея искусств (ил. 6) находятся порядка сорока комплектов однотипных защит, схожих по компоновке (шлем, горжет, кираса, тассеты, защита рук), конструкции и декору с исследуемым в статье памятником. В музейной документации, сохранившейся с XIX в., эти латные защиты числятся как экипировка членов одной из стрелковых корпораций Амстердама XVI–XVII вв., выполнявших функции городского ополчения. В описании каждого предмета присутствует запись: «В семидесятих годах XVI века

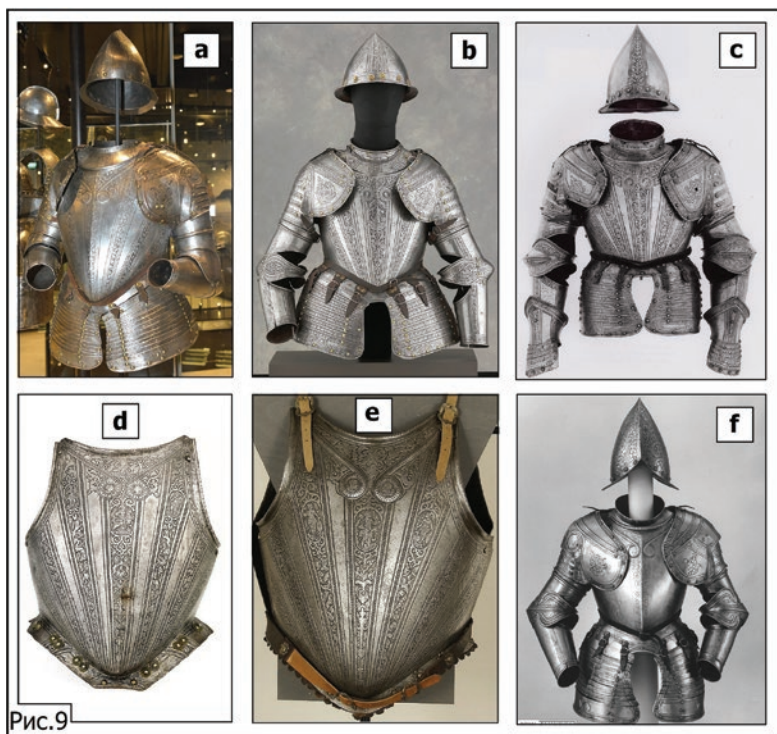

Рис. 9

Ил. 9. Примеры относительно недорогих доспехов т. н. «пизанского стиля» итальянского производства. а – полудоспех из собрания Национального военного музея, Нидерланды. 1570–80 гг.; б – полудоспех из собрания Института искусств Миннеаполиса, США. 1570–80 гг.; с – полудоспех из собрания Чикагского института искусств, США. 1560–70 гг.; д – нагрудник кирасы из собрания Женевского музея искусства и истории, 1570–1580 гг.; е – нагрудник-кираса из Музея старого цейхгауза, г. Золотурн, Швейцария. 1560–80 гг.; ф – полудоспех из собрания Королевской оружейной, г. Лидс. Великобритания, вторая половина XVI в.

Амстердамская Гильдия Стрелков (schutterij) заказала множество комплектов доспехов в Северной Италии. Этот образец, вероятно, был изготовлен в Брешии и состоит из десяти различных частей, защищающих все части тела. Такие доспехи носили стрелки в случае, когда они выполняли роль ополченцев. Они должны были защищать городские стены и ворота и поддерживать порядок в Амстердаме. Во время ежегодной ярмарки

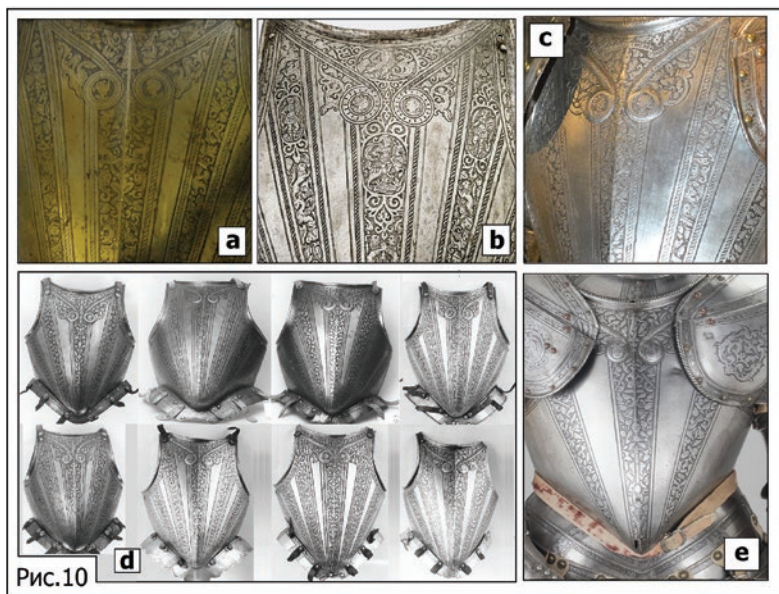

Рис.10

Ил. 10. Сравнение декора нагрудника кирасы памятника из ЦВММ. а – декор нагрудника кирасы из ЦВММ; б – декор нагрудника кирасы из собрания Женевского музея искусства и истории, 1570–1580 гг.; с – декор нагрудника полудоспеха из собрания Национального военного музея, Нидерланды, 1570–80 гг.; d – восемь нагрудников из Музея города Амстердама, из защит участников Корпорации амстердамских арбалетчиков, конец XVI в.; е – декор нагрудник кирасы доспеха из собрания Филадельфийского музея искусств, 1570 г.

в сентябре стрелки [члены гильдии] представляли перед городом в полном вооружении и сверкающих доспехах. По мере того, как мощь огнестрельного оружия росла, доспехи постепенно становились скорее символом статуса, чем защитой» (Сара Реммерц де Фриз)¹³.

Среди доспехов «пизанской» группы можно выделить два основных типа. К первому типу относится доспех дорогого индивидуального заказа, который отличает четкость и продуманность декора, который у таких доспехов имеет ясное, уравновешенное композиционное решение и высокий уровень технического исполнения. Доспехи этой группы хорошо представлены в живописи конца XVI – первой половины XVII в.: в портретах

военачальников (ил. 7, 8), таких как генерал Амброзио Спинола¹⁴, Алоф де Виньякур – Великий магистр Мальтийского ордена¹⁵, император Филипп II фон Габсбург¹⁶, неизвестный офицер Мальтийского ордена¹⁷, Филипп Эммануил Савойский¹⁸ и др. Ко второму типу (ил. 9; таблица 2) относятся латы массового производства для отрядов личной гвардии и ополчения, декор которых, хотя и следует иконографии дорогих эталонных образцов (см. первый тип), имеет нечеткость композиции, нарушение логики декора и слабое техническое исполнение чеканки, гравировки и травления (ил. 10). Доспехи подобной комплектации можно увидеть на групповом портрете Корпорации амстердамских арбалетчиков^{19,20}.

К первому типу относятся турнирные и боевые комплекты, неплохо представленные в коллекциях ведущих музеев мира: Метрополитен в Нью-Йорке, музей Кливленда, Государственный Исторический музей в Москве и др. Ко второму типу относятся доспехи из музея Стибберта, Амстердамского городского музея и др. (таблица 2).

Доспех из коллекции ЦВММ по составу деталей и качеству исполнения декора близок к группе амстердамских лат (ил. 6), аналогичный по типу комплект лат хранится в музее Стибберта во Флоренции, где его относят к экипировке гвардии Медичи. Обращаем внимание, что данный доспех представляет собой сборную конструкцию с включением детали аналогичного типа доспеха с другим декором, а именно наспинник. Вероятно, оригинальная защита спины была утрачена в процессе бытования и для сохранения комплектности памятника в более позднее время была подобрана сходная по конструкции и декору деталь.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно утверждать, что доспех из коллекции ЦВММ относится к группе пехотных доспехов с декором, выполненным в «пизанском стиле», произведенных в относительно недорогом ценовом сегменте для нужд гвардии или ополчения в конце XVI в.

---

¹ Из-за металла низкого качества относительно уровня современной металлургии материалы для доспехов, чаще всего, были неоднородны в своем химическом составе. Это приводило к появлению трещин в местах скопления примесей.

² В музейной карточке шлем атрибутирован как морион. Однако по конструктивным особенностям его, пожалуй, следует отнести к типу кабассет. Глубокий анализ подобных наголовий не входит в задачи данной работы.

³ По своему внешнему виду ремни заменены в процессе реставрации изделия взамен либо утраченных, либо износившихся аутентичных.

⁴ Тапуль (нем. Tapul) – ярко выраженное острие по центру нагрудника либо ниже.

⁵ Boeheim W. Handbuch der Waffenkunde : Das Waffenwesen in seiner historischen Entwicklung vom Beginn des Mittelalters bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Leipzig, 1890. S. 90–92.

⁶ Claude Blair. European Armor circa 1066 to circa 1700. THE MACMILLAN COMPANY. New York 1959. P. 129.

⁷ В коллекциях мировых музеев содержится большое количество достаточно простых кирас с тассетами из одной пластины с имитацией ламелей.

⁸ Williams A. The Knight and the Blast Furnace: a history of the metallurgy of armor in the Viddle Ages&early modern period. Lieden, Boston, Koln, Brill, 2002. P. 56–57.

⁹ Laking G.F. A Record of European Armour and Arms Through Seven Centuries. Vol. IV. London. G.Bell and Sons, LTD. 1920. P. 77.

¹⁰ Op. cit. G. F. Laking. . 81.

¹¹ Stuart W. Pyhrr and Jose-A. Godoy. Heroic armor of the Italian Renaissance Filippo Negroli and his contemporaries. The Metropolitan Museum of Art, New York. 1998.

¹² С. В. Ефимов. Миланский оружейник Помпео делла Кьеза // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Одиннадцатой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2023 года. Ч. 1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2023. С. 514–537.

¹³ <https://am.adlibhosting.com/ais6v2/Details/museum/77683>

¹⁴ Питер Пауль Рубенс. Портрет Генерала Амброзио Спинола. 1620 г. Национальная галерея, Прага.

¹⁵ Микеланджело Меризи да Караваджо. Портрет Алофа де Виньякура, великого магистра Мальтийского ордена. 1608 г. Лувр, Париж.

¹⁶ Тициан. Портрет императора Филиппа II фон Габсбурга. 1551 г. Прадо, Мадрид.

¹⁷ Неизвестный художник нидерландской школы. Портрет Рыцаря (офицера) Мальтийского ордена. 1585 г. Музей Истории искусств. Вена.

¹⁸ Хуан Пантоха де ла Крус. Портрет Филиппа Эммануила Савойского. 1604 г. Музей изобразительных искусств Бильбао, Испания.

¹⁹ Одна из трех стрелковых корпораций г. Амстердам. Дефиниция «арбалетчики» – традиционное название этой корпорации, существующей как минимум с XV в., отражающая вооружение того времени.

²⁰ Якоб Лион. Групповой портрет стрелков роты Капитана Якоба Питерса Хогкамера и лейтенанта Питера Якобса ван Рейна. 1628 г. Амстердамский музей, Голландия.

Приложение к статье

Таблица №1		Список известных персонализированных латных защит и элементов гарнитуров итальянского производства				
№	Владелец	Дата производства (г.)	Место производства	Имя мастера	Место хранения	Инв. №
1	Джироламо Мартинетто Чезареско (1504–1569)	1540	Брешия	Неизвестно	Королевская оружейная палата Турина. Турин, Италия	C11
2	Пауло Джордано Орсини герцог Браччано (1541–1585)	1555	Северная Италия	Неизвестно	Музей истории искусств: придворная охотничья и оружейная палата. Вена, Австрия	A690
3	Альфонсо II д'Эсте герцог Феррары, Модены и Реджо (1533–1597)	1555–60	Милан	Неизвестно	Музей истории искусств: придворная охотничья и оружейная палата. Вена, Австрия	A765
4	Вильгельм V Богатый Герцог Юлих-Клене-Бергский (1516–1592)	1555–60	Брешия	Неизвестно	Музей истории искусств: придворная охотничья и оружейная палата. Вена, Австрия	A954
5	Гвидо Бенгивольно (1577/78–1644)	1560	Северная Италия	Неизвестно	Музей истории искусств: придворная охотничья и оружейная палата. Вена, Австрия	A1187
6	Прокуратор Сан-Марко Джакомо Соранцо (1518–1599)	1570	Северная Италия	Неизвестно	Музей истории искусств: придворная охотничья и оружейная палата. Вена, Австрия	A1045
7	Дон Хуан Австрийский (1545–1578) незаконный сын императора Карла V	1575	Милан	Неизвестно	Музей истории искусств: придворная охотничья и оружейная палата. Вена, Австрия	A1048
8	Дон Хуан Австрийский (1545–1578) незаконный сын Императора Карла V	1575	Милан	Неизвестно	Музей истории искусств: придворная охотничья и оружейная палата. Вена, Австрия	A1049
8	Алессандро Фарнезе (принц Пармы и Пьяченцы) (1545–1592)	1575	Милан	Лучио Пиччино	Музей истории искусств: придворная охотничья и оружейная палата. Вена, Австрия	A1132, A1153
9	Вольф Дитрих фон Райтэнду, князь-архиепископ Зальцбурга (1559–1617)	1587	Милан	Неизвестно	Баварский национальный музей, Мюнхен, ФРГ	W1001-1012
11	Граф Адольф фон Шварценберг (1547–1600)	1590	Милан	Помпео делла Чеза	Музей истории искусств: придворная охотничья и оружейная палата. Вена, Австрия	A1190
12	Граф Адольф фон Шварценберг (1547–1600)	1590	Милан	Помпео делла Чеза	Музей истории искусств: придворная охотничья и оружейная палата. Вена, Австрия	A1708
13	Винченцо Луиджи ди Капуа (ум. 1627)	1595	Милан	Помпео делла Чеза	Музей искусств Метрополитен, Нью Йорк, США	-

Таблица № 2		Список известных относительно недорогих латных защит итальянского производства второй половины XVI – начала XVII вв.				
№	Тип защиты	Дата производства (г.)	Место производства	Место хранения	Инв. №	
1	Полудоспех (более 40 комплектов)	1560–1590	Милан, Брешия	Амстердамский музей, Нидерланды	13686 по 13759	
2	Полудоспех	1610	Милан	Аукцион Алэн Антикс, США	A-102	
3	Полудоспех	1560/70	Сев. Италия	Чикагский институт искусств, США	-	
4	Полудоспех	1570/80	Сев. Италия	Институт искусств Миннеаполиса, США	G340	
5	Полудоспех	1570/75	Милан	Музей инвалидов, Париж, Франция	G148	
6	Нагрудник кирасы	1570/80	Милан	Женевский музей искусства и истории. Швейцария	AA2018-0029	
7	Кираса	Конец XVI в.	Сев. Италия	Музей старого Цейхгауза, г. Солотурн, Швейцария	MAZ121	
8	Кираса	Конец XVI в.	Сев. Италия	Музей старого Цейхгауза, г. Солотурн, Швейцария	MAZ122	
9	Кираса	ок.1600	Сев. Италия	Музей старого Цейхгауза, г. Солотурн, Швейцария	MAZ123	
10	Полудоспех	1570/80	Сев. Италия	Национальный военный музей, Амстердам, Нидерланды	050764	
11	Полудоспех	Вторая пол. XVI в.	Сев. Италия	Королевская оружейная, г. Лидс, Великобритания	П44	
12	Полудоспех с испанским морионом	1580	Сев. Италия	Королевская оружейная, г. Лидс, Великобритания	П46, I V.75	
13	Полудоспех	1560/80	Сев. Италия	Королевская оружейная, г. Лидс, Великобритания	П 47	
14	Полудоспех	1580	Сев. Италия	Королевская оружейная, г. Лидс, Великобритания	П 48	
15	Полный доспех	1570	Сев. Италия	Королевская оружейная, г. Лидс, Великобритания	П 49	
16	Полудоспех	1580	Сев. Италия	Королевская оружейная, г. Лидс, Великобритания	П 147	
17	Доспех три четверти	1610	Сев. Италия	Коллекция Уоллеса, Лондон, Великобритания	A56	
18	Доспех три четверти	1570	Милан	Музей Стибберга, Флоренция, Италия	Sat19	

И. Б. Пинк (Тула)

О НЕКОТОРЫХ СВЕДЕНИЯХ О ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗОБРЕТЕНИЯХ В ОБЛАСТИ АРТИЛЛЕРИИ, ПОСТУПИВШИХ В РОССИЮ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Развитие отечественной артиллерии, начиная с момента ее возникновения в последней четверти XIV в., происходило под непосредственным влиянием эволюции этого вида военной техники на Западе. Показательно одно из первых достоверных упоминаний появления пушек на Руси в XIV в.¹: «Лета 6897 (1389 г.) вывезли из немец арматы на Русь и огненную стрельбу и от того часу уразумели из них стреляти»².

Российское военное руководство постоянно внимательно следило за всеми зарубежными новинками военной техники, в том числе и в области артиллерии, как одного из самых мощных родов войск.

27 января 1812 г. в России при военном министерстве образован Военно-ученый комитет (далее – ВУК), в качестве особого учреждения, непосредственно подчиненного военному министру. Цель ВУК определялась в «усовершенствовании ученой части военного искусства и в распространении военно-научных сведений в войсках»³.

В 1836 г. ВУК разделили на три отделения: генерального штаба, инженерное и артиллерийское. Последнее подчинялось генерал-фельдцейхмейстеру. В 1859 г. Артиллерийское отделение ВУК становится самостоятельным органом, получившим название «Временный артиллерийский комитет»⁴.

Особое значение имеет изучение деятельности Артиллерийского отделения ВУК по адаптации зарубежных достижений в области артиллерии в 30-х – начале 50-х гг. XIX в., период, непосредственно предшествовавший Крымской войне (1853–1855), в которой Российская империя потерпела

поражение, что привело к проведению широкомасштабных реформ, в том числе и в военной сфере.

Несколько примеров позволяют дать некоторую оценку этого направления работы ВУК в указанный период.

5 июня 1852 г. состоящий при Штабе инспектора всей артиллерии генерал-майор Семенов препроводил в Артиллерийское отделение ВУК доставленное капитаном Вейермарком описание новой системы «затравников» сардинской и голландской артиллерии с двумя чертежами, а также образцы голландских, вюртембергских и австрийских запальных трубок («скорострельных труб»)⁵.

«Затравники» служили для предохранения запального отверстия (запала) в стволе дульнозарядного орудия⁶.

Однако в 40-е гг. XIX в. для изготовления винтов и закрепления их на стволе орудия и, особенно, замены «затравников» существующих в то время конструкций требовались значительное время и мастера высокой квалификации. Кроме того, пороховые газы проникали в нарезы между винтом и самым стволом оружия и разъедали металл ствола⁷.

Для устранения этих недостатков подпоручик сардинской артиллерии Матис в 1843 г. предложил новую систему «затравников» без винтовых нарезов, которая в 1846 г. была принята на вооружение сардинской артиллерии после многочисленных испытаний, показавших их преимущество перед винтовыми запальными трубками. Затем опыты над этой системой начались в Голландии, и она с некоторыми изменениями была принята в артиллерии этого государства⁸.

Артиллерийское отделение ВУК рассмотрело вопрос о пригодности новой системы «затравников» сардинской и голландской артиллерии и образцов голландских, вюртембергских и австрийских ударных «запальных трубок» 15 сентября 1852 г.⁹

«Затравник» сардинской артиллерии выполнен в форме двух конусов, обращенных друг к другу основаниями. Верхнее основание меньше и свертывается из «красной меди» и обрабатывается на токарном станке, затем в нем просверливается запальное отверстие. Затравочное гнездо в стволе имеет нижнюю часть конической формы и верхнюю цилиндрическую с расширением на поверхности орудия. Диаметр цилиндрической части меньше диаметра основания конической части.

Представленные материалы содержали подробное описание операций, необходимых для установки сардинского образца «затравника» в ствол орудия.

Для изготовления гнезда под «затравник» в стволе орудия последний необходимо установить так, чтобы ось запального отверстия располагалась вертикально. Затем между дельфинами орудийного ствола размещают подставку с коромыслом, устанавливают первое сверло по направлению оси запала, закрепляют на конце коромысла груз и посредством коловорота просверливают отверстие до канала ствола. Другим сверлом производится наружное расширение гнезда, а после третьим сверлом гнездо расширяется до диаметра, необходимого для размещения цилиндрической части «затравника».

Для сверления конической части гнезда сверло с помощью особого прута вставляют в канал орудийного ствола. В гнездо через сверло ввинчивают стержень, который соединяется с коловоротом и, поднимая коромысло вверх, разворачивают коническую часть гнезда.

Для установки в гнездо «затравник» помещают с помощью железного прута в канал орудия за затравочным гнездом, через гнездо вставляют в запальное отверстие конический стержень, с помощью которого поднимают «затравник» в гнездо, вдавливают его насколько возможно вкладываемым в канал особым железным брусом, потом загоняют окончательно ударами молотка по железному бруску, вставляемому под железный рычаг, вращающийся в желобе, сделанном по длине бронзовой втулки, помещаемой в канал орудия, и в то же время расклепывают конец «затравника» таким образом, чтобы он заполнил наружное расширение гнезда. Наконец снимают излишек затравника в канале, сглаживают его и прочищают запальное отверстие¹⁰.

«Затравочник» голландской артиллерии состоит из нижней конической части, оканчивающейся плоским срезом, и верхней цилиндрической (диаметр цилиндрической части меньше диаметра меньшего основания конической части), имеющей на наружном конце винтовой нарез для навинчивания гайки. Затравочное гнездо в стволе состоит из двух цилиндрических частей (диаметр нижней части больше диаметра верхней части).

Затравочное гнездо высверливается следующим образом: сначала высверливают отверстие диаметром, равным диаметру цилиндрической части «затравника», и вокруг этого отверстия на

наружной поверхности орудия отливают площадку перпендикулярно к оси запала, с помощью клещей вставляют в запальное отверстие орудия бурав из литой стали, имеющий вдоль оси отверстие с винтовым нарезом. В это отверстие через гнездо ввинчивают железный стержень, на который надета спиральная пружина, и прижимают бурав к стволу орудия, навинчивая на верхнюю часть стержня две гайки, фиксирующие сжатие пружины, и, вращая стержень с помощью рукоятки, рассверливают нижнюю часть гнезда.

Для размещения затравника через гнездо вставляют в канал орудия изогнутый железный стержень, к верхней части которого привязан шнурок, вытягивающий стрелу из канала ствола, надевают на него «затравник» и удерживают его на стержне, навинчивая на конец стержня кружок, посредством шнурка втягивают затравник в гнездо, вбивают его деревянным набойником, и на выдающуюся часть его из тела оружия навинчивают гайку. При этом «затравник» обычно несколько выдается в канал ствола, но от действия пробных выстрелов окончательно вдавливаются в гнездо, после чего его завинчивают наружной гайкой¹¹.

Согласно материалам, предоставленным Артиллерийскому отделению, «затравники» сардинской и голландской артиллерии предложены с целью устранить недостатки затравочных винтов, которые заключались в том, что для их изготовления, установки в стволе орудия, и особенно для замены поврежденных затравочных винтов требовались много времени и квалифицированные мастера¹².

Члены Отделения пришли к заключению, что, несмотря на то, что изготовление «затравочников» и затравочных гнезд, согласно предоставленному описанию, достаточно простое, установка их в стволе орудия, а особенно замена поврежденных затравочных винтов, вызывает не меньше затруднений, чем установка обычных затравочных винтов, к тому же сардинский образец «затравника» заклепывается в стволе орудия, и при срезывании и сглаживании выступающей в канал ствола части «затравочника» поверхность канала ствола получает те или иные повреждения¹³.

Также на заседании было отмечено, что более перспективны, чем сардинский и голландский «затравники», по мнению Отделения представляется затравочный винт, предложенный полковником Хадельном, служившим в артиллерии германского герцогства Нассау.

Затравочный винт Хадельна изготовлялся из «кованой красной меди» и представлял собой стержень в форме усеченного конуса, оканчивающегося в своей верхней части цилиндром, диаметр которого значительно меньше диаметра прилегающего к нему большего основания конуса. Для крепления этого затравочного винта в стенку орудийного ствола ввинчивался стальной винт с отверстием вдоль центральной оси, в которое вставлялась цилиндрическая часть «медного» затравочного стержня.

При пригонке затравочного стержня затравочный винт ввинчивают в ствол и отмечают «блестящей линией» выступающую часть. Затем винт выкручивают из ствола и спиливают выступающую часть, отмеченную рискуй, и после этого окончательно устанавливают в стволе. Для смены затравочного винта достаточно только отвернуть с помощью ключа железный винт. Таким образом, преимущество затравочника системы Хадельна по сравнению с затравочниками сардинской артиллерии состоит в том, что при его подгонке не портится канал ствола орудия, а его смена производится проще и быстрее¹⁴.

Таким образом, Артиллерийское отделение ВУК пришло к заключению о нецелесообразности проведения дальнейших испытаний затравочников сардинского и голландского образцов, а для решения вопроса, какие затравочники следует принять в российской артиллерии, необходимо провести испытания затравочных винтов Хадельна.

Затравочные винты системы полковника Хадельна было приказано изготовить в С.-Петербургском арсенале для двух забракованных 12-фунтовых пушек вместе с переносною машиною для вделки врезки затравочных винтов, употребляемых в австрийской артиллерии, и со сверлами, применяемыми в насасуской артиллерии для сверления затравочных гнезд в орудийных стволах. Для такого сверления требовалось шесть различных сверл, которые необходимо было изготовить, но, по мнению С.-Петербургского арсенала, эта работа может быть упрощена, и Артиллерийское отделение разрешило арсеналу использовать сверла, «какие Арсенал найдет наиболее удобными»¹⁵.

Как указывалось выше, на том же заседании 15 сентября 1852 г. Артиллерийское отделение ВУК рассмотрело вопрос о голландских, вюртембергских и австрийских запальных трубках.

В данном случае речь идет о запальных трубках, которые устанавливались в запальные отверстия стволов дульнозарядных

орудий и служили для воспламенения основного порохового заряда, который помещался в канал ствола с его дульной части. В российской артиллерии в данный период использовались запальные трубки («обыкновенные скорострельные трубки»), которые изготавливали из тростника, причем трубки для полевой, крепостной и осадной артиллерии различались длиной: 5,0 см (2 дюйма) для полевых орудий, 6,4 см (2,5 дюйма) – для крепостных и осадных. Для чугунных орудий приморских крепостей применяли ударные трубки («ударные скорострельные трубки»), которые имели гильзу из гусяного пера и ударный состав в форме лепешки, состоящий из бертолетовой соли, антимония и каменного угля. Кроме того, использовались «палительные свечи» с бумажными гильзами старого и нового, «саксонского» образца¹⁶.

В голландской артиллерии в то время был принят ударный способ воспламенения зажигательных трубок. Трубки состояли из бумажной гильзы, наполненной пороховой мякотью, в которую вставлен «медный» стержень с надетым на него капсюлем («ударным колпачком»). Для изготовления строжней сначала отливали из «желтой меди» пластину, затем из нее выдавливали с помощью пресса заготовки стержня, которой потом обтачивали и сверлили на токарном станке.

Артиллерийское отделение ВУК пришло к выводу, что изготовление голландских ударных трубок сложнее, чем российских ударных трубок, принятых для орудий приморских крепостей и морской артиллерии. В результате проведенных испытаний выявлено, что отечественные ударные трубки удовлетворительно воспламеняют основной пороховой заряд и отвечают требованиям хранения. На этом основании Артиллерийское отделение ВУК отклонило проведение испытаний ударных трубок голландской артиллерии¹⁷.

Вюртембергские запальные «скорострельные» трубки относились в терочному типу, т. е. воспламенялись от трения. Они состоят из свернутой латунной гильзы, набитой пороховой мякотью. Через отверстие в верхней части трубки проходит загнутая петлей «медная» проволока. На ту часть проволоки, которая находилась внутри трубки, нанесен воспламеняющийся от трения состав, который обернут бумагой и обвязан ниткой. К поверхности трубки медный крючок приклепан «медной» проволокой.

В Артиллерийское отделение ВУК были доставлены только две такие трубки, и поэтому они не были испытаны. Однако,

учитывая результаты проведенных ранее опытов с запальными трубками Домбри, которые также состояли из свернутых латунных трубок, но, несмотря на то что они были спаяны, при горении раскрывались и заклепывали запальное отверстие стволов орудий, Отделение пришло к выводу, это может произойти и с вюртембергскими запальными трубками, которые к тому же не были запаяны, и на этом основании заключило, что проведение их испытаний нецелесообразно¹⁸.

Австрийские терочные запальные трубки состояли из бумажной гильзы, в нижней части которой находилось небольшое количество пороха, а в верхней – терочное воспламеняющее устройство. Трубки сверху покрывали особым составом, снизу закрывали бумажным кружком и снаружи для предохранения от сырости покрывали лаком. Терочное воспламеняющее устройство состояло из «медной» трубочки и «медной» проволоки, свернутой вдвое и образующей на выходном конце петлю. Часть проволоки, входящую в трубочку, покрывали ударным составом, после его высыхания проволоку около ее середины изгибали под прямым углом. В трубочку насыпали небольшое количество ударного состава. Трубочку с загнутой проволокой помещали в гильзу, причем проволока входила в ее прорезь, после чего гильзу около прорези обвязывали нитками¹⁹.

В ходе рассмотрения выяснилось, что доставленные образцы австрийских трубок ничем не отличаются от тех, которые были препровождены в Артиллерийское отделение вместе со сведениями, собранными капитаном Готом об австрийской артиллерии. Десять таких трубок прошли испытания ранее. При этом девять из них сработали удовлетворительно, у десятой же трубки оборвалась петля, когда за нее дернули крючком.

Принимая во внимание относительную простоту устройства австрийских трубок, Артиллерийское отделение поручило подпоручику Матюкевичу²⁰ подготовить такие образцы для проведения испытаний, причем таких размеров, чтобы они свободно входили в запал стволов российских орудий.

В результате из 90 трубок, представленных для испытаний, 68 произвели воспламенение заряда, при этом при двух выстрелах бумажная гильза осталась в затравке и ее требовалось извлечь из затравочного отверстия («затравки») ствола, одна трубка преломилась, у 10 оборвалась петля, у 11 выдернулась проволока.

На заседании 17 февраля 1851 г. Артиллерийское отделение признало результат испытаний неудовлетворительным и постановило прекратить опыты над этими образцами трубок, а на заседании 15 сентября 1852 г. подтвердило свое решение²¹.

Интересно отметить, что для обсуждения вопроса о «затравниках», принятых в артиллерии Сардинии и Голландии, на заседание Артиллерийского отделения был приглашен штаб-офицер по искусственной части С.-Петербургского арсенала полковник Безак, а журнал этого заседания составлен ученым секретарем поручиком Николаем Владимировичем Маиевским²², который занимал эту должность с 1850 г.

Помимо сбора информации о зарубежных изобретениях в области артиллерии силами российских офицеров, другой формой данных международных научно-технических связей является непосредственное обращение самих зарубежных изобретателей к российскому руководству, включая самого императора.

Например, в мае 1844 г. в ВУК поступила записка на французском языке об изобретениях, которые прибывший в Россию французский подданный Поль Молла хотел преподнести в подарок императору Николаю I.

Приборы Молла состояли из двух уровней и зрительных труб, и к ним прилагались таблицы расчетов, которые Молла предполагал более простыми и удобными, чем тогда существовавшие.

Одно из этих открытий, по мнению самого изобретателя, имело военное значение, другое могло использоваться в гражданском инженерном строительстве. С помощью расположенных цепочкой приборов Молла можно было опередить склонение местности и расстояние между точками.

С помощью особого прицела Молла для огнестрельного оружия, по его мнению, выстрелы приобретут «некоторым образом математическую точность», при этом точность выстрела не зависела от степени подготовки и мастерства самого артиллериста. Прицелы можно было использовать как с орудиями, так и с образцами стрелкового оружия – винтовками и карабинами, при этом сам автор отмечал простоту конструкции своего прицела.

Молла сообщил, что не испытывал свой прицел с орудиями, но проводил стрельбы с карабинами и охотничьими ружьями, по его мнению, получил удовлетворительные результаты и не сомневался, что они подтвердятся и с артиллерийскими орудиями²³.

Для испытания своих прицелов в России Молла получил все необходимые средства. Изготовленный им прицел представлял собой вертикальную «медную» пластину с вырезом в средней части и делениями с одной стороны. В пазах выреза движется другая пластина, на которой укреплен шарнир зрительной трубки, на стекле которой было нанесено перекрестье из двух нитей. В верхней части прицельной пластинки сделан вырез, в который помещен отвес, а нижняя часть представляет собой одно целое с дугообразной пластиной с желобками и средним шпёнком, который надевается на торельную часть орудия таким образом, чтобы симметричная линия всего прибора располагалась напротив черты на казенной части орудия, означающей направление вертикальной плоскости, проходящей через ее ось. Отвес в верхней части прибора, по мнению изобретателя, должен показать, насколько одно колесо лафета выше другого.

По мнению Артиллерийского отделения такое устройство соединяет в себе все несовершенство прицела, постоянно прикрепленного к орудию, с недостатком зрительной трубки, для которой требуется устройство, постоянно придававшее бы ей горизонтальное положение, что еще больше усложнило бы прибор. Подвес был признан лишним.

На Волковом поле с прицелом Молла проводились опытные испытания, состоявшие из четырех серий стрельб.

Для испытаний прицела Молла из С.-Петербургского арсенала на Волково поле доставили два батарейных орудия: $\frac{1}{2}$ -пудовый единорог и 12-фунтовую пушку. На первых двух сериях изобретатель установил свой прицел для стрельбы на расстояние 853 м (400 сажень). На двух последних сериях присутствовали члены Артиллерийского отделения ВУК.

Стрельба из орудий с прицелом Молле оказалась неудовлетворительной, как при положении, когда одно колесо лафета стояло выше другого, так и тогда, когда оба колеса располагались на одном уровне. После этих испытаний Артиллерийское отделение приняло решение прекратить все работы над прицелом Молла²⁴.

Таким образом, указанные примеры позволяют сделать вывод, что в 40–50-е гг. XIX в. – период, непосредственно предшествовавший Крымской войне, российское военное руководство внимательно следило за различными зарубежными изобретениями и нововведениями в области артиллерии. Представленные сведения, полученные как российским офицерами, так и зарубежными

изобретателями или подданными, предварительно рассматривались членами Артиллерийского отделения ВУК с целью выявить необходимость проведения испытаний. В случае положительного решения вопроса силами артиллерийского ведомства проводились соответствующие испытания, при этом иностранные испытатели получали средства за счет российского государства для изготовления своих образцов. Результаты испытаний оценивались как с точки зрения эффективности предложенных изобретений, так и с точки зрения надежности, а также сложности их применения и массового производства. При этом особо учитывалась специфика российской армии и флота, а также отечественной промышленности.

¹ Подробнее об историографии вопроса о возникновении артиллерии на Руси см.: Пинк И. Б. К вопросу о появлении огнестрельного оружия на Руси. Историография проблемы. К 640-летию первого упоминания о применении пороховой артиллерии на Руси // Мир оружия: история, герои, коллекции: сборник материалов X Международной научно-практической конференции, 26–28 октября 2022 года / ФГБУК «Тульский государственный музей оружия». Воронеж, 2022. С. 362–368.

² См., например: Карамзин Н. М. История государства Российского. Том V. М.: Наука, 1993. С. 48–51, 70; В. Мавродин. О появлении огнестрельного оружия на Руси // Вопросы истории. 1946. № 8–9. С. 98.

³ Столетие военного министерства. Истор. очерк развития военного управления в России; Кн. 1. Свод военных постановлений 1869 г., изд. 1903 г.; Кн. 1. Свод военных постановлений 1869 г., изд. 1907 г.; Пр. по военному ведомству 1903 г. № 133.

⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 4. Оп. 40. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 40. Д. 136. Л. 1–1об.

⁶ См., например: Игошин К. Г. Эволюция конструкции стволов орудий российской полевой артиллерии в период 1805–1812 гг. // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция 18–20 мая 2011 года. СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. Ч. I. С. 305–306.

⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 1. Оп. 40. Д. 136. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 2–2об.

⁹ Там же. Л. 15.

¹⁰ Там же. Л. 15об.–17.

¹¹ Там же. Л. 17–18.

¹² Там же. Л. 18–18об.

¹³ Там же. Л. 18об.–19.

¹⁴ Там же. Л. 19–20.

¹⁵ Там же. Л. 23–23об.

¹⁶ Руководство для артиллерийской службы. СПб.: Тип. Арт. деп., 1853. С. 399–404; Якоби. Описание французской полевой артиллерии // Артиллерийский журнал. 1843. № II. С. 110; Якоби. Описание голландской полевой артиллерии //

Артиллерийский журнал. 1843. № V. С. 21; Якоби. Описание шведской полевой артиллерии // Артиллерийский журнал. 1845. № V. С. 93–94; Козловский Д. Е. История материальной части артиллерии. М.: Артиллерийская академия Красной Армии им. Дзержинского, 1946. С. 103; Хогт Оливер. История артиллерии (Вооружение. Тактика. Крупнейшие сражения. Начало XIV – начало XX века).

¹⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 1. Оп. 40. Д. 136. Л. 24–24об.

¹⁸ Там же. Л. 24об.–25.

¹⁹ Там же. Л. 25–26.

²⁰ По всей видимости, речь идет о Феодосии Филипповиче Матюкевиче (1818–1891), крупном российском специалисте по пиротехнике, генерал-майоре. Он происходил из солдатских детей, служил пороховым подмастерьем на Шостенском пороховом заводе, а в 1847 г. был произведен в офицеры. В 1875 г. назначен совещательным, а в 1884 г. постоянным членом Артиллерийского комитета. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

²¹ Там же. Л. 26–27.

²² В 1850 г. Н. И. Маиевский был привлечен к работе в Артиллерийском отделении Военно-ученого комитета и назначен ученым секретарем отделения. В этот период он занимался теоретическими исследованиями в области внутренней баллистики, провел большой объем вычислительных работ, составил таблицы стрельбы из гладкоствольных орудий.

²³ АВИМАИВиВС. Ф. 1. Оп. 40. Д. 60. Л. 5–20об.

²⁴ Там же. Л. 50, 52об–56об.

М. А. Приходько (Москва)

С. И. САЛАГОВ ВО ГЛАВЕ ГЕНЕРАЛ-АУДИТОРИАТА В 1805–1808 гг.

Как известно, 8 сентября 1805 г. императором Александром I был утвержден доклад Комитета, учрежденного для нового образования, Генерал-аудиториата¹, – «О преобразовании Генерал-аудиториата»².

Если до 1805 г. Генерал-аудиториат подчинялся министру военных сухопутных сил в части пересмотра министром дел о преступлениях нижних чинов не из дворян, которые влекли назначение смертной казни³, то теперь Генерал-аудиториат получил статус государственной коллегии «для ревизии и окончательного суждения по делам всех военнослужащих в армии и флоте»⁴.

Генерал-аудиториат преобразовывался в самостоятельное государственное учреждение, подчиненное только императору и Правительствующему Сенату. Его возглавил президент – генерал-аудитор. Членами Генерал-аудиториата стали 4 генерал-лейтенанта или генерал-майора (2 от армии и 2 от флота) и 2 военных советника⁵.

Надзор за ведением делопроизводства был возложен на генерал-аудитор-лейтенанта⁶. Ему в помощь определялись 6 обер-аудиторов (4 по делам армии, 2 по флоту и адмиралтействам) и 12 аудиторов в качестве их помощников.

Кроме того, отдельные обер-аудитор и аудитор назначались «для исправления секретарской должности».

Сверх этого в Генерал-аудиториат определялись экзекутор, архивариус и «нужное число канцелярских служителей»⁷.

Вместе эти чиновники и канцелярские служители составили Канцелярию Генерал-аудиториата, которую возглавил генерал-аудитор-лейтенант⁸.

Генерал-аудитор должен был руководствоваться в своей деятельности главой 24-й первой части Воинского устава и «иметь главное наблюдение за сохранением всех законных форм и порядков» в производстве воинских судебных и следственных дел»⁹.

Решение по делам принималось по большинству голосов¹⁰ членов Генерал-аудиториата: т. е. в Генерал-аудиториате продолжал действовать коллежский порядок управлений.

Генерал-аудиториат сосредоточил в себе все военно-судебное управление армии и флота. К нему окончательно перешла вся власть утверждения приговоров по военно-судебным делам¹¹.

Возглавил Генерал-аудиториат генерал-лейтенант Семён Иванович Салагов (1756–1820).

С. И. Салагов происходил из древнего грузинского княжеского рода, начал военную службу в 1771 г. В Севском пехотном полку.

Последовательно проходя лестницу своей карьеры, он продолжил службу в Черниговском легкоконном полку (1778–1788) и Сумском легкоконном полку (1789–1797).

В 1797–1798 гг. – шеф Смоленского драгунского полка, в 1798–1800 гг. – командир лейб-гвардии Гусарского полка¹².

Став генерал-аудитором и президентом Генерал-аудиториата в 1805 г., С. И. Салагов всецело сосредоточился на военно-судебной деятельности, так и не став самостоятельной политической фигурой.

Относительно независимая деятельность Генерал-аудиториата продолжалась до 1808 г., до назначения министром военных сухопутных сил генерала от артиллерии А. А. Аракчеева¹³.

С 17 января 1808 г. министр военных сухопутных сил становится единственным докладчиком по всем военным делам¹⁴. Следствием чего стало представление докладов Генерал-аудитора императору через министра военных сухопутных сил¹⁵.

Таким образом, С. И. Салагов в 1805–1808 гг. возглавлял учреждение, занимавшее промежуточное положение в государственной системе Российской империи.

Деятельность более весомой в политическом и военном плане фигуры генерала от артиллерии А. А. Аракчеева вернула С. И. Салагова и Генерал-аудиториат в структуру Министерства военных сухопутных сил.

---

¹ Данный комитет был образован в 1804 г. в составе: министра юстиции П. В. Лопухина, товарища министра юстиции Н. Н. Новосильцева, министра

военных сухопутных сил С. К. Вязмитинова, товарища министра военных морских сил П. В. Чичагова и генерал-аудитора С. И. Салагова (Столетие Военного министерства. Т. 1. СПб., 1802. С. 107).

² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. (далее: ПСЗ-1). Т. 28. № 21904. С. 1214–1221; Т. 43. Ч. 2. Отд. 1. К № 23998. Таблица IV. С. 154.

³ Там же. Т. 28. № 21904. С. 1214.

⁴ Там же. С. 1217.

⁵ Там же. С. 1217. Ст. 3.

⁶ Там же. Ст. 4.

⁷ Там же. С. 1217–1218. Ст. 5.

⁸ Столетие Военного министерства. Т. 12. Ч. 2. Кн. 1. СПб., 1914. С. 17.

⁹ ПСЗ-1. Т. 28. № 21904. С. 1218. Ст. 11.

¹⁰ Там же. С. 1219. Ст. 21.

¹¹ Там же. С. 1217. Ст. 1.

¹² Волков С. В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. II. Л–Я. М., 2009. С. 448.

¹³ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 159.

¹⁴ ПСЗ-1. Т. 30. № 22756. С. 27.

¹⁵ Столетие Военного министерства. Т. 1. СПб., 1902. С. 131.

А. И. Прохоровская (Москва)

СОВЕТСКАЯ СПЕЦПРОПАГАНДА В КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (24 ЯНВАРЯ – 17 ФЕВРАЛЯ 1944 г.)

Влияние морального фактора на ход и исход боевых действий обуславливает значение информационно-психологического воздействия на войска противника в ходе современных военных конфликтов, в том числе в ходе проведения Специальной военной операции. В этой связи актуализируется отечественный опыт разложения войск противника силами советских органов спецпропаганды в ходе стратегического наступления РККА, развернувшегося в начале 1944 г.

Показательной в этом отношении является советская спецпропаганда¹ в Корсунь-Шевченковской наступательной операции, в ходе которой была окружена и ликвидирована крупная группировка противника. Она стала второй крупной операцией после Сталинградской битвы, в ходе которой проводилась масштабная работа по разложению окруженных сил противника. В отечественной историографии Корсунь-Шевченковская наступательная операция получила название «Новый Сталинград» или «Сталинград на Днестре», а в зарубежной – «Черкесский котел» или «Ворота в ад».

В январе 1944 г. крупная группировка противника, включавшая части сил немецких 1-й танковой и 8-й полевой армий группы армий «Юг» (генерал-фельдмаршал Э. Манштейн) была окружена на Правобережной Украине в глубоком выступе, образовавшемся в результате Житомирско-Бердичевской и Кировоградской операций. В сложившейся к середине января 1944 г. стратегической обстановке ликвидация Корсунь-Шевченковского выступа стала первоочередной задачей 1-го и 2-го Украинских фронтов. Ее успешное решение позволяло

осуществить общее наступление с целью полного освобождения Правобережной Украины.

В общей сложности в состав окруженной группировки входили два армейских корпуса (XLII и XI) в составе 10 дивизий, в том числе 5-я танковая дивизия СС «Викинг», и одной бригады (5-я добровольческая штурмовая бригада СС «Валлония»), а также артиллерийских и инженерных частей усиления. Ее поддерживала авиация 4-го воздушного флота. Корсунь-Шевченковская группировка противника насчитывала более 80 тыс. человек, 1640 орудий и минометов, 140 танков и штурмовых орудий, до 1000 самолетов. Командующим группировкой 7 февраля 1944 г. был назначен генерал-лейтенант В. Штеммерман.

Несмотря на полное окружение и ежедневные большие потери в живой силе и технике, окруженные соединения и части противника сохраняли высокую степень боеспособности². Для ее поддержания и противодействия разлагающему влиянию советской спецпропаганды на личный состав вермахта предпринимались жесткие контрмеры. Еще в январе 1944 г. в войсках был введен запрет на хранение советских пропагандистских листовок, несоблюдение которого приравнивалось к измене³. Активизировалась немецкая пропаганда, убеждавшая, что Германия – последний оплот, противостоящий большевизации Европы. Внушались чудовищные сценарии будущего Германии в случае победы СССР, что побежденный немецкий народ ждут «Сибирь, стерилизация, насилие и массовое уничтожение»⁴.

Кроме того, немецкая контрпропаганда отрицала существование советского плена и запугивала немецких солдат и офицеров жестокими расправами со стороны РККА над перебежчиками и сдавшимися в плен. Страх перед советским пленом усиливался и чувством ответственности за совершенные военные преступления на оккупированной советской территории⁵. Это также побуждало к упорному сопротивлению, даже в окружении.

Немецкое командование небезуспешно поддерживало боевой дух личного состава группировки, окруженной в Корсунь-Шевченковском котле, надеждой на помощь со стороны 1-й танковой армии генерала Г.-В. Хубе, которая действительно принимала активные попытки внешнего прорыва кольца, но была остановлена советскими войсками. Однако легенда о выручке продолжала существовать до ликвидации котла, поддерживаемая

ложными слухами и радиограммами, заставлявшими осажденные части продолжать сопротивление.

В сложившейся военно-политической обстановке с учетом политико-морального состояния противника основной задачей спецпропаганды на окруженные войска противника в Корсунь-Шевченковской наступательной операции являлось их склонение к организованной капитуляции, а в случае отказа – к индивидуальной и групповой сдаче в плен.

Основными формами оперативной спецпропаганды в Корсунь-Шевченковской наступательной операции являлись печатная и устная пропаганда и агитация. Содержание пропагандистских материалов и устных выступлений основывалось на аналогии сложившейся обстановки с положением 6-й армии в Сталинградском котле и напоминании о бессмысленной гибели немецких солдат и офицеров на Волге. Особенностью советской спецпропаганды в ходе окружения и ликвидации группировки противника стало усиление национально-патриотической пропаганды от имени Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ)⁶. И пропаганда от имени Красной армии, и пропаганда от имени НКСГ всеми способами старались внушить немецким войскам неверие в победу гитлеровской Германии, понимание, что затягивание войны приводит к бесцельным жертвам в людях и технике, а самое главное – веру в существование советского плена⁷.

1–4 февраля 1944 г. было издано и распространено более 518 тыс. листовок. Большим тиражом была выпущена листовка на немецком языке, снабженная схемой окружения. В ней сообщалось о том, что советские войска прочно взяли в непробиваемое стальное кольцо крупную группировку вермахта. Солдатам и офицерам противника предлагалось сделать выбор – либо сдаться в плен, либо погибнуть. Были выпущены специальные листовки о русском плене и льготах для перебежчиков.

Информация об окружении удручающе действовала на рядовой и унтер-офицерский состав. Военнопленный солдат 5-й роты 323-го полка 88-й пехотной дивизии Б. Гатнер рассказал: «Солдаты надеялись, что их освободят из окружения. Все же они сильно упали духом. Узнав об окружении, я решил сдаться в плен, т. к. понял, что из котла домой дороги нет»⁸.

8 февраля 1944 г. советское командование предъявило войскам, окруженным под Корсунь-Шевченковским, ультиматум,

в котором призывало прекратить сопротивление. В случае его отклонения окруженные войска подлежали уничтожению, а ответственность за это возлагалась на немецкое командование. 9 февраля 1944 г. штаб командующего окруженной группировкой отклонил ультиматум советского командования. Для поддержания морального духа и боеспособности личного состава командование немецкой группировкой скрывало его содержание. В этой связи среди окруженных войск противника распространялись листовки с текстом ультиматума советского командования на немецком языке и личным обращением командующего фронтом генерала армии Н. Ф. Ватутина к окруженным немецким генералам, офицерам и солдатам, предлагавшего не повторять сталинградских ошибок и организовано сдаваться в плен⁹.

Опросы немецких военнопленных показали, что среди личного состава окруженных частей и соединений распространялись различные слухи, что командующий группировкой В. Штеммерман и командир 42-го армейского корпуса генерал-лейтенант Т. Либ склонялись к принятию предложений советского командования, однако получили от А. Гитлера приказ любой ценой удерживать позиции, сражаться до последнего патрона и солдата, «вплоть до самоубийства», но не капитулировать. Среди немецких солдат распространялась информация, что В. Штеммерман и Т. Либ были арестованы¹⁰. Впоследствии стало известно, что В. Штеммерман был отстранен от командования окруженной группировкой, оно было возложено на командира танковой дивизии СС «Викинг» группенфюрера СС М. Гилле, которому пришлось ввести в котле строжайший дисциплинарный режим¹¹.

После отклонения командованием окруженной группировки ультиматума Главным политическим управлением РККА (ГлавПУ РККА) было принято решение о проведении разоблачительной пропагандистской операции совместно с Союзом немецких офицеров (СНО)¹². 10 февраля 1944 г. в условиях строжайшей секретности на 1-й Украинский фронт выехала бригада немецких военнопленных во главе с президентом СНО, бывшим командиром 51-го корпуса 6-й армии вермахта генералом артиллерии В. фон Зейдлицем и членом СНО, бывшим командиром 295-й пехотной дивизии 6-й армии вермахта генерал-майором О. Корфесом. Организацией операции занимался заместитель

Ил. 1. Генерал-лейтенант
Иосиф Васильевич Шикин –
заместитель начальника Главного
политического управления РККА

начальника ГлавПУ РККА генерал-лейтенант И. В. Шикин (ил. 1), который лично сопровождал военнопленных генералов на место проведения операции.

Предполагалось, что путем личного влияния и воздействия своего авторитета им удастся склонить командующий состав окруженной группировки к переходу на сторону НКСГ организованным путем. В случае отказа командующего и офицерского состава всеми средствами повлиять на унтер-офицерский и солдатский состав окруженных частей для их перехода на сторону НКСГ группами, явочным порядком. Переход предлагался на условиях сохранения жизни и без-

опасности, а также сохранения организационных форм частей и соединений при содержании в лагерях¹³.

11–13 февраля 1944 г. было отпечатано 550 тыс. листовок-обращений генерала В. фон Зейдлица, 800 тыс. листовок сокращенного варианта обращения председателя СНО, 914 тыс. листовок – пропусков на сторону НКСГ¹⁴. Тиражом более 1 млн экземпляров было распространено воззвание «К генералам, офицерам и солдатам 10 немецких дивизий, окруженных в районе Корсунь-Шевченковского». Четырём командирам соединений и частей окруженной группировки были направлены 49 личных писем генерала фон Зейдлица и генерал-майора О. Корфеса¹⁵. В них, ссылаясь на собственный сталинградский опыт, они предупреждали об опасности отклонения ультиматума. Призывали не жертвовать своими жизнями ради Гитлера.

31 января – 14 февраля 1944 г. общий тираж обращений и листовок, распространенных над районом окружения, составил 6 млн 113 тыс. экземпляров, из которых 3 млн 340 тыс. экземпляров содержали текст обращения президента Союза немецких

Ил. 2. Фронтальная газета на немецком языке для солдат и офицеров вермахта Front Illustrierte. Февраль 1944 г. (титовная полоса)

офицеров¹⁶. Помимо листовок среди войск противника распространялась фронтальная газета на немецком языке Front Illustrierte (ил. 2), тематика которой была посвящена сталинградской катастрофе 6-й армии под командованием фельдмаршала Ф. Паулюса, и газета НКСГ Freies Deutschland, в которой опровергался тезис немецкой пропаганды, что антифашистское движение немецких военнопленных «Свободная Германия» – фальшивка советской пропаганды¹⁷. Материалы печатной пропаганды распространялись в тылу противника посредством авиации, разведывательных групп, обратной засылки военнопленных к своим частям¹⁸.

Наряду с печатной пропагандой среди войск противника в ходе Корсунь-Шевченковской наступательной операции широко применялась устная пропаганда. Содержание ультиматума советского командования, а также листовок-обращений от имени НКСГ и СНО передавалось устно через окопные громкоговорящие установки (ОГУ) и мощные громкоговорящие установки (МГУ). С 1–18 февраля 1944 г. на каждую ОГУ приходилось в среднем 67 передач.

Особенностью устной спецпропаганды в ходе Корсунь-Шевченковской наступательной операции было увеличение

Ил. 3. Обращение президента Союза немецких офицеров В. фон Зейдлица по фронтовой радиостанции, работавшей на немецких волнах, к частям немецкой армии, окруженным под Корсунь-Шевченковским, с предложением сдать оружие. Февраль 1944 г.

числа передач от имени НКСТ/СНО, особенно тех его членов, которые были взяты в плен под Сталинградом. Генерал-майором О. Корфесом, майором Г. Леверенцем и капитаном Э. Хадерманом, которые находились на 1-м Украинском фронте, были проведены 35 выступлений по МГУ с предложениями сдаться в плен, чтобы сохранить жизни людей.

Эффективным средством устной спецпропаганды стало вещание через боевые рации. Было проведено около 425 передач, в том числе 85 передач через мощные армейские рации¹⁹. Через фронтовую радиостанцию, работавшую на немецких волнах, транслировались выступления В. Зейдлица (ил. 3), О. Корфеса и уполномоченных НКСТ. Частым явлением стало подтверждение приема, чего раньше удавалось добиться только в редких случаях²⁰.

Особенностью спецпропаганды в Корсунь-Шевченковской наступательной операции стало активное задействование не только специально подготовленных в тыловых лагерях немецких

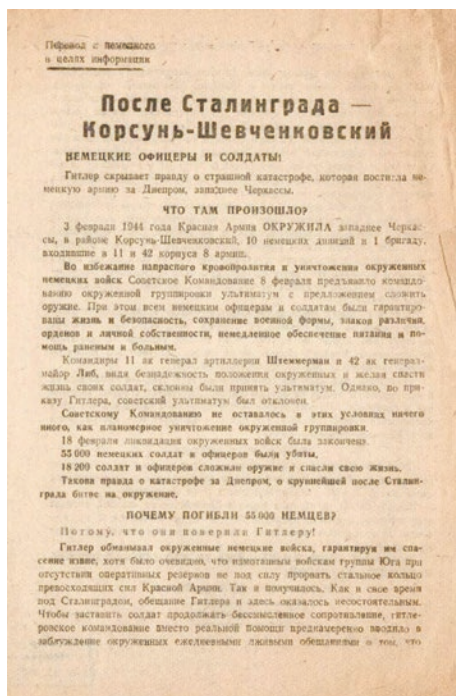

Ил. 4. Фронтная газета на немецком языке для солдат и офицеров вермахта Front Illustrierte. Март 1944 г. (титульная полоса)

военнопленных-антифашистов – членов НКСГ и СНО, но и «свежих» плененных. От имени перебежчиков издавались листовки с их фотоснимками и факсимиле их подписей, они привлекались к составлению личных писем и для выступлений на звуковещательных станциях²¹.

Военнопленных использовали в качестве дикторов дивизионных облегченных звуковых станций (ОЗС) и рупористов, как переводчиков текстов оперативных передач. Их привлекали к составлению писем и обращений к солдатам противника, сортировке трофейных документов, как наборщиков и печатников в походной типографии²². Это решение оказало существенную помощь, особенно старшим инструкторам дивизий, и позволило решить кадровую проблему отсутствия специалистов со знанием немецкого языка.

Эффективной формой спецпропаганды являлась обратная заброска военнопленных. В районе Корсунь-Шевченковского через линию фронта было переброшено 95 военнопленных, из них обратно возвратилось 60 человек, которые привели с собой более 300 человек²³. Вернувшиеся в свои части военнопленные информировали немецких солдат о русском плене, передавали

Ил. 5. Листовка на русском языке с сообщением к немецким солдатам и офицерам о ликвидации Корсунь-Шевченковского котла

содержание ультиматума советского командования, копии личных писем и фотографии пленных с генералами В. фон Зайдлицем и О. Корфесом, письма немецких солдат и офицеров из русского плена, распространяли агитационную литературу, организовывали сдачу в плен²⁴. Это вызвало серьезное беспокойство немецкого командования и введение контрмер²⁵.

Тем не менее, несмотря на принимавшиеся усилия склонить окруженную группировку к капитуляции, предпринимались попытки внутреннего прорыва кольца. В ночь 16–17 февраля 1944 г. во время третьей попытки, повлекшей за со-

бой потери по разным данным около 13²⁶–20 тыс. немецких солдат и офицеров, части окруженных удалось вырваться из котла, в том числе командиру танковой бригады СС «Викинг» генералу Г. Гилле и командиру 42-го ак генерал-лейтенанту Т. Либу.

В ходе прорыва командующий окруженной группировкой командир 11-го ак генерал артиллерии В. Штеммерман погиб, его тело было найдено западнее с. Петровское²⁷. По указанию командующего 2-м Украинским фронтом генерала армии И.С. Конева он был похоронен с воинскими почестями. Фотографии тела генерала артиллерии В. Штеммермана были использованы в печатной спецпропаганде в мартовском номере газеты Front Illustrierte (ил. 4), в которой сообщалось

Ил. 6. Военнопленные, захваченные в ходе ликвидации немецкой группировки в районе Корсунь-Шевченковского

о ликвидации Корсунь-Шевченковского котла. Одновременно информация об успешном прорыве части окруженных использовалась в немецкой контрпропаганде²⁸.

Корсунь-Шевченковская наступательная операция завершилась ликвидацией «котла» и частичным уничтожением 10 дивизий и 1 бригады противника, что сильно деморализовало личный состав группировки на юго-западном стратегическом направлении (ил. 5). В плен попали более 18 тыс. человек (ил. 6).

Таким образом, в ходе Корсунь-Шевченковской наступательной операции советская спецпропаганда проводилась политическими органами 1-го и 2-го Украинских фронтов совместно с антифашистскими организациями немецких военнопленных НКСТ и СНО. Она имела массовый характер и отличалась адресной направленностью (на командующий, офицерский, унтер-офицерский и рядовой состав). Несмотря на то, что склонить окруженную немецкую группировку к организованной капитуляции не удалось, были получены положительные результаты работы по организации групповой и индивидуальной сдачи в плен. Наиболее эффективной оказалась применявшаяся

обратная засылка военнопленных. Она непосредственно опровергала основной тезис немецкой пропаганды об «ужасах русского плена».

Совместными усилиями советских органов спецпропаганды и представителей НКСТГ и СНО за время проведения Корсунь-Шевченковской наступательной операции удалось не только массово охватить противника содержанием советской спецпропаганды, но и подготовить сознание немецких солдат и офицеров к дальнейшей идеологической работе с ними уже в статусе военнопленных.

---

¹ Спецпропаганда – комплекс информационных, агитационных и пропагандистских мероприятий, проводимых в отношении войск и населения противника с целью подрыва их морального и боевого духа, склонения к разрыву с правящим режимом, сдаче в плен и организованной капитуляции.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее: ЦАМО РФ). Ф. 240. Оп. 12779. Д. 1132. Л. 26.

³ Пропуск в рай: Сверхоружие последней мировой / Авторы-сост. Л. Белоусов, А. Ватлин. М., 2007. 232 с. С. 132.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 91. Л. 113.

⁵ Бухнер А. Восточный фронт. Черкассы. Тернополь. Крым. Витебск. Бобруйск. Броды. Яссы. Кишинев. 1944. М., 2013. 365 с. С. 27.

⁶ 12–13 июля 1943 г. при деятельном участии ГлавПУ РККА, Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД (УПВИ НКВД) и немецких коммунистов-эмигрантов, а также немецких военнопленных солдат и офицеров был создан Национальный комитет «Свободная Германия». Основу данной национальной антифашистской организации составили военнослужащие 6-й армии, окруженные и попавшие в плен под Сталинградом.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 91. Л. 124.

⁸ Там же. Л. 61.

⁹ Там же. Л. 84–85.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 231. Л. 40.

¹¹ Там же. Оп. 11306. Д. 91. Л. 40, 51.

¹² Союз немецких офицеров (СНО) – антифашистская организация военнопленных немецких офицеров во главе с генералом артиллерии В. фон Зейдлиц-Курцбахом. Создан 11–12 сентября 1943 г. Являлся военным филиалом Национального комитета «Свободная Германия». В его состав вошли около 100 офицеров и 4 генерала, в том числе фельдмаршал Ф. Паулюс (в 1944 г.)

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 231. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 49.

¹⁵ Ружина И. М. Фронтная деятельность Национального комитета «Свободная Германия» (1943–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 2020. № 5. С. 39–47. С. 46.

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 91. Л. 128.

¹⁷ Там же. Оп. 11309. Д. 231. Л. 82.

¹⁸ Там же. Оп. 11306. Д. 91. Л. 152.

¹⁹ Там же. Л. 131.

²⁰ Там же. Л. 130.

²¹ Там же. Л. 227.

²² Там же. Л. 148.

²³ Там же. Л. 141.

²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 231. Л. 49; Оп. 11306. Д. 91. Л. 145.

²⁵ Там же. Л. 141.

²⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Band 8: Die Ostfront 1943/44: der Krieg im Osten und an den Nebenfronten / mit Beitr. von K.-H. Frieser München. 2007. 1319 s. S. 416.

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 231. Л. 47.

²⁸ Там же. Оп. 11306. Д. 91. Л. 289.

В. А. Прямыцын, Е. В. Бей (Москва)

**ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ СБОРА РУКОВОДЯЩЕГО
СОСТАВА МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ
ВВС КРАСНОЙ АРМИИ 1945 г. –
НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Несмотря на интенсивность и напряжение, которыми характеризовалась работа авиационных метеорологов в ходе Великой Отечественной войны, метеорологическая служба авиации ежегодно проводила сборы руководящего состава. Настоящая статья посвящена истории проведения сборов метеорологов в годы войны и крупнейшему из них – декабрьскому сбору 1945 г.

Непосвященному человеку может показаться, что война – не время для проведения такого мероприятия, как сбор руководящего состава. В действительности в военное время актуальность сборов существенно возросла. Дело в том, что, в отличие от мирного времени с его размеренным ходом событий, военное время отличается высокой динамикой и появлением новых приемов работы, интенсивным накоплением бесценного опыта. Сборы руководящего состава являлись формой систематизации этого опыта, обмена им между объединениями, доведения до всех заинтересованных лиц. Сборы охватывали все уровни специалистов. При этом иницирующими по отношению к нижестоящим выступали сборы руководящего состава метеослужбы Военно-воздушных сил Красной армии.

Первые попытки провести сбор руководящего состава авиационной метеорологической службы датируются 1942 г. Вместе с тем, первый полноценный сбор начальников

метеорологических служб воздушных армий и ВВС военных округов был проведен в августе 1943 г. Пережив наиболее сложные первые два года войны, авиационные метеорологи собрались в Москве для того, чтобы подвести промежуточные итоги и обменяться опытом¹.

Во второй раз сбор был проведен в декабре 1944 г. Рассматривались результаты обеспечения авиации в наступательных операциях, обсуждались недостатки работы службы, выявленные после ее очередного преобразования, намечались планы работы на 1945 г.²

Каждый раз для проведения подобных мероприятий начальники метеорологических служб воздушных армий и ВВС военных округов вызывались телеграммами в Москву. По завершении работы сбора они возвращались на места, где проводили сбор уже в масштабах своей армии или округа с участием начальников метеорологических служб авиационных соединений и частей. Так, на протяжении 1944 г. в воздушных армиях было проведено 34 сбора с участием 422 человек. В ВВС военных округов прошли 25 сборов, в работе которых приняли участие 273 специалиста³.

Офицеры, принимавшие участие в сборах на уровне воздушной армии или ВВС военного округа, проводили занятия с подчиненным личным составом, донося до военнотружущих информацию в части, их касающейся. Такой механизм позволял оперативно передавать передовой опыт метеорологического обеспечения между объединениями, из центра на места, от вышестоящего руководства к рядовым исполнителям⁴.

В качестве иллюстрации работы этого механизма можно привести сбор руководящего состава метеорологической службы 12-й воздушной армии летом 1945 г. На первом этапе начальник метеорологической службы провел семидневный сбор с начальниками метеорологических служб авиационных корпусов, дивизий и районов авиационного базирования. На втором этапе участники сбора провели подобное мероприятие в своих соединениях и частях, доведя полученные сведения до начальников авиационных метеорологических станций батальонов аэродромного обслуживания. Напомним, что 12-я воздушная армия входила в состав Забайкальского военного округа, а затем – фронта. Когда воздушные армии на Западном театре уже завершили участие в боевых действиях,

на Востоке они только предстояли. В ходе сбора проводилось изучение опыта метеорологического обеспечения за время Великой Отечественной войны, рассматривались методы предсказания погоды по обрезанным картам, физико-географические условия дальневосточного театра.

Установлено, что в 1945 г. в метеорологической службе было проведено 74 сбора уровня воздушной армии и ВВС военного округа. Наряду с ними в марте 1945 г. прошел сбор преподавательского состава метеорологической службы школ военной авиации, на котором рассматривались вопросы совершенствования методики преподавания авиационной метеорологии в условиях сокращения учебного времени⁵.

Наибольший интерес представляет сбор руководящего состава метеорологической службы ВВС Красной армии, проведенный в декабре 1945 г. Несмотря на то, что он состоялся уже после Великой Отечественной войны, его можно рассматривать как последний в череде подобных мероприятий. Он проводился в составе организации военного времени с привлечением метеорологов, прошедших всю Великую Отечественную войну.

Основанием для проведения сбора стал приказ командующего ВВС Красной армии № 0203 от 21 ноября 1945 г. Целью было определено «подведение итогов работы метеорологической службы ВВС за период Великой Отечественной войны и постановка задач на послевоенное мирное время». Во все концы страны были заблаговременно направлены телеграммы с требованием направить начальников служб воздушных армий и ВВС военных округов. При этом в телеграммах указывалось, какой доклад должен подготовить тот или иной офицер⁶.

Кроме них к участию в работе сбора были приглашены начальники метеорологической службы некоторых авиационных корпусов. Участвовали представители Главного управления гидрометеорологической службы Красной армии и штурманской службы ВВС, руководство метеорологической службы истребительной авиации ПВО и авиации ВМФ. Всего в мероприятии участвовали 79 военнослужащих, среди которых были четыре генерала и 75 офицеров⁷. Состав участников сбора представлен таблицей 1.

**Участники сбора руководящего состава метеорологической
службы ВВС Красной армии 1945 г.**

Категория участников	Количество, чел.
от воздушных армий	17
от ВВС военных округов	22
от ВВС ВМФ	10
от истребительной авиации ПВО	5
от ГАМС ВВС КА	5
от учебных заведений	2
от ГУГМС СССР	3
прочие	15

Сбор проводился с 20 по 30 декабря 1945 г. в Москве в Центральном доме Красной армии. Руководил мероприятием начальник метеорологической службы ВВС генерал-майор В. И. Альтовский. Вместе с тем, право открытия сбора 20 декабря 1945 г. было предоставлено почетному гостю. Первым выступил врид главного штурмана ВВС генерал-майор Ищенко. Он поприветствовал участников, объявил цель и задачи сбора. Затем генерал-майор В. И. Альтовский и старший помощник начальника отдела метеослужбы штаба ВВС КА майор И. С. Николаев подвели итоги работы метеорологической службы военной авиации за период Великой Отечественной войны.

В последующие дни на сборах звучали выступления по наиболее существенным темам. В частности, начальник управления метеорологической службы ВВС Главного управления гидрометеорологической службы Красной армии генерал-майор М. В. Беляков привел обстоятельный доклад о результатах работы военных гидрометеорологов за прошедшие четыре года, подкрепляя слова значительным количеством цифр и фактов, делая содержательные выводы. В приветственном слове он сказал: «Война кончилась, и первое, что мне хочется сказать здесь Вам, это поздравить Вас всех с той оценкой, которую Вы получили в конце войны от Вашего командования. Наличие на Вас большого количества орденов свидетельствует о том, что каждый из Вас много поработал»⁸.

Далее последовали доклады офицеров отдела метеорологической службы штаба ВВС КА. Полковник Мельников и инженер-майор В. А. Уруков представили доклад на тему «Анализ авиационных происшествий по метеорологическим условиям и вине метеорологической службы». Инженер-майор Лучшев в своем выступлении осветил вопросы снабжения метеорологическими приборами и имуществом в годы Великой Отечественной войны. Инженер-подполковник И. Г. Ермолаев акцентировал внимание участников сбора на вопросах организации работы авиационной метеорологической службы при переходе на штаты мирного времени. Инженер-полковник А. А. Кулаков доложил об основных проблемах, стоящих перед метеорологами, и перспективах их решения⁹.

Наряду с этими организационными аспектами существенное внимание в работе сбора отводилось вопросам специальности, по которым выступали офицеры Главной авиационно-метеорологической станции ВВС Красной армии. Так, инженер-капитан Золотарев доложил о правилах проверки метеорологических приборов и о повышении качества наблюдений за погодой. Инженер-капитан Клемин и инженер-майор В. И. Унуков рассказали о картах барической топографии и методике их применения при составлении прогнозов. Инженер-подполковник А. И. Бердонос доложил о разрушительном смерче, пронесшемся над столичным регионом 2 сентября 1945 г.¹⁰

Отдельный день в работе сбора был отведен для докладов начальников метеорологических служб воздушных армий и ВВС военных округов о работе по обеспечению боевых действий, полетов и перелетов авиации, проведенной за время Великой Отечественной войны. Это была, пожалуй, наиболее активная часть мероприятия. Каждый из начальников делился полученным опытом. Стенограмма свидетельствует о том, что выступления сопровождались приведением конкретных примеров, а докладчикам задавали множество вопросов. В частности, существенный интерес у участников сбора, преимущественно прошедших дорогами войны на западном театре, вызвали выступления начальников метеорологической службы 9-й и 12-й воздушных армий (майор М. В. Лысенко, подполковник Д. Н. Шириков), накануне завершивших обеспечение Красной армии в Советско-японской войне¹¹.

30 декабря 1945 г. генерал-майор В. И. Альтовский подвел итог работы сбора. В числе прочего он отметил: «За последние годы метеорологическая служба в значительной степени повысила свой авторитет. Улучшилось качество анализа и обработки карт, а процент оправдываемости прогнозов значительно повысился. Метеорологические специалисты всех категорий научились более оперативно обеспечивать боевую работу ВВС. Все это дает основание считать, что метеорологическая служба ВВС окрепла и способна высококачественно вести обслуживание боевой работы ВВС»¹². Кроме того, по результатам работы сбора был намечен план мероприятий на ближайшее будущее, предусматривающий переход службы на работу в условиях мирного времени, а также издан приказ командующего ВВС Красной армии.

Отличие от предыдущих, сбор руководящего состава метеорологической службы ВВС Красной армии 1945 г. оставил наиболее яркий след в исторических источниках. В коллекции документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации этому мероприятию посвящены несколько дел. Представлен его план, список участников, дословная стенограмма и отчет о проведении. Долгие десятилетия эти материалы находились на секретном хранении, но в середине 1990-х были раскритичены и теперь доступны для исследователей.

Благодаря этим документам сегодня можно ознакомиться с взглядом руководителей советской военной авиационной метеорологии на обеспечение в минувшую войну, составленным по ее следам. Бесценно – узнать мнение начальников метеорологических служб каждой из воздушных армий о том, как это происходило на их участках работы, составить представление о том, с какими трудностями сталкивались авиационные метеорологи на фронтах Великой Отечественной войны. Интересно – ознакомиться с видением на послевоенное устройство службы и работу в мирных условиях. Сбор руководящего состава метеорологической службы ВВС Красной армии, проведенный в декабре 1945 г., можно без преувеличения назвать конференцией победителей.

---

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее: ЦАМО РФ). Ф. 35. Оп. 11264. Д. 62. Л. 1–89.

² Там же. Д. 87. Л. 1–185.

³ Там же. Д. 116. Л. 166.

⁴ Метеорологическая служба ВВС (Информационный сборник № 2). М., 1947. С. 78.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 98. Л. 58.

⁶ Там же. Д. 121. Л. 45.

⁷ Там же. Д. 111. Л. 1, 2.

⁸ Там же. Д. 120. Л. 2.

⁹ Там же. Д. 111. Л. 4.

¹⁰ Там же. Д. 111. Л. 5.

¹¹ Там же. Д. 120. Л. 92–103, 164–168.

¹² Там же. Д. 120. Л. 250.

Р. Н. Рахимов (Уфа)

ПЕХОТА ОРЕНБУРГСКОЙ УКРЕПЛЕННОЙ ЛИНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: ОРГАНИЗАЦИЯ, ПОГРАНИЧНАЯ СЛУЖБА, ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Принятие в 20-х гг. XVIII в. Младшим казахским жузом российского подданства привело к изменению положения на юго-восточной границе России. Оренбургская экспедиция И. К. Кирилова, призванная построить на границе «городок в Азию» и организовать торговлю с Востоком, завершилась в 1742 г. созданием Оренбургской губернии, строительством укрепленной линии по р. Яик (с 1775 г. Урал), формированием для ее охраны Оренбургского нерегулярного корпуса. Для усиления гарнизонов крепостей на линии были расквартированы пехотные полки регулярной армии.

При Павле I войска вошли в состав Оренбургской инспекции. В начале правления Александра I ее пехота включала армейскую (Уфимский, Рыльский, Екатеринбургский мушкетерские полки) и гарнизонную. В феврале 1808 г. Оренбургская инспекция была переформирована в 23-ю дивизию, переименованную 6 ноября 1811 г. в 28-ю. Номер 29-й она получила 11 июля 1813 г. Затем нумерация поменялась 20 мая 1820 г. Дивизия стала 26-й пехотной. С 14 февраля 1831 г. она именовалась 28-й, с 19 мая 1834 г. 22-й, с 20 февраля 1845 г. 23-й пехотной дивизией, вплоть до расформирования 26 апреля 1863 г.

18 декабря 1816 г. был создан Отдельный Оренбургский корпус, пехоту которого составлял гарнизонный полк и 10 батальонов¹. Оренбургские военные губернаторы П. К. Эссен, граф П. П. Сухтелен, граф В. А. Перовский, В. А. Обручев, оренбургские и самарские генерал-губернаторы А. А. Катенин и А. П. Безак

являлись его командирами. Корпус просуществовал до 10 августа 1864 г., когда был упразднен и переименован в войска Оренбургского края.

На начало Александровского правления гарнизонная пехота представляла собой гарнизонные 2-батальонные полки Оренбургский и Казанский, батальоны: Кизильский в Кизильской крепости, Верхнеуральский в Верхнеуральске, Троицкий в Троицке, Звериноголовский в Звериноголовской крепости, Орский в Орске, Симбирский в Симбирске. Итого – два полка, шесть батальонов.

У всех батальонов, по штату «Гарнизонного батальона на полевом положении» от 30 апреля 1802 г., было четыре мушкетерских и строевых рот. В каждой: обер-офицеров 4, унтер-офицеров 12, рядовых 180, барабанщиков 3. В батальоне: штаб-офицеров 2, обер-офицеров 18, унтер-офицеров 48, рядовых 720, барабанщиков 13, нестроевых 34, денщиков 31, всего 866 человек².

Гарнизонные Казанский полк и вновь сформированные Уфимский и Вятский батальоны в начале 1804 г. переведены на внутреннее положение. В марте 1811 г. они вместе с Симбирским батальоном переформированы во внутренние гарнизонные батальоны. В этом же году сформирован Пермский внутренний гарнизонный батальон. 28 ноября 1804 г. учреждены четыре новых линейных батальона на полевом положении: 1-й линейный Оренбургский гарнизонный (крепость Верхнеозерная), 2-й линейный Оренбургский гарнизонный (Орск), 3-й линейный Оренбургский гарнизонный (Верхнеуральск), 4-й линейный Оренбургский гарнизонный (Троицк).

20 марта 1811 г. из рот Симбирского и Уфимского гарнизонных батальонов сформирован на внутреннем положении Уральский гарнизонный батальон. Уже на следующий год, как находившийся на линии, он переведен на полевое положение. Таким образом, к 1812 г. на укрепленной линии на полевом положении находились один гарнизонный полк и 10 батальонов. На внутреннем положении в отдалении от линии – Уфимский внутренний гарнизонный батальон. К нему относились сформированные в 1811 г. 13 уездных инвалидных команд (2 обер-офицеров, 5 унтер-офицеров, 40 рядовых). Многие батальоны, имея штаб в крепости, были расквартированы поротно в небольших крепостях: Магнитной, Степной, Таналыцкой, Верхнеозерной и т. д. Это было связано как с военной необходимостью, так и с недостатком жилого фонда для военнослужащих в условиях отсутствия казарменного фонда.

Так, например, в 1808 г. Екатеринбургский мушкетерский полк был расквартирован в Челябинске, Перми, Шадринске; Звериноголовский батальон в Звериноголовской, Усть-Уйской, Крутоярской крепостях; Рыльский мушкетерский полк в Уральске и Бузулуке; Оренбургский гарнизонный полк в Оренбурге, крепостях Чернореченской, Татищевской, Нижнеозерной, Рассыпной, Илецкой защите.

Опасность войны с Наполеоном потребовала усиления армии. С февраля 1804 г. начинают регулярно посылаться в Санкт-Петербург для комплектования гвардии лучшие солдаты из Оренбургской инспекции. В феврале было отправлено 39 человек; в сентябре – 50; в январе 1805 г. – 64 человека; в мае – еще одна партия; в марте 1806 г. – 80 солдат³. Поскольку в Уфе формировался внутренний гарнизонный батальон, то 3 июня 1804 г. Уфимский мушкетерский полк был переведен в Оренбург.

В ноябре этого же года прошла экспедиция в Уральск с целью введения нового «Положения об Уральском войске», которое не хотели принимать казаки. В ней участвовали Рыльский мушкетерский и два батальона Уфимского. Пехота зимовала в Уральске. Затем Уфимский полк вернулся в Оренбург, а Рыльский до 1808 г. оставался там, выходя летом на лагерные сборы в Оренбург. В 1806 г. армейские полки Оренбургской инспекции послужили основой для формирования новых полков армии.

Таблица 1

**Схема формирования новых частей армии из полков
Оренбургской инспекции в 1806 г.**

Полки Оренбургской инспекции	Из них сформированы	
	13.06.1806	16.08.1806
Уфимский мушкетерский полк, гарнизонные роты, рекруты	26-й Егерский полк	Вильманstrandский мушкетерский полк 31-й Егерский полк
Рыльский мушкетерский полк и рекруты		29-й Егерский полк 30-й Егерский полк
Екатеринбургский мушкетерский полк и рекруты	25-й Егерский полк	Камчатский мушкетерский полк Мингрельский мушкетерский полк
Тамбовский мушкетерский полк в Казани и рекруты		27-й Егерский полк 28-й Егерский полк

В формировании 26-го Егерского полка участвовал прапорщик Уфимского мушкетерского полка И. Н. Скобелев, будущий адъютант М. И. Кутузова, комендант Петропавловской крепости, дед М. Д. Скобелева. Кроме участия в формировании новых частей армии в марте 1804 г. из Уфимского мушкетерского полка для комплектования Горной и Монетной рот в Екатеринбург был определен 61 человек⁴.

В конце 1806 г. некоторые офицеры Уфимского и Рыльского мушкетерских полков были назначены оренбургским военным губернатором во главе башкирских пятисотенных команд, направленных в армию для участия в боевых действиях против Наполеона в 1807 г.⁵

В 1808 г. Оренбургский военный губернатор князь Г. С. Волконский получил предписание отправить Уфимский мушкетерский полк в армию. О его качествах князь дал следующую характеристику: «Так хорош, что половина полка заслуживает укомплектовать блистательную Гвардию»⁶. В этом же году в армию направлен Екатеринбургский мушкетерский полк. С момента отправления в армию в 1810 г. Рыльского мушкетерского полка в Оренбургской губернии армейских частей не осталось. Еще одной командой, послужившей основой для формирования нового полка, была рота Уральского гарнизонного батальона, отправленная в 1811 г. в Москву на формирование 50-го Егерского полка во главе с майором Тихановским⁷.

В 1812 г. 28-я пехотная дивизия состояла из четырех бригад. В 1-ю входили Оренбургский гарнизонный полк и Орский гарнизонный батальон; во 2-ю – Кизильский, 1-й, 2-й, 3-й линейные Оренбургские гарнизонные батальоны; 3-я состояла из Верхнеуральского, Троицкого, Звериноголовского и 4-го линейного Оренбургского гарнизонных батальонов; 4-ю бригаду составлял Казанский гарнизонный полк. Штаб дивизии находился в Оренбурге.

С началом Отечественной войны 1812 г. император поручил генералу от инфантерии князю Д. И. Лобанову-Ростовскому формировать резервные войска: «Сделать выбор из всех чинов внутренних гарнизонных батальонов»⁸. Если из них можно было без особого беспокойства часть людей забрать, то в отношении оренбургских батальонов ситуация не была столь однозначной. Необходимо было учитывать, что они несли пограничную службу, находились в крае, где 40 лет назад прошла Пугачевщина,

а в крепостях были расселены ссыльные. Поэтому Александр I в письме Оренбургскому военному губернатору предлагал «выбрать исправных обер- и унтер-офицеров, рядовых, достойных быть унтер-офицерами, кои не женаты. Отправить во Владимир». На письме есть собственноручная приписка царя: «Чем сие число будет больше, тем мера соделается полезнее»⁹.

Проведенный нами анализ документов показывает, что в 1811–1812 гг. из состава 28-й пехотной дивизии по распоряжению Оренбургского военного губернатора было отправлено в различные командировки для подготовки резервов и в полки иррегулярной конницы 23,8 % от всей ее численности. Это были офицеры, унтер-офицеры и рядовые, несмотря на то, что от Волконского последние вовсе не требовались. При этом необходимо учитывать, что одновременно дивизия выполняла свою основную задачу – охрану юго-восточной границы Российской империи от набегов степной вольницы.

В таблице 2 указана также численность командированных в национальные части. В 1811–1812 гг. из Оренбургского края на войну с Наполеоном было направлено 20 башкирских, 2 мишарских, 2 тептярских, калмыцкий конные полки. В качестве командующих полками назначались штаб и обер-офицеры гарнизонных частей. Из Оренбургского гарнизонного полка подполковники Тихановский (3-й полк), П. Тихановский (4-й полк), майор И. Курбатов (2-й полк), капитан Н. Плешивцев (8-й полк). Капитан полка П. Диомидий командовал Ставропольским калмыцким полком. Казанского гарнизонного полка майоры Н. Ф. Шайдаров (6-й полк) и П. П. Чоклов (12-й полк), капитан М. К. Масцепанов (10-й полк), штабс-капитан А. П. Шульгин (13-й полк). Верхнеуральского гарнизонного батальона капитаны И. Г. Тихановский (5-й полк) и Т. Е. Тихановский (18-й полк), штабс-капитан М. С. Попов (9-й полк). Кизильского гарнизонного батальона майор С. А. Вильчик (7-й полк). Звериноголовского гарнизонного батальона майор И. И. Серебренников (19-й полк). Орского гарнизонного батальона майор П. Селезнев (14-й полк), капитан И. Кондратьев (15-й полк). Троицкого гарнизонного батальона майор А. Овсянников (17-й полк). 2-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона майор М. Мальковский (11-й полк). 3-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона майоры Аксенов (7-й полк) и Руднев (20-й полк). 4-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона капитан М. Трунов

Таблица 2

Численность 28-й пехотной дивизии, откомандированных в течение 1811–1812 гг. из нее чинов для резервов российской армии¹⁰

Название частей	Число офицеров и солдат (без нестроевых)	Командировано во Владимир для сформирования новых полков	Командировано для сопровождения рекрут в другие города	Командировано в национальные части	Командировано в Оренбург для разных нужд	Итого командировано за пределы губерний, к армии
Оренбургский гарнизонный полк	1490	–	211	6	–	217 (14,5 %)
Орский батальон	796	92	12	4	6	108 (13,5 %)
Кизильский батальон	794	214	–	2	6	216 (27,2 %)
1-й линейный Оренбургский батальон	583	63	–	–	9	63 (10,8 %)
2-й линейный Оренбургский батальон	666	5	1	2	–	8 (1,2 %)
3-й линейный Оренбургский батальон	628	128	–	3	7	131 (20,8 %)
Верхнеуральский батальон	803	2	44	7	170	53 (6,6 %)
Троицкий батальон	804	247	191	2	4	440 (54,7 %)
Звериноголовский батальон	Около 800	298	–	6	–	304 (38 %)
4-й линейный Оренбургский батальон	680	253	–	2	–	255 (37,5 %)
Казанский гарнизонный полк	Около 1500	472	–	5	–	477 (31 %)
Итого	9544	1774	459	39	202	2272 (23,8 %)

(16-й полк). С офицерами в полках находились по 2–3 унтер-офицера из своих частей «для исправления письменных дел», а также несколько денщиков¹¹.

В 1820-х гг. 26-я пехотная дивизия состояла из трех бригад и была расположена следующим образом. 1-я бригада: Оренбургский 2-батальонный гарнизонный полк (Оренбург), гарнизонные батальоны Уральский (Уральск), Орский (Орск). В 1820 г. в штат Оренбургского гарнизонного полка введены музыканты¹². 2-я бригада гарнизонные батальоны в крепостях: Кизильский (Кизильская), 1-й линейный Оренбургский (Верхнеозерная), 2-й линейный Оренбургский (Таналыцкая), 3-й линейный Оренбургский (Магнитная). 3-я бригада гарнизонные батальоны: Верхнеуральский (Верхнеуральск), Троицкий (Троицк), Звериноголовский (Звериноголовская), 4-й линейный Оренбургский (Степная)¹³. Штаб дивизии – в Оренбурге.

19 апреля 1829 г. гарнизонные батальоны Отдельного Оренбургского корпуса были переименованы в линейные батальоны. Дивизию составляли четыре бригады. В 1-ю бригаду входили номерные оренбургские линейные батальоны 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 16-й. Во 2-ю – 5-й, 6-й, 7-й, 8-й. В 3-ю – 9-й, 10-й, 11-й, 12-й. В 4-ю – 13-й, 14-й, 15-й. Последняя находилась при горных заводах в Екатеринбурге¹⁴. Расположение остальных батальонов показывает таблица 3. Прежний Уфимский внутренний гарнизонный батальон 27 сентября оставлен на гарнизонном положении, получив № 16. С ним в состав дивизии вошли Уфимская жандармская команда и 13 уездных инвалидных команд. 16 октября батальоны, учрежденные в XVIII в. взамен прежних, получили новые знамена¹⁵.

По новому штату 18 января 1830 г. было положено иметь в роте обер-офицеров 4, унтер-офицеров 20, рядовых 230, барабанщиков 4, а в батальоне: штаб-офицеров 2, обер-офицеров 18, унтер-офицеров 80, рядовых 920, барабанщиков 17, нестроевых 34, всего 1071 человек. 16 октября 1834 г. сверх штата добавлены портупей-прапорщик и прапорщик.

В 1835 г. началось продвижение в Казахскую степь с переносом пограничной линии. На линию переселялись оренбургские казаки. Для увеличения числа населения на новой линии в казаки были обращены нижние чины 4-го, 6-го, 8-го, 10-го батальонов. Офицеры имели возможность перейти в войско по желанию либо перевестись в другие армейские части.

В мае 1837 г. после высочайшего утверждения «Положения о преобразовании линейных батальонов» солдаты этих батальонов приняты в Оренбургское казачье войско. 8 мая 1837 г. батальоны 22-й пехотной дивизии были переименованы, часть из них упразднена. В 1-ю бригаду вошли 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, во 2-ю – 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й батальоны. По штату в роте было обер-офицеров 4, унтер-офицеров 20, рядовых 230, барабанщиков и горнистов по 2, а в четырехротном батальоне: штаб-офицеров 2, обер-офицеров 17, унтер-офицеров 82. Рядовых 920, барабанщиков 9, горнистов 9, нестроевых 34, а фуражирских чинов при обо-зе 14, всего 1087 человек.

Два батальона, 1-й и 5-й, были расформированы на укомплектование оставшихся. Расположение перенумерованных Оренбургских линейных батальонов показывает таблица 3. Батальоны, учрежденные в XVIII в. и получившие новые знамена в 1829 г., были пожалованы скобой к древку 25 июня 1838 г. Кроме того, Оренбургские линейные 2-й и 3-й батальоны, учрежденные в 1711 г., к знамени получили орденскую (Александровскую) ленту¹⁶.

Таблица 3

**Переформирования гарнизонной пехоты Отдельного
Оренбургского корпуса в первой половине XIX в.**

Гарнизонный батальон 1812	Оренбургский линейный батальон 19.04.1829	Оренбургский линейный батальон 08.05.1837	Туркестанские стрелковые батальоны
Уральский гарнизонный батальон	№ 1. Уральск	Расформирован	-
1-й батальон Оренбургского гарнизонного полка	№ 2. Оренбург	№ 2. Оренбург	2-й Туркестанский линейный батальон (1867 г.)
2-й батальон Оренбургского гарнизонного полка	№ 3. Оренбург	№ 3. Оренбург	7-й Туркестанский линейный батальон (1867 г.)
1-й линейный Оренбургский гарнизонный батальон	№ 4. Верхнеозерная крепость	Упразднен, нижние чины переведены в оренбургские казаки	-

Орский гарнизонный батальон	№ 5. Орск	Расформи- рован	-
2-й линейный Оренбургский гарнизонный батальон	№ 6. Таналыцкая крепость	Упразднен, нижние чины переведены в оренбургские казаки	-
Кизильский гарнизонный батальон	№ 7. Кизильская крепость	№ 1. Уральск	8-й Туркестан- ский линейный батальон (1867 г.)
3-й линейный Оренбургский гарнизонный батальон	№ 8. Магнитная крепость	Упразднен, нижние чины переведены в оренбургские казаки	-
Верхнеуральский гарнизонный батальон	№ 9. Верхнеуральск	№ 5. Верхнеуральск	5-й и 9-й Туркестанские линейные батальоны (1867 г.)
4-й линейный Оренбургский гарнизонный батальон	№ 10. Степная крепость	Упразднен, нижние чины переведены в оренбургские казаки	-
Троицкий гарнизонный батальон	№ 11. Троицк	№ 6. Троицк	6-й Туркестанский линейный батальон (1867 г.)
Звериноголовский гарнизонный батальон	№ 12. Звериноголов- ская крепость	№ 4. Орск	4-й Туркестан- ский линейный батальон (1867 г.)
Состоящие при горных заводах: Пермский горный батальон № 1	№ 13. Екатеринбург	№ 7. Пермь	Расформирован
Екатеринбургский горный батальон № 2	№ 14. Екатеринбург	№ 8. Екатеринбург	Уральский горнозаводской батальон (1865 г.)
Гороблагодатский горный батальон № 3	№ 15. Екатеринбург	№ 9. Екатеринбург	Расформирован
Уфимский внутренний гарнизонный батальон	№ 16. Уфа	№ 10. Уфа	48-й Уфимский губернский батальон (1864 г.)

Необходимо иметь в виду, что в 1840-х гг. началось строительство степных укреплений в Казахской степи, куда направлялись отдельные роты батальонов. Указать место квартирования каждого такого подразделения не позволяет формат данной статьи. Кроме того, имело место разделение частей на полубатальоны. Например, 7 октября 1859 г. были разделены на Первый и Второй полубатальоны Оренбургский линейный 1-й и 5-й батальоны. 24 декабря 1854 г. Самарский гарнизонный батальон был переименован в Оренбургский линейный 11-й батальон и вошел в состав 1-й бригады 23-й дивизии. В 1864 г. он переименован в 47-й Самарский губернский батальон.

В 1839 г. в Отдельном Оренбургском корпусе пехота составляла 9553 человека, артиллерия – 974, конница – 106192. Из них штаб- и обер-офицеров, зауряд-чиновников – 2202, нижних чинов – 113369, нестроевых – 1148¹⁷.

Важную роль в жизни войск корпуса играли смотры, и в первую очередь императорские. В 1824 г. Оренбургскую губернию посетил путешествовавший по России император Александр I. 14 сентября он произвел смотр войскам: «Пехотой остался вполне доволен и значительное число рядовых назначил в гвардию, по их росту и благовидности»¹⁸.

В 1837 г. наследник цесаревич Александр Николаевич (будущий император Александр II), выполняя желание своего отца, императора Николая I, предпринял поездку по Европейской России и Сибири. В Оренбурге его встречал почетный караул от 2-го линейного Оренбургского батальона¹⁹. На следующий день после обеда за городом был проведен смотр войск. Пехоту составляли 2-й и 3-й линейные оренбургские батальоны. Цесаревич был на разводе и учении 2-го линейного Оренбургского батальона, посетил Илецк, где наблюдал добычу соли, и провел смотр роте, расквартированной в нем.

Основным предназначением Оренбургского корпуса было несение пограничной службы на юго-восточной границе и обеспечение безопасности караванной торговли. Противником были шайки или «сборища» так называемых «хищных степняков», поддерживаемых хивинским ханом. Они совершали набеги на российскую территорию, заставляя держать войска на линии в постоянной готовности²⁰.

Сложилось два мнения относительно борьбы с кочевниками и подчинения степи. Один заключался в строительстве

укреплений в степи и постепенному подчинению кочевников (В. А. Обручев). Другой предполагал осуществление постоянных походов в степь с целью демонстрации силы и наказания (П. К. Эссен, В. А. Перовский). Чтобы придать отрядам те свойства, которых нет в казаках, нужна была пехота, имеющая на своей стороне преимущества в стойкости, меткости ружейного огня и силе удара в штыки при атаке²¹.

В течение первой половины XIX в. в степь каждый год направлялись вместе с торговыми караванами дипломатические миссии, а также экспедиции научные. Наиболее крупной была экспедиция Ф. Ф. Берга (1825–1826). Предпринятая под предлогом nivelировки уровня Каспийского и Аральского морей, она основной целью имела желание наказать хивинцев. Отряд состоял из уральских и оренбургских казаков и пехоты при шести орудиях.

Крупным событием военной жизни Отдельного Оренбургского корпуса был неудачный поход на Хиву 1839–1840 гг. Военная экспедиция под командованием В. А. Перовского в составе 5217 солдат и офицеров при 22 пушках и 4 ракетных станках выступила из Оренбурга в ноябре 1839 г.²² Необычайно суровая и снежная зима помешала заранее спланированному походу. Потеряв треть своих солдат, умерших от холода и голода, Перовский принял решение вернуться в Оренбург. В этом походе участвовал Оренбургский линейный 2-й батальон.

Для оценки пехоты корпуса в походе можно обратиться к мнению М. И. Иванина. Он считал, что она не готова: «Не только давно не участвовала в делах против неприятеля, но даже не делала никаких походов. Солдаты, с поступления на службу, мало занимаясь ученьями, редко ходя в караулы, не собираясь в лагери и только изредка препровождая арестантов, отстали по фронту от прочих войск; притом, постоянно находясь в одних и тех же полинейных станицах, многие из нижних чинов построили свои дома, занялись земледелием и торговлею. К тому же, кроме недостатка боевых, опытных и сведущих офицеров, и самый состав батальонов мало благоприятствовал успехам воинского образования и внушению военного духа. В апреле 1839 г. в семи Оренбургских линейных батальонах считалось: рекрут русских 582, польских 549, поляков прежнего поступления 1578, сосланных и наказанных 1694. Следовательно, почти 2/3 линейной пехоты была не надежна, и требовала самого строгого выбора людей для предпринимаемого похода»²³.

В начале 1850-х гг. В. А. Перовский предпринял движение в степь, известное как «кокандские походы». Поход в 1850 г. вызван был нападением кокандцев на казахов у Сыр-Дарьи. Со стороны Сибири отряд русских войск провел рекогносцировку крепости Таучубек, а со стороны Оренбурга отряд майора Ф. Ф. Энгмана взял крепость Каш-Курган. В 1852 г. отряд полковника И. Ф. Бларамберга провел рекогносцировку степи до Ак-Мечети, но взять крепость не смог.

В составе отряда, выступившего с Перовским в поход на Ак-Мечеть в 1853 г., находился штаб, Оренбургский линейный 4-й батальон, 36 орудий, ракетная и саперная команды, 4 сотни оренбургских казаков, 5,5 сотен уральских казаков²⁴. Оренбургский батальон был разбросан по укреплениям: 3-я рота шла из Орска, 4-я рота была поделена между Оренбургским и Уральским укреплениями, 1-я и 2-я роты ждали в Аральске. Его выбор был связан с тем, что солдаты имели опыт переносить жаркий климат. В итоге похода и штурма крепость была взята, создана Сырдарьинская линия. На ней несли службу Оренбургские линейные 2-й, 4-й, 5-й батальоны, полк уральских казаков и сотня башкир, часть которых использовалась в качестве рабочих команд²⁵.

В 50-е гг. XIX в. в результате кокандских походов юго-восточная граница империи была перенесена далеко на юг. Россия окончательно закрепила за собой всю степь от Оренбурга до Аральского моря и Сыр-Дарьи. Определенный вклад в это внесли и солдаты Оренбургских линейных батальонов.

¹ Ульянов И. Э. Регулярная пехота. 1801–1855. М.: Издательство АСТ, 1996. С 92.

² Хроника Российской Императорской армии, составленная по Высочайшему повелению. СПб.: Военная типография, 1852. Ч. VII. С. 34–35.

³ Архив декабриста С. Г. Волконского. Пг., 1918. Т. I. До Сибири. Ч. I. С. 122.

⁴ Тулисов Е. С. Горнозаводская военная команда в XVIII – начале XIX вв. // Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный аспект. Екатеринбург, 2001. С. 117–124.

⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1035.

⁶ Архив декабриста С. Г. Волконского... С. 273.

⁷ Андреев Н. И. Воспоминания офицера 50-го егерского полка // Русский архив. 1879. Т. 3. С. 178.

⁸ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Первого отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1876. Вып. 1. С. 29–30.

- ⁹ Рахимов Р. Н. Подготовка резервов для русской армии в 1812 году Оренбургским военным губернатором Г. С. Волконским // Отечественная война 1812 года и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. за вып. Н. В. Котлякова. Малоярославец: Малоярославецкий военно-исторический музей 1812 года, 2009. Вып. XVII. С. 176–177.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5191, 5192, 5395, 5427, 5479, 5706, 5726, 6068, 6164, 6168, 6169, 6172.
- ¹¹ Там же. Д. 5706. Л. 170 об; Д. 5192. Л. 119 об.
- ¹² РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4726. Л. 1.
- ¹³ Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб.: Военная типография, 1829. С. 757–770.
- ¹⁴ Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб.: Военная типография, 1831. С. 816–830.
- ¹⁵ Описание обмундирования и вооружения нижних чинов войск Российской армии. 1843 / Сост. Ключков Д. А. М.: Фонд «Русские Витязи», 2020. С. 371–373.
- ¹⁶ Описание обмундирования и вооружения... С. 371–373.
- ¹⁷ Иванин М. Г. Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840. Выступление из Оренбурга отряда в ноябре 1839 года. СПб., 1874. С. 57.
- ¹⁸ Тарасов Д. К. Воспоминания моей жизни, записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова, 1792–1866. // Русская старина. 1872. Т. 5. С. 358–359.
- ¹⁹ Юдин П. Цесаревич Александр Николаевич в Оренбургском крае в 1837 году // Исторический вестник. 1891. № 10. С. 175.
- ²⁰ Рахимов Р. Н. Отдельный Оренбургский корпус: проекты и реалии воюющей окраины в Николаевскую эпоху // Русский сборник: Исследования по истории России. / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М.: Модест Колеров, 2009. Т. VII: Военная политика императора Николая I. С. 172–173.
- ²¹ Остен-Сакен Д. Библиография // Военный сборник. 1863. № 5. С. 185.
- ²² Косырев Е. М. Поход в Хиву в 1839 году. (Из записок участника) // Исторический вестник. 1898. № 8. С. 540.
- ²³ Иванин М. Г. Указ. соч. С. 58.
- ²⁴ Казахи войска. Хроника / Сост. В. Х. Казин, под ред. В. К. Шенк. СПб., 1912. Репринт. изд. 1992. С. 229.
- ²⁵ РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 67. Л. 22.

Е. А. Родионов (Гатчина), А. Н. Чубинский (Москва)

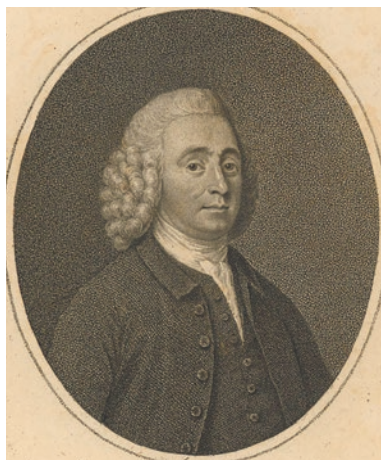
**НАГРАДА ЗА ВАКЦИНАЦИЮ. ОРУЖИЕ,
ПЕРЕДАННОЕ В ДАР ЕКАТЕРИНОЙ II
ТОМАСУ ДИМСДЕЙЛУ В 1768 г.**

1768 год имеет особое значение в истории российского здравоохранения. В тот год от оспы скончалась Анна Шереметьева, невеста графа Никиты Панина, наставника великого князя Павла Петровича, сына Екатерины II. Заражения оспой и смерти от нее бывали среди царственных особ и раньше, но новый случай стал критическим, и Екатерина II, опасаясь за себя и за сына, решила воспользоваться передовым на то время английским опытом по прививанию этой болезни. Был приглашен врач Томас Димсдейл (1712–1800), известный прививанием оспы и публикацией трактата на данную тему (ил. 1).

Сама процедура (более точное ее название – вариоляция) была проведена 12 октября 1768 г. Не будем вдаваться в медицинские подробности процесса, скажем лишь, что он прошел успешно, императрица несколько последующих дней чувствовала легкое недомогание, которое полностью прошло. Вслед за этим прививание оспы было сделано и великому князю Павлу Петровичу, а затем и 140 придворным.

Екатерина II умела быть благодарной, и Томас Димсдейл был осыпан монаршими милостями и подарками. Ему был пожалован баронский титул, единовременная награда в 10000 фунтов, компенсация расходов в 2000 фунтов и назначена ежегодная пенсия в 500 фунтов стерлингов, а также дарован сервиз производства Императорского фарфорового завода. Кроме этого, для Димсдейла было организовано посещение Рюст-камеры – хранилища императорского оружия. Визит в «оружейную» был отражен в документе ведомства Императорской охоты, который мы процитируем полностью: «1768-го года декабря 4 дня

в Обер-Егермейстерской Канцелярии в присутствии Его Превосходительство Егер-Мейстер Действительный Камергер и Кавалер объявил что Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволило собственную Ея Императорского Величества Руст Камору показать господину Барону Димздолю а по осмотре им оной Руст Каморы при выходе из оной из имевших в той Руст Каморе работы рисовального мастера Ивана Пермяка поднесенные им Ея Императорскому Величеству в нынешнем 1768м

Ил. 1. Томас Димсдейл
(1712–1800)

году в Селе Царском гарнитуров штуцер ружье пару пистолетов и ружье ж плоское подарить оному Барону Димздолю а вместо оных таковые ж точно велеть сделать оному Пермяку и взять во оную Руст Камору и в силу оного Ея Императорского Величества имянного повеления показанная Руст Камора означенному господину Барону Димздолю от его превосходительства показана и при выходе от оной работы Пермякова гарнитур состоящий о пяти штуках его превосходительством оному Барону вручен. У подлинного подписано тако Вилгелм фон Полман»¹.

Если подаренный Димсдейлу фарфоровый сервиз относительно недавно удалось выкупить у его наследников и вернуть в Россию, то судьба вывезенного им оружия оставалась невыясненной. При этом гарнитур работы Ивана Пермяка², придворного мастера Екатерины II и старшего представителя династии «ружейных мастеров», несомненно представлял собой выдающееся произведение оружейного искусства.

В 2018 г. наше внимание привлекло хранящееся в фондах Королевского арсенала в Лидсе русское ружье, на стволе и на замке которого имеются надписи «Иван Пермяк»³. Это ружье было приобретено для Королевского арсенала 16 июля 2003 года на торгах аукционного дома Кристи за 26290 фунтов стерлингов при первоначальной оценке 10000–14000 фунтов⁴. Ранее,

Ил. 2. Ружье с овальным в сечении стволом. Россия, Санкт-Петербург, мастер Иван Пермяк, 1768 г. Королевский арсенал, Лидс

по информации аукционного дома Кристи, оно находилось в поместье Брейкспир-Хаус в деревне Хэрфилд (Breakspear House, Harefield, Middlesex; ныне западная окраина Большого Лондона), и было продано 25 июня 1951 г. на домашней распродаже⁵. По сопровождающей ружье легенде, приводимой в том числе на официальном сайте Королевского арсенала, оно было добыто в Крымскую войну на поле сражения при р. Альме 20 сентября 1854 г. Как мы покажем ниже, это недостоверные сведения: именно это ружье было передано в дар барону Димсдейлу в Петербурге в 1768 г. (ил. 2).

Ствол ружья имеет овальное сечение и такой же гладкий канал, что соответствует названию в цитированном документе «ружьё плоское»⁶. Сам ствол выполнен из дамасской стали и украшен в технике таушировки (инкрустации) золотом. У казенного среза рельефная рокайль, трельяжная решетка и рокайльный картуш с птицей, далее арматура из парфорсного рога, ружья и колчана с цветочными гирляндами, ближе к середине ствола – лента с подписью мастера «ИВАНЪ ПЕРМЯКЪ», у дульного среза три полосы. Орнаментальные мотивы на стволе имеют аналогии на другом оружии Ивана Пермяка, а также его сына, Гаврилы Пермякова. Так, практически идентичной таушированной золотом арматурой в казенной части ствола украшено ружье Ивана Пермяка из частной коллекции в Нью-Йорке, а трельяжную решетку и такую же либо похожую арматуру можно видеть на стволах казнозарядных штуцеров, ружей и пистолетов двух гарнитуров Гаврилы Пермякова из собраний Гатчинского дворца-музея⁷ и Музеев Московского Кремля⁸.

Замок кремневый, французского типа. Поверхности замочной доски и курка выпуклые, украшенные таушированными золотом цветочными гирляндами, на замочной доске подпись «Иванъ Пермякъ». Затравочная полка овальная, с прорезью со стороны курка для стока влаги. Как отметили эксперты аукционного дома

Ил. 3. Замок ружья

Кристи, верхняя часть курка (верхняя губка и, вероятно, курковый винт) не оригинальны, с чем можно согласиться, поскольку на верхней губке отсутствует таушированный золотом декор и есть лишь простая гравированная кайма (ил. 3).

Ложа из орехового дерева, лаконично украшенная резным стилизованным растительным орнаментом у хвостовика казенника ствола и у задней шомпольной трубки. Цевье во всю длину ствола, с роговым наконечником. Шомпол деревянный, с роговым наконечником овального сечения, соответствующего каналу ствола.

Детали прибора серебряные, с остатками золочения. Замочная личинка ажурная, включает в себя рокайльный картуш и стебли с цветами, на спусковой скобе – гравированная композиция из парфорсного рога, ружья и цветов, передний конец скобы – в виде чеканных листьев. На затыльнике приклада – гравированные и чеканные изображения военных трофеев и цветов.

Эксперты аукционного дома Кристи обратили внимание, что данное ружье выполнено в манере лондонского оружейника Джозефа Гриффина. Это наблюдение относится к деталям прибора и резьбе на ложе, которые соответствуют английскому стилю оформления охотничьего оружия того времени, что в работах русских мастеров встречается нередко.

Исключительно важны для нашего исследования номер, выбитый на правой стороне приклада у затыльника, и клеймо с изображением птицы в овале (ил. 4). Эти знаки, по сути, являются коллекционными маркерами упомянутого выше собрания императорского оружия – Рюст-камеры, о котором необходимо сказать несколько слов. Состав этой обширной коллекции достаточно сложный, она включает охотничье и парадное оружие русских императоров и императриц XVIII в., а также ряда

Ил. 4. Инвентарный номер императорской Рюст-камеры
на прикладе ружья

государственных деятелей и вельмож⁹. В 1810 г. собрание Рюст-камеры по указу Александра I было передано из Кабинета Его Императорского Величества в московскую Оружейную палату. Большую часть Рюст-камеры составляло стрелковое вооружение и его детали: ружья (фузеи), штуцеры и винтовки, мушкетоны, мортирки, пистолеты, отдельные стволы, а также арбалеты: этих предметов насчитывается немногим меньше двух тысяч¹⁰, за некоторым исключением все эти предметы имели выбитые на ложах номера и клеймо в виде птицы в овале. Переданное оружие было зафиксировано в документе, который чаще всего именуется исследователями описью Санкт-Петербургской императорской Рюст-камеры 1810 г.¹¹, однако составители этого документа пользовались намного более ранними описаниями XVIII в. Большая часть огнестрельного оружия, происходящего из Рюст-камеры, идентифицирована в современном собрании Оружейной палаты (Музеев Московского Кремля), однако эта работа еще далеко не закончена. При сопоставлении оружия, вошедшего в опись Рюст-камеры, с наличествующим в собрании музея палаты, помимо описаний предметов большую помощь оказывают номера, выбитые на ложах оружия, которые соответствуют номерам в описи. Таким образом, клеймо «птица в овале», выбитое на прикладе ружья работы Ивана Пермяка из Лидса, однозначно показывает, что это оружие происходит из собрания Рюст-камеры, а нанесенный рядом «№ 30» должен совпадать с номером описания

Ил. 5. Замок ружья с овальным в сечении стволом. Россия, Санкт-Петербург, мастер Иван Пермяк. Музеи Московского Кремля

ружья в соответствующем разделе описи этого собрания 1810 г. Надо заметить, что в описи 1810 г. каждая группа типологически близких предметов, имеющих общее происхождение (национальную/региональную оружейную школу), была описана отдельно с собственной нумерацией¹², поэтому рассматриваемое ружье было размещено в разделе «Санкт-Петербургские фузеи». В действительности в этом разделе под номером 30 описано следующее ружье: «Ствол плоской красного железа, насечен золотом, на нем подпись: Иван Пермяк, замок железной насечен золотом, на нем надпись та ж, прибор серебряной обронной, по местам вызолочен. Ложа ореховая»¹³. С одной стороны, это описание полностью соответствует рассмотренному выше ружью, переданному в дар барону Димсдейлу в 1768 г. С другой стороны, фактически с этим описанием в Рюст-камере хранилось другое ружье работы Ивана Пермяка, также с выбитым на прикладе «№ 30», которое, очевидно, было выполнено оружейником по вышеприведенному распоряжению императрицы («а вместо оных таковые ж точно велеть сделать оному Пермяку и взять во оную Руст-камору»). Это второе ружье Ивана Пермяка с овальным каналом ствола, хранящееся в Оружейной палате, является очень близким по исполнению к первому ружью, подаренному барону Димсдейлу, но считать его «таковым точно» нельзя, некоторые отличия имеются практически в каждой детали, а его ствол примерно на 4 см длиннее первого ствола¹⁴ (ил. 5) На стволе московского ружья другой

рисунку дамаска (более сложный), декор ствола, повторяя элементы лидского, более плотный, инкрустированные золотом подписи мастера на стволе и замке дополнены обозначением места изготовления – «С. П. Бургъ». Имеются отличия в орнаментации замков, характере резьбы на ложах у хвостовика казенника ствола, в оформлении деталей прибора. Декор прибора московского ружья уже невозможно соотнести со стилистикой английских мастеров.

По сообщению коллег из Королевского арсенала в Лидсе¹⁵, помимо вышеописанного «плоского» ружья, в частной коллекции в Великобритании сохранились штуцер, ружье и по меньшей мере один пистолет из тех, которые были подарены Димсдейлу. К сожалению, в нашем распоряжении оказались лишь несколько фотографий, на которых не все значимые детали оружия видны, но общее представление о нем составить можно. Сразу нужно отметить, что эти ружье, штуцер и пистолет декорированы в едином стиле, отличающемся от манеры украшения ружья с овальным каналом ствола из Королевского арсенала в Лидсе.

Начнем с описания ружья, у которого на прикладе справа выбито клеймо Рюст-камеры «птица в овале» и «№ 28».

Его ствол вороненый, на большей части длины круглый, в казенной части восьмигранный и украшенный таушированным золотом орнаментом, сочетающим рокайльные и растительные элементы. Есть ли на стволе подпись, на имеющихся фотографиях не видно. Прицела нет, мушка, по всей видимости, утрачена. Отметим, что декор ствола там, где его можно видеть (на боковых гранях), в точности такой же, как на стволе нарезного ружья Ивана Пермяка из коллекции Гатчинского дворца-музея, инв. № ГДМ-413-IX¹⁶.

Замок кремневый, французского типа, поверхности замочной доски и курка плоские. На замочной доске под курком – выполненный в технике таушировки золотом цветочный орнамент и подпись «Иванъ Пермякъ», при этом левый угол замочной доски и курок украшены цветочным орнаментом в технике оброна (рельефной резьбы по металлу со сплошным золочением заглавленного фона). Верхняя часть курка отломана. Спусковой крючок вороненый.

Ложа деревянная, с цевьем во всю длину ствола, довольно скромно украшенная резными завитками у хвостовика казенника ствола. Шомпол деревянный.

Прибор серебряный, со следами золочения, состоит из спусковой скобы, замочной личинки, затыльника приклада и трех шомпольных трубок. На имеющихся фотографиях видно, что концы спусковой скобы – в виде элементов рокайльного орнамента, а дуга скобы и затыльник приклада украшены рельефным орнаментом, но определить его мотив невозможно. Замочная личинка фигурная, включает в себя округлый картуш, ее правый конец – в виде листьев с цветами, и такие же замочные личинки есть на рассматриваемых ниже штуцере и пистолете¹⁷. Шомпольные трубки бочкообразные.

Перейдем теперь к штуцеру из того же собрания с клеймом Рюст-камеры «птица в овале» и «№ 20».

Ствол восьмигранный по всей длине, вороненый, украшенный в казенной части таким же таушированным золотом орнаментом, что и на стволе вышеописанного ружья. Подписи мастера, как и на фото ружья, разглядеть невозможно. Прицел с двумя щитками, мушка прямоугольная, серебряная, вокруг места ее крепления на стволе – таушированные золотом лучи, вдоль дульного среза – широкая кайма.

К сожалению, в нашем распоряжении есть фото общего вида данного штуцера только с левой стороны, так что от замка видна лишь часть курка, верхняя губка которого украшена в технике оброн. Соответственно, как и на стволе, не видна подпись мастера, однако сомневаться в том, что данный штуцер составляет гарнитур с вышеописанным ружьем и изготовлен Иваном Пермьяком, не приходится.

Ложа деревянная, приклад со щекой и пеналом, цевье во всю длину ствола, с роговым наконечником. На концах крышки пенала – серебряные накладки, украшенные рельефным рокайльным орнаментом на золоченом канфаренном фоне. Ложа украшена резным растительным орнаментом у хвостовика казенника ствола и у концов щеки приклада. Шомпол деревянный, с роговым наконечником.

Детали прибора серебряные, частично золоченые, насколько можно видеть из имеющихся фотографий, аналогичные деталям на вышеописанном ружье, только шомпольных трубок две, в соответствии с длиной ствола.

Наконец, пистолет с клеймом Рюст-камеры «птица в овале» и «№ 8» (местонахождение парного ему пистолета остается нам неизвестным). Его ствол, замок и замочная личинка совпадают по

декору с таковыми деталями у вышеописанных ружья и штуцера, небольшое отличие есть в спусковой скобе, чья задняя стойка раздваивается. Насколько можно понять по имеющемуся фото, аналогичен и резной растительный орнамент на ложе у хвостовика казенника ствола. Детали прибора также серебряные с золочением, на поддоне рукояти на золоченом канфаренном фоне – рельефные военные трофеи.

Выбитые на перечисленном оружии номера Рюст-камеры (ружье – «№ 28», штуцер – «№ 20», пистолет – «№ 8») позволили однозначно установить, какой именно гарнитур был изготовлен Иваном Пермяком в качестве восполнения этой группы оружия, подаренной барону Димсдейлу и покинувшей Санкт-Петербург. В описи Рюст-камеры среди «санкт-петербургских фузей», «штуцеров» и «пистолетов» под номерами 29, 21 и 9 были описаны предметы искомого гарнитура¹⁸, а соответствующее им оружие, выполненное в одной манере, было идентифицировано в собрании Оружейной палаты¹⁹. Хотя описания этих предметов помещены в разных разделах документа, они практически идентичны. При этом в описи Рюст-камеры пропущены номера 28, 20 и 8, которые выбиты на оружии, подаренном Димсдейлу. Этот факт мы прокомментируем ниже.

Других гарнитуров работы Ивана Пермяка в собрании Рюст-камеры не имеется²⁰. При этом его оформление ощутимо отличается от хранящихся в Великобритании «образцов». Прежде всего, в декоре замков отсутствует таушированный золотом орнамент, трудоемкая инкрустация золотом при нанесении надписей была заменена гравировкой. В то же время, в левой части замочных досок растительная композиция (на ушедших в Великобританию предметах) была заменена несколько более сложной воинской арматурой. Решительно отличается прибор лож. На хранящихся в Оружейной палате ружьях и пистолетах – это серебряный рельефный прибор с изящным орнаментом, включающим выразительные изображения животных²¹. При всех отличиях, нельзя утверждать, что Иван Пермяк нарушил указание Екатерины II об изготовлении нового оружия как «такового ж точно». Думается, императрица имела в виду не столько копирование предметов гарнитура, сколько изготовление оружия, равноценного по качеству и декору.

Наиболее интересный вопрос, который ставит перед исследователями сравнение описываемых предметов гарнитура, – анализ нумерации на оружии и в соответствующих статьях описи

Рюст-камеры. Как мы видели, оба ружья с овальными в сечении стволами имеют на прикладах один и тот же номер, а именно «№ 30», при этом в описи Рюст-камеры есть только одно описание под этим номером, подходящее по смыслу к обоим ружьям, но фактически оно относится, конечно же, к оружию, которое было изготовлено позднее и хранилось в России. С предметами гарнитура ситуация иная. Английское ружье из гарнитура имеет на прикладе «№ 28», а в описи Рюст-камеры этот номер в нумерации выпущен. В то же время «таковое ж» ружье из гарнитура в Оружейной палате несет на ложе выбитый «№ 29», и ему в описи сопоставляется следующее описание: «Ствол вороненой, насечен золотом, на нем надпись «Иван Пермяк Санкт-Петербург», замок железной обронной работы, насечен золотом, прибор серебряной, ложа ореховая»²² (это описание неточно передает надпись на стволе). Аналогичным образом английский штуцер из гарнитура Пермякова с номером 20 на прикладе не имеет описания в описи Рюст-камеры (номер 20 там пропущен), а штуцер из Оружейной палаты с номером 21 на прикладе описан в этом документе так: «Ствол вороненой насечен золотом, на нем надпись Санкт-Петербург, замок обронной насечен золотом, на нем надпись Иван Пермяк Санкт-Петербург; прибор серебряной обронной, ложа ореховая»²³. Примерно такова же ситуация с пистолетами из обоих гарнитуров и их номерами в описи Рюст-камеры²⁴.

Приведенные наблюдения позволяют нам сделать вывод, что составление описи Рюст-камеры и проставление на оружии номеров, соответствующих описи, активно проводилось именно в конце 1768 г. (наверняка эта процедура продолжалась и в 1769 г.). Об этом свидетельствует тот факт, что в исходную нумерацию описи императорского собрания были включены оба гарнитура работы Ивана Пермяка, хотя одновременно они в собрании императорского оружия числиться не могли. Такая учетная ситуация могла сложиться лишь в конце 1768 г. в процессе активной инвентаризации собрания²⁵.

Судя по тому, что предметы охотничьего гарнитура Пермяка, изготовленные по указанию Екатерины II, были внесены в опись Рюст-камеры под номерами, следующими сразу после номеров выбывших из ее состава вещей, мы можем быть уверены, что работа над новым гарнитуром началась почти сразу после визита Димсдейла. Общий объем работы над всеми четырьмя предметами, очевидно, превышал один месяц, таким образом, учитывая, что

Димсдейл посетил хранилище Рюст-камеры 4 декабря, хранящиеся в Оружейной палате предметы можно датировать 1768–1769 гг. Аналогичные соображения позволяют предполагать, что подаренное Димсдейлу оружие было изготовлено Пермяком в 1768 г.

Итак, результаты нашего исследования таковы. Исследован документ, сообщающий «оружейный контекст» пребыванию Димсдейла в России и имеющий прямое отношение к истории императорской Рюст-камеры²⁶. Подаренные русской императрицей предметы работы Ивана Пермяка выявлены в музейных и частных собраниях Великобритании, их провенанс точно установлен; английские вещи, скорее всего, можно датировать 1768 г. Документ о дарении вещей не допускает прямой трактовки, ружье с овальным каналом ствола не являлось частью гарнитура.

В собрании Оружейной палаты было выявлено оружие, изготовленное по указанию Екатерины II в качестве восполнения подаренного Димсдейлу. Помимо ружья с овальным сечением ствола, были обнаружены все части стрелкового гарнитура, хранившиеся в собрании музея разрозненно; датировка всех выявленных предметов была существенно уточнена.

Проведенное в ходе исследования сравнение клейм и номеров Рюст-камеры на ружьях и пистолетах работы Ивана Пермяка, находящихся в Великобритании и России, с номерами описи Рюст-камеры позволило сделать вывод о времени нанесения коллекционных обозначений на оружие, происходящем из императорского собрания. Скорее всего, клеймо в виде птицы и номер, соответствующий месту оружия в описи, наносились непосредственно в конце 1768 г. и, вероятно, в 1769 г. Исходная опись императорского оружия, послужившая основой описи Рюст-камеры 1810 г., которая ссылалась на выбитые на оружии номера, также была начата в 1768 г.

---

¹ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 478. Оп. 2 Д. 3. Л. 15.

² Об этом мастере см. Родионов Е. А. Петербургские оружейники Пермяковы и Гатчинский арсенал // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции 16–18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. 3. С. 109–118.

³ Ружье числится под инвентарным номером XII.11423. Общая длина 128 см, длина ствола 89,8 см, вес 2 кг. См. <https://royalarmouries.org/collection/object/object-52427>, время обращения 31.01.2025.

⁴ По информации аукционного дома Кристи, длина ствола 35 дюйма, или 89,5 см. См. https://www.christies.com/en/lot/lot-4128406?ldp_breadcrumb=back, время обращения 31.01.2025.

⁵ Robinson & Foster, 25 June 1951, lot 616.

⁶ Помимо рассматриваемых в данной статье двух ружей с овальным сечением ствола Ивана Пермяка, известны также два аналогичных ружья, подписанных его сыном, Гаврилой Пермяковым, в собраниях Государственного Эрмитажа, инв. № З.О. 65 и в Музеях Московского Кремля, инв. № ОР-5008 (см. Тарасюк Л. И. Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Европа и Северная Америка. Л., 1971. С. 179, № 273; Московский Кремль. Императорская Рюст-камера. СПб., 2004. С. 102–103). Нам неизвестно подобное оружие, изготовленное в Туле или иных производственных центрах России того времени, из чего можно предположить, что стволы овального сечения изготавливались непосредственно и только в мастерской Пермяковых.

⁷ ГБУК «ГМЗ «Татчина»», инв. № ГДМ-835-IX, ГДМ-1034-IX; также на временном хранении из ГМЗ «Павловск», инв. № ВХ-1271, ВХ-1269.

⁸ Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-411, Ор-2169, Ор-3113, Ор-3114. См. Государственная Оружейная палата. М., 1990. С. 181–183.

⁹ Об этом собрании см. Императорская Рюст-камера. СПб., 2004. Вступ. статья А. К. Левыкина.

¹⁰ В этом подсчете пара пистолетов принимается за два предмета. В заметно меньшем количестве в это собрание было включено холодное оружие и предметы воинского и охотничьего снаряжения, в качестве единичных предметов – конская сбруя.

¹¹ Реестр оружия, принятого в 1810 г. А. Н. Олениным от К. Ф. Литке. РГАДА. Ф. 369. Оп. 2. Ч. 3. Д. 1258. Л. 1–225, далее – Описание Рюст-камеры 1810.

¹² В этой описи нет чисто типологических групп типа «фузен», «штуцеры», «пистолеты». Описания оружия сгруппированы следующим образом: «фузеи испанские», «фузеи итальянские»... «штуцеры немецкие»... «штуцеры тульские» и т. д.

¹³ Описание Рюст-камеры 1810. Л. 92, № 30.

¹⁴ Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-412. Длина 134,2, длина ствола 93,5 мм, калибр 21х10 мм. См. Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 7157, иллюстрация Табл. 397.

¹⁵ Особо хочется поблагодарить старшего хранителя (senior curator) Королевского арсенала в Лидсе Марка Мюррея-Флаттера (Mark Murray-Flutter) за предоставленную возможность посещения фондов Королевского арсенала и информацию об оружии барона Димсдейла в частной коллекции в Великобритании.

¹⁶ См. Родионов Е. А. Коллекция оружия Гатчинского дворца. Том 1. СПб., 2012. С. 138.

¹⁷ Отметим также, что идентичные либо очень близкие замочные личинки есть на другом оружии Ивана Пермяка – на упомянутом в тексте данной статьи ружье из частной коллекции в США и на пистолете, продававшемся аукционным домом «Херрман Хисторика» (Hermann Historica, 59-й аукцион, лот 5493).

¹⁸ Описание Рюст-камеры 1810. Л. 92, № 29; Л. 95 об., № 21; Л. 97 об., № 9.

¹⁹ Музеи Московского Кремля, инв. № Ор-1077, Ор-2263, Ор-3035, Ор-3036. См. Описание Московской Оружейной палаты. Ч. 5. Кн. 4. Огнестрельное оружие. М., 1886. № 7161, 7673, 8191.

²⁰ Интересно, что в собрании Гатчинского дворца-музея хранится гарнитур великого князя Павла Петровича, изготовленный в Туле в том же 1768 г., помимо ружья, штуцера и пары пистолетов он включает также мушкетон, инв. № ГДМ-1059-IX, ГДМ-1061-IX, ВХ-1267 (мушкетон на временном хранении из ГМЗ «Павловск»), ГДМ-1037-IX, ГДМ-1038-IX. См. Родионов Е. А. Коллекция оружия Гатчинского дворца. Том 1. СПб., 2012. С. 104–111. Было бы соблазнительно связать изготовление и этого тульского гарнитура 1768 г. с вакцинацией Павла Петровича, но пока никаких подтверждений этому не обнаружено.

²¹ Такие же детали прибора есть на упомянутом выше гарнитуре из казнозарядных штуцера, ружья и пары пистолетов, изготовленных Гаврилой Пермяковым из коллекции Гатчинского дворца-музея, инв. № ВХ-1269, ВХ-1271 (ружье и пистолет в Гатчинском дворце-музее на временном хранении из ГМЗ «Павловск»), ГДМ-835-IX, ГДМ-1034-IX. См. Родионов Е. А. Коллекция оружия Гатчинского дворца. Том 1. СПб., 2012. С. 144–148.

²² Опись Рюст-камеры 1810. Л. 92, № 29.

²³ Там же. Л. 95 об., № 21.

²⁴ Там же. Л. 97 об., № 9. Интересно, что на пистолетах, хранящихся в Оружейной палате, описание которых полностью совпадает с описью, тем не менее, выбит номер 8, повторяющий номер на пистолете Пермяка из английского собрания.

²⁵ Известно, что на оружии из Рюст-камеры, выполненном в позднейшее время, номера уже не выбивались. Например, на ружье работы придворного мастера Иоганна Адольфа Греке 1783 г., включенном в опись Рюст-камеры, знаков принадлежности к императорскому собранию – птицы в овале и номера – не имеется. См. Императорская Рюст-камера. СПб., 2004. С. 108–109.

²⁶ Впервые этот архивный документ был обнаружен Ю. Г. Ефимовым. См. Ефимов Ю. Г. Гатчинский арсенал. [Каталог] СПб., 2001. С. 181.

С. Н. Савченко, Т. В. Сиваков (Хабаровск)

**УЧАСТИЕ УССУРИЙСКОГО КАЗАЧЬЕГО ПОЛКА
В БОЮ УССУРИЙСКОЙ КОННОЙ БРИГАДЫ
5-й АРМИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА
ПОД МЕСТЕЧКОМ ВЕКШНИ КОВЕНСКОЙ
ГУБЕРНИИ 11 (24) ИЮНЯ 1915 г.**

События 11 (24) июня 1915 г. под местечком (далее – м.) Векшни (ныне Векшний, Литва) Ковенской губернии, в частности, вокруг д. Лелайцы, рассматриваемые в данной работе, были продолжением боевых действий в Прибалтике в конце мая – начале июня 1915 г., известных как сражение 1 (14) июня под м. Попеляны (ныне Папиле, Литва) и рейд 5 (18) – 6 (19) июня по тылам германских войск сводной дивизии под командованием генерал-майора А. М. Крымова, участником которых стала Уссурийская конная бригада. Они носили маневренный характер и стали преддверием германского наступления 1 (14) июля – 7 (20) августа 1915 г., получившего название Риги-Шавельской операции.

К концу весны – началу лета 1915 г. общая обстановка на Восточном фронте складывалась неблагоприятно для русских войск. В результате германо-австрийского наступления, начатого 19 апреля 1915 г. в районе Горлице, к середине мая русскими была оставлена Галиция, 8 (21) мая – крепость Перемышль. 1 (14) июня это наступление возобновилось, русские войска, испытывая огромную нехватку вооружения и боеприпасов, неся большие потери, продолжили свое отступление.

Прошедшее 4 (17) июня в Холме совещание Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича с главнокомандующими армиями фронтов, проанализировав ситуацию, отметило, что на обоих фронтах, Северо-Западном

и Юго-Западном, из-за тяжелых боев некомплект в войсках составил 500 тыс. чел., также ощущался большой недостаток в винтовках и боеприпасах. В этой связи ближайшей задачей фронтов должен стать временный переход к обороне с целью выигрыша времени для обеспечения снабжения и комплектования русских армий для последующего перехода к новому наступлению. Общей основной задачей фронтам объявлялось прочное удержание центральной части передового театра (т. е. Польши) и путей, ведущих к северу и югу от нее в пределы России из Восточной Пруссии и Галиции.

При этом основными линиями обороны Северо-Западного фронта по-прежнему оставались Средний Неман – Бобр – Нарев и Висла, до укрепленного района Ивангорода включительно. Главнокомандующему армиями фронта генералу от инфантерии М. В. Алексееву было разрешено при необходимости принять меры по сокращению фронта на Наревском и Вислинском участках, «стремясь, однако, до последней возможности обеспечить за нами обладание Варшавой»¹.

Еще 24 мая (6 июня) из войск 10-й армии, действовавших в Риги-Шавельском районе, генерал М. В. Алексеев приказал сформировать 5-ю армию, во главе которой был поставлен генерал от кавалерии П. А. Плеве. Оценивая этот район как второстепенный, Алексеев поставил перед армией задачу противостоять угрозе германского наступления на Митаву (ныне Елгава, Латвия) и Ригу. В состав 5-й армии была включена и Уссурийская конная бригада под командованием генерал-майора А. М. Крымова². В бригаду входили Приморский драгунский полк, 1-й Нерчинский казачий полк Забайкальского казачьего войска, Уссурийский казачий полк Уссурийского казачьего войска, 8-й Донской казачий артиллерийский дивизион (16-я, 20-я Донские казачьи батареи)³.

Из германских войск, действовавших в данном районе, была сформирована Неманская армия во главе с генералом О. фон Беловым, который со своим штабом 13 (26) мая прибыл в Тильзит⁴ (ныне Советск, Россия).

Северной ударной группе Неманской армии была поставлена задача разбить русских у Шавли (ныне Шяуляй, Литва), взятие которого позволило бы германским войскам овладеть важным узлом путей сообщений и развить наступление далее на Митаву и Ригу. Кавалерийскому корпусу генерал-лейтенанта графа Эгона

фон Шметтова было приказано 26 мая (8 июня) ударить через Груздзи (ныне Грузджай, Литва) в направлении на Мешкуцы (ныне Мешкуйчай, Литва) в тыл русских позиций у Шавли, в то время как корпус генерал-лейтенанта К. фон Моргена должен был отбросить русских на линию Рекце (Рексце) – Рувли (Рувили)⁵.

При отражении этого наступления германских войск части Уссурийской конной бригады в составе 1-го конного корпуса (3-я кавалерийская, 4-я Донская казачья дивизии, Уссурийская конная бригада и бригада 4-й кавалерийской дивизии) генерал-майора графа М. Н. Граббе (1 (14) июня сменил генерала от кавалерии В. А. Орановского) обеспечивали правый фланг оборонявшегося Шавли 19-го армейского корпуса (командир – генерал от инфантерии В. Н. Горбатовский) и в начале июня 1915 г. приняли участие в целом ряде боев: 1 (14) июня под м. Попеляны Ковенской губернии⁶; рейде 5 (18) – 6 (19) июня в составе сводной дивизии под командованием генерала Крымова по тылам германских войск⁷. Здесь им противостояли в основном части германского кавалерийского корпуса генерала графа Э. фон Шметтова.

Одновременно с набегом русской конницы в немецкий тыл на правом фланге 19-го армейского корпуса утром 6 (19) июня русские войска перешли в наступление в общем направлении на фронт Нарвойши – Кужи⁸. Конному корпусу генерала Граббе было приказано обеспечивать правый фланг 19-го армейского корпуса, направляя решительные удары с флангов и по возможности в тыл противника⁹. Однако прорвать германскую оборону русские не смогли, и, ввиду израсходования резервов, 9 (22) июня генерал Плеве приказал Шавельской группе перейти к оборонительным действиям¹⁰.

7 (20) июня в состав 1-го конного корпуса входили: 3-я кавалерийская дивизия (24 эскадрона численностью 77 офицеров, 2152 шашки (строевых нижних чинов. – *Прим. авт.*), при 5 пулеметах и 8 конных орудиях), 4-я Донская казачья дивизия (24 сотни численностью 70 офицеров, 2711 шашек, при 8 пулеметах и 12 конных орудиях), Уссурийская конная бригада (18 сотен и эскадронов численностью 44 офицера, 2033 шашки, при 7 пулеметах и 7 конных орудиях)¹¹. Всего 66 эскадронов и сотен, насчитывавших 191 офицера, 6896 шашек, при 20 пулеметах и 27 конных орудиях.

После завершения рейда к вечеру 8 (21) июня конница генерала графа Граббе занимала следующие позиции: 4-я Донская казачья дивизия – два полка на фронте Даржишки, Тервидзи, по р. Жижма до Рагойне (Рогоне), 3-я кавалерийская дивизия – Рагойне, фольварк (далее – ф.) Ногори; Уссурийская конная бригада и два полка 4-й Донской казачьей дивизии – в м. Векшни. К правому флангу конного корпуса примыкали части 4-й кавалерийской дивизии (начальник – генерал-лейтенант Б. П. Ванновский), в частности, две сотни 4-го Донского казачьего полка, две роты ополчения, при 2 поршневых орудиях и 69-я конная ополченская сотня располагались у станции Муравьево (ныне Мажейкяй, Литва); три сотни 4-го Донского казачьего полка были выдвинуты в Тыршкле (Тыркшле, ныне Тиркшляй, Литва) для высылки разведки на юг; две роты ополчения, при 2 поршневых орудиях, одна сотня 4-го Донского казачьего полка и 3-я Оренбургская особая конная сотня находились в Векшни. С левым флангом конного корпуса соприкасались части 19-го армейского корпуса¹².

1 (14) июня главнокомандующий германскими войсками на Восточном фронте генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург отдал Неманской армии приказ удерживать сложившуюся позицию до прибытия подкреплений, затем армия должна была путем широкого охвата правого крыла 5-й русской армии нанести удар по находившимся перед ней русским войскам. В течение июня в Неманской армии производилась переброска подкреплений и улучшение позиций. В частности, на северном крыле группы Моргена на средней Виндаве (Венте) русские были несколько отброшены с помощью прибывшей из 9-й армии 8-й кавалерийской дивизии¹³, усиленной 18-й и 38-й кавалерийскими бригадами.

Во время проведения мероприятий по подготовке к намеченному наступлению корпус Шметтова должен был выдвинуться к р. Виндава на участке от Рекце до района Круце – Тыршкле и обеспечить его за собой. Для этого части корпуса должны были продвинуться: 2-я и 6-я кавалерийские дивизии – между рр. Жижма и Вирвита, 23-я и 38-я кавалерийские бригады 8-й кавалерийской дивизии с одним батальоном 18-го пехотного полка, 2 орудиями и двумя батальонами 28-го ландверного пехотного полка – между рр. Вирвита и Шеркшня. Затем части должны были обеспечить за собой: кавалерийский корпус – участок от Рекце до Попелян, 8-я кавалерийская дивизия – западнее, ведя разведку до Грозен (Грезен)¹⁴.

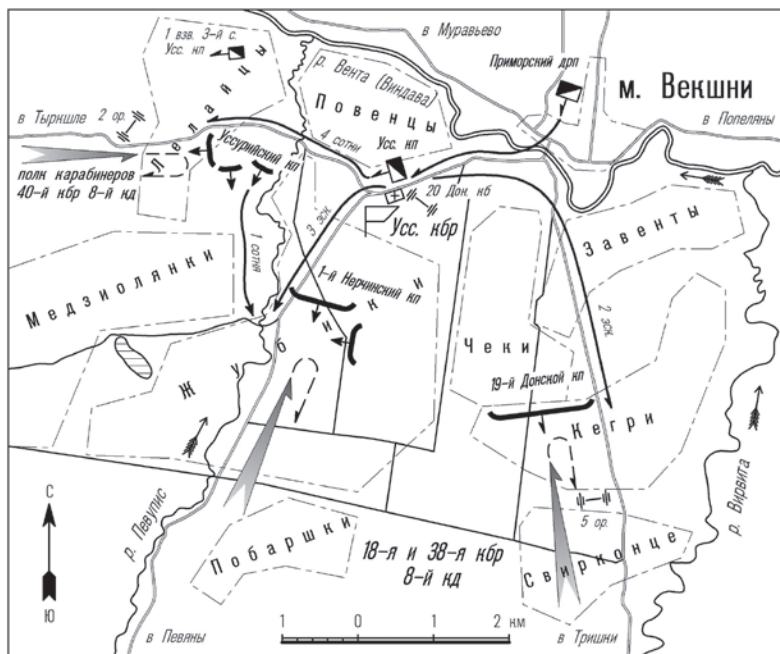
По данным русского командования, к 9 (22) июня в районе Сяды (ныне Седа, Литва) – Певяны (ныне Певенай, Литва) – Равдзяны (ныне Рауденай, Литва) – Тельше (ныне Тельшай, Литва) были сосредоточены германские 8-я Саксонская (23-я, 38-я, 40-я кавалерийские бригады), 2-я (5-я, 8-я, лейб-гусарская кавалерийские бригады), 6-я (28-я, 33-я, 45-я кавалерийские бригады) кавалерийские дивизии и 18-я бригада (15-й, 16-й гусарские полки) 4-й кавалерийской дивизии кавалерийского корпуса генерала графа Э. фон Шметтова, всего 80 эскадронов с тремя егерскими батальонами¹⁵. Здесь необходимо отметить, что состав этих дивизий в ходе боевых действий постоянно менялся.

После рейда русской кавалерии по тылам германских войск и прекращения русских атак под Куршанами (ныне Куршенай, Литва) действия немцев на левом берегу Венты активизировались.

11 июня около 8 часов утра противник повел наступление от Сяды на Жеймеляны (ныне Жямале, Литва) и потеснил русские передовые конные части. Около 10 часов бои развернулись на фронте Жеймеляны – Певяны, русские передовые части под натиском противника отходили на укрепленную линию р. Венты, около 12 часов дня немцы овладели м. Тыршкле и начали обстреливать артиллерией ст. Муравьево. Около 10 часов утра на фронте конницы генерала Граббе противник перешел в наступление с линии Тришки (ныне Тришкяй, Литва) – Равдзяны на фронте Векшни – Попеляны, тесня передовые части русских. В 11 часов 30 мин. утра немцы повели наступление на позиции конного корпуса от Равдзяны на фронт Даржишки – Швендры и потеснили сотни 25-го Донского казачьего полка. Одновременно противник повел наступление с фронта Тришки – Леляны (Лейляны) в общем направлении на Попеляны, оттесняя передовые части русской конницы, на поддержку которых были высланы резервы. Около 5 часов дня части конного корпуса удерживали линию Медзиолянки – Жубики – Завенты – Гуды – м. Шавдины (ныне Шяудине, Литва) – ф. Поклиши – ф. Даукши – Чуйни. Значительных сил противника здесь пока замечено не было, бой продолжался до позднего вечера¹⁶ (ил. 1).

Русская разведка обнаружила движение крупных кавалерийских частей по дорогам вдоль левого берега р. Вирвиты на м. Векшни. Около 9 часов утра 11 (24) июня Уссурийская конная бригада выдвинулась из Векшни навстречу противнику,

Ил. 2. Бой Уссурийской конной бригады против частей 8-й германской кавалерийской дивизии под местечком Векшни 11 (24) июня 1915 г.

дороге на д. Лелайцы (Лелайце), чтобы ударить во фланг и тыл немцам (ил. 2). Четыре сотни полка составляли боевую силу в 280 пашек.

Во исполнение поставленной задачи командир полка принял решение зайти от д. Лелайцы прямо на юг и повести наступление в направлении на озеро у д. Медзиолянки. Свободная от противника дорога на Лелайцы давала возможность двигаться колонной по три. 1-я сотня под временным командованием хорунжего И. П. Калмыкова выступала в авангарде, остальные три сотни составляли главные силы. Чтобы оповестить нерчинцев и поддерживать с ними связь, 4-я сотня, не доходя д. Лелайцы, была двинута на д. Жубики.

Немцы по той же дороге в сторону русских направили Королевский саксонский карабинерный полк (40-й кавалерийской бригады 8-й кавалерийской дивизии) с двумя орудиями. Дорога представляла лесное дефиле. Согласно русским

донесениям, на одном из поворотов дороги произошла неожиданная встреча головного дозора и следовавшей за ним сотни с эскадронам противника. Дозорные с коней обстреляли друг друга. Подскакав с 1-й сотней к повороту и увидев перед собой превосходившие силы противника (как оказалось впоследствии, еще три эскадрона карабинеров), Калмыков послал устное донесение командиру полка, быстро спешил сотню и, рассыпав в цепь, с дистанции 150–200 шагов открыл огонь по стоявшей еще в конном строю немецкой колонне, ожидавшей, очевидно, выяснения обстановки. Немцы отошли несколько назад в лес, спешили и повели наступление. Цепь сотни спокойно встретила наступавший по поляне эскадрон противника и завязала с ним перестрелку. В то же время три эскадрона противника, используя лесное пространство, обошли левый фланг цепи и зашли ей в тыл. Но в то время, как цепь противника приготовилась к удару холодным оружием (карабинеры уже примкнули штыки), подоспела высланная на поддержку 3-я сотня с двумя пулеметами. Заняв позицию под углом в 90 градусов относительно цепи 1-й сотни, 3-я сотня огнем пулеметов и ружейным по обходившим, а 1-я по эскадрону с фронта, нанеся большие потери противнику, совершенно рассеяли карабинеров.

Согласно германским источникам, с их стороны в бою участвовали 2-й и 3-й эскадроны полка карабинеров, усиленные 40 кавалеристами. Так как дальнейшее продвижение оказалось невозможным, то командир полка карабинеров приказал прекратить бой с наступлением темноты.

Русские донесения утверждали, что результатом боя был полный разгром карабинерного полка. На фронте участка хорунжего Калмыкова было найдено 35 трупов, в том числе двух офицеров (два эскадронных командира), один офицер был подобран раненым (командир эскадрона лейтенант фон Циммерман). На участке 3-й сотни и пулеметов противником оставлено около 70 трупов, немцы отправили в свой тыл до 40 подвод с ранеными. Потери русских в этом бою от ружейного огня и поддерживавших наступление спешенных эскадронов двух пушек – два легко раненных казака¹⁸.

Благодаря достигнутому успеху Уссурийский казачий полк нейтрализовал удар карабинерного полка в тыл Уссурийской конной бригаде, вышел к Жубикам в тыл немцам, отрезавшим 1-й Нерчинский казачий полк, заставив их этим очистить

деревню и отступить, благодаря чему нерчинцы вышли из критического положения.

За бои 11 июня Георгиевским крестом 4-й степени были награждены следующие казаки Уссурийского казачьего полка:

казаки Меновщиков И. Н., Вишняков И. П., Костюрин Т. П., Иванов Н. П., Мазур Ф. Д., Ваулин Т. О., Зевакин Н. В., Матрененский М. С., Крупцов Н. П. – за то, что в бою у д. Лелайце мужественно встретили бросившихся в штыки немцев, вывели из строя трех офицеров (один убит и двое тяжело раненные взяты в плен) и своей храбростью содействовали успеху контратаки и поражению немцев;

урядник Шалапин С. И. – за то, что в бою у д. Лелайце, командуя фланговым взводом спешенной сотни, смелым и быстрым маневрированием своего взвода способствовал: отбитию двух яростных атак вчетверо превосходивших силой немцев, выбитию их из леса, выполнению сотней авангардной задачи и полному разгрому кавалерийского полка противника;

приказный Башуров В. М. – за то, что в бою у д. Лелайце под сильным ружейным огнем противника неоднократно передавал приказания, способствовавшие совместному действию разбросанных в лесу взводов¹⁹.

На левом фланге Уссурийской конной бригады вел бой 19-й Донской казачий полк, который около 5 часов дня в конном строю атаковал на фронте д. Кегри – д. Побаршки, в районе д. Чеки и д. Жубики бригаду кавалерии противника (38-ю кавалерийскую бригаду 8-й кавалерийской дивизии) силою около двух полков конницы с 5 артиллерийскими орудиями и приданными к ней 200 человек пехоты при 4 пулеметах. Атака происходила в лесистой пересеченной местности под сильным ружейным и артиллерийским огнем. Артиллерия противника, стрелявшая в упор, переходила три раза из рук в руки, но из-за малочисленности донцов немцы каждый раз, неся значительные потери, отбивали свои орудия. В результате полком были захвачены два зарядных ящика с полным комплектом боевых снарядов, лазаретная линейка и походная офицерская кухня, лошади, оружие, снаряжение, уничтожены обоз и 800 пик. Противник понес значительные потери. Потери полка составили: убитыми – 2 офицера, 28 казаков, ранеными – 2 офицера, 38 казаков; убитыми 54 лошади и 33 ранеными. За доблестную атаку 11 июня полк удостоился особой благодарности императора²⁰.

В этот день большую роль сыграло участие в бою Приморского драгунского полка, который, переправившись в 3 часа дня по тревоге на левый берег Венты, стал у кладбища южнее д. Повенцы в резерве. Около 5 часов вечера два эскадрона были посланы в помощь 19-му Донскому казачьему полку и конной атакой выбили из рожи спешенных саксонских рейтаров (Королевский саксонский гвардейский рейтарский полк 23-й кавалерийской бригады 8-й кавалерийской дивизии), угрожавших левому флангу донцов. В 6 часов вечера три эскадрона в пешем строю заполнили прорыв, образовавшийся против д. Жубики вследствие отхода потерявшей командира сотни уссурийцев (11 июня под д. Жубики был ранен сотник Уссурийского казачьего полка Ю. А. Савицкий²¹). Наступавшие в пешем строю эскадроны выбили противника из д. Жубики и прочно овладели ею. В этих боях полк потерял 5 драгун убитыми, 12 ранеными, 1 пропавшим без вести, 8 лошадей убитыми и 3 ранеными²².

Бой 11 (24) июня продолжался до позднего вечера, противник на всем фронте конницы графа Граббе был остановлен, а местами и отброшен назад. На ночь русское сторожевое охранение было выставлено на линии Лелайце, Жубики, Свирконце, Ушпельки, Кережи, Ионайце, ф. Даукши, Чуйни²³.

В этот день 8-я германская кавалерийская дивизия начала наступление западнее р. Вирвита на фронте Векшни – Тыркшле. К полудню группа полковника Бодельшвинга (18-я и 38-я кавалерийские бригады), составлявшая правый фланг дивизии, достигла района Свирконты (Свирконце) и западнее, ведя бои с русской конницей. Части группы отбили конную атаку русских (19-го Донского казачьего полка) на спешенные части и конно-егерский полк. К вечеру 18-я германская кавалерийская бригада заняла участок от Свирконты до господского двора (далее – г. дв.) Мариамполь; 38-я кавалерийская бригада примыкала к ней до д. Жебики (Жубики).

Левый фланг 40-й германской кавалерийской бригады занял район южнее Круце. Усиленная 23-я кавалерийская бригада под командой генерала Декена заняла Тыркшле, к вечеру достигла правым флангом Летени и вела бой совместно с двумя ротами и двумя тяжелыми полевыми гаубицами Либавского отряда за овладение предмостным укреплением у Круце.

11 (24) июня из 6-й германской кавалерийской дивизии, продолжавшей занимать свои позиции, в распоряжение 2-й кавалерийской дивизии, наступавшей на фронте Рудыки – Попеляны – устье р. Игис (Угис), были переданы 5-я и 33-я кавалерийские бригады²⁴.

Согласно докладу начальника штаба 5-й армии генерала Е. К. Миллера начальнику штаба армий Северо-Западного фронта генералу А. А. Гулевичу о ситуации во время и после боя в этом районе, 11 июня на фронте конницы графа Граббе в 5 часов дня противник в районе Векшни пытался отеснить за реку передовые части генерала Крымова и затем двинул со стороны Тыршкле на Векшни бригаду конницы. Генералу Крымову приказано было ее отбросить. С фронта Жубики – Даргужишки – м. Шавдыни показались конные части противника, поддержанные пехотой, которые отеснили заставу русских от Кережи. На фронте ф. Даукши – Чуйни – Рагойне также вели наступление конные части противника, усиленные пехотой, занявшей Рагойне. К вечеру в распоряжение генерала Крымова направлены 25-й и 26-й Донские казачьи полки. 20-й стрелковый полк 5-й стрелковой бригады поступил в распоряжение генерал-майора Ф. Ф. Абрамова (командир 2-й бригады 4-й Донской казачьей дивизии), на которого была возложена задача обороны р. Венты от Попелян до устья р. Добикини. 3-й кавалерийской дивизии приказано выдвинуть разведку на фронт г. дв. Мицкишки – д. Рагойне и сосредоточиться в районе Рудыки, Жили²⁵.

В последующие дни германские войска продолжили свою операцию по вытеснению русских войск с левого берега Виндавы.

12 (25) июня на фронте конницы графа Граббе пехота противника накапливалась со стороны Тыршкле и теснила с юга и запада сторожевые части генерала Крымова²⁶.

С 12 июня Уссурийский казачий полк занимал окопы у Векшни и, несмотря на сильный временами артиллерийский огонь немцев, удерживал свои позиции²⁷. 12 июня в 12 часов ночи Приморский драгунский полк, сосредоточившись у д. Жубики, выступил в Векшни, откуда 13 (26) июня после полудня перешел в район хуторов Рекеци²⁸.

Днем 13 (26) июня на фронте конницы графа Граббе пехотные части противника пытались отбросить сотни 19-го Донского казачьего полка из района Побаршки, Кегри, полк был поддержан 26-м Донским казачьим полком. Под натиском противника

полки в пешем строю медленно отходили с фронта Лелайце – Жубики – Свирконце к Векшни и вечером перешли на правый берег Венты. Генерал Крымов занял позицию от Векшни включительно до устья р. Добикиня двумя ротами ополчения и 1-м Нерчинским казачьим полком, штаб бригады и Уссурийский казачий полк располагались в Векшни, Приморский драгунский и 25-й Донской казачий полки находились в резерве в районе Плуги – Полносы. 24-й Донской казачий полк и 20-й стрелковый полк занимали позиции в районе Попеляны, 3-я кавалерийская дивизия – на фронте Подвой (Подгай, 0,5 км северо-западнее Гумбоки) – Рудыки – Жили. На участке Гуды – Авижла – Римши попытки разведывательных частей противника пробраться к р. Вента были отражены русскими сторожевыми частями. Днем Попеляны были обстреляны гаубичным огнем, затем противник густыми пехотными цепями повел наступление от Билюнишки на Попеляны и против 3-й кавалерийской дивизии на Гумбоки и Крокли. 3-я кавалерийская дивизия под давлением пехоты и конницы противника, поддержанных артиллерийским огнем, отошла на укрепленную позицию Августайцы – Рудыки; сильный артиллерийский огонь принудил 3-й драгунский Новороссийский полк очистить Крокли и отойти на восток, оставаясь на левом берегу Венты. Начальнику дивизии генерал-лейтенанту Е. А. Леонтовичу было приказано сосредоточить в районе Жили возможно больше сил и содействовать атаке пехоты 19-го армейского корпуса на Рексце²⁹.

14 (27) июня 3-я Оренбургская особая конная сотня, наблюдавшая промежуток до Векшни, была потеснена, но, поддержанная сотней Уссурийского казачьего полка, снова заняла свои позиции. На фронте конницы графа Граббе после полудня противник в районе Векшни пытался форсировать Венту партиями 40–50 человек, но повсюду был отбит. Также было отражено наступление полуроты немцев. Огнем артиллерии противнику удалось зажечь в Векшни костел и несколько домов. На фронте Лелайце, Жубики, Свирконце противник выставил пехотную завесу, проникнуть за которую русские разъезды не смогли. На Авижлу и Пурви 1-е и на Жеркеци и Пурви 2-е вели наступление рота пехоты и несколько эскадронов, поддержанные артиллерийским огнем по Кальнишки. Перекрестный огонь русской артиллерии остановил это наступление и заставил противника очистить занятую им д. Жеркеци. Полуэскадрон

противника из Авижлы был выбит сотней 24-го Донского казачьего полка, против Кальнишки разъезды противника отражались русским огнем. Попеляны обстреливались легкой и гаубичной артиллерией³⁰.

15 (28) июня боевые действия на фронте корпуса графа Граббе стали стихать, в районе Векшни шла редкая ружейная и артиллерийская перестрелка, перед фронтом корпуса восточнее Векшни до Попелян противник начал закреплять свое расположение, приступив к окопным работам³¹.

2-я германская кавалерийская дивизия с 11 (24) июня продвигалась к р. Вента с тяжелыми боями и, неся при этом большие потери, 15 (28) июня вышла на фронт Рудыки – Попеляны – устье р. Угис, установив связь с 8-й германской кавалерийской дивизией. В соответствии с продвижением 2-й кавалерийской дивизии 6-я кавалерийская дивизия удлинила свои позиции от Рекце до района южнее Рудыки.

К 15 (28) июня 8-я германская кавалерийская дивизия, наступавшая западнее р. Вирвита, оттеснила русских за р. Виндава, заняв ее до района севернее Тыркше. Правый фланг дивизии соединился с левым флангом 2-й кавалерийской дивизии. Таким образом, операция германской конницы на р. Вента была завершена занятием левого берега реки, за исключением еще оставшихся в руках русских предмостных укреплений у Рудыки, Попелян, Векшни и Круце. Эти позиции удерживались затем германскими войсками до начала наступления на Шавли³².

В результате проведения Горлицкой операции германо-австрийскими войсками русский Юго-Западный фронт был вынужден отходить. 9 (22) июня русские оставили Львов и продолжили отступление к Бугу. Посчитав, что русский Юго-Западный фронт потерпел поражение, германское командование приняло решение ликвидировать выступ, который образовывали русские войска в Польше. С этой целью планировалось предпринять два наступления: с юга на север – армиями генерал-фельдмаршала А. фон Макензена, завершивших Горлицкий прорыв, и с севера – Неманской армией³³, получившими название Риги-Шавельской операции.

Начиная с июля, боевые действия Неманской армии германское командование рассматривало уже не как самостоятельную операцию, а как подготовку будущего наступления на Вильно, которое генерал-фельдмаршал фон Гинденбург предложил 19 июня

(2 июля) в Познани в качестве наиболее эффективной поддержки наступления в южной Польше.

Неманская армия, усиленная 41-й пехотной дивизией, должна была атаковать 5-ю русскую армию, тем самым одновременно облегчив положение немецкой 10-й армии и отвлекая внимание русских от Наревской операции.

Поскольку наступление группы армий Гальвица на Нарев должно было начаться 30 июня (13 июля), действия в Курляндии были окончательно назначены на 1 (14) июля³⁴.

Обстановка, складывавшаяся в зоне ответственности Северо-Западного фронта, заставила Верховного главнокомандующего провести 22 июня (5 июля) в Седлеце совещание с руководством фронта. В итоге директивой Верховного главнокомандующего от 22 июня (5 июля) № 2793 давалась возможность генералу Алексееву самостоятельно решать многие стратегические и оперативные вопросы, а также предоставлялось право отвода своих войск на линию Ломжа – Малкин – Луков – Парчев – Влодава – Ратно, а в случае ухудшения обстановки предельной линией отвода объявлялись позиции по фронту Бобр, Верхний Нарев и Брест – Ратно³⁵.

---

¹ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. / сост. А. Незнамов; Комис. по исслед. и использованию опыта мировой и гражд. войны. М.: Высш. воен. ред. совет, 1922. С. 65.

² Российский Государственный Военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 88–90, 94–96; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. С. 62–63.

³ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 40–41.

⁴ Позек М. Германская конница в Литве и Курляндии в 1915 году. М.-Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. литературы, 1930. С. 64, 72; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bearbeitet im Reichsarchiv. Die militärischen Operationen zu Lande. Bd. 8. Die Operationen des Jahres 1915. Die Ereignisse im Westen im Frühjahr und Sommer, im Osten vom Frühjahr bis zum Jahresschluß. Berlin, 1932. S. 124.

⁵ Позек М. Указ. соч. С. 89.

⁶ Савченко С. Н., Сиваков Т. В. Бой Уссурийской конной бригады (5-я армия Северо-Западного фронта) под местечком Попеляны Ковенской губернии 1 (14) июня 1915 г. // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. Вып. 6. Хабаровск, 2021. С. 82–111.

⁷ Савченко С. Н., Сиваков Т. В. Участие Уссурийской конной бригады в рейде по тылам германских войск в составе сводной кавалерийской дивизии под командованием генерал-майора А. М. Крымова 5-й русской армии Северо-Западного фронта 5 (18) – 6 (19) июня 1915 г. // Война и оружие. Новые исследования

и материалы. Труды Одиннадцатой Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 17–19 мая 2023 г. / Под ред. С. В. Ефимова; в 4 частях. Ч. 3. СПб.: ВИМАИВиВС, 2023. С. 228–241.

⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 203, 229–229 об.

⁹ Там же. Л. 176, 179.

¹⁰ Там же. Л. 203, 229–229 об.

¹¹ Там же. Л. 191–192.

¹² Там же. Л. 216–222.

¹³ Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bearbeitet im Reichsarchiv. Die militärischen Operationen zu Lande. Bd. 8. ... S. 127–130.

¹⁴ Позек М. Указ. соч. С. 94–95.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 188. Л. 137.

¹⁶ Там же. Д. 102. Л. 262, 274, 278.

¹⁷ Там же. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 35. Л. 272.

¹⁸ Там же. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 64. Л. 15 об.–16, 19 об.–20, 43–43 об.; Позек М. Указ. соч. С. 99.

¹⁹ Патрикеев С. Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. IV степень. №№ 500 001–600 000. М.: Духовная Нива, 2013. С. 694.

²⁰ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 42. Л. 247, 252–252 об.; Там же. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 278–278 об.; Там же. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 103. Л. 55–56.

²¹ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 76. Л. 402–403.

²² Там же. Ф. 3573. Оп. 1. Д. 17. Л. 29 об.–30.

²³ Там же. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 278–278 об.

²⁴ Позек М. Указ. соч. С. 99.

²⁵ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 300.

²⁶ Там же. Л. 285.

²⁷ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 64. Л. 16.

²⁸ Там же. Д. 17. Л. 30.

²⁹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 102. Л. 296–299, 310–310 об.; Там же. Д. 103. Л. 74–74 об.

³⁰ Там же. Д. 102. Л. 315–315 об., 325–325 об.

³¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 103. Л. 11, 23–23 об.

³² Позек М. Указ. соч. С. 99, 105.

³³ Ростунов И. И. Русский фронт Первой мировой войны. М.: Наука, 1976. С. 251–252.

³⁴ Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bearbeitet im Reichsarchiv. Die militärischen Operationen zu Lande. Bd. 8. ... S. 456–458.

³⁵ Зайончковский А. М. Первая Мировая война. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2000. С. 415–418. Схема 40; Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. С. 70–71.

Ю. В. Садов (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ ОБ ОТСТАВКЕ ГЕНЕРАЛА А. П. ЕРМОЛОВА

Генерал Алексей Петрович Ермолов (1777–1861) – герой Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, главнокомандующий Кавказским корпусом и правитель Грузии с 1816 по 1827 г. – незаурядный человек удивительной судьбы и талантов, историческая биография которого оставила исследователям множество дискуссионных вопросов. Один из них – вопрос о причинах его отставки с должности главнокомандующего Кавказским корпусом и правителя Грузии в 1827 г. Сам Ермолов не пожелал оставить каких-либо объяснений на этот счет.

К настоящему времени в исследовательской литературе существует несколько версий, наиболее распространенная из которых (она же «официальная») – неудача в начале войны с персами. Остальные можно свести к следующим обоснованиям причин отставки:

- близость Ермолова к декабристам (версия М. В. Нечкиной);
- отсутствие Ермолова на коронации Николая I (версия С. Н. Бейтуганова);
- заговор «немецкой партии» (версия Н. К. Шильдера);
- конфликт Ермолова с Николаем I как по личным мотивам, так и по вышеуказанным причинам (версия Н. Я. Эйдельмана).

Однако до конца не ясной остается пошаговая, регламентированная существовавшими законами, мотивированная личным участием видных исторических лиц той эпохи «процедура» отставки Проконсула Кавказа. Другими словами, до сих пор не изучен «легитимизированный» временем и обстоятельствами механизм отставки генерала.

Начинать, как кажется, следует с официальных документов, несмотря на то, что они, на первый взгляд, никаких объяснений

не дают. Однако при внимательном рассмотрении ряда из них обнаруживается несколько странностей.

Первый документ, который обращает на себя внимание, от 11 августа 1826 г. – *разрешение Николая I* (выделено мной – Ю. С.) «<...>на случай болезни Ермолова, вверить начальство Кавказским корпусом генерал-адъютанту Паскевичу»¹. Причины возникновения этого документа рассмотрим чуть ниже.

Следующий документ датирован 3 марта 1827 г., в нем главнокомандующий кавказским корпусом генерал-лейтенант Ермолов просит Николая I об увольнении². В этой просьбе об отставке имеется некая необычность. Это было личное письмо на имя государя, а не рапорт, обычный в случаях любых прошений военачальников к вышестоящим лицам. Иными словами, главнокомандующий Кавказским корпусом официальное прошение об отставке облакает в неофициальную форму. Как следствие, 28 марта 1827 г. император Николай I, известный своей педантичностью в отношении всяких канцелярских процедур, подписывает указ об освобождении Ермолова от занимаемой должности³.

Здесь возникает еще одна странность, на которую до сих пор не обратили внимание. Указ датирован 28 марта 1827 г., а уже на следующий день, 29 марта, «генерал-адъютант Дибич сообщает А. П. Ермолову Высочайшее повеление о замене его Паскевичем»⁴. Таким образом, Высочайший указ на следующий же день после подписания оказывается на Кавказе.

Наконец, последний официальный документ, от 25 ноября 1827 г., интересен своей формулировкой: «Увольняется от службы состоящий по армии генерал от инфантерии Ермолов I-ый по домашним обстоятельствам <...>»⁵.

Ил. 1. Портрет А. П. Ермолова.
Художник Дж. Доу. 1821–1825 гг.
Государственный Эрмитаж

Обтекаемые формы причин отставки в этих документах, еще при жизни Ермолова, дали пищу для слухов и всевозможных версий. А разрешение от 11 августа 1826 г. «на случай болезни» и в настоящее время вызывает обоснованное недоверие к этому документу. Версия о болезни Ермолова была отброшена еще Денисом Васильевичем Давыдовым, двоюродным братом генерала Ермолова, и в последующих исследованиях не рассматривалась. Однако попытаемся разобраться с болезнью Ермолова, якобы возможной причиной его замены Паскевичем еще в 1826 г.

В воспоминаниях людей, хорошо знавших Ермолова, осталось много фактов, свидетельствующих о его прекрасном здоровье на протяжении всей жизни. Так, Д. В. Давыдов писал, что Ермолов «одарен необыкновенной силой и крепким здоровьем»⁶. А. С. Пушкин, посетивший Ермолова в опале, нашел его в полном здравии и силе⁷. Н. В. Берг, не однажды бывавший в гостях у Ермолова в 1859 г., в своих воспоминаниях писал: «Спросил <Ермолова>, правда ли, что у Н. Муравьева в повести «Амалат-Бек» Ермолов рассекал одним ударом шею быка? Нет, не правда – ответил он. Правда, хвалился, что был ужасно силен. Я и теперь силен и крепок. Захворал как-то в 1855 году. Врач прописал микстуру. Не берет. Врач говорит, что у вас допотопная натура, вы мастодонт!»⁸ М. Погодин отмечал весьма любопытное свойство ермоловского организма – притупленное чувство обоняния. Он мог есть тухлую говядину без ущерба для здоровья⁹. До самой смерти генерал практически ничем не болел, неожиданно для всех занемог в марте и скончался 12 апреля 1861 г.

Сам Ермолов в письмах до 1826 г. почти никогда не жаловался на здоровье. Например, в письме с Кавказа от 4 января 1817 г. он замечает: «Я здоров. Здешний климат мне впрок»¹⁰. В другом письме, от 5 марта 1820 г., пишет: «Девять месяцев в году веду я кочевую жизнь; образ жизни строгий и неприхотливый, делающий меня чрезвычайно подвижным»¹¹.

Однако, начиная с 1826 г., в личных письмах к друзьям обнаруживаются жалобы на здоровье. Так, в письме А. А. Закревскому от 1826 г. Ермолов прямо жалуется на пошатнувшееся здоровье: «Десятилетие здесь пребывания и мой век сократило. Меня уже начинают посещать болезни, с которыми не бывал знаком прежде. Два года уже смотрю в очки, и силы, прежде неистощимые, ощутительно изменяют»¹². На фоне общего мнения о богатейшем здоровье Ермолова в эти годы, сам он вдруг начинает

говорить об обратном. Это тем более странно, что до этого времени генерал практически ничем не болел и после отставки без особых болезней прожил 35 лет, никогда и никому не жалуясь на самочувствие.

Создается впечатление, что в период в 1826–1827 гг. Ермолов подобными письмами нарочно создавал о себе мнение как о человеке с пошатнувшимся здоровьем. Зачем? Возможно, он отчетливо осознавал неизбежность своей скорой отставки, и естественные причины, связанные с болезнями, устраивали его более других. Видимо, устраивала подобная причина и Николая I: это был верный бесконфликт-

ный повод отправить в отставку популярного в обществе военачальника. Поэтому, возможно, и появляется то самое разрешение Николая на случай болезни Ермолова вверить начальство Кавказским корпусом генерал-адъютанту Паскевичу¹³.

В этом документе обращает на себя внимание дата – 11 августа 1826 г. Если проследить течение Русско-персидской войны до и после этой даты, возникает справедливое предположение, что этот документ возник неслучайно. Неудачи с начала войны подталкивали генерала Ермолова к отставке. Возможно, чтобы не потерять лицо, Ермолов сам распространяет слухи о якобы настигшей его болезни. Любая серьезная военная неудача, например, поражение при Шамхоре, неизбежно повлечет за собой отставку, но в случае «объявленной» болезни Ермолов отстраняется не как проигравший военачальник, а как заболевший и по этой причине не способный далее исполнять свою службу царский чиновник. Николай I принимает версию о «мнимом больном», заранее подготавливая соответствующие документы и возможную замену Ермолову в лице не менее прославленного полководца, своего любимца, графа И. Ф. Паскевича. Причем, как видно из

Ил. 2. Портрет А. П. Ермолова.
Художник П. Захаров-Чеченец.
Около 1843 г. ГРМ

источников, государь ждет скорого разрешения вопроса независимо от ситуации на войне.

Однако Ермолов не спешит подавать прошение. В сентябре 1826 г. сначала Р. Г. Мадатов при Шамхоре разбивает персов, после чего Паскевич наносит поражение неприятелю при Елизаветполе. Ермолов как-то сразу перестает жаловаться на болезнь и остается во главе Отдельного Кавказского корпуса.

Еще одним возможным доказательством того, что Ермолов искусственно распространял слухи о своем пошатнувшемся здоровье, являются письма генерала своему старому другу А. В. Казадаеву в период с 1823 по 1827 г. Мы обращаем внимание на то, что в письмах от «июня 1823 г., Тифлис», от «июля 1823 г., Тифлис», от «20 января 1825 г., Тифлис», «12 июля 1825 г., Кавказская линия» А. П. Ермолов пишет, что здоров, полон сил и энергии. И далее, в письме от 30 марта 1827 г., т. е. сразу после отставки, также отмечает, что отменно здоров¹⁴.

Таким образом, объявленная самим генералом болезнь по времени совпадает с критическим для него временем: вторая половина 1826 г. – март 1827 г. При этом ни диагноза болезни, ни описания ее не сохранилось. В воспоминаниях близких Ермолову людей о болезни Алексея Петровича в это время сведений также не находим.

Однако процесс отставки уже запущен. Не дождавшись прошения Ермолова об освобождении его от должности «по болезни», Николай запускает иной план устранения Ермолова с высокой должности. В отличие от Александра I, император Николай I отнюдь не жаловал Ермолова: близкие отношения генерала с декабристами, его задержка с присягой новому государю, отсутствие Ермолова на коронации Николая в Москве и явная неудача в начале войны с Персией – все эти и иные обстоятельства, возможно, только укрепляли Николая в убеждении сместить неугодного ему генерала.

Несмотря на отсутствие прямых доказательств причастности Ермолова к секретным обществам, Николай считал, что генерал разделял, а возможно, и разделяет идеи декабризма. Император российский откровенно опасался «проконсула Кавказа», поскольку знал о популярности Ермолова в обществе и армии. Он знал о преданности Кавказского корпуса своему командующему. Поэтому мог вполне допустить, что в случае принуждения Ермолова к отставке тот попросту мог

не подчиниться, отложиться вместе с Грузией или двинуть корпус на столицу.

В любом случае необходимо было каким-либо способом принудить Ермолова к самоинициированной отставке.

Как известно, И. Ф. Паскевич прибыл на Кавказ после появления информации о болезни Ермолова, распространенной, как указывалось, самим «проконсулом». Паскевич, вовремя прибывший на Кавказ и проводший несколько весьма успешных боев, прекрасно вписывался в его преемники. Однако вдруг переставшие поступать сведения о болезни Ермолова

и явные удачи в военных действиях лишают императора заранее запланированных мотивов, которые бы «объективно» привели к отставке командующего Кавказским корпусом. Потому Николаем I был разработан иной план, который был реализован к весне 1827 г.

С конца 1826 г. на высочайшее имя поступают постоянные доклады Паскевича «о самоуправстве Ермолова», «о воровстве в войсках необычайном», «о распусчении и недисциплинированности войск».

Паскевич включился в активную переписку с императором. Он нашел недовольных Ермоловым людей, таких как Карганов, которого Денис Давыдов называл «Ванькой Каиным», и посылал их «подлые доносы» в Петербург¹⁵. Н. Я. Эйдельман в своей работе «Быть может за хребтом Кавказа» приводит факты того, что даже А. С. Грибоедов был вовлечен в очернение Ермолова и, возможно, писал доносы за безграмотного Паскевича¹⁶.

Итак, Паскевич регулярно посылал в Петербург письма с упреками в адрес Ермолова, причем диапазон «ошибок» главнокомандующего был угрожающе широк. Обвинения были следующие: войска не обучены строевым приемам, небоеспособны,

Ил. 3. Портрет Николая Первого.
Художник В. Голике. 1843 г. ГРМ

дисциплина низкая, воевать в горных условиях не умеют; обмундирование, денежное довольствие не выдается по несколько месяцев; солдаты одеты не по уставу; плохое состояние лошадей, конской амуниции, обозов; положение с управлением корпусом в целом – весьма плачевное¹⁷.

Также Паскевич обвинял Ермолова в неправильной политике на Кавказе. Так, обнаруживалась немалая вина Ермолова в жестокой политике по отношению к местному населению. Он, якобы, хана Шекинского отравил, а другие ханы переметнулись к персам, «опасаясь для себя подобной участи»¹⁸. Есть и совсем нелепые обвинения в том, что именно Ермолов затеял войну с Персией¹⁹.

Об окружении Ермолова Паскевич писал следующее: «Более всех лживее и обманчивее его <Ермолова> генерал-лейтенант князь Мадатов. Генерал-майор Вельяминов его поддерживает. Они все друг друга поддерживают, и ничего нет труднее, как узнать истину»²⁰.

Вопрос об объективности обвинений Паскевича в адрес Ермолова до сих пор открыт. Имеются ли основания не доверять мнению талантливого военачальника, доказавшего свое боевое мастерство и талант во многих войнах, каким был Иван Федорович Паскевич? При изучении воспоминаний участников событий войны с Персией обнаруживаются факты того, что большая часть сведений Паскевича действительно весьма претенциозна и далека от реальности. Так, уже при Паскевиче войска из Персии «...возвращались в дырах и заплатах, не только солдаты, но и офицеры...»²¹. Участник той войны В. А. Андреев об этом так писал: «Кавказскому корпусу на роду было написано в то время ходить в лохмотьях – купить было негде, а одежда на работах и в походах решительно горела на людях»²². О состоянии амуниции и обозов и говорить не приходилось. Далее Андреев вспоминает: «Кавказские солдаты, как при Ермолове, так и при Паскевиче, были только мастера на марши, но не маршировку, и строевая выучка при Паскевиче нисколько не продвинулась, да и негде было учиться в постоянных походах. На парадах мы проходили мимо Паскевича колоннами, шагом и строем, как в ермоловские времена, и получали искреннюю благодарность»²³. Выходит, что позволено Паскевичу, непозволительно Ермолову. Еще одно замечание Андреева достаточно интересное. «Со взятия Еривани и перехода за Аракс, Паскевич из брезгливого мелочно-взыскательного

начальника превратился в доброго, заботливого; он уже не говорил солдатам, что они дурны»²⁴.

Одним из веских обвинений в адрес Ермолова было то, что солдаты и офицеры одеты не по уставу. В николаевскую эпоху это обвинение было более чем серьезным. Николай I был очень щепетилен по отношению к армейской форме. Даже в театральные постановки насмешек над военным мундиром не терпел²⁵. Малейшее нарушение формы не ускользало от строгого взора императора. В связи с этим кажется любопытным рассказ «одного ветерана», опубликованный в «Русском Архиве». Гвардейский офицер прибыл в 1826 г. на Кавказ и ужаснул-

ся внешним видом солдат. После его возвращения в Петербург с его слов в столице была отпечатана карикатура на кавказского солдата – в мундире нараспашку, в шароварах, заправленных в сапоги, в черкесской шапке и т. д. Каково же было удивление этого рассказчика, когда через 25 лет после этого события в Академии художеств увидел он современную акварель: «Почти снимок с пресловутой карикатуры, но уже в положительном смысле: изображен солдат в мундире нараспашку, в знакомых шароварах, заправленных в сапоги. Черкесскую папаху повесил на штык, и с открытой головой прохлаждается под палящими лучами солнца. Можете представить мое удивление!»²⁶

Ил. 4. Портрет И. Ф. Паскевича.
Художник Ф. Крюгер. 1834 г.
Государственный Эрмитаж

В. А. Потто считает, что Николай «был смущен доносами Паскевича», и чтобы уяснить истинную картину положения на Кавказе и прекратить открытую распрю, послал «для разбирательства» И. И. Дибича. Ермолов был рад прибытию третьего лица. «Милостливый государь, барон Иван Иванович! – писал он Дибичу. – В коротких словах дам себя выразумить; рад душевно, что вы едете сюда, и знаю сколько облегчены будут мои действия. Имею честь быть и проч. Алексей Ермолов»²⁷.

Но истинная причина появления Дибича не «в смущении Николая», и уж тем более не в разрешении конфликта между Ермоловым и Паскевичем. Дибич являлся составной частью плана устранения «проконсула Кавказа», но более тонкими методами. Генерал Дибич в этой ситуации должен был сыграть роль лояльного Ермолову лица, но при этом обнаружившего действительно серьезные, обоснованные недостатки, которые вынудят Ермолова подать прошение об отставке.

Дибич знал о своей миссии и о том, что Ермолова снимут. Основанием для этого утверждения является тот факт, что Дибич прибыл в Тифлис 20 февраля 1827 г., а 28 февраля в письме Николаю I представляет варианты замены Ермолова на Витгенштейна, Паскевича и даже себя²⁸. В этом же письме Дибич пишет о секретной инструкции. Судя по тексту письма, это и был план подготовки к удалению Ермолова. В связи с этим кажется любопытным факт, приведенный Н. В. Шимановским, который пишет о том, что Дибич, инспектируя Кавказ, заказал себе два выючных седла и амуницию, предназначенную для долгого проживания в этих местах. Шимановский предполагает, что Дибич готовился на место Ермолова. «Выгода колоссальная: персы будут разбиты однозначно, сразу же царские милости»²⁹.

Дибич действительно тонко действует по отношению к Ермолову. Так, он снимает подозрения Николая о связях Ермолова с декабристами в письме от 19 марта 1827 г.³⁰

Шильдер вообще считает, что Дибич попал под обаяние Ермолова. Николай этим обеспокоен и «предостерегает Дибича от чрезмерного увлечения»³¹. Шильдер считает, что «разобравшись по сути с ситуацией на Кавказе, Дибич к неудовольствию Николая стал склоняться на сторону Ермолова<...>». Император писал Дибичу следующее: «<...> если обстоятельства, после донесения от 28 февраля мною обнаруженные, не

переменяли положение дел, то приступить немедленно, и не ожидая другого приказа к исполнению высшей воли, удалить генерала Ермолова (выделено – Ю. С.)»³².

Но Дибич искусно вел свою партию. Сняв ряд подозрений с Ермолова, которые действительно трудно доказать, он указывает государю на очевидные его ошибки и упущения в войне с Персией, нерешительность в управлении войсками, некомплект корпуса. «Но я сохраняю убеждение мое, что известные В. В. значительные ошибки и упущения произошли от нерешительно-

сти, недостатка предприимчивости и принятого им образа управления делами»³³. В итоге он заявляет, что «от генерала Ермолова нельзя ожидать блистательных действий»³⁴.

Видимо, о приезде Дибича генерал Паскевич был предупрежден и забеспокоился. Николаю пришлось успокаивать последнего словами о том, чтобы тот «мог спокойно ожидать страшного суда»³⁵. Письмо это датируется 31 января. А 12 марта, приняв окончательное решение в пользу Паскевича, император просит Дибича внушить ему степень доверия, так как «он человек чести, он сумеет, я отвечаю за него, выполнить мои желания»³⁶.

«Но старый лев – генерал Ермолов, благодаря своей проницательности, ранее Дибича оценил истинное положение дел и, не желая продолжить агонию своей власти на Кавказе, 3 марта отправил прошение об отставке»³⁷.

Мы еще раз обращаем внимание на то, что неофициальное прошение Ермолова отправлено 3 марта 1827 г., высочайший приказ об увольнении его датирован 28 марта, а вручен этот приказ И. И. Дибичем генералу Ермолову уже 29 марта.

Здесь можно задать вопрос. А не имел ли при себе И. И. Дибич уже готовый указ об отставке Ермолова? Как только Ермолов написал прошение об отставке, т. е. сделал то, чего от него так долго

Ил. 5. Портрет И. И. Дибича.
Художник Дж. Доу. 1821–1825 гг.
Государственный Эрмитаж

ждали, Дибич выдержал несколько дней и предъявил уже готовый указ императора на сей счет.

Если это было так, то наше предположение о плане Николая по смещению А. П. Ермолова по болезни и дальнейшей попытке вынудить «проконсула Кавказа» самому уйти с должности – вполне оправданно. Тогда и возмущения кавказского корпуса этим обстоятельством не будет. Именно поэтому никаких дополнительных воинских частей перед войной Николай не присылает, возможно, боясь укрепления корпуса Ермолова. Поэтому на Кавказ прибывает Паскевич. А на случай измены Ермолова уже готовый указ о смещении главнокомандующего находится у Дибича.

От Ермолова можно принять любое прошение, даже неофициальное, лишь бы об отставке. Возможно, оно до Николая в тот момент и не дошло. Дибич, имея секретные инструкции, выполнил их точно и быстро. Даже слишком быстро, не дожидая еще недели – другую. Поэтому и указ состоялся якобы 28 марта, а вручен Ермолову уже на следующий день.

Таким образом, становится понятным, что помешало Николаю сместить Ермолова во время неудачного начала войны и позволило сместить «проконсула Кавказа» в ее конце. Также выясняется первоначальная роль Паскевича – сменщика Ермолова на случай его болезни и роль Дибича – доверенного лица императора с уже готовым и находящемся при нем указом об отставке.

Предполагал ли Ермолов свою скорую отставку? Да, предполагал. У него были все основания ожидать подобного развития событий. В архивах нами обнаружено немало документов, доказывающих правоту подобного мнения. Так, показательны его слова в письме Закревскому от 25 февраля 1826 г.: «Думают <в столице>, что я не употребляю меры, которые надобны, хотя евангельской кротости. Жду мудреца на мое место»³⁸.

Ермолов в любом случае, чуть ранее или чуть позднее, был бы смещен с поста «правителя Кавказа». Генерал – человек иной эпохи, эпохи Александра и, конечно, уже не вписывался в планы нового правления. Сам Николай I о Ермолове откровенно говорил, что не верит ему. П. И. Ковалевский очень точно подметил: «Ермолов одной ногой еще касался века Екатерины; другой он твердо упирался в эпоху Александра. В царствование Николая I он был памятником прошедшего, каким-то *memento mori* тщеты людской»³⁹.

И последнее. Стоит отметить, что план по очернению Ермолова сработал. Материалы показывают, что не только Паскевич писал негативные донесения на правителя Кавказа. Одновременно шли жалобы и неудовольствия со стороны Министерства иностранных дел во главе с Нессельроде, начальника главного штаба П. В. Волконского, экзарха грузинского Фиофилакта. Возможно, кто-то из них не знал о планомерной травле Ермолова, но «масло в огонь подлил» вовремя.

В доказательство этой мысли мы приводим письмо Д. В. Давыдова А. А. Закревскому от 5 января 1827 г.: «Я приехал в Грузию в полном увереннии, что там все вверх дном; в том меня уверяла суматоха и хлопоты придворные. Меня здесь <в Санкт-Петербурге> большие люди уверили, что не токмо в опасности вся Грузия, что и проезд чрез горы весьма опасен, ибо и они поднялись на Россию, вследствие жестокости Алексея Петровича, что вся та страна против него и что он ненавидим. Но каково было удивление мое, когда коснулся до границы стран, его управлению вверенных! Я попал в другой мир! Я оставил тот, где ему поют анафему, и вступил туда, где только что не служат ему молебны!» И далее: «Это отец и покровитель всех от малого и до большого, от бедных до богатых!»⁴⁰

В подтверждение последних слов Давыдова, что корпус мог постоять за Ермолова, а при случае и пойти на Москву, стоит привести воспоминания Н. Н. Муравьева о реакции кавказского корпуса на известие об отставке А. П. Ермолова: «<...> солдаты роптали, а офицеры толпами ездили прощаться к Ермолову и тем показывали ему преданность свою <...>»⁴¹.

Но, перефразируя слова Н. Я. Эйдельмана, можно сказать, что Ермолову было невероятно сложно держать оборону против персов с одной стороны, против Паскевича, Дибича, Волконского, Нессельроде (мы добавим – и Николая), с другой стороны. Вовремя поняв, что он всем неугоден, ясно осознав, что дни его на посту правителя Грузии и Кавказа сочтены, Ермолов пишет прошение об отставке.

¹ Ермолов А. П. Записки. Т. II. М., 1865–1868. С. 218.

² Ермолов А. С. А. П. Ермолов. 1777–1861. Биографический очерк. СПб., 1912. С. 108.

³ Там же. С. 109.

⁴ Там же.

- ⁵ Там же.
- ⁶ Погодин М. П. А. П. Ермолов. Материалы для биографии. М., 1864. С. 5.
- ⁷ Там же. С. 392.
- ⁸ Берг Н. В. Моя встреча с А. П. Ермоловым // Русский Архив. 1872. Кн. I. Часть V. С. 989.
- ⁹ Погодин М. П. А. П. Ермолов. Материалы для биографии. М.: 1864. С. 448.
- ¹⁰ Ермолов А. П. Письма к Закревскому А. А. // Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 200.
- ¹¹ Ермолов А. П. Письма. Махачкала, 1926.
- ¹² Ермолов А. П. Письма к Закревскому А. А. // Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 443.
- ¹³ Ермолов А. П. Записки. Т. II. М., 1865–1868. С. 218.
- ¹⁴ Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. №325.
- ¹⁵ Эйдельман Н. Я. Быть может за хребтом Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 84.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 699–700.
- ¹⁸ Потто В. А. Кавказская война. Т. II. Ставрополь, 1994. С. 659.
- ¹⁹ Государственный исторический музей (ГИМ), Ф. № 155.
- ²⁰ Потто В. А. Кавказская война. Т. II. Ставрополь, 1994. С. 660.
- ²¹ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб., 1888. С. 700.
- ²² Андреев В. А. Ермолов и Паскевич // Русский Архив. 1873. Кн. 2. Часть VIII. С. 1573.
- ²³ Там же. С. 1573.
- ²⁴ Там же. С. 1574.
- ²⁵ Выходчиков Л. В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 502.
- ²⁶ Андреев В. А. Ермолов и Паскевич // Русский Архив. 1873. Кн. 2. Часть VIII. С. 1574.
- ²⁷ Потто В. А. Кавказская война. Т. II. Ставрополь, 1994. С. 662.
- ²⁸ Вриони П. И. Ермолов, Дибич и Паскевич на Кавказе в 1826–1827 годах // Русская старина. Т. 6. 1872. С. 52–53.
- ²⁹ Государственный исторический музей (ГИМ), Ф. №155, 2.
- ³⁰ Вриони П. И. Указ. соч. С. 52–53.
- ³¹ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II. СПб., 1903. С. 70.
- ³² Вриони П. И. Указ. соч. С. 266.
- ³³ Там же. С. 267.
- ³⁴ Потто В. А. Кавказская война. Т. II. Ставрополь, 1994. С. 662.
- ³⁵ Шильдер Н. К. Император Николай I. Т. II. СПб., 1903. С. 70.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Ермолов А. П. Письма к Закревскому А. А. // Сборник РИО. СПб., 1890. Т. 73. С. 443.
- ³⁹ Ковалевский П. И. Восточные дела в 20-х годах // Вестник Европы, 1868. Т. III. С. 162.
- ⁴⁰ Ермолов А. С. А. П. Ермолов. 1777–1861. Биографический очерк. СПб., 1912. С. 106.
- ⁴¹ Эйдельман Н. Я. Быть может за хребтом Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 82.

*А. В. Стрельченко (Москва),
И. Е. Песина (г. Полоцк, Республика Беларусь),
А. В. Николаев (Москва)*

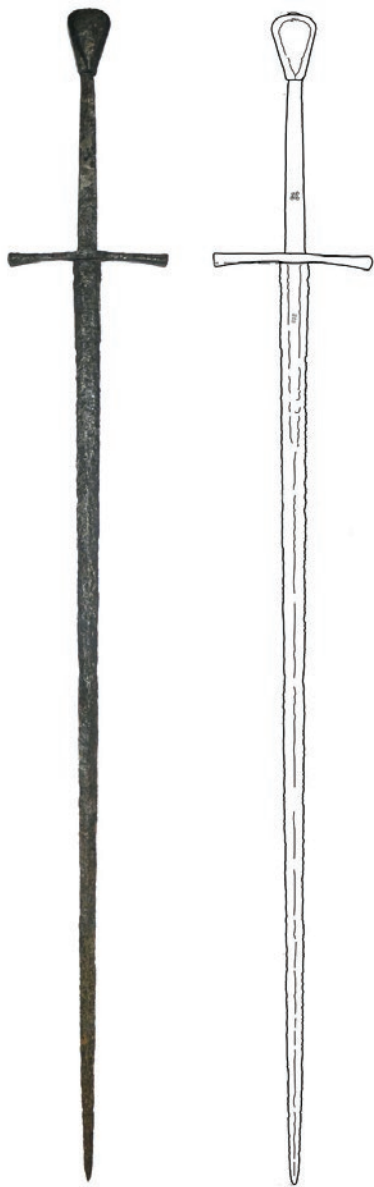
АТРИБУЦИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО МЕЧА ИЗ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В конце лета 2022 г. представители МЧС Витебской области Республики Беларусь передали в фонды Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника редкую находку – средневековый меч.

Со слов сотрудников МЧС, его нашли на дне реки Западная Двина у Полоцка, между мостом в районе Заполотья и деревней Чернешено. Каких-либо других предметов рядом с мечом не обнаружено, т. е. такой редкий для археологии экземпляр является случайной находкой. Данное обстоятельство затрудняет атрибуцию, а это, в свою очередь, не дает возможности связать находку с каким-либо эпизодом в истории Беларуси. Поэтому одна из задач публикации – ввод в научный оборот и аргументированная атрибуция такой уникальной находки. Другая, выходящая из предыдущей, – по возможности связать меч с одним из периодов Средневековья белорусской истории.

Найденный меч дошел в довольно хорошем состоянии (ил. 1). Не сохранились только детали, изготовленные из органических материалов: дерева, кожи и др.

Клинок прямой, двухлезвийный, без каких-либо видимых деформаций. Он довольно длинный (1012 мм) и узкий – ширина у крестовины всего 32 мм, а в 30 мм от острия – 11 мм. Плавное сужение лезвий начинается уже у самой крестовины. Поэтому внешние очертания клинка напоминают сильно вытянутый треугольник с выраженным острием. Начиная от крестовины,

Ил. 1. Меч, общий вид

по клинку на обеих сторонах проходит узкий и неглубокий дол. Его длина разная. Так, на одной стороне она составляет 195 мм, а на другой – 165 мм. Форма сечения клинка сверху имеет вид плоского шестиугольника. Ниже дол, с каждой стороны, переходит в ребро жесткости. И сечение на остальной части клинка уже другое – ромбовидной формы. Толщина у клинка тоже разная. Где дол, она составляет 6,9 мм, где начинается ребро жесткости, она несколько больше – 8 мм, а за 3–4 см от острия – 3 мм. В целом, подобная форма клинка больше предназначалась для уколов.

На одной стороне, в доле, примерно в его середине, прослеживается клеймо в виде трех коротких поперечных черточек, расположенных друг над другом (ил. 3а). Клеймо сделано в технике тауширования, т. е. в небольшие канавки забивались кусочки цветной, в данном случае желтой, проволоки.

Эфес, как у большинства мечей той эпохи, простой, сделанный из железа и состоящий из крестовины и навершия (ил. 2). Крестовина не очень длинная – 174 мм. Ее дужки слегка расширяются только снизу, в результате чего они визуально несколько

изогнуты к клинку. Форма сечения крестовины в средней части квадратная, а на концах – круглая. Здесь более всего обращает на себя внимание наверх. Оно сильно вытянуто по вертикальной оси и очертанием близко к перевернутой трапеции, где более широкое основание является верхом, а узкое – низом. Кроме того, на каждой плоской стороне есть выступ в виде перевернутой капли. Длина наверх – 71,2 мм, а его ширина вверху – 48 мм. Данная деталь закреплена на хвостовике небольшой заклепкой полусферической формы.

Хвостовик рукояти – длиной 196 мм. Такая длина позволяла брать оружие двумя руками и наносить более мощные удары и уколы.

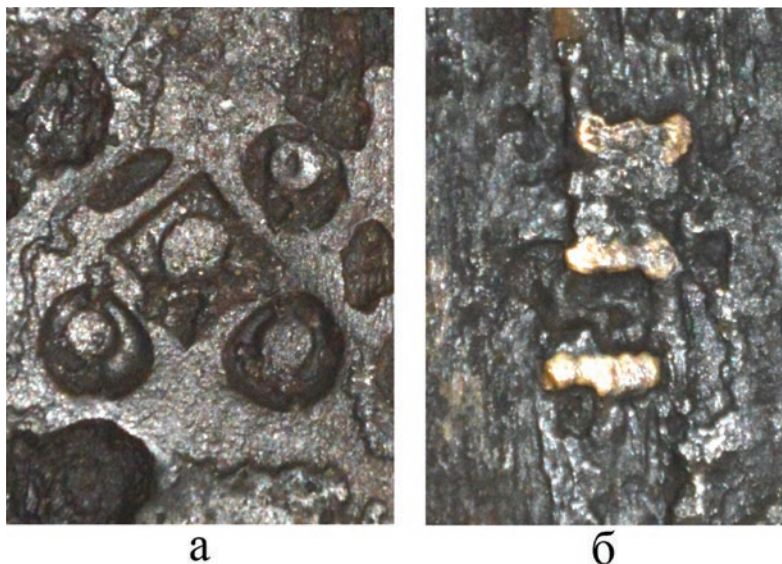
Общая длина находки составляет 1287 мм, вес – 1380 г.

На одной из сторон хвостовика, в нижней его трети, имеется еще одно клеймо, выбитое путем штамповки (ил. 36). По всей видимости, оно принадлежало мастеру, который выковал полосу данного меча. Клеймо представляет собой ромб, окруженный с трех сторон кругами, внутри каждой фигуры расположено еще по кругу.

Ввиду того, что находка является случайной, ее атрибуция возможна на основе сопоставления как всего экземпляра, так отдельных его элементов с типологическими критериями, а также сравнение с вещественными и изобразительными группами источников.

Ил. 2. Меч, эфес

Ил. 3. Клейма: а) клеймо на клинке; б) клеймо на хвостовике рукояти

Одна из типологий, где маркерами являются все составляющие меча, а не какой-нибудь один элемент, была предложена в середине прошлого века английским оружейником и коллекционером Э. Окшоттом. По его мнению, им были учтены все возможные формы клинков, наверший и крестовин, встречавшихся в период Развитого и Позднего Средневековья¹.

В конце XX в. типология была им усовершенствована и дополнена². В результате разработанная схема, как полагал автор, позволяет довольно точно датировать любой меч, независимо от того, имеется какой-либо контекст при выявлении находки или нет. Данная типология получила признание практически на всем европейском пространстве.

При сопоставлении с основной схемой указанной типологии – формами клинков – у рассматриваемого экземпляра эта часть более подходит под критерии подтипа XVIIIa³. Но Окшоттом отмечалось, что длина клинка у подтипа редко превышает 80 см, а рукоять одноручная, но могла быть несколько длиннее обычной (12,5–13 см). У данного же меча и клинок длиннее, и рукоять рассчитана на двуручный хват, что не позволяет полностью соотнести находку с указанным подтипом. Вполне вероятно, в те

времена использовались различные вариации, в зависимости от личных предпочтений владельцев мечей, а английскому исследователю, как на момент создания типологии, так и в процессе ее дополнения, не были известны примеры, где определенные Окшоттом маркеры имели другие метрические характеристики. По мнению специалиста, подтип встречался на протяжении всего XV в.

В типологии наивысший такой формы, как на данном мече, нет. Некоторое отдаленное сходство имеется с подтипом V2⁴. Но исследователь обратил внимание на следующие черты этого подтипа: верх широкий и с выемкой по центру; на каждой плоской стороне проходит невыраженное вертикальное ребро, в результате поперечное сечение имеет вид сильно уплощенного шестиугольника. А у наивысшего данного меча – каплевидные выступы совершенно гладкие, верх более ровный и узкий, а форма поперечного сечения – в виде уплощенного прямоугольника с вогнутыми углами. Отсюда, если и предположить, что перед нами новый, ранее неизвестный вариант формы V, тогда вполне допускается его бытование примерно во временных рамках, предложенных автором для данного типа и его вариантов, – на протяжении всего XV в. Но на рассматриваемом мече другой тип наивысшего, и, соответственно, время, когда он встречался, могло быть несколько иным.

Крестовина наиболее близка к стилю 2 по типологии Окшотта⁵. Исследователь указывал на бытование данной формы в XIII–XIV вв. Но у этого меча дужки крестовины, как отмечалось, расширяются асимметрично. Поэтому можно предполагать и другие временные границы использования крестовины с подобными дужками.

Таким образом, типологическая схема, разработанная Э. Окшоттом, при всей ее популярности, дает возможность весьма приблизительно датировать рассматриваемый экземпляр в рамках всего XV в., отталкиваясь при этом только от формы клинка, потому что в предложенной английским оружейведом типологии нет тех форм, которые позволили бы более точно определить временные рамки, а также возможный регион происхождения находки.

Исходя из этого, обратимся к вещественным и изобразительным источникам, которые дадут возможность определить датировку для находки, а также наиболее вероятный регион, где она была изготовлена.

Среди вещественного материала было выявлено три экземпляра с аналогичными клинками и длинной рукоятью, рассчитанной либо на полторный, либо на двуручный хват.

Первый похожий экземпляр происходит из Штирии (современная Австрия). Его нашли местные жители близ населенного пункта Вёршах (нем. Wrschach), через некоторое время меч передали в Земельный Цейхгауз в Граце. Изучившие находку исследователи пришли к мнению, что она датируется первой четвертью XV в.⁶

Второй экземпляр, имеющий наибольшие схожие черты во внешнем виде и пропорциях клинка, происходит, по всей видимости, из окрестностей польского города Эльблонг. Местными исследователями находка, в отличие от первой, датирована более широкими временными рамками – вторая половина XIV – XV в.⁷

Третий экземпляр происходит из Германии. Его нашли еще в 1850 г. близ небольшого города в Тюрингии – Дорнбурга (нем. Dornburg). Находка, как и первые две, является случайной. Через какое-то время после обнаружения меч передали в коллекцию доспехов и оружия Великих герцогов Саксен-Веймар-Эйзенах в замке Вартбург (Тюрингия, Германия). Изучивший и составивший каталог данного собрания немецкий историк-искусствовед А. Динер-Шёнберг датировал находку второй половиной XIV в. Опираясь на марку в доле, он полагал, что оружие изготовили в одной из немецких мастерских⁸. У меча из Дорнбурга, в отличие от рассматриваемой находки и двух отмеченных аналогий, клинок у крестовины более широкий, но при этом пропорции и соотношение дола ко всей длине клинка почти такие же. Таким образом, данный экземпляр, по всей видимости, представляет собой один из ранних вариантов такой формы. По мере развития защитного вооружения происходило сужение клинков, где уже преобладающей функцией становится колющий удар, а не рубящий, как раньше.

В изобразительной группе источников найдено два изображения в немецкой станковой живописи. Первое – на одной из сцен алтарной картины «Легенды о Святом Георгии», написанной между 1460 и 1465 гг. Имя автора до сих пор остается неизвестным, поэтому его именуют по первой открытой специалистами работе «Мастер легенды о Святом Георгии». Однако у исследователей единая точка зрения на художественную

школу, к которой он принадлежал, – это нижнерейнская школа⁹. Мечом с похожим клинком святой поражает Дракона, или Змея. Судя по пропорциям, клинок довольно длинный, более метра, и рукоять тоже длинная, рассчитанная на двуручный хват. Другой изобразительный источник, где показан меч с похожими формой и пропорциями как самого клинка, так и дола на нем, – станковая картина, получившая у искусствоведов название «Святой Ипполит у Распятия Христа. Эпитафия Бернарда де Рейса». Полотно написано около 1466 г. другим неизвестным художником, принадлежавшим к нижнерейнской школе станковой живописи¹⁰. Здесь показан меч с двуручным хватом, общая длина которого колеблется в пределах 130–135 см. По форме клинка также есть определенное сходство с тем, что отмечалось у нашей находки из Западной Двины.

Таким образом, вещественные и изобразительные источники позволяют несколько сузить временные рамки для клинка. По всей видимости, клинки как у исследуемого экземпляра бытовали в конце XIV – первой половине XV в.

Среди аналогий крестовине рассматриваемого меча было выявлено три экземпляра. Первая из них – на мече, найденном в реке Траве (нем. Trave) близ города Любек (Северная Германия). Специалисты датировали находку первой половиной XIV в.¹¹ Вторая аналогичная крестовина есть на мече из собрания Государственного Исторического музея (Москва). Информации о месте его обнаружения в музейной документации нет, но исследователь, изучивший данный экземпляр, предположил, что он был изготовлен в одной из мастерских на территории современной Германии во второй половине XIV в.¹² Третья похожая крестовина представлена на мече, происходящем из Нидерландов. Находка является случайной, поэтому при ее атрибуции специалисты опирались на расчищенные клейма и аналогии в разных группах источников. Исходя из этого, данный экземпляр датировали последней четвертью XIV – первой четвертью XV в.¹³ В целом, по всей видимости, подобные крестовины чаще встречались на мечах в течение XIV в., а в начале следующего стали вытесняться другими формами. Вместе с тем, представленные аналогии несколько расширяют временные рамки рассматриваемой находки. В этой связи стоит обратиться к аналогиям намерения, т. к., на наш взгляд, его особенности могут скорректировать датировку.

При изучении группы вещественных источников было выявлено три экземпляра, где навершие наиболее похоже на данную деталь рассматриваемой находки.

Первая аналогия – на мече, найденном в начале прошлого века в рукаве Дуная – реке Дунайский канал (Донау-канал, нем. Donaukanal), протекающем через столицу Австрии Вены. Австрийские исследователи, изучившие находку, считают ее изделом немецких оружейников и датируют концом XIV в.¹⁴ У данного экземпляра навершие, в отличие от такого же элемента на рассматриваемом мече, имеет более широкий верх и ровные фаски. И по пропорциям оно более приземисто. Т. е. аналогия, вернее всего, является более ранним вариантом.

Второе аналогичное навершие представлено на мече из частной коллекции Д. Пэтти. Какой-либо информации о месте, где он был найден, нет. Специалист, исследовавший экземпляр, опираясь на эпиграфические значки и клейма на клинке, предположил, что оружие изготовили в одной из немецких мастерских, располагавшихся в Позднем Средневековье в районе Дуная. Датировали его последней третью XIV – первой четвертью XV в.¹⁵ Навершие этого меча имеет больше схожих черт с рассматриваемым. Так, на обеих плоских сторонах имеется выраженный каплевидный выступ, а фаски, в отличие от первой аналогии, не ровные, а вогнутые, как у публикуемой находки. Но вместе с тем, есть и отличия. Навершие меча из коллекции Пэтти шире и короче, а его верх по бокам имеет небольшие вырезы. Поэтому, вполне возможно, данная аналогия может представлять некий промежуточный вариант.

Третье аналогичное навершие установлено на мече, который изготовили в одной из мастерских Рима по заказу папы римского Николая V (1447–1455) в 1454 г., после чего он был освящен самим понтификом и отправлен в качестве дара будущему правителю города Болонья – Джованни II Бентивольо (1463–1506)¹⁶. Навершие этого меча наиболее близко как по форме, так и по пропорциям данному элементу эфеса на находке из Западной Двины. Отличие лишь в том, что оно немного шире в верхней части и массивней.

Ряд изобразительных источников середины – второй половины XV в. также показывают мечи с похожими навершиями.

Первый – это медная доска на надгробии эскайра Джона Периента, созданная в начале 1440-х гг. На ней показан меч на

поясе владельца, у которого наверху с характерным каплевидным выступом в середине¹⁷.

Следующие два показаны в работах известного нидерландского живописца XV в. Ханса Мемлинга (1433/1435–1494). Первая из них – на правой створке внешней стороны триптиха «Страшный суд», написанного мастером в 1476 г. На ней изображены один из донаторов (Катерина Тани) и Архангел Михаил¹⁸. Последний в правой руке держит меч, где наверху в центре имеет выступ, близкий к каплевидному, а боковые фаски вогнуты, как у рассматриваемого экземпляра. Другая работа – алтарный триптих «Дева Мария на троне со святыми и ангелами» (1479 г.)¹⁹. На внутренней стороне левой створки в сцене «Усекновение главы Иоанна Крестителя» художник довольно детализировано изобразил не только сам меч, но и наверху, которое весьма похоже на данную часть эфеса изучаемой находки.

Таким образом, представленные в вещественных и изобразительных материалах аналогии наверху позволяют более уверенно относить исследуемый экземпляр к временному отрезку конец XIV – первая половина XV в. Скорее всего, его изготовили в одной из мастерских на территории Священной римской империи. Более точно на этот вопрос могли бы ответить клейма, но пока нам не известно ни одного примера таких клинковых знаков, как у находки из Западной Двины. Исходя из датировки, оружие вполне могло быть трофеем, взятым в битве под Грюнвальдом, после чего им пользовался кто-то из представителей служилого сословия Великого княжества Литовского. Также нельзя исключить, что данный меч мог быть связан с событиями Династической войны, происходившей в указанном государстве в 30-е годы XV в. Чтобы дать более точные ответы, нами будут продолжены исследования.

---

¹ Oakeshott R. E. The sword in the age of chivalry. London. 1994. PP. 11–24.

² Ibid. Records of the medieval sword. London. 1991. PP. 1–16.

³ Ibid. The sword in the age of chivalry. London. 1994. PP. 69–70.

⁴ Ibid. Op.cit., PP. 109–110.

⁵ Ibid. Op.cit., P. 114.

⁶ Krenn P. *Schwert und Spiess*. Landeszeughaus Graz, Steiermärches Landesmuseum Joanneum. Graz, 1997. S. 6–7.

⁷ Marek L. *Europejski styl. Militaria z Elbląga i okolic*. Wrocław, 2014. S. 62, ryc.26a-d.

⁸ Diener-Schonberg A. *Die Waffen der Wartburg*. Katalog. Berlin. 1912. S. 106, Tafel 57, Nr.cat. 382.

⁹ Stange A. Deutsche Malerei der Gotik. Band. 5: Köln in der Zeit von 1450 bis 1515. Berlin, 1952. S. 21 24, Abb. 30.

¹⁰ Ibid., Op. cit. S. 43–45, Abb. 89.

¹¹ Grotkamp-Schepers B., Immel I., Johnsson P., Wetzler S. Das Schwert. Gestalt und Gedanke. / The Sword – Form and Thought. Ausstellungskatalog. Solingen 2015. S. 96–97, № cat. 22.

¹² Муравей И. Ю. Средневековые мечи в собрании ГИМ: обзор коллекции // Забелинские научные чтения – 1999: Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 121, М., 2000. С. 264–265; <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3027251> (дата обращения 05.01.2025).

¹³ Puype J. P., Stevens H. Arms and armour of knights and landsknechts in the Netherlands Army Museum. / Wapens van ridders en landsknechten in het Nederlands Legermuseum. Delft. 2010. S. 116–117.

¹⁴ Thomas B., Gamber O. Katalog der Leibrüstkammer. Teil I. Der Zeitraum von 500 bis 1530. Wien, 1976. S. 55

¹⁵ Petty D. Gothic to Medieval Swords and Helmets 1000 to 1550 AD: A Private Collection. Dave Watson Solutions LTD, 2022. PP. 74–75, No. 37.

¹⁶ Boccia L. G., Coelho E. T. Armi Bianche Italiane. Milano. 1975, S. 338 339, fig. 115, 119.

¹⁷ Capwell T. Armour of the English knight: Continental Armour in England, 1435–1500. London, Thomas Del Mar Ltd. 2022. P. 64, Fig. 9.72.

¹⁸ Ibid., Op. cit. P. 210, 212, Fig. 10.176.

¹⁹ Friedländer M. J. Early Netherlandish Painting. Volume 6: *Hans Memlinc and Gerard David, Part. 1. New York, 1971. S. 47, Plate 43.*

*С. В. Талантов (Москва),
Н. А. Оводков (Санкт-Петербург)*

К ВОПРОСУ АТРИБУЦИИ ШАШЕК КАВКАЗСКИХ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Вопрос атрибуции холодного оружия Кавказских казачьих войск (Кубанского и Терского) в российском оружейведении является достаточно изученным. При этом по ряду объективных причин он может быть отнесен к числу сложных. Перечислим основные причины, осложняющие атрибуцию предметов:

- 1) отсутствие Высочайше утвержденного образца до 1904 г.;
- 2) отсутствие информации о дате (годе) производства в клеймах на видимой части поверхности клинков, изготовленных частными предприятиями, работавшими в Кавказском крае;
- 3) отсутствие клейма, нанесенного ударом или травлением, содержащего аббревиатуру войска («К.К.В.» или «Т.К.В.»);
- 4) вариативность размеров клинков, характерная для изделий, изготовленных частными производителями.

Следует заметить, что проблема атрибуции холодного оружия кавказских казаков, изготовленного до 1904 г., поднята и достаточно подробно рассмотрена в работе Б. Е. Фролова «Холодное оружие кубанских казаков». Однако исследования последних лет, посвященные холодному оружию терских казаков и частным заказам клинков для чинов Кубанского казачьего войска, расширили источниковую базу, благодаря чему появилась возможность дополнить представления о ряде актуальных вопросов.

В настоящей статье предпринята попытка дополнительного анализа упомянутой проблемы и на примере изучения нескольких «сложных» образцов предложены варианты ее решения.

С учетом того, что наше исследование во многом посвящено анализу частных случаев и неизбежной при этом казуистике, необходимо сформулировать понятийный аппарат, используемый в статье.

В тексте нами использованы следующие названия: «шашка обр. 1876 г.», «шашка обр. 1904 г.», «шашка обр. 1880 г.», «кубанский образец», «терский образец», «клинок обр. 1904 г.», «клинок обр. 1876 г.», «клинок обр. 1880 г.». Поясним далее значения, которыми мы наделяем эти названия.

Под названием «шашка обр. 1876 г.» подразумевается шашка с двудольным клинком, спроектированным и утвержденным комитетом Кубанского казачьего войска под председательством атамана Екатеринодарского отдела генерал-майора Перепеловского в 1876 г.¹ Серийное производство двудольных клинков с характерной структурой долов и геометрией на Златоустовской оружейной фабрике началось в 1877 г. (ил. 1, 2, 3). Изначально Кубанским войском заказывались клинки, собранные с рукоятями из дерева, начиная с 1890-х гг. – полосы без рукоятей. Для шашек с аналогичными клинками, на которых присутствует клеймо, нанесенное ударом или травлением, позволяющее датировать изделие периодом после 1904 г., и неукрашенной роговой рукоятью используется название «шашка обр. 1904 г.».

Для шашек Терского казачьего войска (далее – ТКВ. – *Прим. авт.*) с клинками, имеющими характерную структуру долов – два узких и один широкий дол, а также площадку, расположенную на левой стороне основания клинка, используется название «шашка обр. 1880 г.» (ил. 4). Образец такого клинка был разработан в Войсковой мастерской ТКВ в 1880 г.² Шашки с клинками этого образца изготавливались по заказам ТКВ на Златоустовской оружейной фабрике до 1904 г.

Следующие названия заимствованы нами из номенклатуры Златоустовской фабрики. Для наименования двудольных шашечных клинков, изготавливаемых по образцу клинка шашки обр. 1876 г., в документах фабрики, в том числе в переписке с заказчиками до и после 1904 г., часто использовалось словосочетание «кубанский образец»; для трехдольных, соответствующих клинку шашки обр. 1880 г., – «терский образец». Заметим, что оба названия применялись не только к клинкам без рукоятей, но и к собранным шашкам³. Также в номенклатуре фабрики использовались упрощенные варианты этих названий применительно

Ил. 1. Шашка с ножами,
Кавказский край
(клинок – Златоуст, 1877 г.),
Российская империя,
конец XIX – начало XX в.
ВИМАИВиВС. 117-466

Ил. 2. Картуш с аббревиатурой Кубанского казачьего
войска («К.К.В.») и приемочное клеймо Златоустовской
оружейной фабрики (буква «L» в круге) на правой
стороне основания клинка. ВИМАИВиВС. 117-466

Ил. 3. Картуш с сокращенным названием фабрики и годом производства
(«ЗЛАТОУСТЬ 1877 г.») на обухе клинка. ВИМАИВиВС. 117-466.

к соответствующим клинкам: «кубанский» и «терский». Эти названия являются обобщающими, и их скорее можно отнести к обиходным, однако они, на наш взгляд, достаточно точно передают суть и могут использоваться при подходящих случаях.

После унификации, произошедшей вследствие утверждения образца 1904 г., для обеих войск Златоустовской фабрикой изготавливались клинки кубанского образца, для наименования которых в документации предприятия использовалось название «клинок обр. 1904 г.». Такое название, например, содержится в письме управителя Златоустовской фабрики, отправленном в Войсковой штаб ТКВ в ноябре 1910 г.: «...за приготовленные ... и отправленные в г. Пятигорск 200 шт. шашечных клинков образца 1904 года без рукояток и ножен...»⁴.

То же название использовалось и в войсковой документации. К примеру, атаман Пятигорского отдела ТКВ отзывом

в Войсковой штаб № 3494 от 4 августа 1910 г. (здесь и далее даты по старому стилю. – *Прим. авт.*) сообщал, что «шашечные клинки образца 1904 года ... в количестве 200 штук от Златоустовской оружейной фабрики ... получены»⁵.

Название «клинок обр. 1904 г.» мы считаем очень удачным, так как его использование при атрибуции дает возможность сделать надлежащее уточнение и в то же время разрешает противоречие, возникающее при необходимости употребления термина «образец» применительно к шашке в тех случаях, когда ее оправа не соответствует образцовой.

В рамках той же логики мы используем названия «клинок обр. 1876 г.» для клинков кубанского образца, которые можно датировать периодом 1877–1903 гг., и для тех, на поверхности которых отсутствуют клейма с информацией о годе производства, и «клинок обр. 1880 г.», соответственно, для клинков терского образца.

Следует заметить, что образец шашки 1904 г., в отличие от образцов 1876 г. и 1880 г., является Высочайше утвержденным: 1 марта 1904 г. император Николай II утвердил образцы шашки и кинжала для Кавказских казацких войск⁶. Этим обстоятельством в значительной степени обусловлено противоречие, возникающее при атрибуции шашек с клинками, изготовленными до 1904 г. Фактически из-за того, что образец 1876 г. не был утвержден Высочайше, клинки, изготовленные в период с 1877 по 1903 г., некоторыми исследователями принято рассматривать как частный случай образца 1904 г., что, на наш взгляд, является логической ошибкой. Использование названия «образец 1904 г.» применительно к казачьему холодному оружию с клинками, изготовленными до 1904 г., также считает нелогичным Б. Е. Фролов: «Нелепо называть кинжал 1891 г. изготовления кинжалом обр. 1904 г.»⁷.

Приведем дополнительные доводы в пользу высказанного мнения. Период производства шашечных клинков кубанского

Ил. 4. Шашка с ножнами, Златоуст (ножны – Кавказский край, после 1892 г.), Российская империя, 1892 г. Частное собрание

образца, составляющий около 40 лет¹, можно разделить на два временных отрезка: 1877–1903 гг. и 1904–1917 гг. Обратим внимание, что первый временной отрезок вдвое больше второго. Заметим также, что часть клинков в 1888–1903 гг. была изготовлена Златоустовской оружейной фабрикой по частным заказам коммерсантов, занимавшихся продажей казачьего обмундирования и холодного оружия в Кубанской области⁸. Утверждение образцов пашки и кинжала в 1904 г. стало одной из основных причин прекращения продажи клинков со «стандартными» картушами с аббревиатурами войска («К.К.В.») и фабрики («З.О.Ф.») частным заказчиком. Таким образом, для атрибуции изделий, прекращение производства которых непосредственно связано с Высочайшим утверждением образцов, использование названия «образец 1904 г.», на наш взгляд, некорректно.

Ставя вопрос о правомерности использования названия «образец 1876 г.» для клинков кубанского образца, изготовленных до 1904 г., необходимо заметить, что Б. Е. Фролов в своей работе использует также название «образец 1882 г.» для пашек златоустовского производства, изготовленных по заказам 1882 и 1885 гг.⁹ Образец 1882 г., так же, как и предыдущий (1876), был разработан и утвержден в Кубанском казачьем войске специально созданной комиссией. Фактически клинок этого образца, имея аналогичную геометрию и ту же структуру долов, является облегченным вариантом клинка образца 1876 г. Основное внешнее отличие заключается в размерах: «По сравнению с пашкой образца 1876 г. длина клинка уменьшилась на 10 мм, а ширина – на 2 мм»^{11,10}. Стоит ли пользоваться этим названием для атрибуции клинков кубанского образца, изготовленных после 1882–1885 гг.? На первый взгляд, использование такого названия является вполне обоснованным и логичным. Однако на практике при изучении клинков кубанского образца производства частных кавказских предприятий мы сталкиваемся со значительной вариативностью не только длины клинка, но и его изгиба (ил. 5, 6, 7, 8, 9). Таким образом, несоответствие размеров изделий частного производства «образцовым» подводит нас к вопросу о том,

¹ В статье рассматривается производство в период существования Российской империи.

¹¹ Пашка обр. 1876 г.: общая длина – 942 мм, длина клинка – 795 мм, ширина – 38 мм (Фролов Б. Е. Холодное оружие кубанских казаков. Краснодар, 2009. С. 121).

Ил. 5. Шашка с ножнами,
Кавказский край,
Российская империя,
конец XIX – начало XX в.
ВИМАИВиВС. 117-401

Ил. 6. Шашка с ножнами,
Терская область (?),
Российская империя,
конец XIX – начало XX в.
ВИМАИВиВС. 117-405

Ил. 7. Битое клеймо
с названием торговой марки
(«А.ШАБАНОВЪ») на левой
стороне основания клинка.
ВИМАИВиВС. 117-405

Ил. 8. Шашка с ножнами,
Терская область (?),
Российская империя,
конец XIX – начало XX в.
ВИМАИВиВС. 117-448

Ил. 9. Картуш с названием
торговой марки
(«АЛЕКСАНДАР»).

какими критериями соответствия следует наделять термин «образец» при атрибуции холодного оружия кавказских казаков и какие границы допущений могут быть установлены при этом.

При поиске ответа на этот вопрос следует учитывать мнение авторитетных ученых. Российский оружейвед А. Н. Кулинский в работе «Русское холодное оружие», являющейся одним из базовых трудов по истории холодного оружия Российской императорской армии, при описании шашки обр. 1904 г., упоминая приказ по Военному ведомству № 133 1904 г., которым было объявлено о Высочайшем утверждении образцов шашки и кинжала Кавказских казачьих войск, замечает, что «фактически этот приказ был формальным актом и лишь частично регламентировал размеры оружия и его внешний вид, уже к тому времени, в общем-то, давно устоявшийся»¹¹.

Специалист по казачьему оружию Б. Е. Фролов в работе «Холодное оружие кубанских казаков», являющейся фундаментальным исследованием по заявленной в названии теме, при описании шашки обр. 1876 г. указывает следующее: «Шашка, разработанная комитетом генерал-майора Перепеловского, стала базовым образцом для всех последующих заказов. Мы считаем вполне резонным говорить о ней как о «шашке Кубанского казачьего войска образца 1876 года»¹². Обратим внимание здесь на словосочетание «базовый образец для всех последующих заказов». На наш взгляд, оно абсолютно верно передает суть. Действительно, образец 1876 г. является базовым для всех клинков кубанского образца. При этом для изделий кустарного производства в целом, на наш взгляд, уместнее говорить не о соответствии, а о сходстве с базовым образцом.

Остановимся подробнее на упомянутом выше вопросе: каким значением наделяется термин «образец» при атрибуции шашек Кавказских казачьих войск? Оружие нижних чинов регулярных частей Российской императорской армии изготавливалось оружейными заводами в собранном виде, шашки всех казачьих войск, кроме кавказских, – тоже. В этом случае под термином «образец» понимается совокупность характерных внешних признаков всех частей предмета – клинка, ножен и прибора, соответствующих утвержденному образцу. Заметим также, что соответствие изделий образцу во многом определялось и организацией производства – все части «уставного» оружия изготавливались фабриками. В то же время оправа холодного оружия кавказских казаков изготавливалась мастерами, работавшими в военно-ремесленных школах,

или частными предприятиями, работавшими в Кавказском крае¹³. Некоторые производители старались добиться унификации внешнего вида оправ, однако стандартизация внешнего вида изделий осложнялась кустарным характером производства.

Заметим здесь, что при классификации уставного оружия одним из основных отличительных признаков является характерный внешний вид эфеса. Однако эфес шашек обр. 1876 г. и, впоследствии, обр. 1904 г., образованный двумя роговыми пластинами, соединенными с хвостовиком заклепками, является универсальным и для кавказских шашек с произвольными клинками. Несмотря на то, что роговые рукояти шашек с клинками кубанского образца имеют характерный внешний вид с достаточно крупной головкой, они, на наш взгляд, только условно могут быть отнесены к отдельной разновидности, так как вариативность размеров предполагает слишком широкие границы допущений. Таким образом, критерии, соответствие которым учитывается при атрибуции уставных образцов холодного оружия, практически не могут быть использованы при атрибуции шашек кавказских казаков.

Фактически, «образцовый» вид имеют только клинок кубанского образца и рукоять (в случае, если она не украшена), другими словами – шашка без ножен. Остальные части шашек кавказских казаков даже при наличии образцового клинка в значительном числе случаев имеют произвольный внешний вид. Оставив примеры оправ, изготовленных из серебра, как очевидно произвольные, рассмотрим два возможных варианта отделки прибора¹³ на шашках с клинками кубанского образца, изготовленными после 1904 г., собранными с роговыми рукоятями: детали из мельхиора, украшенного растительным черневым орнаментом, и железные неукрашенные детали¹⁴. Предполагая, что мельхиоровая оправа в значительной степени соответствует образцу, зададимся следующим вопросом: правомерно ли использовать название «образец 1904 г.» для шашки с неукрашенной железной оправой? На наш взгляд, да. При атрибуции такой предмет, вероятно, будет правомерно назвать «шашкой Кавказских казачьих войск обр. 1904 г. с ножнами в произвольной оправе».

Необходимо заметить, что при кустарном характере производства клинки, изготовленные одним предприятием, могут иметь

¹³ Термины «прибор» и «оправа» используются в статье как синонимы.

¹⁴ Устье и обоймицы из железа часто монтировались под кожей ножен, наконечник крепился поверх кожи.

заметные отличия в размерах. В качестве примера приведем три шашки с клинками производства владикавказской мануфактуры Омаровых с разными вариантами клейма «ОСМАН» (ил. 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16).

Обратим внимание, что датировка шашек с клинками частных производителей осложнена отсутствием информации о годе производства в клейме на видимой части поверхности шашечной полосы. При этом в кругах коллекционеров сложилась тенденция, в рамках которой такие клинки принято относить к периоду Первой мировой войны. В то же время из письменных источников надлежащей степени достоверности (к примеру, из приказов по ТКВ) следует, что клинки производства владикавказских мануфактур были распространены в 1900-х гг. у новобранцев, командированных на службу в Конвой императора, конные полки и артиллерийские батареи. К примеру, комиссия, осмотревшая сменную команду, следовавшую на пополнение Конвоя, отметила, что среди осмотренных шашек было «четыре Османовских прямых, плохого отвеса»¹⁴. У 34 казаков, прибывших 1 октября 1907 г. на укомплектование 2-й Терской казачьей батареи, все шашки были кавказского производства – «из них 31 войсковые – работы мастера Гузунова и 3 азиатского изготовления»¹⁵. О разновременности производства клинков также говорят различия в клеймах, встречающихся на изделиях одного и того же предприятия.

Отметим, что шашки с клинками терского образца заказывались Терским войском на Златоустовской фабрике в собранном виде^V. Таким образом, очевидно, шашки обр. 1880 г. в большей степени соответствуют термину «образец», что в значительной мере упрощает их атрибуцию. Форму «фабричных» рукоятей шашек обр. 1880 г., изготовленных из дерева^{VI} и имеющих

^V По заказам ТКВ шашки обр. 1880 г. изготавливались Златоустовской фабрикой в виде собранного изделия (клинок с рукоятью из дерева) без ножен. По частным заказам фабрика также изготавливала клинки терского образца без рукояти (Талантов С. В. О клинках кинжалов и шашек, бытовавших у казаков Терского казачьего войска в конце XIX – начале XX века // Историческое оружиеведение. 2023. № 12. С. 351). Шашки обр. 1876 г., заказанные Кубанским казачьим войском в 1870–1880 гг., также были изготовлены в виде собранного изделия (Фролов Б. Е. Холодное оружие кубанских казаков. Краснодар, 2009. С. 120, 121, 137). Головка рукояти шашек, изготовленных в 1877 г., имеет вытянутую форму, позволяющую отнести ее к характерному внешнему признаку шашки обр. 1876 г.

^{VI} Пластины эфеса шашек обр. 1880 г. изготавливались из рябины и бакаута.

Ил. 10. Шашка с ножнами, Владикавказ, Терская область (ножны – Кавказский край (?)), Российская империя, конец XIX – начало XX в. ВИМАИВиВС. 117-383

Ил. 11. Битое клеймо с названием торговой марки («ОСМАНЪ») и картуш с изображением герба Российской империи на правой стороне основания клинка. ВИМАИВиВС. 117-383

Ил. 12. Картуш с изображением вензеля императора Александра III на левой стороне основания клинка. ВИМАИВиВС. 117-383

Ил. 13. Шашка с ножнами,
Владикавказ, Терская область,
Российская империя,
конец XIX – начало XX в.
ВИМАИВиВС. 117-377

Ил. 14. Битое клеймо с названием
торговой марки («ОСМАН»)
на левой стороне основания клинка.
ВИМАИВиВС. 117-377

Ил. 15. Шашка с ножнами,
Владикавказ, Терская область,
Российская империя, конец
XIX – начало XX в. ВИМАИВиВС.
117-474

Ил. 16. Битое клеймо с названием
торговой марки («ОСМАН»)
на левой стороне основания клинка.
ВИМАИВиВС. 117-474

вытянутую головку, на наш взгляд, также будет правомерно отнести к характерным признакам образца.

Отдельного внимания также заслуживает вопрос атрибуции шашек с клинками кубанского образца, изготовленными после 1904 г. по заказам ТКВ. Для шашек со златоустовскими клинками с аббревиатурой «К.К.В.» в картуше, очевидно, следует использовать название «шашка Кавказских казачьих войск образца 1904 г.» или, при наличии украшенной рукояти, «шашка Кавказских казачьих войск с клинком образца 1904 г.». В этом случае принадлежность к Терскому войску может быть установлена только по косвенным признакам, например, по деталям отделки роговой рукояти, характерным для изделий производства предприятия Гузунова^{VII}.

В музейных и частных собраниях также известны шашки с клинками кубанского образца златоустовского производства, на которых вместо картушей с аббревиатурой «К.К.В.», соответствующих обр. 1904 г., нанесены горизонтальные «терские» картуши. Шашка с таким клинком хранится в фондах ВИМАИВиВС (ил. 17, 18). На пята с правой стороны выбиты клейма артиллерийской приемки в виде буквы «А» под короной и той же буквы без короны. Эфес изготовлен из рога, на головке с левой стороны вырезаны дата («1906 г.») и буквы («Г.В.Б.»), вероятно, являющиеся инициалами владельца. На ножнах - т.н. «гвардейская» оправа из белого металла без гравированного и черного орнамента (ил. 19). Такая оправа изготавливалась с 1895 г. и предназначалась для украшения холодного оружия казаков ТКВ, командированных на службу в Конвой императора¹⁶. Судя по известным письменным источникам, холодное оружие в «гвардейской» оправе бытовало некоторое время после 1904 г. Приведем описание внешнего вида оружия гвардейской сменной команды, следовавшей на укомплектование 3-й и 4-й л.-гв. Терских сотен Конвоя, содержащееся в Приказе по ТКВ № 331 от 12 августа 1906 г.: «Шашки и кинжалы у большинства в старых ножнах, неоправленных, или же оправленных в старый, гладкий металлический прибор без резьбы и черни». Дата на эфесе (1906) дает основание предположить, что клинок шашки является изделием из партии в 540 шт., изготовленной для

---

^{VII} Рукояти, изготовленные на предприятии Гузунова, имеют характерную геометрию головки, отличающую их от рукоятей, изготовленных в Кубанской области и Закавказье, известных на шашках, бытовавших у чинов Кубанского казачьего войска.

Ил. 17. Шашка с ножнами, Терская область (клинок – Златоуст), Российская империя, 1905–1906 гг. ВИМАИВиВС. 117-781

Ил. 18. Картуш с аббревиатурой Златоустовской оружейной фабрики («З.О.Ф.») и клейма артиллерийской приемки на правой стороне основания клинка. ВИМАИВиВС. 117-781

Ил. 19. Картуш с аббревиатурой Терского казачьего войска («Т.К.В.») на левой стороне основания клинка. Ножны с оправой из белого металла. ВИМАИВиВС. 117-781

ТКВ в 1905 г. вместо шашек терского образца, которые по наряду Главного Артиллерийского Управления Златоустовская фабрика должна была приготовить в 1904 г.¹⁷ Как атрибутировать изученную шашку? С одной стороны, наличие горизонтальных «терских» картушей формально не позволяет отнести внешний вид клинка к «образцовому» 1904 г. В то же время, учитывая, что клинок шашки изготовлен после 1904 г., у нас есть достаточно весомое основание использовать название «клинок обр. 1904 г.». Таким образом, предмет можно назвать «шашкой Терского казачьего войска с клинком образца 1904 г.» или «шашкой Терского казачьего войска с клинком кубанского образца». Оба названия правомерны и могут быть использованы при атрибуции. Последнее название, на наш взгляд, также допустимо использовать при атрибуции шашек кавказского производства с клинками кубанского образца с клеймами, содержащими надписи с аббревиатурой Терского войска («Т.К.В.») и названием фирмы-производителя (к примеру, «ГУЗУНОВЪ»)^{VIII}.

Следует заметить, что помимо казаков Кубанского и Терского войск шашками с клинками кубанского образца производства частных предприятий могли быть вооружены чины национальных кавказских подразделений иррегулярной кавалерии (к примеру, Осетинского конного дивизиона), а также местной милиции. Таким образом, часть предметов, представляющих собой шашку с клинком кубанского образца, имеет лишь косвенное отношение к казачьим войскам. Какое название будет корректным для их атрибуции? На наш взгляд, при отсутствии войсковой аббревиатуры на клинке кубанского образца название «шашка Кавказских казачьих войск» может быть заменено на «шашка кавказская казачья». В этом случае определение «кавказская казачья» наделяется условно номенклатурным значением и в большей степени фиксирует отличие предмета от казачьей шашки обр. 1881 г., нежели относит его непосредственно к Кавказским казачьим войскам.

---

^{VIII} На некоторых клинках производства владикавказских предприятий клейма с аббревиатурой войска нанесены травлением в картушах, форма которых имеет сходство со златоустовскими. На клинках производства предприятия Гузунова встречаются два варианта картушей с аббревиатурой «Т.К.В.» – «терские» горизонтальные и «унифицированные» вертикальные (образца Кавказских казачьих войск).

Помимо сугубо оружейведческого анализа, можно также рассмотреть интересующий нас вопрос через призму исторического контекста. При распространенной практике атрибуции с привязкой к Высочайше утвержденному образцу 1904 г. целая эпоха, включающая в себя последние несколько лет правления императора Александра II, весь период правления Александра III и первые 10 лет правления Николая II «выносятся за скобки». Очевидно, при атрибуции казачьих шашек, изготовленных в период 1877–1903 гг., использование названия «образец 1904 г.» искусственно завышает нижнюю временную границу бытования шашек с клинками кубанского образца и, на наш взгляд, способствует искаженному сущностному восприятию предмета. Высказанный тезис базируется в том числе на концептуальной мысли, сформулированной А. Н. Кулинским: «Всякий музейный предмет потенциально – исторический источник»¹⁸. Таким образом, рассматривая оружейный памятник как исторический источник, для объективности исследования, очевидно, необходимо учитывать и исторический контекст.

Подводя итог настоящего исследования, предложим варианты названий, которые, на наш взгляд, могут быть использованы для атрибуции шашек Кавказских казачьих войск конца XIX – начала XX в. Для шашки с клинком кубанского образца, изготовленным до 1904 г., на наш взгляд, корректными являются названия, содержащие указание на год утверждения базового образца (1876): «шашка Кубанского казачьего войска с клинком образца 1876 г.», «шашка кавказская казачья с клинком образца 1876 г.». Последнее название может быть использовано для шашек с двудольными клинками частных производителей, на поверхности которых отсутствуют клейма, содержащие информацию о годе производства, и надпись с названием (аббревиатурой) войска. Такие клинки, имеющие сходство с кубанским образцом в геометрии и структуре долов, на наш взгляд, правомерно рассматривать как частный случай базового образца 1876 г.

Для шашек с клинками кубанского образца с клеймами, позволяющими датировать клинок периодом после 1904 г., в зависимости от степени сходства внешнего вида оправы с «образцовым», на наш взгляд, корректно использовать названия «шашка Кавказских казачьих войск образца 1904 г.» или «шашка Кавказских казачьих войск с клинком образца 1904 г.». Как отмечалось выше, на

клинках, изготовленных кавказскими предприятиями, клейма, содержащие информацию о годе производства, обычно отсутствуют. Таким образом, два последних названия в большей степени применимы к шашкам с клинками, изготовленными на Златоустовской оружейной фабрике после 1904 г., с клеймом в виде картуша с аббревиатурой фабрики и годом производства.

Для шашек с клинком терского образца, на наш взгляд, корректно использовать названия, содержащие указание на год разработки образца, по которому на Златоустовской фабрике впоследствии изготавливались клинки (1880): «шашка Терского казачьего войска образца 1880 г.», «шашка Терского казачьего войска с клинком образца 1880 г.».

Для исследователей, ориентирующихся при атрибуции исключительно на факт Высочайшего утверждения образца, возможно, «подходящими» окажутся обобщенные названия для шашек с клинками, обладающими характерными внешними признаками: «кубанский образец» и «терский образец». Некоторые из предложенных названий использованы в таблице размеров шашек из фондов ВИМАИВиВС, изображения которых опубликованы в статье (см. Приложение № 1).

Очевидно, предложенный в нашем исследовании подход к атрибуции шашек может быть использован и для казачьих кинжалов. При этом необходимо подчеркнуть, что основным отличием номенклатуры кинжалов является «точка отсчета»: базовый образец кинжального четырехдольного клинка был разработан в войсковой мастерской ТКВ в 1880 г.¹⁹ Заметим, что в 1876 г. Кубанским войском был спроектирован образец кинжала с однодольным клинком, по которому Златоустовской фабрикой были изготовлены партии кинжалов в 1877 и 1879 гг., однако впоследствии войсковым начальством было принято решение отказаться от этого образца. В 1886 г. Кубанское казачье войско для дальнейших заказов на Златоустовской фабрике признало «вполне удовлетворительным клинок Терского казачьего войска»²⁰. Таким образом, при атрибуции кинжалов с четырехдольными клинками, изготовленными до 1904 г., на наш взгляд, правомерно использовать названия «клинок образца 1880 г.» и «клинок терского образца».

В завершение заметим, что вопрос, рассмотренный в статье, можно считать дискуссионным, и мы, не претендуя на последнее слово, приглашаем заинтересованных представителей сообщества к дискуссии в любом приемлемом формате.

**Таблица размеров шашек из собрания ВИМАИВиВС,
изображения которых опубликованы в статье**

№ п/п и название	Инв. №	Общая длина (без ножен)	Длина клинка	Ширина клинка у основания	Длина ножен
1. Шашка Кубанского казачьего войска обр. 1876 г. с ножами	117-466	947 мм	795 мм	36 мм	913 мм
2. Шашка кавказская казачья с клинком обр. 1876 г. с ножами	117-401	882 мм	720 мм	34 мм	871 мм
3. Шашка кавказская казачья с клинком обр. 1876 г. с ножами	117-405	924 мм	775 мм	35 мм	883 мм
4. Шашка кавказская казачья с клинком обр. 1876 г. с ножами	117-448	894 мм	746 мм	33 мм	882 мм
5. Шашка кавказская казачья с клинком обр. 1876 г. с ножами	117-383	935 мм	788 мм	34 мм	874 мм
6. Шашка кавказская казачья с клинком обр. 1876 г. с ножами	117-377	933 мм	776 мм	35 мм	921 мм
7. Шашка кавказская казачья с клинком обр. 1876 г. с ножами	117-474	945 мм	791 мм	35 мм	881 мм
8. Шашка Терского казачьего войска с клинком обр. 1904 г. с ножами	117-781	910 мм	752 мм	35 мм	870 мм

Список сокращений

АЗГО – Архив Златоустовского городского округа.

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия –Алания.

¹ Фролов Б. Е. Холодное оружие кубанских казаков. Краснодар, 2009. С. 117.

² Талантов С. В. О клинках кинжалов и шашек, бытовавших у казаков Терского казачьего войска в конце XIX – начале XX века // Историческое оружиеведение. 2023. № 12. С. 337

³ Талантов С. В. Частные заказы кинжальных и шашечных клинков Кубанского казачьего войска на Златоустовской оружейной фабрике в конце XIX – начале XX века. // Историческое оружиеведение. 2024. № 13. С. 488.

- ⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 54. Оп. 9. Д. 771. Л. 21.
- ⁵ Там же. Оп. 5. Д. 5087. Л. 20.
- ⁶ Приказ по Военному ведомству № 133 от 13 марта 1904 г.
- ⁷ Фролов Б. Е. Указ. соч. С. 270.
- ⁸ Талантов С. В. Указ. соч. С. 453–461.
- ⁹ Фролов Б. Е. Указ. соч. С. 129–130.
- ¹⁰ Там же. С. 128.
- ¹¹ Кулинский А. Н. Русское холодное оружие. СПб.: Атлант, 2005. С. 236.
- ¹² Фролов Б. Е. Указ. соч. С. 120.
- ¹³ Там же. С. 253–264.
- ¹⁴ Талантов С. В. О клинках кинжалов и шашек, бытовавших у казаков Терского казачьего войска в конце XIX – начале XX века // Историческое оружиеведение. 2023. № 12. С. 377.
- ¹⁵ Там же. С. 376.
- ¹⁶ Талантов С. В. О клинках кинжалов и шашек, бытовавших у казаков Терского казачьего войска в конце XIX – начале XX века // Историческое оружиеведение. 2023. № 12. С. 381–383.
- ¹⁷ Приготовление фабрикой шашек терского образца в 1904 г. было отложено «за изменением образца». В итоге заказ был изменен, и вместо терских шашек, заказанных изначально, в 1905 г. были изготовлены клинки обр. 1904 г. без рукоятей. АЗГО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 534. Л. 2об., 380об., 381; Ф. И-18. Оп. 1. Д. 583. Л. 75об., 76.
- ¹⁸ Кулинский А. Н. Методические рекомендации. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков. СПб.: ВИМАИВиВС, 2007. С. 7.
- ¹⁹ Талантов С. В. О клинках кинжалов и шашек, бытовавших у казаков Терского казачьего войска в конце XIX – начале XX века // Историческое оружиеведение. 2023. № 12. С. 337.
- ²⁰ Фролов Б. Е. Указ. соч. С. 231.

Р. А. Тимофеева, Р. Н. Чумак (Санкт-Петербург)

**«ВСТРЕТИЛИСЬ КАК-ТО АМЕРИКАНЕЦ,
БЕЛЬГИЕЦ И РУССКИЙ...»:
НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О РАЗРАБОТКЕ
3-ЛИНЕЙНОГО РЕВОЛЬВЕРА
ОРУЖЕЙНИКОМ С. И. МОСИНЫМ**

В истории оружия существует ряд тем, глубоко изученных выдающимися учеными-исследователями. Возможность дополнить их новой информацией появляется нечасто. Тем более ценно, когда эта возможность появляется на стыке сразу двух фундаментальных тем отечественного оружейоведения, связанных с концом XIX столетия, – это перевооружение русской армии 3-линейными магазинными винтовками и деятельность видного русского оружейника С. И. Мосина (ил. 1).

За более чем столетие деятельность С. И. Мосина по созданию магазинных винтовок для русской армии достаточно подробно описана во многих исследованиях отечественных оружейоведов. Актуальным и наиболее крупным и полным трудом в этой области является монография сотрудника Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи кандидата технических наук Р. Н. Чумака¹. В то же время в перечне конструкторских работ С. И. Мосина имеется последняя – проектирование 3-линейного револьвера – которая освещена историками весьма поверхностно в виде указания на сам факт такой работы и упоминания общей технической конфигурации оружия (револьвер с шестью вращающимися стволами)². Такое упущение связано, в первую очередь, с отсутствием в поле зрения исследователей соответствующих источников. Авторы настоящей статьи сумели выявить в архивах Санкт-Петербурга документы, отражающие

Ил. 1. Полковник Мосин
Сергей Иванович (1849–1902).
ВИМАИВиВС

суть работы С. И. Мосина по проектированию револьвера, и представляют результаты исследования в настоящей статье.

В начале 1892 г., после того как на вооружение русской армии была принята 3-линейная винтовка, на комиссию, занимавшуюся ранее этим вопросом, возлагается очередная задача – выработка малокалиберного револьвера. Рассматривались предложения и проекты как иностранных, так и отечественных изобретателей. История, завершившаяся в 1895 г., имела достаточно сложный и за-

путанный характер, если вести речь о подлинных причинах выбора, сделанного комиссией. Но в итоге 27 мая 1895 г. Всемиловнейше утверждаются предложенные бельгийским оружейным фабрикантом Наганом патрон и образцы трехлинейных револьверов: образец № 1, «3-лин. револьвер Нагана солдатского образца» «с простым действием», предназначенный для вооружения нижних чинов, и образец № 2 «с тройным действием», предполагаемый для вооружения гг. офицеров, – «3-лин. револьвер Нагана офицерского образца», что и отразилось в приказе по Военному ведомству № 156 от 26 июня 1895 г³ (ил. 2).

Наряду с револьверами указанного изобретателя рассматривался ряд других вариантов: А. Пипера⁴, модификация револьвера Смит-Вессона с укороченным стволом и без возвратного экстракторного механизма, предложенная генерал-майором Куном и капитаном Залюбовским (ил. 3), магазинные пистолеты Трибуцио и Бергмана⁵, а также шестиствольный револьвер полковника Мосина.

Участие в данном конкурсе полковника Мосина – частный, тем не менее, интересный эпизод его деятельности периода

Ил. 2. 3-лин револьвер конструкции Л. Нагана, принятый на вооружение русской армии в 1895 г. Изготовлен в Льеже (Бельгия) в 1898 г. ВИМАИВиВС

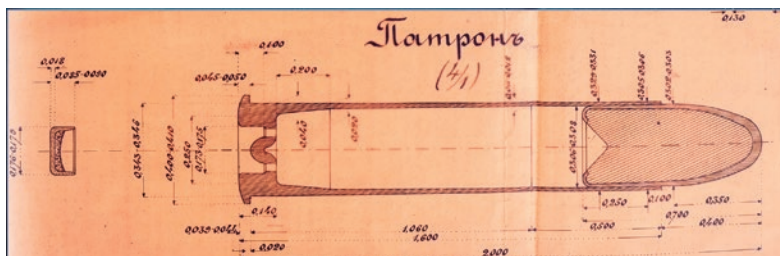
Ил. 3. 3-лин револьвер Смит-Вессона, переделанный из 4,2-лин револьвера той же модели по предложению генерал-майора Куна и капитана Залюбовского. ВИМАИВиВС

1890-х гг. 7 марта 1894 г. он подал в Главное артиллерийское управление рапорт № 105 с фотографическими снимками револьвера уменьшенного калибра для стрельбы патроном, снаряженным русским бездымным порохом с оболочечной мельхиоровой пулей. Патрон проектировался им совместно с директором частного Тульского патронного завода полковником Черновым М. Д.⁶, револьвер был изготовлен в единственном экземпляре (ил. 4–6).

Непривычным конструктивным решением револьвера Мосина стал вращающийся барабан с шестью гнездами, в которые ввинчивались стволы, каждый – по отдельности, и благодаря храповому механизму стволы последовательно подводились к курку.

Описывая свое изобретение, С. И. Мосин приводил его основные характеристики:

- вес без патронов: 1 фунт 83 золотника (около 750 граммов);
- длина ввинчивающегося стволика: 3,5 дюйма (88,9 мм);
- длина нарезной части ствола: 1,8 дюйма (45,72 мм);
- длина линии прицеливания: 3,3 дюйма (83,82 мм);
- общее число частей: 45;
- вес заряда пороха: 22,5 доли;
- вес пули: 7 граммов;
- начальная скорость пули в 12,5 м от дула: 270 м/с (плюс-минус 21 метр).

Ил. 4. 3-лин патрон к револьверу Мосина. ВИМАИВиВС

Ил. 5. 3-лин патрон к револьверу Мосина. Изображение внешнего вида патрона выполнено В. Сухнёвым по чертежу С. И. Мосина

Ил. 6. 3-лин патрон к револьверу Мосина (слева) в сравнении с патроном к 3-лин револьверу Нагана обр. 1895 г. Изображение внешнего вида патронов выполнено В. Сухнёвым

Отмечалось, что при стрельбе с 35 шагов все пули пробивают 4 сосновые доски по 25,4 мм каждая, половина пуль пробивает 5 штук таких же досок и 1% – 6 штук. Также изобретатель указывал на достоинства своего револьвера: ничтожность отдачи, отсутствие снаружи больших выдающихся частей, что обеспечивало удобство для носки и в кобуре, и в кармане. Существенным преимуществом перед прочими известными моделями Мосин считал приспособленность своего револьвера для стрельбы бездымным порохом. Ввиду названных свойств он обращался в ГАУ с просьбой задержать выбор модели револьвера на два месяца – за это время им предполагалось изготовить еще два экземпляра для дальнейших испытаний.

Результаты рассмотрения рапорта нашли отражение в журнале отдела по оружейной части Артиллерийского комитета № 62 от 22 марта 1894 г. «О шестиствольном револьвере, изобретенном полковником Мосиным». По рассмотрении рапорта председатель комиссии по выработке образца малокалиберного ружья генерал-лейтенант Чагин Н. И. отметил, что приводимые Мосиным преимущества спорны – например, револьверы Л. Нагана и А. Пипера также позволяют использовать бездымный порох⁷. И сложности возникают только лишь ввиду его неполного сгорания, что связано не с конструкцией револьвера в целом, а обеспечивается собственными качествами взрывчатого вещества и, частично, устройством канала ствола. Отмечались и недостатки предложения Мосина – сложности производства и эксплуатации, так как солдатам труднее содержать в исправности шесть нарезных стволов, чем один.

Образцы револьвера Нагана, прошедшие испытания, начавшиеся в июне 1892 г.⁸, вполне удовлетворили Военное ведомство. При имеющемся весе заряда (1,1 г) и оболочечной пуле в 7 граммов при отсутствии прорыва газов между стволом и барабаном выходящее только из дула ствола малое количество дыма не представляло какого-либо ощутительного неудобства. И тот же патрон был пригоден к употреблению бездымного пороха, что и реализовали во время испытаний (использовался бельгийский порох).

Поэтому, по решению Арткома, надобность в изготовлении дополнительных экземпляров револьвера Мосина отсутствовала, достаточно было предоставить имеющийся вариант и 500 патронов, снаряженных бездымным порохом, принятым для 3-линейных боевых патронов⁹.

По поручению оружейного отдела Арткома с 7 по 13 апреля 1894 г. комиссия для выработки образца малокалиберного ружья проводила испытания представленного револьвера системы полковника Мосина. Вместе с револьвером он представил 100 готовых патронов, снаряженных зарядом в 1 грамм бездымного пороха (пуля оболочечная мельхиоровая, гильза – латунная с закраиной весом 4,93 грамма, пуля вжата в гильзу на треть своей длины, прокладка между пулей и зарядом отсутствует).

Подробные результаты испытаний, зафиксированные в журнале комиссии № 11 от 16 апреля 1894 г.¹⁰, интересны

детальным описанием конструкции револьвера полковника Мосина. Особенно внимательно изучалась отмеченная выше особенность: наличие вместо одного ствола и отдельно вращающегося барабана шести стволов, укрепленных в барабане на всю его длину и вращающихся вместе с ним. Соединение каждого ствола с барабаном произведено посредством резьбового соединения, длина которого составляет около $1/3$ длины всего барабана. Последний вместе со стволами вращается на трубчатой оси, которая проходит сквозь барабан, причем задний конец оси помещается в сквозном продольном канале, имеющемся в револьверной рамке. Для закрепления оси на месте служит гайка, навинчиваемая на задний конец оси. Спусковой и замочный механизм в револьвере полковника Мосина аналогичен устройству револьвера Смит-Вессона принятого образца.

При взведении курка собачка, выдвигаясь из щели рамки, упирается в зубцы храпового колеса, устроенного на задней поверхности барабана, и поворачивает его вместе со стволами в правую сторону до тех пор, пока бородка защелки, войдя в один из наружных вырезов барабана, не остановит его. Спица курка в револьвере помещена не посередине, а сбоку. Для извлечения стреляных гильз имеется шомпол, служащий вместе с тем и протиркой для чистки стволов револьвера. В собранном револьвере шомпол вставляется внутрь оси револьвера.

Чтобы извлечь гильзы, необходимо поставить курок на предохранительный взвод, вынуть шомпол, ввести его в канал ствола и последовательно выталкивать гильзы, вращая барабан. На правой щеке рамки револьвера за барабаном имеется дверца, которая откидывается назад, когда нужно извлечь патроны или стреляные гильзы из камор стволов. После этого дверца поднимается, чтобы патроны, расположенные напротив нее, не выпали из стволов. Для разряжания и заряжания револьвера требуется не менее 33 секунд. Курок взводится только от действия на его спицу. Для прицеливания служит треугольная прорезь на заднем ребре револьверной рамки, каждый ствол имеет собственную мушку. В качестве принадлежности к револьверу предполагалась только отвертка (ил. 7–11).

Проведенные испытания показали существенные недостатки конструкции, зафиксированные журналом отдела по

Ил. 7–11. Внешний вид
револьвера конструкции
С. И. Мосина модели 1884 г.
Изображение внешнего вида
револьвера выполнено
В. Сухнёвым по чертежу
С. И. Мосина

оружейной части Артиллерийского комитета № 92 от 3 мая 1894 г. «О револьверах 3-линейного калибра систем: полковника Мосина и иностранца Нагана». В первую очередь отмечалась неудовлетворительная меткость, обусловленная короткой нарезной частью ствола, короткой прицельной

линией, качанием стволов на общей их оси вращения и трудностью достижения параллельности осей стволов при валовом изготовлении. Также речь шла о неудобстве разряжания револьвера, так как при этом необходимо отделять от оружия маленький шомпол, что чревато его потерей. При его важном конструктивном значении это становилось существенным недостатком. Отмечалась, в том числе, большая массивность барабана со стволами, которая могла быть причиной более скорого изнашивания частей, вращающих барабан, – храпового колеса и собачки. Также отмечалось и возможно быстрое изнашивание винтовой нарезки. Большое неудобство представляла также необходимость всматриваться в канал каждого из шести стволов, чтобы удостовериться, что все патроны выстреляны.

Таким образом, неприемлемой признавалась сама концепция многоствольного револьвера¹¹. Тем не менее, желая зафиксировать свое авторство на такой нестандартный образец, 19 мая 1894 г. Мосин подал рапорт № 225 в оружейный отдел Артиллерийского комитета с револьвером, чертежами и описанием, запрашивая об условиях получения привилегии¹². Вопрос рассмотрели, резолюция, зафиксированная журналом оружейного отдела Арткома № 123 от 4 июля 1894 г., была доведена до сведения автора. В ней отмечалось, что привилегия возможна на ряд оригинальных конструктивных решений: способ скрепления стволов с барабаном, устройство оси барабана и соединения его с рамкой, а также шомпол и способ его соединения с револьвером, общая компоновка частей оружия в целом¹³. При этом особо оговаривалось, что действие данной привилегии не может получить распространение на военное и морское ведомство. Так как само охрannое свидетельство выявлено не было, скорее всего, С. И. Мосин охладел к идее своего револьвера.

Позже, при проведении испытаний револьвера Нагана с изменениями, сделанными для применения бездымного пороха, полковник Мосин высказал свое «особое мнение», зафиксированное журналом Арткома № 57 от 21 марта 1895 г. Он предлагал не спешить с окончательным выбором в пользу указанного образца, а рассмотреть возможность «приспособить» к револьверу Смит-Вессона ствол трехлинейного калибра, поручив это Тульскому заводу, после чего провести дополнительные

испытания¹⁴. Однако выбор Военного ведомства в пользу модели Л. Нагана был сделан.

Непонятны причины, подвигнувшие С. И. Мосина выбрать для своего револьвера архаичную конструктивную схему с вращающимся блоком стволов, которая к концу XIX в. считалась совершенно устаревшей, и в мире уже имелось достаточно моделей весьма совершенных одноствольных револьверов, которые могли стать образцами для подражания. С технической точки зрения принятый на вооружение одноствольный револьвер конструкции Л. Нагана намного совершеннее револьвера Мосина, у которого не было шансов превзойти его по всем показателям.

Разработка 3-линейного револьвера стала последней конструкторской работой в жизни С. И. Мосина. В последующие годы и до самой смерти в 1902 г. он занимался технологическим обеспечением изготовления созданной им 3-линейной винтовки обр. 1891 г. на Тульском и Сестрорецком оружейных заводах и к практической конструкторской деятельности не возвращался.

В завершение статьи следует остановиться на важном вопросе – установлении внешнего облика 3-линейного револьвера конструкции С. И. Мосина. Как уже указывалось выше, к своему рапорту № 105 от 7 марта 1894 г. конструктор приложил фотоснимки разработанного им револьвера. Однако в архивном деле этих снимков не оказалось, как и не нашлось среди приложенных чертежей револьвера чертежа его общего вида. В итоге авторам пришлось прибегнуть к иному способу восстановления внешнего вида револьвера Мосина с помощью инженерной программы 3D-моделирования «Solid Vorks». В этой программе по чертежам отдельных деталей револьвера были созданы их компьютерные модели и произведена сборка в модель револьвера, из которой был восстановлен его внешний вид.

---

¹⁴ Чумак Р. Н. 3-лн винтовка Мосина. История разработки и принятия на вооружение русской армии. СПб.: Атлант, 2017. 526 с.

² Ильина Т. Н. Как «Наган» появился в России // Бомбардир. 1995. № 4. С. 37–48; Клишин А. Винтовка Мосина и револьвер Нагана, правда и ложь... // Ружье. 2016. № 2. С. 1–5.

³ АВИМАИВВС. Ф. 8. Оп. 48/1. Д. 44. Л. 486.

⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 39/6. Д. 267. Л. 2–3.

⁵ Там же. Ф. 8. Оп. 48/1. Д. 44. Л. 432.

⁶ Там же. Л. 217.

⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 39/6. Д. 267. Л. 28 об., 29.

⁸ Там же. Ф. 8. Оп. 48/1. Д. 44. Л. 239.

⁹ Там же. Л. 215–215 об.

¹⁰ Там же. Л. 276–280.

¹¹ Там же. Л. 280 об.

¹² Там же. Ф. 4. Оп. 39/6. Д. 267. Л. 76.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 1739. Л. 1 об.

¹⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 8. Оп. 48/1. Д. 44. Л. 466 об.

И. Э. Ульянов (Уфа)

ПРИЦЕЛЬНАЯ СТРЕЛЬБА И РАССЫПНОЙ СТРОЙ В ТАКТИКЕ РУССКОЙ ЛИНЕЙНОЙ ПЕХОТЫ 1804–1818 гг.

Применение в армиях стрелкового огнестрельного оружия не сразу сделало актуальным вопрос обучения стрелков навыкам прицельной стрельбы. Тактико-технические характеристики ранних образцов гладкоствольного оружия не позволяли обеспечить надежного прицеливания. Даже изобретение ударно-кремневого замка, усовершенствование конструкции прикладов и прочие нововведения не смогли существенно улучшить точность стрельбы. На долгое время основным способом нанесения поражения противнику с помощью стрелкового оружия стала массовая, по возможности упорядоченная стрельба из сомкнутого строя, позволявшая добиться максимальной плотности огня. Наибольшая эффективность такой стрельбы достигалась при использовании линейных построений глубиной в несколько шеренг на открытой местности; соответственно, и пехота, обученная такой тактике, носила название тяжелой или линейной. Задача ведения индивидуальной прицельной стрельбы надолго перешла к немногочисленным выделенным группам, а затем подразделениям различными способами обученных стрелков, практикующих рассыпной строй и использование выгод пересеченной местности. В дальнейшем такая пехота получила наименование легкой и получила широкое распространение. Нередко в таких формированиях применялось более точное нарезное стрелковое оружие.

Между тем, задачи воздействия на неприятеля точной стрельбой и действиями на неровных местах периодически вставали перед командованием, не имевшим под рукой легкой пехоты. Практически невозможно выявить первые упоминания о применении рассыпного строя из состава линейной пехоты. Начало

подобной практики было заложено не позже чем в XVII в.; выделенные стрелки использовались также в войсках Петра I, и у нас нет повода сомневаться в том, что при необходимости их назначали в тех или иных случаях в первой половине XVIII в. По сути, вольные батальоны Румянцева в 1761 г. состояли из тех же стрелков, скомпонованных в устойчивые формации. В дальнейшем активное и носившее постоянный характер обращение к практике выделения стрелков из состава пехоты прослеживается в документах А. В. Суворова.

К сожалению, мы не можем судить о широте распространения подобных правил: ни одного упоминающего о стрелках документа XVIII в., имеющего отношение ко всем вооруженным силам государства, до сих пор не выявлено.

Пристальное внимание высшего военного руководства на использование стрелков из состава линейной пехоты в России было обращено в начале XIX в. Очевидно, только при Александре I эта практика приобрела характер массового явления и наконец подверглась строгой регламентации в «Правилах рассыпного строя...» 1818 г.

Очевидно, причиной такого расцвета рассыпного строя в линейных войсках стало изменение тактики ведения боевых действий. Рост численности армий, практика разделения войск для передвижения, расширение границ полей сражений приводили к тому, что все чаще линейной пехоте приходилось выполнять функции легких войск, так как егеря далеко не всегда были в наличии в нужном месте. В таких условиях гренадерские и мушкетерские (пехотные) полки для противодействия неприятельским стрелкам и для занятия (обороны) пересеченной местности вынуждены были использовать часть собственных солдат в рассыпном строю.

Совершенно естественным в данной ситуации было стремление командования как-то упорядочить стихийно возникшее и входящее в обиход явление. За период 1801–1818 гг. были опробованы три основных способа:

- выделение для действия в рассыпном строю солдат третьей шеренги всего батальона;

- назначение для действия в рассыпном строю специально выбранных нижних чинов в каждой роте (взводе);

- применение целыми линейными батальонами правил егерского учения.

Судя по сохранившимся текстам указов и инструкций, в первое десятилетие века основной практикой стало выделение в стрелки третьей шеренги, для обучения которой даже выделялись дополнительные боеприпасы. Опыт боевых действий в конечном итоге заставил отказаться от использования такой схемы. В то же время обучение целых батальонов в рассматриваемый период носило фрагментарный характер. На практике в полках гораздо чаще использовались импровизационные действия специально назначаемых групп или подразделений: в стрелки обычно назначались 1–2 роты от батальона или так называемые «охотники» (добровольцы) под командой одного или нескольких обер-офицеров. Такие способы формирования «завесы» из передвигавшихся в разомкнутом строю солдат, как показывают документы и мемуары, одинаково часто применялись как в линейной, так и в легкой пехоте.

Ниже мы рассмотрим разные варианты использования солдат линейных полков в качестве легкой пехоты.

1. Стрелки из третьей шеренги. 1804–1810 гг.

Первое упоминание о факте обучения стрелков мы встречаем в тексте истории лейб-гвардии Семеновского полка: «...Первые опыты рассыпного строя были произведены в Семеновском полку. В 1804 году... стали вводить рассыпание людей по одиночке, производившееся вначале без всяких правил; начали обучать применению к местности и проч. Мало по малу все это приводилось к некоторому однообразию; число людей, выбранных для обучения рассыпному строю, в ротах уравниено; всем поручикам приказано при обучении следовать указаниям младшего штаб-офицера и состоявшего при нем подпоручика егерского батальона князя Друцкого-Соколинского. Одним словом, к январю 1805 года рассыпное ученье было уже в таком виде, что полк можно было представить Великому Князю Константину Павловичу. Он назвал это ученье егерскою эволюциею и приказал прислать в Семеновский полк офицеров из других полков для обучения. Офицеры эти прикомандировывались к ротам и, наравне с Семеновскими, несли службу. Застрельщицье ученье сделалось обязательным не для одних только поручиков, но и для всех младших офицеров только после Аустерлицкого похода»¹. Это высказывание, к сожалению, не подтвержденное ссылкой на источник, тем не менее, позволяет понять алгоритм возникновения учений для рассыпного строя в полках линейной пехоты. Очевидно, в большинстве

случаев развитие подобной тактики шло «снизу», из полков и дивизий; в процессе могли участвовать офицеры егерских полков, которые привносили элементы егерского учения, проходящие процесс адаптации к условиям использования небольшого количества выбираемых из подразделений солдат.

Из приведенной цитаты мы не можем понять и способа выделения стрелков из состава подразделений. При этом веским свидетельством использования в качестве стрелков третьей шеренги является указ 23.01.1805 г. «О прибавке пороха на егерей и на третью шеренгу всех гренадерских и мушкетерских полков», в котором, в частности, содержится следующая фраза: «Для усовершенствования искусства в стрельбе егерей, и на тот конец чтобы в полках гренадерских и мушкетерских третья шеренга состояла вся из наилучше выученных стрелков...»². Исходя из текста, следовало ежегодно отпускать порох и свинец на три дополнительных патрона в год для 552 солдат третьей шеренги и 48 унтер-офицеров упомянутых полков.

О практике боевых действий нам приходится судить по достаточно отрывочным и субъективным данным, редко раскрывающим полную картину происходящего. Так, из рассказа генерал-майора М. Л. Булатова о сражении со шведами при Револаксе 15.04.1808 г. становится понятно, что в его отряде, не включавшем в себя егерских подразделений, практиковалась комбинированная практика назначения стрелков: в нем для разведывательной службы собирались легкие команды из стрелков от всех трех батальонов (60 человек), гусаров и казаков; для службы на аванпостах также высылалось небольшое количество стрелков из батальонов; в сражении же командирам батальонов велено было «послать своих стрелков в пособие прежним, в которую должность употреблялась всегда одна задняя шеренга»³.

По всей видимости, командование всегда выделяло в ротах какое-то количество метких стрелков помимо солдат третьей шеренги; представляется вероятным, что их могли специально ставить в третью шеренгу и при необходимости использовать отдельно (в этом случае сила цепи из третьей шеренги уменьшалась незначительно). Так, в декабре 1807 г. в отряде генерал-майора Н. М. Каменского, отправленного в 1807 г. к Данцигу и имевшего в своем составе 21-й егерский полк, был создан «собранный со всех полков батальон стрелков»; очевидно, в этом случае речь шла не о третьих шеренгах батальонов,

а именно о подготовленных в ротах стрелках (предположительно, по 10–12 человек от 32–40 рот)⁴.

В то же время (в мае 1807 г.) по приказу шефа Елецкого мушкетерского полка генерал-майора А. Я. Сукина (2-го) было создано подразделение из «230 отборных стрелков с четырьмя офицерами Санкт-Петербургского гренадерского и Елецкого мушкетерского полков» под командой штабс-капитана М. М. Петрова, которое сначала несло службу на аванпостах, а в дальнейшем участвовало в сражениях при Гейльсберге и Фридланде; и в этом случае из каждой роты выделялось по 10–15 стрелков⁵.

Достаточно активно применялось и рассыпание стрелков перед своими подразделениями. В сражении при Гуттштадте 24.05.1807 г. генерал-лейтенант П. И. Багратион атаковал, «построив Московский гренадерский, Псковский и Костромской мушкетерские полки в колонны под защитой батарей наших и имея впереди стрелков⁶. Там же для устройства переправы впереди войск были посланы стрелки и понтонеры; стрелки, переправившись на понтонках на неприятельский берег, обеспечили строительство мостов.

Далеко не все военачальники с оптимизмом смотрели на использование в качестве стрелков третьей шеренги. Суть претензий к этому способу была сформулирована в датированном 1810 г. «Мнении о неудобстве в тяжелой пехоте употреблять третью шеренгу в действии против неприятеля, а особливо регулярного, рассыпанную пред фронтом вместо стрелков» неизвестного автора, служившего в армии еще с екатерининских времен⁷. По его мнению, рассыпание третьей шеренги «обесиливает фронт, и употребление оной вместо стрелков не сделает действительной пользы, какую бы могли сделать настоящие стрелки, к тому подготовленные». Признавая, что «...польза егерей или стрелков во многих различных обстоятельствах весьма видна, и они даже необходимы, как употребляемые в последнюю войну французскими войсками тиральеры», он предлагал «из каждой роты выбрать самых лучших, расторопных, легких и способных к меткой стрельбе по 20 или по 24 человека» и «обмундировать оных стрелков... как можно легче и свободнее, а вооружение приспособить самое надежное для верных выстрелов». Автор был уверен, что «на таковом положении сии стрелки будут самые лучшие, какие только могут быть, даже по мнению моему, гораздо превосходнее всех Егерских полков,

в кои поступают люди без всякого разбора, а при том занимают оных более фрунтовой службой и экзерцицией линейной пехоты, а не настоящею егерскою должностью».

Можно предположить, что этот критический отзыв был не единственным: мнения военачальников, прошедших сразу несколько кампаний в 1805–1808 гг., в конечном итоге повлияли и на руководство. В изданном 12.10.1810 г. рескрипте императора о реорганизации пехотных полков и введении в каждом батальоне гренадерской роты из гренадерского и стрелкового взводов, в частности, говорилось: «Опыт доказал, что употребление третьей шеренги в стрелки не соответствует равным образом их назначению; а так как при каждом полку необходимо нужно иметь стрелков, то и назначить к сему служению осьмую же часть полка... В гренадеры и стрелки выбираются люди, не взирая на рост. Отлично доброе поведение, постоянство и терпение в трудах, мужество и храбрость в опасности суть единыя права к сему выбору»⁸. Формально с этого момента 1/8 часть всей пехоты была официально названа стрелками. Таким образом, мы можем установить рамки применения упомянутого тактического приема: в 1804–1810 гг. в качестве стрелков в линейной (тяжелой) пехоте в большинстве случаев использовались солдаты третьей шеренги.

2. Избираемые стрелки. 1810–1818 гг.

Отмена прежних узаконений не могла не повлечь за собой появление новых вариантов наставлений: необходимость в стрелках не исчезла, а значит, их действия нужно было как-то координировать. На данный момент нам не удалось обнаружить наставление, которое можно было бы считать основным, касающимся большей части армии документом для подготовки стрелков линейной пехоты в 1810–1818 гг.

Между тем, подобное обучение велось, причем в ряде случаев с большим успехом. Об этом, к примеру, свидетельствуют проведенные в 1811 г. маневры 3-й пехотной дивизии, частью которых стало «ученье тяжелой пехоты со стрелками, производимое Муромским пехотным полком со сводным гренадерским батальоном»⁹. Описание и схема учения доказывают высокий уровень подготовки стрелков, способных производить сложные и разнообразные маневры.

Характерной особенностью русских войск было активное использование рассыпным строем ударной тактики. И. П. Липранди

вспоминал об одном из эпизодов обороны Смоленска в 1812 г., когда солдаты из состава стрелковых цепей постоянно бросались на французов в штыки, зачастую не слушая¹⁰.

3. Рассыпание целых подразделений линейной пехоты.

Информация о рассыпании в стрелки целых батальонов линейной пехоты встречается в ряде источников.

Несколько таких случаев упоминаются в мемуарах и работах, посвященных войнам 1805–1807 гг. Так, в сражении при Кремсе 30.10.1805 г. в цепь был рассыпан весь гренадерский батальон Апшеронского мушкетерского полка, но опыт оказался неудачным. 26.01.1807 г. около г. Прейсиш-Эйлау в стрелки в лесу был рассыпан целый батальон Псковского мушкетерского полка под командой майора Дikuшина, который, судя по всему, действовал достаточно успешно¹¹.

Использование крупных подразделений линейной пехоты в рассыпном строю обуславливалось недостатком пехоты легкой, то есть являлось вынужденной мерой, успех которой зависел от многих факторов. Кроме того, исходя из доступных данных, нам трудно судить о реальной картине боя и о способах рассыпания войск. Представляется весьма вероятным, что в цепь были высланы только часть рот батальонов или «охотники». При этом самым известным примером неудачного действия русской линейной пехоты в рассыпном строю стало наступление 18-й дивизии во время операции при Березине 16.11.1812 г., когда в цепь были рассыпаны целые батальоны.

Между тем, автором были найдены цветные и профессионально начерченные планы эволюций, полностью соответствующие егерскому учению 1806 г., но предназначенные для обучения батальона линейной пехоты с гренадерским и стрелковым взводами и с двумя знаменами, то есть созданные в период с 12.10.1810 г. до 1813 г., когда в батальонах было оставлено по одному знамени. Более того, постоянное упоминание в тексте егерского учения 1811 г.¹² знамен, по нашему мнению, может свидетельствовать и о том, что это учение, предположительно, также могло использоваться батальонами линейной пехоты.

4. «Охотники».

Нам не удалось найти каких-либо документов, регулирующих правила высылания «охотников» – добровольно вызвавшихся солдат и офицеров. Во всяком случае, очевидно, что основными причинами такой практики могло быть два соображения:

желание командиров полков и батальонов быстро решить текущие тактические задачи на пересеченной местности, делая упор, прежде всего, на ударную тактику легкой пехоты;

нежелание командиров использовать в неоднозначной ситуации имеющих лучшую стрелковую подготовку солдат.

Конечно, такие соображения действовали преимущественно в относительно комплектных частях, имевших в строю небольшой процент новобранцев. Не располагая достаточным количеством опытных солдат, командир просто вынужден был вызывать добровольцев, имеющих основанную на различных соображениях высокую мотивацию, важную, прежде всего, для ударной тактики.

Процедура вызова охотников описана в воспоминаниях генерала от инфантерии В. И. Тимофеева о сражении при Прейсиш-Эйлау в 1807 г., в котором он участвовал в качестве ротного командира Выборгского мушкетерского полка: «Полковой командир... приказал вызвать охотников, которых вышло вперед до 1000 человек, но ни одного офицера; как это происходило в виду прусских войск, мне показалось щекотливым оставить в охотниках одних нижних чинов без офицера; а потому, несмотря, что был ротным командиром, я вышел к ним, а за мной последовала и вся моя рота»¹³.

Наставления по обучению стрелков

Не стояло на месте и законодательное творчество, посвященное обучению выделяемых из состава батальона линейной и легкой пехоты стрелков. Одним из первых по датировке стал выявленный нами документ без заголовка, содержащий достаточно подробное наставление для стрелков пехоты¹⁴. Практически наверняка он являлся проектом, разработанным в 1805–1807 гг., о чем свидетельствует упоминание в тексте эспонтонов, унтер-офицерских «штуцеров» (винтовальных ружей) и равнения «в косу» (в затылок). К сожалению, у нас нет возможности судить не только о широте распространения данного наставления, но и о самом факте его практического использования в войсках, так как других экземпляров такого учения до сих пор не выявлено. При этом по основным своим положениям оно гораздо ближе к более поздним учениям: исходя из этого факта, можно сделать предположение о возможном дальнейшем развитии данного документа. Согласно наставлению, в цепь рассыпались солдаты третьей шеренги батальона. Стрелки рассыпались по парам в две

цепи. При этом цепи могли быть редкими (из половинного числа стрелков) и густыми (из полного числа стрелков); при необходимости из двух цепей строили одну. Половина стрелков могла быть выслана в резерв цепи, состоящий из правого и левого полурезервов и центрального резерва. Часть стрелковых взводов или часть резервов могли быть высланы для «прикрытия флангов», выстраивая линию от флангов передовой цепи до флангов батальона. Для руководства действиями стрелков в цепи предусматривалось 29 комбинаций барабанных боев. Интересным новшеством было наступление и отступление из положения лежа: обе цепи лежали на земле, по барабанным боям одна из них поднималась, перебегала сквозь другую на новое место и вновь ложилась. Более того, обе цепи могли наступать ползком; при такой атаке со стрельбой вперед выползал один из пары, стрелял и ждал своего товарища на месте. Стрелки должны были прикрывать перестроения батальона в разные виды колонн и движения колонн.

Одним из немногих уставных документов для рассыпного строя, имеющих строгую привязку как по времени, так и по локализации, является наставление «О эволюции стрелков для полков тяжелой пехоты»¹⁵, составленное под руководством начальника войск в Финляндии генерал-лейтенанта Ф. Ф. Штейнгеля и 11.10.1811 г. разосланное в подчиненные ему войска (16 пехотных и егерских полков); таким образом, мы имеем дело с примером одного из самых масштабных «насаждений» военно-теоретических взглядов, исходящих не от лица высшего руководства. Сам факт появления такого документа достаточно однозначно свидетельствует об отсутствии на тот момент официально введенного во всех войсках наставления для стрелков. Исходя из очевидных фактов, генерал высказывал свой взгляд на устройство стрелкового дела в полках: «Судя по тому, что многие солдаты не имеют природных способностей стрелять в цель, обучением которых напрасно бы терялось время, труд и заряды, то предписывается иметь в каждой роте человек по 20 или 25, или более тем лучше, стрелков, которых избрав по способностям, снабдить лучшими ружьями и обучать преимущественно других. Гренадерские же роты должны быть все хорошие стрелки»¹⁶. Именно для этих стрелков и предназначались правила, предлагаемые Штейнгелем, часть из которых была описана в «Правилах о цельной стрельбе...». Отдельно отмечалось, что эти положения касались именно стрелков «тяжелой

инфантерии» и не вносили изменений в маневры егерских полков. Согласно правилам, предлагаемый рассыпной строй представлял собой одну цепь, состоявшую из построенных в линию по фронту троек стрелков («товарищей»), с загнутыми флангами (одна—две тройки с унтер-офицером); либо без резерва, либо с резервом, построенным в три шеренги в заданном месте. Подача команд осуществлялась барабанными сигналами. Представляется очевидным, что предложенная в данном наставлении схема высылки стрелков тройками из-за сложности алгоритма чередования «товарищей» при перемещении и стрельбе требовала гораздо большего времени для обучения, но при этом не предоставляла явных преимуществ по сравнению с «парной» цепью. Генеральское новаторство не нашло своего продолжения ни в одном известном последующем документе. Его применение на практике также не подтверждается выявленными на данный момент источниками. Учитывая все эти факторы, мы можем считать учение Ф. Ф. Штейнгеля 1811 г. тупиковой ветвью развития законодательства в области применения рассыпного строя стрелков тяжелой пехоты.

Система обучения стрельбе

В первые годы XIX в. стрелковая подготовка оставляла желать лучшего. Мы уже упоминали о прибавке для обучения стрельбе пороха и свинца на три выстрела в год «на егерей и на третью шеренгу всех гренадерских и мушкетерских полков» от 23.01.1805 г. Подтверждением этой практики стало положение от 16.02.1808 г., согласно которому «для учения» положено было выделять свинец «на каждого строевого рядового и унтер-офицера во все гвардейские, гренадерские, мушкетерские и егерские полки на две шеренги по пяти, а на третью по восьми пуль»; к свинцу назначалось сообразное количество пороха¹⁷.

Собственно, первоначальное и самое активное обучение стрельбе солдаты проходили, еще будучи рекрутами. 21.12.1808 г. было издано высочайше утвержденное положение «Об отпуске ежегодно в учрежденные рекрутские депо на ученье рекрут и команд, при них состоящих, пороха и других вещей»¹⁸. Положение гласило, что в год на каждого рекрута выделялся порох на 50 «боевых» патронов; при этом свинцовые пули заменялись на глиняные, оставлявшие различимые отметины в щите-мишени на расстоянии до 50 саженей.

Обучению стрельбе было посвящено одно из «Отделений» брошюры «Краткое наставление о солдатском ружье...»¹⁹, составленной генерал-майором И. Г. Гогелем и изданной в 1809 г. Про состояние стрелковой подготовки в армии автор отзывался достаточно сурово: «Пехота наша во множестве случаев доказала, что штыком великие чудеса можно произвести; но огонь руженой по сих пор ни в каком еще войске с должным успехом производим не был; кроме что начинают с некоторою пользою употреблять рассыпных стрелков». Причины плохой стрельбы он видел в прививаемых солдатам привычках палить быстро и на любом расстоянии прицеливаться «неприятелю в пояс». Гогель в наставлении максимально доходчиво излагал основы теории стрельбы. Предельная дальность выстрела ружья при возвышении в 43,5 градуса, по мнению Гогеля, составляла 500 сажений (с учетом размера сажени в 1,42–1,52 м – около 750 м), а дистанция горизонтального выстрела – 120 сажений (около 180 м). Автор предложил следующую последовательность обучения стрельбе: сначала солдаты стреляли в деревянный щит, разделенный по высоте на три полосы; затем – по сделанным из досок подобиям человеческих фигур, установленным на разных расстояниях и уровнях относительно стрелка.

Тем не менее, всеми очевидцами отмечалось практически полное отсутствие в русской линейной пехоте первого десятилетия века навыков цельной стрельбы. Положение стало несколько выправляться в начале 10-х годов, когда за дело активно взялось командование корпусного и дивизионного уровней. Так, в это время П. П. Коновницын, ставший начальником 3-й пехотной дивизии, в предписании об обучении солдат говорил: «Стрелок должен быть уверен, что сколько у него пуль в суме, столько он несет смертей неприятелям»²⁰. Шеф Павловского гренадерского полка генерал-майор Д. П. Неверовский в приказе по полку от 06.10.1811 г. отмечал: «Приятно бы для меня было, ... если бы господа ротные командиры гренадерских рот стрелков, а фузилерных хорошо выученных стрелять рядовых, и надежного поведения, посылали стрелять дичь, через что они привыкают к верному глазомеру и получают навык к цельной стрельбе; теперь же в ротах есть невыстреленные пули и порох, оставшиеся от маневров, которые позволяется употреблять на охоту, ведя им верный счет и подавая еженедельно через фельдфебелей в полковую

канцелярию записи: сколько в которой роте будет убито дичи, оставляя, однако же, оную в пользу стрелков»²¹.

Много внимания подготовке стрелков уделял и генерал-лейтенант Ф. Ф. Штейнгель. В его отношении к генерал-майору Ширкову от 11.10.1811 г. содержались «Правила, относящиеся к цельной стрельбе вообще, и к обучению стрелка в особенности»²², составленные при участии полковника Ф. Ф. Эпельна (шефа 47-го егерского полка) и майора Аристова. При этом интересно отметить, что генерал не отрицал возможности внедрения инициатив на местах: «Если ваше превосходительство по опытности вашей и знанию службы что за полезное найдете прибавить или в некоторых местах переменить, я охотно позволяю, лишь бы меня о том уведомить, ибо я препровождаю те только к руководству правилами, которые известны мне и дознаны моими опытами, следовательно сего пространного и нужного искусства опыты одного человека не могут быть совершенны во всех отношениях».

В архиве нами был выявлен интересный документ о подготовке стрелков, не содержащий информации ни об авторе, ни о времени написания, но по ряду признаков относящийся к началу 10-х годов XIX в.²³. Неизвестный чиновник (судя по всему, высокого ранга) отмечал: «На опыте доказано, что по образу нынешней войны необходимо нужно в армии иметь хороших стрелков, для сего теперь в полках стараются оных обучать, но как не во всяком полку есть искусные стрелки, которые бы могли показать нужные правила для обучения стрелять в цель; то для сего и должно послать в полки по несколько хорошо обученных унтер-офицеров с тем, чтобы оне совсем остались в тех полках, куда будут посланы». Необходимых для этой функции унтер-офицеров автор предлагал выбирать из учебных гренадерских батальонов, к которым предварительно присылались выбранные «хорошие стрелки из придворной Его Императорского Величества охоты». Подготовленные таким образом унтер-офицеры должны были делиться своим искусством уже в полках. Хороших стрелков нужно было выделять особым образом: «Хороший стрелок, который будет искусно стрелять и успевать в обучении других, должен быть отлично от прочих награжден... Награждение для стрелков будет состоять из ружья, прочнее и лучше других сделанного, одинакового с прочими калибра, на котором будет вырезан вензель Его Императорского Величества с надписью “За старание и искусство”».

Автор предполагал ежегодно выделять в каждый полк по 12 таких ружей (во все армейские полки – 1872 ружья); ружья стрелкам выдавал шеф при собрании всего полка. Получившие наградные ружья стрелки переводились на старший оклад, а уже имевшие такой оклад – на унтер-офицерский. При уходе в отставку или в другой полк ружья оставались при полку.

Очевидно, это предложение было осмыслено и частично осуществлено: нам удалось найти информацию о выдаче в 1811 г. 25 подобных ружей образца 1808/09 г. лучшим стрелкам лейб-гвардии Семеновского полка; очевидно, тогда же они были вручены и в других гвардейских полках. На стволах ружей наносилась надпись «За стараніе и искусство»²⁴.

Вводимый в обращение новый устав, конечно, не смог обойти тему стрелковой подготовки – этому была посвящена отдельная статья ротного учения, в которой отмечалось, что «самые успехи в военных действиях много от совершенства в искусстве сем зависят». В каждом батальоне теперь полагалось иметь несколько мишеней нового образца – деревянных щитов высотой $2\frac{3}{4}$ аршина и шириной 1 аршин; на выкрашенных черной краской щитах рисовали две горизонтальные белые полосы шириной 4 вершка – посередине и у верхнего края. Солдаты стреляли по щитам с 40, 80 и 120 саженьей, причем на первых двух дистанциях целили в нижнюю полосу, а на дистанции 120 саженьей – в верхнюю. По результатам стрельбы в роте составлялся список лучших стрелков²⁵.

На практике для обучения стрельбе армейских частей могли использоваться солдаты гвардии. Так, в марте 1812 г. в лейб-гвардии Семеновский же полк поступило письмо с благодарностью солдатам полка, которые в количестве 12 человек (по два на полк дивизии) занимались обучением искусству прицельной стрельбы нижних чинов новосформированной 27-й дивизии²⁶.

В инструкции главнокомандующего армией генерал-фельдмаршала князя М. Б. Барклая де Толли, составленной в Варшаве 22.02.1815 г., среди прочих правил обучения войск в мирное время немалое внимание уделялось стрелковой подготовке. Предлагалось учить солдат длительному «прикладыванию», которое способствовало бы прицельному выстрелу. Для стрельбы в мишень офицеры одновременно должны были вывести не более 15 солдат, составляя для инспекторской проверки особые списки количества выстрелов и попаданий каждого

человека. Более того, указывалось, что «стрелки гренадерских рот сверх отличного поведения и храбрости, качества гренадер составлять должныствующих, должны отличаться искусством цельной стрельбы»²⁷.

Завершение европейских военных кампаний дало старт новым преобразованиям в организации и подготовке войск, проистекающим из накопленного боевого опыта. В апреле 1818 г. типографией Первой армии были напечатаны «Правила рассыпного строя, или Наставление о рассыпном действии пехоты. Для обучения егерских полков и застрельщиков всей пехоты». Новые веяния отразились также в изданных в 1823 г. при штабе Первой армии «Правилах для обучения цельной стрельбе из ружья».

---

¹ Дирин П. П. История Лейб-Гвардии Семеновского полка. 1683–1883. СПб. 1883. Т. 1. С. 365.

² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. (далее: ПСЗРИ). Т. 28. СПб., 1830. № 21601.

³ Михаил Леонтьевич Булатов. 1760–1825 // Русская старина. 1874. Т. 11.

⁴ Журнал военных действий войск состоявших под начальством генерал-майора графа Каменского 2-го с 14 апреля по 27 июня 1807 года. СПб., 1809. С. 5–6.

⁵ М. М. Петров. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 147.

⁶ Журнал военных действий императорской Российской армии с начала до окончания кампании, т. е. с ноября 1806 по 7 июня 1807 года. С присовокуплением донесений о сражениях: Пултуском, Прейсиш-Эйлау, Гутштатском, Гейльсбергском и Фридрихсбургском. СПб., 1807. С. 167.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Т. 3. Д. 17917. Л. 1–3.

⁸ Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-учетного архива Главного штаба. Отд. 1. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1900. С. 13–15.

⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 3. Д. 16843.

¹⁰ Замечания И. П. Липранди на «Описание Отечественной войны 1812 г.» Михайловского-Данилевского // В. Харкевич. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях. Вып. 2. Вильно, 1903. С. 11.

¹¹ Гений Н. История Псковского пехотного Генерала-Фельдмаршала Князя Кутузова-Смоленского полка. 1700–1881. М., 1883. С. 150.

¹² Ульянов И. Э. Эволюция наставлений по подготовке егерей в России и егерское учение в 1812 г. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XIX Международной научной конференции, 7–9 сентября 2015 года, 2016. С. 285–294.

¹³ Из воспоминаний генерала-от-инфантерии В. И. Тимофеева о сражении 23 января 1807 г. при Прейсиш-Эйлау. // Военный сборник, 1907, № 4. С. 2–3.

¹⁴ РГВИА. Ф. 25. Оп. 1/160. Д. 3713.

¹⁵ Ульянов И. Э. Наставления генерал-лейтенанта Ф. Ф. Штейнгеля для стрелков. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XX Международной научной конференции, 5–7 сентября 2016 г. / Сост. И. В. Корнеев. Бородино, 2017. М., 2017. С. 81–100.

¹⁶ РГВИА. Ф. 9194. Оп. 7/189Э. Д. 6. Св. 2. Л. 266.

¹⁷ ПСЗРИ. Т. 30. СПб., 1830. №22827.

¹⁸ ПСЗРИ. Т. 30. №23413.

¹⁹ И. Г. Гогель. «Краткое наставление о солдатском ружье, по Высочайшему Его Императорского Величества повелению Ученым комитетом по артиллерийской части изданное». СПб., 1809.

²⁰ А. И. Михайловский-Данилевский. Журнал 1813 года. // 1812 год... Военные дневники / Сост., вступ. ст. А. Г. Тартаковского. М., 1990. С. 315.

²¹ Воронов П. Н., Бутовский В. Д. История. С. 131.

²² РГВИА. Ф. 9194. Оп. 7/189Э. Д. 6. Св. 2. Л. 331–344.

²³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 3. Д. 17896.

²⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2382.

²⁵ Воинский устав о пехотной службе. Ч. 1. О строевой службе. СПб., 1811. С. 198–200.

²⁶ Аглаимов С. П. Отечественная война 1812 года: Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. Полтава, 1912. С. 150–151.

²⁷ Столетие Военного Министерства 1802–1902. Главный штаб. Исторический очерк. Образование (обучение) войск. Ч. I. Кн. II. Отд. III С. 245.

А. Д. Федечкин (Москва)

О ПРОБЛЕМАХ ПРОИЗВОДСТВА ОТЕЧЕСТВЕННОГО МОРСКОГО МИННОГО ОРУЖИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1906–1914 гг.)

Опыт Русско-японской войны на море 1904–1905 гг. наглядно продемонстрировал возросшее значение мин заграждения как эффективного средства нанесения ущерба противнику, абсолютно превосходившего по результативности использования корабельную артиллерию и торпеды¹.

С окончанием боевых действий на Тихом океане возможности данного вида подводного оружия привлекли пристальное внимание русского Морского ведомства, которое в условиях нараставшего противостояния с Германией и практически полного отсутствия боеспособных военно-морских сил на Балтике видело в нем прежде всего надежный инструмент защиты морских подступов к столице страны – Санкт-Петербургу. «...Минное заграждение является одним из могучих средств для борьбы с противником на море, особенно для государства, не обладающего сильным активным флотом из линейных судов...», – отмечали, например, составители Всеподданнейшего отчета по Морскому министерству за 1906–1909 гг.²

Стойкая уверенность, что противник «немедленно после объявления войны... появится в водах Финского залива и своим подавляющим превосходством... постарается раздавить наш флот», привела отечественных экспертов к идее создания на вероятных маршрутах вторжения ряда оборонительных рубежей, основой которых должны были стать минные заграждения большой плотности, рассчитанные на «постепенное погашение наступательного импульса неприятеля»³. Данная концепция нашла свое отражение

в планах развертывания Морских сил Балтийского моря в случае начала войны, разрабатываемых в 1907–1914 гг. и предусматривавших постепенное увеличение оперативной глубины обороны⁴. При этом широкие минные постановки предполагалось осуществлять и на других театрах – черноморском и тихоокеанском, где также не исключалось возникновение новых вооруженных конфликтов⁵.

«Вполне определенная и значительная роль», отводимая в русском флоте минному оружию, обусловила его дальнейшее совершенствование путем повышения могущества, надежности и удобства постановки. Так, изучение опыта применения отечественных гальваноударных мин «образца 1898 г.» позволило создать более современное изделие «образца 1905 г.». Его главная особенность заключалась в использовании взамен традиционных свинцовых колпаков, содержащих стеклянные ампулы с электролитом, инерционного замыкателя запальной цепи системы Матиссена, который, как представлялось, в большей степени гарантировал срабатывание боеприпаса при столкновении с корпусом корабля⁶.

Разработка перспективных образцов и предполагаемое масштабное использование минного оружия привели к необходимости организации его массового производства силами отечественной военной промышленности. Особенностью последней в начале XX в. являлось отсутствие специализированной «минной» отрасли, обусловленное, среди прочего, относительно небольшими объемами заказов на комплектующие для морских мин⁷. Их производство размещалось на относительно немногочисленных крупных многопрофильных предприятиях, уделявших для этого лишь часть своих ресурсов. Например, накануне Русско-японской войны выделка шаровых минных корпусов осуществлялась Санкт-Петербургским Металлическим и Брянским машиностроительными заводами, выпускавшими, помимо данных изделий, широкий ассортимент продукции⁸. Аналогичным образом было организовано производство якорей, предохранительных, запальных устройств, которые вместе с другими узлами и деталями поступали затем в мастерские военных портов для снаряжения зарядных камер, навивки минрепов и сборки боеприпасов с последующим приготовлением их к использованию.

Имеющиеся производственные мощности позволили создать к 1904 г. значительный запас мин заграждения различных типов, широко применявшихся затем на Дальнем Востоке⁹. Однако впоследствии растущая потребность в них, определенная в 1907 г.

Морским генеральным штабом (МГШ) в 18000 единиц для всех театров, и необходимость изготовить указанное количество не позже чем в три года заставили озаботиться увеличением привлекаемых для этих целей промышленных ресурсов¹⁰. При этом представители Морского технического комитета (МТК), определявшего техническую политику в области создания вооружения для флота, полагали «крайне желательным» организовать выделку основных компонентов мин прежде всего на казенных заводах, чтобы в будущем «не быть всегда связанным с частными предприятиями». Впрочем, участие последних также не исключалось при условии «избрания для этой цели таких заводов, которые были бы способны хорошо повести это дело»¹¹.

К их числу, например, относилось петербургское Акционерное общество заводов Парвизайнена, обладавшее достаточными производственными возможностями и в течение длительного времени выполнявшее работы в интересах флота. Ему в марте 1906 г. был выдан заказ на 700 шаровых корпусов мин «образца 1905 г.», а пять месяцев спустя – на поставку для этих боеприпасов 700 часовых механизмов с соляными разъединителями¹². Еще одному частному предприятию – Электротехнической мастерской П. Н. Ларионова в Санкт-Петербурге – тогда же поручили выделку 735 гальванических батарей¹³.

Параллельно с реализацией этих заказов велось проектирование новых минных якорей, в котором наряду с заводами Парвизайнена и Санкт-Петербургским Металлическим приняло участие и столичное предприятие Г. А. Лесснера. Разработанный им проект, обеспечивавший удобную и быструю постановку мин, в ноябре 1906 г. признали лучшим, вследствие чего этому заводу была предоставлена выделка одной из партий данных изделий¹⁴.

Испытания мин «образца 1905 г.» выявили их существенные недостатки, в том числе непродолжительный (в среднем около трех лет) срок службы батарей и чрезвычайно сложную регулировку маятникового замыкателя¹⁵. Кроме того, шаровые корпуса обладали малой плавучестью, делавшей боеприпасы пригодными к использованию лишь в условиях относительно медленных течений.

Вышеперечисленные факторы в итоге заставили отказаться от дальнейшего производства мин «образца 1905 г.», ограничившись партией в 700 единиц для Балтийского театра. Более перспективной виделась традиционная схема со свинцовыми колпаками, возврат к которой стал возможен вследствие внедрения

якорей нового типа с плотным размещением в них минных корпусов, позволявших частично «скрадывать» неудобства от «выступания наружу» гальваноударных взрывателей¹⁶.

Это привело к появлению модели «образца 1906 г.» с увеличенным зарядом взрывчатого вещества (в изделиях поздних выпусков был применен тротил вместо пироксилина), хорошо приспособленной для применения с надводных кораблей и оснащенной гидростатическим и сахарным разъединителями запальной цепи, обеспечивавшими безопасное обращение при хранении и постановке¹⁷.

Высокие тактико-технические характеристики новых мин заграждения стали причиной заказа сразу 3300 таких изделий, производство которых предполагалось осуществлять, главным образом, в пределах столичного региона, что, среди прочего, обеспечивало лучший контроль секретности. Так, в целях ее сохранения выделку якорей планировалось поручить казенной промышленности или вести на нескольких частных предприятиях, «заслуживающих полного доверия» и обладающих «опытностью и искусством». Корпуса мин, запальные и предохранительные устройства также должны были изготавливаться различными заводами, из которых одни оказывались бы способными «по своему оборудованию и роду производства гарантировать прекрасную выделку корпусов, а другие – таковую же механизмов». При этом заводы, желающие принять участие в «конкуренции на выделку мин и их частей», строго обязывались «не распространять полученные от Морского министерства сведения и указания», а также результаты предпринятых на их основе работ¹⁸.

Массовое изготовление боеприпасов нового типа стало во многом возможным благодаря предложенному заводом Парвийнена прогрессивному ацетилено-кислородному способу сварки штампованных полушарий корпусов взамен применявшегося ранее соединения при помощи заклепок, не гарантировавшего абсолютной герметичности. «...Сваркой совершенно устраняются все заклепки и устраняется течь мины. Вес мины уменьшается на полтора пуда (24 кг. – *Прим. авт.*) вследствие отсутствия кольцевого пояса и особенно запайки оловом, что значительно улучшает качества мины, увеличивая плавучесть...», – констатировали в декабре 1906 г. специалисты Минного отдела МТК¹⁹.

Своевременное внедрение данной технологической новации позволило Акционерному обществу заводов Парвийнена уже

18 января 1907 г. заключить договор с Морским министерством на поставку партии из 800 корпусов новых «шаровых мин с принадлежностью», а вслед за этим принять участие и в изготовлении остальных 2500 изделий «образца 1906 г.»²⁰. Принимая во внимание значительный объем предполагавшихся поставок минного оружия, приглашения к участию в производстве его компонентов на конкурсной основе были разосланы и правлениям других частных столичных предприятий машиностроительной и электромеханической отраслей – Г. А. Лесснера, Металлического, «Вулкан», Русского Акционерного общества «Л. М. Эриксон и Ко», мастерским М. Д. Шихина, В. В. Кузнецова, а также казенных Ижорского и Обуховского заводов.

Выделяемые на создание мин заграждения существенные ассигнования стали причиной обращений в Морское министерство и отечественных промышленников, не имевших ранее отношения к изготовлению данного вида морского оружия²¹. Так, например, в январе 1907 г. заявки на участие в его производстве, наряду с прочими, подали петербургские заводы А. Коппеля, Р. Лангензипена и Ко, а также Г. Воссидло (г. Сумы) и Николаевские судостроительные. Однако ведавшее указанными вопросами Главное управление кораблестроения и снабжений (ГУКиС) достаточно осторожно подошло к выдвинутой инициативе, уведомив заявителей, что «малоизвестные по выделке мин и якорей» заводы могут быть допущены к выполнению заказов лишь после изготовления на «свой риск и счет» нескольких образцов минных корпусов, подтверждавшего наличие необходимых опыта и ресурсов²².

Выдвинутые ведомством условия ограничили число претендентов на изготовление мин заграждения, исключив участие в нем слабо подготовленных в техническом отношении производителей. В результате масштабный заказ столь значимого вида морского оружия, предназначенного прежде всего для Балтийского театра, распределили, главным образом, между наиболее крупными частными и казенными предприятиями. Так, выделка якорей «образца 1906 г.» была поручена заводам Г. А. Лесснера, Металлическому, Ижорским, Адмиралтейским, а также Севастопольскому и Николаевскому военным портам, в то время как производство шаровых корпусов – акционерным обществам Парвизайнена и малоизвестному до того времени «Вулкану», доказавшему свои технологические возможности

оперативным изготовлением образцовых сварных корпусов, соответствовавших требованиям заказчика²³.

Аналогичным образом было организовано изготовление предохранительных приборов, к выделке первой партии которых еще в декабре 1906 г. приступила частная электромеханическая мастерская М. Д. Шихина в Санкт-Петербурге. Спустя некоторое время к этим работам подключился Ижорский завод, а к марту 1908 г. устройства данного типа начали производить также предприятия Г. А. Лесснера и Парвизайнена²⁴.

Но, несмотря на наличие производственных возможностей и компетенций, выполнение первого после Русско-японской войны заказа на основные компоненты мин заграждения шло с заметным опозданием, во многом связанным с новизной технологии их изготовления. Вследствие этого, например, завод Парвизайнена почти на полгода (1 февраля 1907 г. вместо 12 июля 1906 г.) задержал сдачу заказанных ему корпусов мин «образца 1905 г.». Позже назначенного срока – 3 января 1907 г. вместо 10 октября 1906 г. – были предъявлены для приема и гальванические батареи для них.

Другой причиной низких темпов производства стали частые задержки со стороны МТК в разработке необходимой технической документации, обусловленные стремительным совершенствованием минного оружия и постоянным внесением изменений в его конструкцию. Подобная ситуация наблюдалась, например, на Ижорских заводах, получивших в марте 1907 г. наряд на изготовление 2000 якорей «образца 1906 г.» с предложением немедленно приступить к работам. Но вскоре выяснилось, что одно из ведущих казенных предприятий не имеет рабочих чертежей, из-за длительного утверждения которых к выделке столь важных компонентов изделий приступили с большим опозданием²⁵.

Тем не менее, деятельность отечественных предприятий позволила к началу 1908 г. подать на флот 2200 комплектов шаровых корпусов, якорей и предохранительных приборов (700 «образца 1905 г.» и 1500 «образца 1906 г.»), которые после снаряжения зарядных отделений и сборки предназначались для формирования необходимого боевого запаса для Балтийского театра. Еще 1800 изделий «образца 1906 г.» несколько позже были направлены и в минные мастерские Севастополя.

Благодаря своим техническим особенностям, мина заграждения «образца 1906 г.» оказалась вполне пригодной для массового производства, став одновременно базовой для дальнейшего

совершенствования. В 1908 г. в ее конструкцию был внесен ряд существенных изменений – якорь вместо двух установили на четыре ролика с захватами для лучшего удержания на рельсах, а диаметр корпуса был увеличен, что позволило разместить вместо пироксилина больший по массе заряд тротила²⁶.

Новая модель «образца 1908 г.» оказалась удобной в использовании и хорошо приспособленной к выделке на основе имевшихся технологий. Данные качества позволили запланировать изготовление 3200 таких мин для Балтийского моря, заказ на которые Морское ведомство относило к категории «неотложных». При этом согласно указанию товарища министра вице-адмирала С. А. Воеводского их валовое производство не должно было «задерживаться неготовностью чертежей и образцов некоторых изменяемых частей мин», для чего предписывалось «заказать теперь же образцовые корпуса, якоря, приборы и калибры»²⁷.

Из-за значительного объема планируемых поставок производство вновь сосредоточили на крупных столичных предприятиях, накопивших к тому времени опыт выделки основных компонентов мин заграждения. Так, в декабре 1908 г. к изготовлению якорей были приглашены заводы «Вулкан», Г. А. Лесснера, Металлический и Ижорский, которым совместно с Акционерным обществом Парвиайнена доверили и производство шаровых корпусов. Те же заводы наряду с доказавшей свою техническую состоятельность мастерской М. Д. Шихина обязывались поставить необходимое количество гидростатических предохранительных приборов²⁸.

Выполнение заказа предполагалось завершить уже к середине мая 1909 г., однако столь жесткие сроки, «по неопытности» назначаемые заказчиком, явно не соответствовали производственным возможностям предприятий. По этой причине, например, казенный Ижорский завод запоздал со сдачей партии «образцовых» (т. е. опытных. – *Прим. авт.*) якорей к новым гальваноударным минам, назначенной на август 1908 г., более чем на пять месяцев, задержав дальнейшую разработку технических условий и изготовление контрольных калибров, необходимых для «однообразия» в изготовлении якорей на всех четырех заводах²⁹.

Стремление последних максимально ускорить производство в то время, когда «условия массовой выделки... и затруднения в ней еще не были выяснены», зачастую становилось причиной низкого качества поставляемых комплектующих минного оружия³⁰. Так, весной 1909 г. при заливке тротилом одной из

мин, доставленных с завода Парвийайнена, вследствие нарушения технологии сварки произошел отрыв зарядного отделения от внутренней поверхности шарового корпуса. Месяц спустя ряд «неточностей» в изготовлении был обнаружен офицерами-приемщиками и у партии предохранительных приборов предприятия Г. А. Лесснера, что заставило вернуть изделия для исправления³¹.

В итоге выполнение заказа на 3200 мин заграждения было с опозданием завершено лишь к осени 1909 г., однако позволило отечественной промышленности хорошо освоить производство гальваноударных изделий, постепенно ставших основой «минного парка» морских сил Балтийского и Черного морей.

Наряду с их выделкой продолжалось создание боеприпасов с иным принципом инициирования запальных устройств – ударно-механическим, первоначально реализованным в конструкции мины «образца 1909 г.»³². По рекомендациям МГШ предполагалось незамедлительно приступить к изготовлению 1200 таких изделий для Балтийского моря, однако из-за ряда новшеств, введенных при проектировании, они оказались достаточно сложны в производстве.

Например, одним из «узких» мест стала выделка ударных механизмов «образца 1909 г.», конструкция которых разрабатывалась заводом Г. А. Лесснера под непосредственным руководством и наблюдением помощника Главного инспектора минного дела капитана 2-го ранга Н. Н. Шрейбера. Согласно договору от 24 февраля 1910 г., предприятие обязывалось поставить 1200 устройств, начав сдачу их уже в начале марта. Однако фактически первые изделия поступили на флот лишь через 11 с половиной месяцев, а полностью заказ был выполнен к 2 августа 1911 г.³³

Столь значительное опоздание завод объяснял необходимостью «проводить несколько раз параллельные опыты» при выделке пробных образцов, приводивших к постоянным изменениям конструкции, лишь после окончательного утверждения которой удалось приступить к изготовлению необходимых калибров и контрольных приспособлений. Длительная «ввиду новизны дела» работа над ними стала причиной задержки в сдаче заказа, однако позволила наладить массовое производство ударных приборов «весьма высокого качества» без предварительной пригонки деталей³⁴.

Данное обстоятельство способствовало дальнейшему наращиванию производства боеприпасов ударно-механического типа

и заказу еще 1500 таких изделий (частью с более мощным зарядом, получивших обозначение «образца 1910 г.»), изготовление которых потребовало, среди прочего, очередной переработки технической документации. С задержками в ее получении столкнулось, например, петербургское «Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов» (бывший завод Парвизайнена), принявшее 30 декабря 1911 г. заказ на 500 корпусов увеличенного диаметра. Однако спустя три месяца его правление уведомило Отдел общих дел Главного управления кораблестроения (ГУК), что предприятие еще не приступило к изготовлению, поскольку «до сих пор не получило утвержденного чертежа для работы»³⁵.

Но, несмотря на многочисленные задержки, флоту в 1910–1912 гг. все же удалось получить заказанное количество боеприпасов ударно-механического типа первых партий, а вслед за этим началось изготовление и более совершенной их модели «образца 1912 г.», всплывающей со дна при постановке и автоматически устанавливающейся на заданное углубление при помощи гидростатического прибора.

Первоначально потребность в новых минах в ноябре 1912 г. определили в 2070 единиц, распределив, как и прежде, заказ на изготовление между заводами Г. А. Лесснера (полные комплекты из корпуса, якоря, ударного и предохранительного механизмов), Ижорским (корпуса и якоря), «Русским обществом для изготовления снарядов и военных припасов» (корпуса и механизмы) и Санкт-Петербургским Металлическим (якоря) со сроками сдачи от 5,5 до 13 месяцев³⁶.

Первые партии заказанных изделий начали поступать на флот в 1913 г., а вслед за этим предприятия приступили к выделке еще 4200 единиц данного типа. При этом значительная часть их, 1800 изделий, предназначались для Балтийского моря, где недостаток ударно-механических мин существенно затруднял в случае необходимости постановку оборонительных заграждений в Финском заливе «в условиях зимнего периода или ранней весны»³⁷.

Всего по заказам 1913–1914 гг. предполагалось подать 5250 комплектов узлов и деталей для сборки боеприпасов основных образцов, из которых к лету 1914 г. промышленности удалось сдать около 2500. Общее же число изготовленных в 1906–1914 гг. мин заграждения всех типов составило 10400 единиц, что покрывало около 58% изначально определенной потребности. Накопленный

запас оказался достаточным для осуществления русским флотом в первые месяцы начавшейся мировой войны широких оборонительных постановок, однако наметившийся к началу второй военной кампании дефицит минного оружия заставил в итоге озаботиться значительным наращиванием темпов его изготовления.

Таким образом, опыт войны с Японией позволил русскому военно-морскому командованию верно оценить возросшее значение минного оружия и своевременно предпринять меры по его массовому производству. При этом важным шагом стало размещение заказов на наиболее крупных казенных и частных заводах столичного региона, обладавших необходимыми мощностями и успешно использовавших новации того времени, включая газовую сварку. Но, несмотря на достаточно рациональную организацию, выделка компонентов мин заграждения осложнялась рядом факторов, включая задержки в разработке технической документации и медленное освоение производства, вызванные постоянным совершенствованием подводного оружия. Данные обстоятельства существенно удлиняли сроки его сдачи, зачастую назначаемые заказчиком без учета ближайших перспектив развития морских мин и реальных возможностей по их изготовлению. В итоге стремление предприятий уложиться в жесткие договорные рамки далеко не всегда обеспечивало требуемое качество изделий, вынуждая возвращать часть из них для исправления.

Вышеуказанные причины значительно тормозили производство комплектующих для мин заграждения, и к началу Первой мировой войны отечественная промышленность смогла с опозданием подать на флот лишь немногим более половины их потребного количества. Однако даже столь ограниченные боевые средства были успешно использованы русскими моряками в начальный период боевых действий, в то время как накопленный заводами опыт позволил впоследствии значительно увеличить производство этого вида морского оружия.

---

¹ История военно-морского искусства. Начало XX века [Коллектив авторов] М.: Вече, 2018. С. 81; Смирнов Б. Е. Морские мины флота России и СССР в коллекции минно-торпедного, трального и противолодочного оружия из собрания ЦВММ // Материалы IX Международной научно-практической конференции «Мир оружия: История, герои, коллекция». Тула, 2021. С. 504.

² Всеподданнейший отчет по Морскому министерству за 1906–1909 гг. СПб, 1911. С. 57.

- ³ Козлов Д. Ю. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917): Монография. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 75.
- ⁴ Гончаров Л. Г., Денисов Б. А. Использование мин в мировую империалистическую войну 1914–1918 гг. М.–Л.: Военмориздат, 1940. С. 6–7.
- ⁵ Шацилло К. Ф. Россия перед Первой мировой войной (вооруженные силы царизма в 1905–1914 гг.). М.: Издательство «Наука», 1974. С. 58.
- ⁶ Российский государственный архив военно-морского флота (далее: РГАВМФ). Ф. 421. Оп. 4. Д. 1183. Л. 26.
- ⁷ Шацилло К. Ф. Указ. соч. С. 61.
- ⁸ Развитие минного оружия в русском флоте. Документы. М: Военмориздат, 1951. С. 259.
- ⁹ Сидоренков В. В., Вьюнков В. П. Эффективное флотское оружие. Создание морских мин и первый опыт их боевого применения Российским флотом на Дальнем Востоке. // Россия и АТР, 2000. № 3. С. 141.
- ¹⁰ РГАВМФ. Ф. 427. Оп. 2. Д. 1625. Л. 178.
- ¹¹ Там же. Л. 35об.
- ¹² Там же. Д. 1535. Л. 53, 209.
- ¹³ Там же. Д. 1625. Л. 4.
- ¹⁴ Развитие минного оружия в русском флоте. Документы. М: Военмориздат, 1951. С. 291.
- ¹⁵ Пеньковский С. А. Развитие минного оружия в минах (С момента зарождения до середины XX века). Севастополь, 2008. С. 87.
- ¹⁶ РГАВМФ. Ф. 421. Оп. 4. Д. 1183. Л. 26.
- ¹⁷ Пеньковский С. А. Внешние признаки морских взрывоопасных предметов периода Первой и Второй мировых войн. Ч. 1. Севастополь, 2008. С. 12.
- ¹⁸ РГАВМФ. Ф. 427. Оп. 2. Д. 1625. Л. 52об.
- ¹⁹ Там же. Д. 1535. Л. 264.
- ²⁰ Там же. Л. 28.
- ²¹ Шацилло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX – 1914 г.) М.: Наука, 1992. С. 167.
- ²² РГАВМФ. Ф. 427. Оп. 2. Д. 1625. Л. 44об.
- ²³ Там же. Д. 1734. Л. 6.
- ²⁴ Там же. Д. 1733. Л. 188.
- ²⁵ Там же. Д. 1625. Л. 158.
- ²⁶ Коршунов Ю. Л., Дьяконов Ю. П. Мины Российского флота. СПб.: Издательство «Гангут», МП «Нептун», 1995. С. 20.
- ²⁷ РГАВМФ. Ф. 930. Оп. 9. Д. 680. Л. 48.
- ²⁸ Там же. Ф. 427. Оп. 2. Д. 1734. Л. 532, 537.
- ²⁹ Там же. Ф. 421. Оп. 4. Д. 94. Л. 7.
- ³⁰ Там же. Ф. 401. Оп. 3. Д. 40. Л. 114.
- ³¹ Там же. Оп. 4. Д. 94. Л. 20.
- ³² Известия по минному делу. Вып. 45. СПб, 1910. С. XLV–LII.
- ³³ РГАВМФ. Ф. 401. Оп. 3. Д. 40. Л. 114.
- ³⁴ Там же. Оп. 6. Д. 128. Л. 117–117об.
- ³⁵ Там же. Л. 139.
- ³⁶ Там же. Ф. 401. Оп. 3. Д. 40. Л. 292.
- ³⁷ Там же. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 151. Л. 30.

С. В. Федулов (Санкт-Петербург)

БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК НА ЛАДОЖСКОМ ОЗЕРЕ В 1943–1944 гг.

Летом 1942 г. Ладожской флотилии пришлось столкнуться с флотилией объединенных сил Германии, Италии и Финляндии, сформированной на озере и имевшей целью уничтожение советских боевых кораблей на Ладоге и пресечение доставки грузов в Ленинград. Главная база противника дислоцировалась в г. Лахденпохья, маневренные базы размещались в Сортавале и Кексгольме (Приозерске), расположенных в Северном Приладожье. Основу флотилии противника составляли немецкие самоходные десантные паромы типа «Зибель» (нем. Siebelfähre), доставленные по железной дороге через финскую территорию и вооруженные 88-мм пушками и скорострельными 37-мм и 20-мм зенитными автоматами, быстроходные катера – минные заградители и итальянские торпедные катера. Максимальная численность немецко-финско-итальянской флотилии составляла 21 паром типа «Зибель», из них 13 боевых паромов ПВО – 7 тяжелых и 6 легких (нем. Schwere Flakkampffähre и Leichte Flakkampffähre соответственно), 8 десантных катеров, 1 канонерская лодка, 6 катеров – минных заградителей КМ и 5 торпедных катеров (из них 4 типа «MAS 526» итальянского 12-го дивизиона MAS), 60 катеров связи и иных судов вспомогательного назначения¹.

Ладожская военная флотилия насчитывала 6 канонерских лодок (канонерские лодки являлись вооруженными самоходными шаландами типа «Бира»), 2 сторожевых корабля, 2 бронекатера, 8 сторожевых катеров, 13 тральщиков. Помимо этого, в ее состав входили транспортные и вспомогательные суда, артиллерийский и зенитный дивизионы. Позднее в состав флотилии вошли 2 торпедных катера, катера-тральщики, сторожевые катера типа «МО»

(«Малый охотник»), большое количество малых катеров «КМ» (катер с экипажем из 4 человек, вооружение – один пулемет)².

В 1943–1944 гг. в акватории Ладожского озера находились и выполняли боевые и учебно-боевые задачи восемь подводных лодок, а именно: «М-77», «М-79», «М-90», М-96», «М-102», «Щ-307», «Щ-309», «Щ-310». Если подводные лодки «М-77» и «М-79» вели разведку и выполняли боевые задачи, то подводные лодки «М-90», М-96», «М-102» осуществляли как боевую, так и учебно-боевую деятельность, а подводные лодки типа «Щ» выполняли задачи плановой боевой подготовки.

Важно отметить, что подводные лодки «М-77» (командир – капитан-лейтенант М. И. Татаринов), «М-79» (командир – старший лейтенант А. А. Ключкин) были доставлены летом 1943 г. на Ладожское озеро железнодорожным транспортом. Остальные же подводные лодки после полного снятия блокады Ленинграда летом 1944 г. прибыли на Ладогу своим ходом по Неве³.

В августе 1943 г., после тщательной подготовки материальной части и вооружения, изучения экипажами особенностей акватории Ладожского озера, тренировок личного состава по управлению подводными лодками в надводном и подводном положении, «М-77» и «М-79» приступили к выполнению боевых задач. Подводные лодки составили отдельную группу кораблей, подчиненную командующему Ладожской военной флотилией капитану 1-го ранга В. С. Черокову. Возглавил группу капитан 2-го ранга Е. Г. Юнаков. Местом постоянного базирования «малюток» стала главная база флотилии – Новая Ладога, расположенная в устье реки Волхов. Экипажи размещались на правом берегу реки в деревянных домах, добротно срубленных из сосновых бревен⁴.

В составе средств войсковой разведки подводные лодки «М-77» и «М-79» занимали особое положение, так как они обеспечивали длительное наблюдение за подходами к базам, коммуникациям и побережью с островами, занятыми противником. Подводным лодкам ставились задачи как по уточнению данных, полученных от авиаразведки и катеров, так и по выявлению элементов обстановки, получение которых от других средств разведки было затруднено или невозможно. Таким образом осуществлялось взаимодействие всех средств разведки ЛВФ⁵. Боевая деятельность подводных лодок в 1943 г. выражалась в следующем:

Операция подводной лодки «М-77» с 5 по 8 августа 1943 г.

Это был первый учебно-боевой выход подводной лодки после транспортировки и вступления в строй в составе Ладужской военной флотилии. Район боевых действий – восточное побережье Ладужского озера в районе Андрусовой губы.

Задача: выявить режим движения плавсредств и систему дозора противника в районе патрулирования. Операция была проведена успешно, задача подводной лодкой была выполнена.

Операция подводной лодки «М-77» с 17 по 24 августа 1943 г.

Район боевых действий – вдоль восточного побережья и южнее острова Валаам.

Задача: выявить режим движения судов и систему дозорной службы противника на подходах к побережью и островам. Операция была проведена успешно, цель достигнута. Были выявлены режим движения судов и система дозорной службы противника на подходах к побережью и островам⁶.

Операция подводной лодки «М-77» с 17 по 23 сентября 1943 г.

Проводилась в северо-западной части Ладужского озера на подходах к базам противника Кексгольм и Сортанлахти, между островами Коневец и Рахмасаари.

Задачи:

- предупредить командование Ладужской военной флотилии о выходе в Ладужское озеро крупных сил противника;

- изучить режим движения судов противника и систему дозора в районе, выявить навигационное ограждение на подходах к бухте Мусталахти.

Поход подводной лодки проходил в условиях штормовой погоды, но был проведен успешно. Поставленные задачи были выполнены.

Операция подводной лодки «М-79» 29 сентября 1943 г.

Подводная лодка «М-79» приступила к выполнению боевых задач значительно позже подводной лодки «М-77». Только в конце сентября она вышла в свой первый боевой поход на Ладоге. Район боевых действий подводной лодки «М-79» – на подходе к базам противника Сортанлахти и Кексгольм.

Задачи:

- выявить состав сил противника, дислоцирующихся на базах Сортанлахти и Кексгольм;

- выявить состав береговых сил противника на участке мыс Мустаниemi – маяк Вуохенсало;

– предупредить о выходе в Ладожское озеро крупных сил противника.

Из-за неисправности материальной части операция, проводимая подводной лодкой, была прервана ранее установленного срока и корабль был вынужден возвратиться в базу. Тем не менее, поставленные задачи в основном были выполнены⁷.

Операция подводной лодки «М-77» с 4 по 7 октября 1943 г.

Район действия: мыс Мустаниеми – маяк Вуохенсало.

Задачи:

- выяснить режим охраны побережья противника;
- установить наличие личного состава гарнизона противника в усадьбах;
- высадить на берег разведывательную группу в составе четырех человек с целью захвата «языка».

Задачи выполнены не полностью. Высадить разведывательную группу на берег не удалось из-за шторма, часто случавшегося в данный период на Ладожском озере. В основном цели операции были достигнуты.

Операция подводной лодки «М-79» с 9 по 11 октября 1943 г.

Район действия – западная часть Ладожского озера между параллелями 61°20'5" и 61°20'5" и меридианом острова Вассинансаари. Операция была предпринята с целью обеспечения своевременного предупреждения сил Ладожской военной флотилии, которые выполняли в этот период набеговую операцию с высадкой диверсионного десанта в районе бухты Мусталаhti, о появлении крупных сил противника, базирующихся в Лахденпохье.

Кроме того, командиру подводной лодки была поставлена задача уточнить:

- режим плаванья судов противника;
- систему дозорной службы противника;
- систему навигационного оборудования противника в районе наблюдения.

Из-за неисправности подводной лодки операция была прервана ранее назначенного срока, поставленные задачи были выполнены частично⁸.

Операция подводной лодки «М-77» с 10 по 14 октября 1943 г.

Район действия – район бухты Мусталаhti на западном побережье Ладожского озера. Основная цель операции – обеспечение подводной лодкой набеговой операции с высадкой

десанта, проводившейся отрядом кораблей в ночь с 11 на 12 октября 1943 г. в районе бухты Мусталахти.

Подводная лодка должна была перед походом кораблей поставить светящийся буй в установленном месте и затем встретить корабли в определенной точке, также служа им ориентиром для подхода к месту высадки. Кроме того, командиру подводной лодки ставилась задача: перед высадкой десанта и в течение двух дней после высадки вести разведку района бухты Мусталахти. Обе задачи были выполнены успешно⁹.

Операция подводной лодки «М-79» с 21 по 24 октября 1943 г.

Район действия – восточное побережье озера на участке Видлица – Тулокса.

Задача операции – выяснить систему дозоров кораблей противника, фарватеры и режим плавания, наличие береговых батарей, систему наблюдательных постов, а также движение по прибрежным дорогам и населенность побережья на участке реки Тулокса – реки Видлица. Поставленная задача была успешно выполнена.

Операция подводной лодки «М-77» с 3 по 8 ноября 1943 г.

Район действия – западная часть Ладожского озера в районе мыса Вуохенсало.

Задача операции – высадка разведывательной группы на берег с целью захвата пленного из числа гарнизона противника или местных жителей. Операция была проведена успешно. Разведывательная группа была высажена на берег. Через двое суток разведывательная группа была снята экипажем подводной лодки, несмотря на свежую погоду. Однако конечная цель операции не была достигнута, так как разведчикам не удалось захватить «языка»¹⁰.

Операция подводной лодки «М-77» с 17 по 24 ноября 1943 г.

Район боевых действий – северо-западная часть Ладожского озера, на подходах Лахденпохья и Сортавала. В этом районе, как и вообще к северу от островов Валаамского архипелага, подводные лодки действовали впервые.

Задачи:

- выявить систему дозора и режим движения судов и кораблей противника на коммуникациях Лахденпохья – Сортавала, Лахденпохья – Питкяранта;

- при встрече с транспортом или крупными буксирами противника атаковать их торпедами и захватить пленного; при встрече с катером, шлюпкой – утопить их и взять пленного;

– при благоприятной обстановке и наличии объекта для атаки – войти в Якимварский залив и атаковать противника торпедами.

Операция проходила в условиях свежей погоды, доходившей до штормовой. Основная задача установить систему дозора и режим движения на коммуникациях Лахденпохья – Сортавала, Лахденпохья – Питкяранта судов и кораблей противника экипажем подводной лодки была выполнена.

Задача по захвату пленного оказалась невыполнимой из-за отсутствия объекта атаки, поскольку вражеские корабли и суда в плохую погоду оставались в местах дислокации.

Вместе с тем, основная задача, несмотря на суровые погодные условия, была выполнена¹¹.

Операция подводной лодки «М-79» с 17 по 24 ноября 1943 г.

Район боевых действий – Андрусова губа, Видлица.

Задачи операции:

– высадить разведывательную группу в районе озера Линдоя для захвата «языка» и минирования железнодорожного пути;

– провести разведку с целью установления режима плавания на коммуникациях противника, системы дозора, береговой обороны и гидрографического обеспечения противника в районе боевых действий.

Операция проходила в условиях штормовой погоды. Несмотря на это, высадка разведывательной группы на берег, захваченный противником в ночь с 19 на 20 ноября 1943 г., была проведена успешно. Однако основной цели (захвата пленного) операция не достигла. По невыясненным причинам разведывательная группа не возвратилась¹².

Операция подводной лодки «М-79» с 26 ноября по 1 декабря 1943 г.

Являлась заключительной операцией подводных лодок на Ладожском озере в навигацию 1943 г.

Задача операции:

– снятие разведывательной группы с берега в районе Видлица – устье реки Тулокса, высаженной в ночь с 19 на 20 ноября 1943 г.;
– проведение разведки в районе проведения операции.

Экипаж подводной лодки свою задачу выполнил, был проведен поиск разведывательной группы с 26 ноября по 1 декабря 1943 г., но разведчики обнаружены не были. Таким образом, цель операции не была достигнута. Вместе с тем, при выполнении главной задачи была проведена разведка, позволившая получить ценные

сведения, уточнившие ранее имевшиеся в штабе Ладужской военной флотилии данные о районе Видлица – Тулокса¹³.

Всего в 1943 г. подводными лодками «М-77» и «М-79» было совершено 12 боевых походов: подводной лодкой «М-77» – 7, а «М-79» – 5. Успешная боевая деятельность данных субмарин свидетельствовала об их эффективности и возможности активного участия в боевых действиях в озерных условиях.

В 1944 г. командующим Ладужской военной флотилией контр-адмиралом В. С. Чероковым командиру подводной лодки «М-77» капитан-лейтенанту М. И. Татарину была поставлена задача «производить периодическую разведку на подходах к базам и коммуникациях противника по особым заданиям»¹⁴. Подводная лодка «М-79» ввиду сильной изношенности механизмов и агрегатов участия в боевых действиях не принимала. Исходя из директивы командующего Ладужской военной флотилией, подводная лодка «М-77» в 1944 г. продолжила свою разведывательную деятельность на Ладужском озере по особым заданиям. За этот период она участвовала в операциях 5.07 – 6.07.1944 г.; 7.07 – 8.07.1944 г.; 17.07 – 20.07.1944 г.; 23.07 – 26.07.1944 г.; 2.08 – 9.08.1944 г.¹⁵

Так, при подготовке десантной операции на острова Лункулансаари и Мантсинсаари подводная лодка «М-77» дважды направлялась для разведки побережья этих островов.

В результате разведки было установлено:

1. Остров Мантсинсаари:

– на берегу залива Руоколаhti установлено проволочное заграждение в два ряда;

– на южном берегу залива Ш=61°17'6", Д=31°37'1" – наблюдательная вышка.

2. Остров Лункулансаари:

– наблюдательная вышка (наблюдателя не замечено).

3. Крестовые острова:

– в координатах Ш=61°24'2", Д=31°16'2" – одно артиллерийское орудие, предположительно калибра 76 мм.

4. Юго-западное побережье острова Валаам:

– трехорудийная артиллерийская батарея береговой обороны, предположительно калибра 130 мм¹⁶.

Полное снятие блокады Ленинграда в январе 1944 г., необходимость проведения боевых операций, в том числе десантных, на побережье Ладужского озера, с целью полного освобождения советской территории от немецко-фашистских и финских захватчиков,

а также успешная разведывательная деятельность в 1943–1944 гг. подводных лодок «М-77» и «М-79» мотивировали Военный совет Ленинградского фронта и командование Краснознаменного Балтийского флота на дальнейшее использование подводных лодок в акватории Ладожского озера. Их выбор пришелся на субмарины «М-90» (командир – капитан-лейтенант Ю. С. Руссин), «М-96» (командир – капитан-лейтенант Н. И. Карташов), «М-102» (командир – капитан-лейтенант Н. С. Лесковой).

18 июня 1944 г. данные подводные лодки по Неве прибыли на Ладожское озеро. На 24 июня 1944 г. планировалась Тулоксинская десантная операция, в обеспечении которой они приняли активное участие. 20 июня 1944 г. подводная лодка «М-90» первой начала выполнять задачу по выявлению и вскрытию противодесантной обороны противника. При этом капитан-лейтенанту Ю. С. Руссину удалось полностью определить все ее элементы. 21 июня 1944 г. подводная лодка «М-90», выполнив боевую задачу, вернулась в Новую Ладогу¹⁷. После доклада о результатах разведки командир подводной лодки «М-90» был представлен командиру 70-й отдельной морской стрелковой бригады подполковнику А. В. Блаку – командиру десанта. А. В. Блака интересовало все, даже самые, на первый взгляд, безобидные мелочи.

Разведывательный поход подводной лодки «М-90» был предтечей Тулоксинской десантной операции, которая, в свою очередь, являлась составной частью Свирско-Петрозаводской наступательной операции советских войск левого крыла Карельского фронта, а также Ладожской и Онежской военных флотилий против финских войск в южной Карелии в ходе Великой Отечественной войны и частью Выборгско-Петрозаводской стратегической наступательной операции.

23 июня 1944 г. в 4 ч 20 мин подводная лодка «М-96», а в 5 ч 35 мин подводная лодка «М-102» вышли из Новой Ладоги на заранее определенные позиции для прикрытия высадки десанта¹⁸. Десантная операция была проведена успешно и с минимальными потерями, чему способствовала боевая деятельность экипажей подводных лодок. После этого экипажи подводных лодок «М-77», «М-90», «М-96», «М-102» начали заниматься плановой боевой подготовкой.

20 июля 1944 г. по пути, проложенному по Неве подводными лодками «М-90», «М-96», «М-102» 5-го дивизиона подводных

лодок, из Ленинграда в бухту Морье прибыли подводные лодки «Щ-307» (командир – капитан-лейтенант М. С. Калинин), «Щ-309» (командир – капитан-лейтенант Н. А. Филлов) и «Щ-310» (командир – капитан-лейтенант С. Н. Богорад) 3-го дивизиона подводных лодок КБФ¹⁹, также с целью боевой подготовки²⁰.

Таким образом, в ходе боевых действий в 1943–1944 гг. подводные лодки «М-77», «М-79», «М-90», «М-96», «М-102» внесли весомый вклад в освобождение Карелии от немецко-фашистских и финских захватчиков. За отличное выполнение заданий командования Ладожской военной флотилии командир подводной лодки «М-77» капитан-лейтенант И. М. Татаринцов был награжден орденом Отечественной войны II степени. Успешная боевая деятельность подводных лодок типа «М» продемонстрировала возможность осуществлять мероприятия боевой подготовки субмарин не только малого, но и среднего класса типа «Щ».

¹ Ладожская военная флотилия [Электронный ресурс] https://ru.wikipedia.org/wiki/Ладожская_военная_флотилия (дата обращения 25.07.2024).

² Ладожская военная флотилия - Википедия [Электронный ресурс] https://ru.wikipedia.org/wiki/Ладожская_военная_флотилия (дата обращения 25.07.2024).

³ Федулов С. В., Филипповых Д. Н., Половинкин В. Н. Подводные лодки на Ладожском озере (1943–1944): научная монография. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2025. С. 9–10.

⁴ Руссин Ю. С. Всю войну на «малютках». М.: Воениздат, 1988. С. 134.

⁵ Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ). Ф. 505. Оп. 10. Д. 6. Л. 128.

⁶ Там же. Л. 221.

⁷ Там же. Л. 222.

⁸ Там же. Л. 223.

⁹ Там же. Л. 223–224.

¹⁰ Там же. Л. 224.

¹¹ Там же. Л. 225.

¹² Там же. Л. 225–226.

¹³ Там же. Л. 226.

¹⁴ Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ). Ф. 505. Оп. 017890. Д. 15. Л. 1 об.

¹⁵ Платонов А. В. Энциклопедия советских подводных лодок. 1941–1945 СПб.: ООО «Издательство "Полигон"», 2004. С. 295.

¹⁶ Филиал ЦА МО РФ (архив ВМФ). Ф. 505. Оп. 10. Д. 123. Л. 73.

¹⁷ Там же. Оп. 6. Д. 4. Л. 6 об.

¹⁸ Там же. Д. 2. Л. 8 об.

¹⁹ Руссин Ю. С. Всю войну на «малютках». М.: Воениздат, 1988. С. 175.

²⁰ Филиал ЦА МО РФ (архив ВМФ). Ф. 505. Оп. 6. Д. 4. Л. 20 об.

А. Р. Хуснулин (Москва)

ВОЕННАЯ ПРОДУКЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПРОМКООПЕРАЦИИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ (1930 – 1940-е гг.)

2025-й год – год 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Потомки победителей встречают эту годовщину накопленным багажом знаний, касающихся как хода непосредственных боевых действий, так и работы тыла для нужд действующей армии.

Настоящая работа посвящена советской промысловой кооперации, ее вкладу в дело выпуска военной продукции для нужд обороны страны. Как известно из совокупности имеющейся научной литературы, промкооперация выпускала целый спектр изделий военного назначения для действующей армии в годы Великой Отечественной войны¹. Однако из обнаруженных нами архивных документов следует, что кооперативная промышленность приступила к работе на военного потребителя еще в довоенный период, что обосновывает указание нами именно приведенных в названии к настоящей работе датировок, а также повышает интерес к уже не раз привлекавшему внимание исследователей вопросу.

Отдавая себе отчет в том, что само по себе понятие «военная продукция» весьма широко, уточним, что под военной продукцией мы понимаем в узком смысле продукцию, «специально предназнач. [енную] для использования в вооруж. [енных] силах (вооружение, воен. техника, снаряжение и т.д.); в широком экон. [омическом] смысле – любые товары и услуги, используемые для удовлетворения воен. потребностей об[щест]-ва», – как указано в Военном энциклопедическом словаре². «По функц. [иональной] роли, – конкретизируют составители словаря, – различают: конечную П. в. (продукцию военную. – А. Х.), к[ото]-рая

непосредственно поступает в ВС и потребляется ими; средства произ[водст]-ва, используемые для создания конечной П. в. на всех его стадиях; предметы потребления работников, занятых в экономике военной»³. Таким образом, применительно к промкооперации военной продукцией являются, в первую очередь, производимые артелями вооружения и составные части вооружений, обмундирование и снаряжение, а из сферы услуг – ремонт обмундирования и снаряжения.

Предполагаемый названием настоящей статьи масштаб исследования достоин серии отдельных работ, поэтому здесь мы ставим цель сделать своего рода обзор труда промкооперации на военного потребителя по части выпуска военных товаров в ходе предвоенных мобилизационных приготовлений и непосредственно Великой Отечественной войны. Частью упоминаемые далее сведения уже вовлекались предыдущими исследователями в оборот, частью будут приведены впервые. Данная тема имеет большой исследовательский потенциал в связи с насущными международными событиями, поскольку разгорающиеся конфликты вокруг России вновь ставят на повестку дня вопросы о мобилизационной готовности российской промышленности и всего народного хозяйства к ведению полномасштабных боевых действий, и опыт работы советских промысловых артелей в интересах обороны страны применительно к этому вопросу приобретает крайнюю актуальность: вооружения, производимые предприятиями малого и среднего бизнеса, аналогичного по выполняемым задачам советской промкооперации, в формате ассимиляции с государственной промышленностью или даже кустарно, несмотря на явно несопоставимый масштаб их выпуска в сравнении с гигантами военно-промышленного комплекса, в условиях современных технологических новшеств могут позволить серьезно насытить действующую армию тем, что на просторах сети Интернет называют «изделиями из расходников»⁴; в свою очередь, высвободившиеся вследствие этого промышленные мощности предприятия ВПК смогут пустить на технологически более сложную продукцию, которая непременно потребуется при развитии наступления армии в глубину оперативных построений противника. В перспективе это позволит провести новые ретроспективные исследования, посвященные военно-промышленному и военно-техническому потенциалу секторов и отраслей промышленности,

не связанных напрямую с тяжелой промышленностью в целом и военной промышленностью в частности.

Для достижения упомянутой в прошлом абзаце цели потребуются провести несколько этапов в работе: во-первых, определить, на чем специализировалась промкооперация в деле удовлетворения потребностей военного ведомства; во-вторых, сделать из полученного списка военных товаров своего рода выборку, обоснованную военно-теоретической литературой и историографией, для обзора конкретных товаров и их применения на практике; наконец, в-третьих, по итогам проведенного обзора сделать вывод относительно специфики военно-промышленной работы промкооперации за интересующий нас период.

***

Как известно, в довоенный период советская промышленная кооперация функционировала в рамках трех ведомств: Всекопромсовета, ведавшего работой кооперативной промышленности по всему СССР; Всекопромлессоюза, структурно существовавшего отдельно от Всекопромсовета и отвечавшего за работу артелей, специализировавшихся по лесной и лесохимической промышленности; и Всекопромметаллсоюза, подчинявшегося Всекопромсовету и занимавшемуся промышленностью металлической отрасли. В нашем случае считаем необходимым заострить внимание на лесопромысловой кооперации – ее специализация позволяла военным рассматривать данную организацию как потенциального поставщика ряда весьма неожиданных изделий военного назначения.

В частности, в отчете о выполнении текущих военных заказов за 1938 г. мы находим данные о выпуске по договоренности с Управлением связи РККА трех продуктов для военно-голубиной связи: деревянных кормушек, ящиков для минерального корма и корзин постовых в количестве 300 шт., 600 шт. и 900 шт. соответственно⁵. В 1930-е гг. советским военным руководством голубиная почта рассматривалась как вспомогательное средство связи, применение которого может оказаться уместным в случае возникновения проблем с иными источниками. Впрочем, уже практика конфликтов рубежа 1930–1940-х гг., таких как Освободительный поход РККА в Западной Белоруссии и Западной Украине, бои на Дальнем

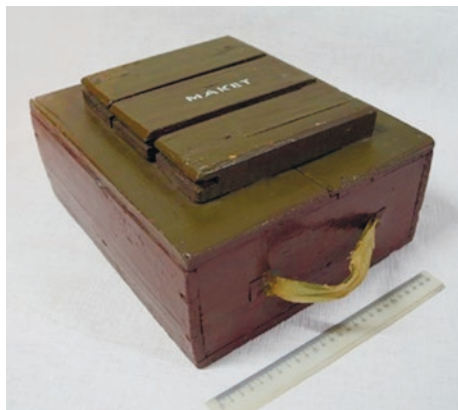
Ил. 1. Станция полевой голубиной почты, замаскированная под мельницу

Востоке и Советско-финляндская война, поставила под сомнение целесообразность и эффективность использования голубиной почты в военных целях; тем не менее, в годы Великой Отечественной войны данных птиц с той или иной степенью успешности применяли в интересах разведки для передачи депеш, причем с закреплением успехов Красной армии к 1944 г. эффективность применения голубиной почты возросла: только за первые 6,5 месяцев с помощью голубей было доставлено свыше 4 тыс. депеш⁶. В определенной степени Красная армия данным достижением обязана и промкооперации – некоторые из «служивых» пернатых питались в кормушках и ящиках для минерального корма, а также перемещались и укрывались в корзинах, произведенных именно артелями Всекопромлессоюза (ил. 1).

(Впоследствии, с началом Великой Отечественной войны, леспромкооперация СССР ожидаемо включилась в обеспечение фронта всем необходимым ему спектром товаров и изделий, оказывая посильную помощь действующим войскам в деле разгрома немецко-фашистских оккупантов; в частности, Городской мебельно-древесный промсоюз г. Москвы, имея на

конец 1941 г. в своем составе 27 артелей⁷, провел существенную реконструкцию наиболее производительных и приспособленных для нужд военно-промышленного производства предприятий, таких как артели: «Деревянные шкивы», переклотившаяся на производство деталей СБ-6⁸ и выпускавшая их по 1944 г.; «Красный мебельщик», производившая те же СБ-6 по 1943 г., а с 1943-го г. – детали к гранатам РПГ-43; «Модуль», в рамках которой с началом боевых действий был оборудован специальный цех для удовлетворения нужд авиационной промышленности, а также были реконструированы мебельные цеха для производства СБ-6 и ручек для пехотных и саперных лопат; «Ростокинская», перестроенная в 1941 г. на производство деталей СБ-6, а также ручек для лопат, ящичных мин ЯМ-5, изготовлявшихся из толстой фанеры, ящиков для ветеринарного имущества и спецукупорки; и «Коопдревпром», производившая те же детали СБ-6, ручки для лопат, ящики сануправления и ветеринарного имущества⁹. Примечательно, что некоторые наиболее производительные предприятия леспромкооперации в условиях войны в приказном порядке передавались в государственную промышленность: такой сценарий был реализован в 1942 г. применительно к артелям «Гнутая мебель», «Коопящик», «Коопдревпром», а также вышеупомянутым «Модуль» и «Ростокинская» – все они были переданы со всем имевшимся оборудованием в наркомат местной промышленности; кроме того, артель «Стружка» с модельными цехами была передана Наркомату Электростанций, а машинно-столярные цеха артели «Московский мебельщик» – наркомату боеприпасов¹⁰.

Ниже будет уместно привести наглядную таблицу (см. Таблицу 1) с отношением валового продукта к спецпродукции, выпускавшейся артелями московской леспромкооперации в годы войны. Помимо данных специзделий, артели в ходе войны выполняли множество иных военных заказов в интересах тех или иных управлений, штабов и воинских частей: в период Битвы за Москву для оборонительных рубежей делались лопаты, пожарным командам – лестницы, для газо-бомбоубежищ – вентиляторы, для лыжников – лыжные крепления и т. п.; в 1942 г. выпускались деревянные валики для телефонных катушек и пехотные лопаты для НКО; днища к лодкам, доски к мехам, катушки деревянные к мешкам

Ил. 2. Мина противотанковая деревянная ТМД-Б (1942). Макет

для поставки заводу «Каучук»; подвесные доски и стабилизаторы для производства бензобаков беспарашютного сбрасывания, фильтро-вентиляционные установки для средств химзащиты, ручки для молотков и напильников Главному управлению Связи Красной армии, весла Наркомрезинпрому и стружка Медико-санитарному управлению; отдель-

ный заказ поступил от Штаба Западного фронта в IV кв. 1942 г. – на лопаты для очистки снега, а от НКО – на полужесткие крепления для лыж; в 1943 г. артели занимались ремонтом ХБ-обмундирования и зимней одежды; в 1944 г. делали клеванты¹¹, костыльки, вкладыши в порядке кооперации с Мосгоркожсоюзом Управления промкооперации г. Москвы, а для Главвоенторга – ящики для коммутаторов, мундштуки и зеркала. Отдельным списком в отчетном документе на июль 1944 г. указаны такие изделия, освоенные лесодревесными артелями столицы, как ложа к ППШ, упомянутая выше мина ЯМ-5, а также противотанковая противогусеничная мина ТМД-Б (ил. 2), делавшаяся из дощатого ящика, противопехотная мина с деревянным корпусом ПМД-6 и разного рода спецукупорка. За трудовые заслуги в деле обороны Москвы было награждено 179 работников артелей разных специальностей; за освоение лож к ППШ председатель артели «Деревянные шкивы» И. П. Сумкин и начальник цеха А. А. Горбунчикова были награждены медалями «За трудовую доблесть». Отдельного внимания в документе удостоился главный инженер той же артели И. Ф. Кочуев, с 1942 по 1944 г. сделавший 23 рационализаторских предложения, каждое из которых позволило так или иначе снизить финансовые затраты предприятия¹².

Таблица 1

**Динамика выпуска военной продукции
артелями Мосгормебдревсоюза в соотношении
с валовым продуктом (в тыс.руб.)**

Показатели	½ 1941 г.	1942 г.	1943 г.	½ 1944 г.
Валовой продукт	48144,8	59490,1	81002,8	41203,7
Спецпродукция	8723,9	16411,4	16824,8	7479,5

Источник: ЦГАМ. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 11. Л. 102.

Как известно, 1943 г. в историю Великой Отечественной войны вписан ключевыми успехами Красной армии на полях сражений, которые в научной литературе принято называть «коренным переломом»; помимо этого, в меньших масштабах, – как год, в который солдаты и командиры Красной армии изменили внешний вид благодаря возвращению в вооруженные силы погон. В годовщину такого восстановления ценный и по научной, и по источниковой значимости материал разместил А. П. Хрулев в соавторстве с полковником И. Свистуном на страницах «Военно-исторического журнала». Там он упомянул, что решение о переходе с петлиц на погоны в военной форме, принятое высшим руководством СССР еще в октябре 1942 г., претворялось в жизнь фактически силами артелей подмосковной промкооперации – для шитья погон из цельнотканого галуна требовались жаккардовые станки, которые были обнаружены в количестве двух штук в с. Непеино, в артели «Им. 8-го марта», недалеко от подмосковного г. Дмитрова, где, к слову, в дореволюционное время был один из центров производства различных галунов¹³. В короткие сроки Огуднинская артель Московской области наладила производство волоки огневого золочения и изготовление из нее галунов на жаккардовых станках, в то время как производство галунов для офицерских погон наладила на кареточных станках Московская лентоткацкая фабрика галантерейной промышленности¹⁴. Так в отечественные вооруженные силы вернулся традиционный облик русской армии, а командный и начальствующий состав стал офицерским.

При подготовке данной статьи в процессе работы с документальными источниками мы обнаружили в фондах ГАРФ отчет Управления промкооперации (далее – УПК) при Совнарком

РСФСР от 6 апреля 1943 г. относительно выполнения распоряжения СНК СССР от 12 ноября 1942 г. по знакам различия для Красной армии. В нем значится, что на 1 апреля 1943 г. промкооперация в приоритетном порядке выпустила погоны для среднего и младшего начсостава, а также петлицы: при плане на выпуск 1765 тыс. пар погон начсостава, 3020 тыс. пар погон младшего начсостава и 3500 тыс. пар петлиц на отчетную дату было выпущено 1976,6 тыс. пар, 3233,5 тыс. пар и 4051,2 тыс. пар соответственно, а сдано непосредственному потребителю – 1837,3 тыс. пар, 2297,8 тыс. пар и 2880,7 тыс. пар¹⁵. Несколько позднее, 17 февраля 1943 г., Совнарком СССР поручил Управлению промкооперации выпуск тех же элементов фурнитуры, что и для армии, но для НКВД СССР и советской милиции. На 1 апреля кооператоры отчитались о выпуске 129,9 тыс. пар погон для начсостава при плане в 380 тыс. пар, а сдали, согласно документам, 117,7 тыс. пар; помимо самих погон, артели выпустили галуны металлические жаккардовые генеральские (187,1 м выпущено и сдано при плане в 230 м) и аналогичные для старшего начсостава (1413,3 м выпущено и сдано, план – 700 м), а также галуны гладкие металлические посеребренные (27,5 тыс. м выпущено, 25,2 тыс. м сдано и 56 тыс. м составлял план)¹⁶. Всего за первое полугодие 1943 г. промкооперация выпустила: 2516 тыс. пар погон начсостава при плане в 2097 тыс. пар, 2520,3 тыс. пар погон младшего начсостава при плане 1550 тыс. пар, наконец, погон рядовых 532,7 тыс. пар с планом в 727 тыс. пар¹⁷.

Коль скоро речь зашла о погонах и элементах обмундирования в целом, будет уместно привести и такой факт: в январе 1944 г. УПК при СНК РСФСР отчиталось о выполнении распоряжения Совнаркома Союза о поставке знаков различия для начсостава Монгольской народно-революционной республики. Несмотря на то, что данная фурнитура не касалась непосредственно фронта, каждому интересующемуся историей Великой Отечественной войны известно, какой вклад внесла Монголия в дело оказания помощи Красной армии в годы войны: речь идет о поставках видов одежды и обуви, таких как полуботки, телогрейки, сапоги, валенки¹⁸, а также такого вида транспорта, как монгольские лошади¹⁹. В этой связи любопытно, что кооператоры по велению руководства СССР должны были, если так можно выразиться, «вернуть должок» монгольскому народу. Артели отчитались о выпуске пяти пар эполетов маршала при плане в столько

же; пяти пар нарукавных знаков для маршала, 99 пар нарукавных знаков для генералов при плане в 88 пар; шитья на воротники мундиров маршала и генералов строевой и нестроевой службы в 5 и 99 пар при планах в 5 и 88 соответственно; кроме того, артельщики отчитались о выполнении плана производства 17 284 пар погон среднего и старшего начсостава, 11 856 пар (выпущено 8930) нарукавных знаков на мундиры старшего и среднего начсостава, 11 856 пар (выпущено 8740) петлиц на воротники мундиров старшего и среднего начсостава, 1920 пар петлиц шинельных (выпущено 2530), 11 856 пар звезд нарукавных старшего и среднего начсостава (выпущено 10 864)²⁰. Вероятно, на приводимых здесь фотографиях военнослужащих Монгольской народно-революционной армии и маршал Хорлогийн Чойбалсан, и прочие командные чины запечатлены в знаках отличия, в частности эполетах и погонах, изготовленных советской промкооперацией с благодарностью за братскую помощь (ил. 3, 4).

Ил. 3. Маршал Хорлогийн Чойбалсан, ориентировочно 1945 г.

Работа артелей промкооперации в интересах фронта, к сожалению, не нашла большого отражения в сколь-либо известных мемуарных источниках; редким и приятным исключением стали воспоминания 1-го секретаря Северо-Осетинского обкома ЦК ВКП(б) Н. П. Мазина, который, приводя факты вклада североосетинской промышленности в дело защиты советского Кавказа, упомянул местные артели промкооперации и кооперации инвалидов, которые, помимо труда в рамках своей непосредственной специализации по профилю товаров ширпотреба, удовлетворяли потребности армии в военной продукции. «Так, только в IV квартале 1942 года, – вспоминает партийный чиновник, – было поставлено воинским частям продукции свыше 50 наименований на сумму 834,8 тысяч рублей, в том числе

Ил. 4. Маршал Чойбалсан с офицерами высшего и среднего звена, ориентировочно 1945 г.

седла казачьи, термоса, обувь и другие»²¹. К примеру, артель «Новая заря» переключилась на ремонт обмундирования военнослужащих Красной армии и в IV квартале 1942 г. отремонтировала изделий на 37 тыс. р., а артель «Коммунар» пошила для воинских частей 1186 шапок-ушанок, 240 меховых жилетов, произвела ремонт обмундирования на 23 тыс. р., и т. д.²² К воспоминаниям Мазина будет уместно прибавить слова другого чиновника, уполномоченного УПК при СНК РСФСР по Башкирской АССР М. Я. Янгирова, который в тот же период решал задачи по оснащению частей советских Вооруженных сил в рамках своего субъекта России. Он вспоминал, как в августе 1941 г. заместитель председателя Совнаркома СССР А. И. Микоян принимал в Кремле уполномоченных УПК при СНК РСФСР по вопросу о задачах текущего момента и основной упор делал на «предстоящий переход армии с летнего на зимнее обмундирование. Наряду с пошивом нового необходимо было организовать починку и ремонт летнего обмундирования. Эта задача возлагалась, в основном, на систему промысловой кооперации»²³.

Особняком Янгиров упомянул в своих мемуарах проводы в марте 1942 г. 112-й Башкирской кавалерийской дивизии под командованием полковника М. М. Шаймуратова. В будущем это подразделение получит за боевые заслуги название 116-й гвардейской Черниговской орденоносной, а сейчас, в мартовские дни 1942 г., руководство республики напутствовало бойцов-кавалеристов, в то время как главный башкирский промкооператор отмечал: «Я, по правде сказать, больше всего придирчиво разглядывал, как одеты бойцы и командиры, сбрую на лошадях, брички. Все это, в основном, было сделано в наших артелях промкооперации. И надо признать, изготовлено на совесть»²⁴.

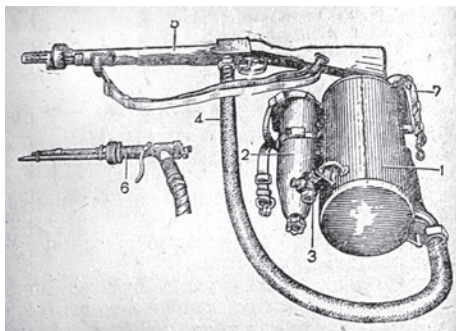
Кстати, коль скоро нами была упомянута кавалерия, мы имеем возможность вернуться к воспоминаниям Н. П. Мазина. Как пишет партийный чиновник, североосетинская промкооперация вместе с коллегами по государственной промышленности организовала по поручению руководства АССР выпуск на своих предприятиях кавалерийского снаряжения, в частности, сабель, шашек и седел, следуя историческим традициям кустарного производства конной сбруи. Непосредственную поддержку предприятиям Северной Осетии оказал С. М. Буденный, в личном разговоре с Мазиным в январе 1942 г. заостривший внимание на важности качественного изготовления кавалерийского снаряжения, поскольку «кавалерия как род войск еще не изжила себя, как думают некоторые, она играет и в настоящей войне немало важную роль, особенно тогда, когда совершает рейды по тылам врага»²⁵. За годы войны предприятия республики, по признанию 1-го секретаря, в том числе и артели промкооперации, выпустили «сотни тысяч» кавалерийских сабель и иного снаряжения; такая старательность не осталась неотмеченной, и в начале 1943 г. на сессии Верховного Совета СССР в Москве Мазин имел возможность встретиться с кавалерийским «лоббистом» Буденным, который признался, что выпущенные в Североосетинской АССР сабли и седла «пользуются большим спросом у кавалеристов, и просил передать благодарность всем, кто был связан своим активным участием с производством этой продукции»²⁶. История Великой Отечественной войны по праву показала, что кавалеристы были грозной силой Красной армии, в обороне выполнявшей труднейшие задачи по рейдам в тылу противника, а в наступлении – бывшей одним из ключевых ударных соединений в составе эшелонов развития прорыва; и пусть в сабельные атаки всадники

ходили редко, сам факт наличия данного оружия и принадлежности к роду войск с богатыми традициями и несравнимой эстетикой придавал особую статью кавалеристам. Не зря, как вспоминал ветеран-кавалерист из 3-го гвардейского кавалерийского корпуса И. А. Якушин, у советской конницы времен Великой Отечественной войны была популярна присказка еще времен Первой мировой войны: «Щеголь – в кавалерии, / Лодырь – в артиллерии, / Пьяница – на флоте, / А дурак – в пехоте»²⁷.

Буквально через пару дней после отчета о выпуске погон и иных знаков различия, 8 апреля 1943 г., УПК при СНК РСФСР отчиталось о выполнении планов по производству и поставкам средств противохимической защиты в I квартале того же года. Спектр данных средств был довольно широк, включая в себя в общей сложности 19 изделий, из которых полными в плане сборки и применения представляются: гражданские противогазы ГП-1, выпускавшиеся артелями «Мосхимкраска» Московского городского, «Хорошевский металлист» Московского областного, «Промкооп» Горьковского областного, «3-я пятилетка» Ярославского областного и «Промкооператор» Ивановского областного управлений промкооперации общим числом в 334,3 тыс. шт. выпущенных, 331,71 тыс. шт. сданных, при плане в 500 тыс. шт.; перчатки из прорезиненной ткани, выпускавшиеся артелями «Кожсоюз» Горьковского областного и «Большевик» Ярославского областного управлений промкооперации общим количеством в 94,55 тыс. пар выработанных и 35 тыс. пар сданных, при плане выпуска в 100 тыс. пар; накидки из армированной бумаги, выпускавшиеся артелями Утильсоюза и Разнопромсоюза Московского областного управления промкооперации количеством в 306,8 тыс. шт. выработанных и 302 тыс. шт. сданных, при плане в 300 тыс. шт.; малые приборы химразведки МПХР артели «Павловский металлист» Горьковского областного управления промкооперации, выпущенные количеством 6,14 тыс. шт. при плане 12 тыс. шт.; наконец, конно-дегазационные повозки КДП-250 артели «Жилпромстрой» Московского городского управления промкооперации, выпущенные в количестве 79 шт. и сданные в 34 шт., при плане в 75 оных²⁸. Будет интересным упомянуть, что по химической отрасли артели промкооперации также выпускали с III квартала 1942 г. пистолеты к ранцевым огнеметам РОКС-3. В 1942 г. московская артель «Кооплаборхирургия» выпустила их 4215 шт. при плане в 4000 шт.²⁹, а за первый квартал

1943 г. отчиталась о выполнении задания по пистолетам только на 50 % против установленного плана (сам план в документе не приводится) по причине отсутствия потребных химических веществ; кроме того, руководство промкооперации отметило, что готовая с прошлого года продукция в количестве 400 шт. по-прежнему лежит на складах той же артели и не вывозится заказчиком³⁰.

Если особой нужды в химическом снаряжении по прямому его назначению бойцы и командиры Красной армии за всю войну, к счастью, не знали, поскольку противник, хоть не раз планировал провести атаки с применением отравляющих веществ, тем не менее, не решился на таковые, то ранцевые огнеметы применялись советскими войсками не единожды. Упомянутый выше огнемет РОКС-3, пистолеты к которому изготавливались в московской артели «Кооплаборхирургия», согласно наставлению по подготовке огнеметчиков рассматривался как оружие ближнего боя и предназначался для подавления укрепленных огневых точек – дотов и дзотов – выжигания их гарнизонов, поражения живой силы, борьбы с танками и бронемашинами противника и поджога строений. Ранцевый огнемет обычно применялся с ружьем, а с пистолетом, согласно наставлению, мог быть использован и для огнеметания из танка и бронемашин через специальные пистолетные отверстия в броне³¹. Несмотря на столь широкий потенциал применения огнемета, злую славу его применение заслужило в руках советских бойцов штурмовых подразделений, сражавшихся с немецко-фашистскими захватчиками в ходе сталинградских городских боев и освобождения Восточной Европы. Как отмечает военный историк, автор специализированной работы по истории советских штурмовых подразделений Великой Отечественной войны Н. И. Никифоров, логическим шагом в деле совершенствования организационно-штатной структуры и боевой подготовки советских штурмовиков стало введение в состав так называемых штурмовых инженерно-саперных бригад (шисбр) отдельных батальонов ранцевых огнеметов (обро), которые наиболее эффективно действовали в связке с саперами-штурмовиками, атакуя небольшими группами. Пока автоматчики подавляли противника очередями из пистолетов-пулеметов, роксисты – так называли огнеметчиков, вооруженных РОКС-3 – подползали к доту или иному укреплению противника и производили огнеметание; в этот момент, пока противник ошеломлен огнеметанием и не находит возможности отреагировать на атаку советских штурмовиков,

Ил. 5. Ранцевый огнемет РОКС-3 с ружьем и пистолетом к нему: 1 – резервуар, 2 – баллончик для сжатого воздуха, 3 – редуктор, 4 – шланг, 5 – ружье, 6 – пистолет, 7 – снаряжение для переноски. Источник: Александров Л. А. Ранцевый огнемет РОКС-3. Пособие для подготовки огнеметчиков. М.: Воениздат, 1943. С. 6

саперы-штурмовики подносили и укладывали взрывчатые вещества, после чего под прикрытием остальной части штурмовой группы роксисты и саперы отступали, а последние производили подрыв укрепления вместе со всем содержимым³². Именно так выглядел среднестатистический сценарий взлома укрепленной обороны вермахта на завершающем этапе войны, когда противник принципиально перешел к тактике так называемых «фестунгов» (ил. 5).

Наконец, обратимся к самым интересным сведениям, касающимся выпуска промкооперацией боеприпасов, гранат, мин и иных средств поражения противника. Практически с самого начала войны наркоматы обороны, Военно-морского флота и внутренних дел кратно увеличили в количественном отношении спецзадания по военной продукции предприятиям кооперативной промышленности, а также расширили спектр требуемых вооружений. Еще в довоенный период промкооперация получала текущие военные задания на выпуск как полным потоком, так и в порядке кооперации с государственной промышленностью, например, гранат РГД-33, авиационных бомб АО-2,5, а также 45-мм и 76-мм артиллерийских снарядов³³. С ходом боевых действий масштаб военных производств становился шире, а сами производства усложнялись. Так, в отчете за 1943 г. промкооператоры упомянули факт освоения рядом артелей авиационных противотанковых бомб ПТАБ-1,5, фугасных авиабомб ФАБ-500, снарядов 57-мм, мин 120-мм, ручных противотанковых гранат РПГ-43, партизанских мин и других изделий. Вот как, в частности, выглядит статистика по выпуску упомянутых противотанковых бомб ПТАБ за вторую половину 1943 г.:

Таблица 2

**Выпуск артелями промкооперации бомб ПТАБ-1,5
III и IV кварталы 1943 г. (в тыс.шт.)**

Артель	План	Фактич. выполнение	% выполнения
Радио-фронт	530,0	383,62	72,4
Металлопром	450,0	431,91	95,9
8-й Мехзавод	350,0	353,96	101,1
Спартак	560,0	437,98	78,2
Завод № 11	255,0	279,5	109,6
Завод № 10	280,0	191,2	68,3

Источник: ГАРФ. Ф. А396. Оп. 2. Д. 46. Л. 238.

В том же отчете упоминается, что ряд артелей стал осваивать более сложное производство ПТАБ-1,5 (ил. 6) вместо РПГ-40, а также модернизированных гранат РПГ-43. Вдвойне любопытно отметить, что производство гранат, по признанию самих чиновников промкооперации, велось «в основном из металлоотходов, путем использования консервных банок, отходов собственного производства и отходов, отбираемых на заводах госпромышленности»³⁴. Тем не менее, здесь же они признаются, что причиной срыва ряда заказов и ключевым недостатком в производстве гранат «было несвоевременное обеспечение материалами, благодаря чему работа проходила неритмично, в основном заканчивалась за последние 10–15 дней – штурмовщиной»³⁵. Приведем далее красноречивое свидетельство участника войны об опыте применения упомянутых ранее кумулятивных авиабомб. Вот как вспоминает о боевых вылетах с ПТАБ-1,5 Г. Г. Черкашин, ветеран штурмовой авиации: «По танкам самое эффективное – ПТАБ, конечно. Это штука зверская! Несешь их по 128 штук в люках, и вот представь, обнаружена, к примеру, колонна в 10 танков, и шестерка штурмовиков на эту колонну вдоль дороги заходит. Первый идет – последовательно свои четыре люка разгружает, второй, третий, четвертый... пройдет шестерка – смотришь – два-три танка горят, вот тебе и успешный вылет»³⁶. В идентичных тонах вспоминает опыт применения ПТАБ против танков врага Н. Н. Кирток: «Как-то я писал, как выбрал себе «тигр». Мне загрузили ПТАБы,

Ил. 6. Бомба авиационная ПТАБ-1,5 учебная

двести штук. Я на него сбросил половину. И какая-то одна попала – он загорелся. ПТАБ пробивает любую броню. На втором заходе я увидел, что танк горит»³⁷. Схожими по простоте производственного процесса были осколочные бомбы АО-2,5, также выпускавшиеся в артелях промкооперации со второй половины 1930-х гг. до конца Великой Отечественной войны.

Под конец приведем еще несколько красноречивых цифр: за 1 квартал 1945 г., под самый конец войны, артель «Коопутиловец» Москвы выпустила 42,32 тыс. снарядов 57-мм при плане 51 тыс., артель «Ткацкая деталь» Ивановской области – 21,7 тыс. шт. 45-мм снарядов при плане 25 тыс.; ленинградская артель «Металлист» в связке с кыштымским заводом № 15 – 48,97 тыс. 120-мм мин при плане в 51 тыс.; артель «Автоштамп» Москвы выпустила 105 тыс. шт. гранат РПГ-43 с рукоятью при плане 135 тыс. шт.³⁸ Данные цифры, с одной стороны, демонстрируют наличие не очень высокой производительности артелей по причине невыполнения ими ни одного из перечисленных заказов, но с другой – показывают, что и в промыслово-кооперативных артелях, специализирующихся, в первую очередь, на выпуске товаров ширпотреба самого разного профиля, может быть организовано поточное производство полноценных вооружений, что позволяло брать кооперативы на усиление государственной военной промышленности.

***

Факт внесения советским тылом в виде сельского хозяйства и промышленности в дело достижения победы над немецко-фашистскими захватчиками справедливо констатировался

и продолжает констатироваться на страницах научных и научно-популярных изданий. С ходом вовлечения в оборот новых источников архивного происхождения и ученая среда, и обыватели получают все больше сведений о труде на военного потребителя такого, на первый взгляд, малозаметного, не отличающегося высокой производительностью труда сектора советской промышленности, как кооперативный.

В годы Великой Отечественной войны промысловая кооперация, с одной стороны, продолжала работу по удовлетворению потребностей населения в товарах широкого потребления, — безусловно, в тех масштабах, в которых это представлялось возможным в актуальных на тот момент условиях, — а с другой, активно включилась в выполнение военных заказов для нужд фронта. Источники архивного происхождения свидетельствуют, что промкооперация самых различных специальностей и направлений деятельности и до начала боевых действий выполняла текущие военные заказы в целях поддержания мобилизационных запасов и апробации новых вооружений на своих производствах; однако начало войны предъявило куда более широкие и суровые требования как к количеству, так и к качеству военной продукции. Артели же, будучи постоянно ограниченными в своих возможностях по причине задержек с поставками централизованного сырья, а также регулярно практиковавшихся переводов промыслово-кооперативных товариществ в государственную промышленность, не всегда справлялись с устанавливаемыми задачами.

Промкооперация выполняла военные заказы для нужд практически всех ключевых центральных управлений Наркомата обороны, а также смежных ведомств, выпуская инженерное снаряжение и вооружения, занимаясь пошивом одежды и обуви, а также ремонтом того и другого, наконец, осваивая элементы артиллерийских и стрелковых вооружений, такие как гранаты, снаряды, мины, авиационные бомбы и т. д., подчас артельщикам доводилось выпускать и холодное оружие; особенно считаем необходимым выделить факт своего рода первенства артелей промкооперации в деле перехода Красной армии, Флота и внутренней службы на новые элементы обмундирования и знаки отличия — погоны. В вопросах выполнения правительственных заданий артельщики ввиду объективных проблем стояли перед необходимостью проявлять инициативу и изобретательность,

что не раз вызывало искреннее восхищение как у кооперативного начальства, так и у руководства страны. Тем не менее, ввиду не всегда зависящих от самих кооператоров причин, в первую очередь – невысокой материально-технической оснащенности промыслово-кооперативных товариществ, они не могли соперничать в объемах производства с государственной промышленностью, представленной крупнейшими флагманами советской индустрии; куда лучше артелям давалась работа с конкретным заказчиком в виде отдельных воинских частей и подразделений, которому они могли оказать посильную услугу по ремонту одежды и обуви, пошиву нового обмундирования и снаряжения. В имевшейся на тот момент политической, экономической и идеологической системе координат освоение артелями принципиально новых масштабов оружейного производства, сопоставимого с государственным, было невозможно. Впрочем, трудовые достижения рядовых кооператоров не становятся от этого менее достойными уважения, признания и памяти потомков поколения победителей. Они внесли свою лепту в общее дело – дело спасения родной земли от врага.

В работе промыслово-кооперативных артелей на оборону страны можно усмотреть яркий пример и урок для нашего времени – принципиально новый уровень производств, выражаемый внедрением автоматизированных систем и аддитивных технологий, позволяет рассматривать предприятия малого и среднего предпринимательства как потенциальную основу выполнения заказов и заданий военного ведомства в целом и отдельных воинских частей в частности по выпуску «военного ширпотреба», что позволит вывести то, что в средствах массовой информации получило название «народный ВПК», на принципиально новый уровень. Помимо этого, военноориентированные кооперативы современности могут стать надежным пристанищем для инвалидов и тяжело раненых военнослужащих, которые не имеют возможности по объективным причинам участвовать в боевых действиях, но смогут помочь братьям по оружию в производственных цехах, ремонтных блоках и швейных мастерских. Жажда помощи товарищам будет лучшей гарантией качества выпускаемых ими изделий; победы, достигнутые оружием, сделанным кооператорами, будут лучшей благодарностью за их труд, а гарантированное трудоустройство нуждающихся бойцов с перспективами их социальной и медицинской реабилитации непосредственно в ходе

конфликта станет лучшей инвестицией в высокий боевой дух в армии, а после конфликта – лучшей признательностью Отечества своим защитникам.

---

¹ Гладков И. К. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (В помощь изучающим вопросы экономики в современной войне). Л., 1960; Шигалин Г. И. Народное хозяйство СССР в период Великой Отечественной войны. М.: Соцэкгиз, 1960; Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1985; Пасс А. А. «Другая» экономика: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939–1945 годах. Челябинск, 2002; Хохлов Е. В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005; Бурнашева Н. И. Кооперация в социально-экономическом развитии Якутии (1870–1980-е гг.). М.: Издательство МБА, 2011; Куманев Г. А. Военная экономика СССР – важнейший фактор Великой Победы (1941–1945 гг.). М.: Вече, 2015; Печалова Л. В. Промысловая кооперация и кооперация инвалидов в реализации социально-экономической политики Советского государства (1920–1960 гг.): на материалах Северного Кавказа и Дона: дисс. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2023.

² Продукция военная [Электронный ресурс] / <https://mil.ru/>: [сайт]. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=9430@morfDictionary> (Дата обращения: 01.02.2025).

³ Там же.

⁴ «Тонна расходников – это тонна изделий»: интервью с координатором «Умельцы – Фронту» [Электронный ресурс] / <https://topcor.ru/>: [сайт]. [2025]. URL: <https://topcor.ru/33923-tonna-rashodnikov-jeto-tonna-izdelij-intervju-s-koordinatorom-umelcy-frontu.html> (Дата обращения: 01.02.2025).

⁵ Российский государственный архив экономики (далее: РГАЭ). Ф. 4383. Оп. 24. Д. 14. Л. 5.

⁶ Жарский А. П., Шептура В. Н. Военно-голубиная связь в Красной армии накануне и в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 9–11.

⁷ Центральный государственный архив города Москвы (далее: ЦГАМ). Ф. Р-126. Оп. 1. Д. 4629. Л. 19.

⁸ По-видимому, стальной бронированный радиотелефонный кабель.

⁹ ЦГАМ. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 11. Л. 99.

¹⁰ Там же. Л. 100.

¹¹ Кольца-застежки.

¹² ЦГАМ. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 11. Л. 102–103.

¹³ Свистун И., Хрулев А. К истории введения погон // Военно-исторический журнал. 1963. № 1. С. 115.

¹⁴ Там же. С. 116.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. А396. Оп. 2. Д. 46. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 108.

- ¹⁸ Постановление XXVI сессии Малого Хурала МНР по докладу премьер-министра Х. Чойбалсана «О войне советского народа против германского фашизма и наших задачах» – о приобретении эскадрильи «Монгольский арат» и преподнесении ее в подарок Красной армии, вещевом и продовольственном снабжении 112-й танковой бригады «Революционная Монголия» до конца войны и продолжении сбора подарков для Красной армии. 6 марта 1943 г. // Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946). В 2-х ч. Ч. 2. М.: Граница, 2019. С. 127–128.
- ¹⁹ Из постановления Государственного Комитета Обороны о вывозе монгольских лошадей для Красной армии и народного хозяйства СССР. 19 сентября 1944 г. // Там же. С. 143–144.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. А396. Оп. 2. Д. 46. Л. 201.
- ²¹ Мазин Н. П. У седых берегов Терека. М.: «Правда-Пресс», 2005. С. 197.
- ²² Там же.
- ²³ Янгиров М. Я. Нас воспитала Советская Родина. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1981. С. 103.
- ²⁴ Там же. С. 105.
- ²⁵ Мазин Н. П. У седых берегов Терека. С. 196.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Якушин И. А. Шашки наголо! М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 200.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. А396. Оп. 2. Д. 46. Л. 10–10 об.
- ²⁹ Там же. Д. 29. Л. 30.
- ³⁰ Там же. Д. 46. Л. 7 об.
- ³¹ Александров Л. А. Ранцевый огнемет РОКС-3. Пособие для подготовки огнеметчиков. М.: Воениздат, 1943. С. 5–6.
- ³² Никифоров Н. И. Штурмовые бригады Красной Армии: фронтовой спецназ Сталина. М.: Яуза, Эксмо, 2021. С. 164–166.
- ³³ ГАРФ. Ф. А5448. Оп. 3. Д. 25. Л. 119–119 об.
- ³⁴ Там же. Ф. А396. Оп. 2. Д. 46. Л. 237 об.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Григорий Григорьевич Черкашин (672-й ШАП, летчик, 240 с/в) / Драбкин А. Я дрался на Ил-2. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 222.
- ³⁷ Николай Кирток: я дрался на Ил-2 [Электронный ресурс] / <https://iremember.ru/>; [сайт]. 2000. URL: <https://iremember.ru/memoirs/letchiki-shturmoviki/kirtok-nikolay-naumovich/> (Дата обращения: 01.02.2025).
- ³⁸ ГАРФ. Ф. А396. Оп. 2. Д. 76. Л. 17.

К. В. Черенцова (Санкт-Петербург)

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА № 7 ИМЕНИ М. В. ФРУНЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К середине 1941 г. Ленинградский государственный машиностроительный завод № 7 имени М. В. Фрунзе являлся головным предприятием Народного комиссариата вооружения (НКВ) СССР по производству минометного вооружения и боеприпасов, а также обеспечивал выпуск горной, конно-полковой артиллерии, артиллерии для долговременных фортификационных сооружений укрепленных районов, материальной части к минометам и артиллерийским орудиям¹.

В начале Великой Отечественной войны часть производственных мощностей была эвакуирована: постановлением Государственного Комитета обороны (ГКО) от 11 июля 1941 г. № 99сс (приказ НКВ СССР от 13 июля 1941 г. № 269сс) в г. Омск (на завод имени В. В. Куйбышева Наркомата общего машиностроения и завод им. Коминтерна Наркомата среднего машиностроения) направлялись оборудование для организации производства, чертежи, материалы для развертывания выпуска 45-мм казематных артиллерийских установок (АУ) обр. 1939 г. ДОТ-4 (спаренных с 7,62-мм пулеметом обр. 1939 г. (ДС)), 120-мм полковых минометов обр. 1938 г., 107-мм морских шточных бомбометов БМБ-1, а также 57-мм противотанковых пушек образца 1941 г. ЗИС-2 (постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР от 14 мая 1941 г. № 1335-357сс завод № 7 должен был стать головным по производству этих орудий, однако этому помешала начавшаяся война). По прибытии

в Омск эшелоны были перенаправлены в Красноярск на завод № 586 (постановление ГКО от 19 августа 1941 г. № 512сс, приказ НКВ СССР от 31 августа 1941 г. № 411с). Производство ЗИС-2 и 120-мм полковых минометов было перенесено на это предприятие (постановление ГКО от 13 сентября 1941 г. № 669сс, приказ НКВ СССР от 14 сентября 1941 г. № 450сс)².

В оставшихся в Ленинграде цехах по заданиям Военного совета Северного (затем – Ленинградского) фронта и указаниям Ленинградского городского комитета (ЛГК) ВКП(б) осуществлялось производство ряда деталей для 76,2-мм полковой пушки обр. 1927 г. (в рамках производственной кооперации во главе с Кировским заводом), ремонт артиллерийских систем, 120-мм минометов и крупнокалиберных пулеметов³.

В июле–августе 1941 г. на заводе № 7 проводилась разработка конструкции и отработка 45-мм противотанковой пушки на базе имевшихся в Ленинграде 45-мм танковых орудий 20-К от танка Т-26 (также использовались стволы от ДОТ-4). Орудие (заводской индекс 7-33) получило название «45-мм упрощенная противотанковая пушка на колесном лафете» (официально на вооружение принято не было, конструкция утверждена постановлением Военного совета Северного фронта от 22 августа 1941 г. № 187). 45-мм противотанковые пушки (также именовались «Ленинградки») применялись на Ленинградском фронте до 1944 г.⁴

Еще одним, новым для предприятия направлением деятельности стало освоение серийного выпуска стрелкового вооружения. В 1941 г. было налажено производство 7,62-мм пистолета-пулемета обр. 1940 г. системы Дегтярева (ППД). На заводе были подготовлены конструкторская документация и описание технологического процесса изготовления ППД, которые по запросу Управления начальника артиллерии Ленинградского фронта в начале 1942 г. были направлены для освоения производства ППД в распоряжении 14-й армии Северного фронта (Мурманск)⁵.

12 января 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями рабочих и инженерно-технических работников ленинградских предприятий за успешное выполнение заданий правительства по освоению и производству вооружения и боеприпасов и по строительству оборонительных сооружений вокруг Ленинграда» в числе 607 ленинградцев орденами Ленина, Трудового Красного Знамени,

Красной Звезды, орденом «Знак Почета» были награждены 29 работников машиностроительного завода № 7 имени М. В. Фрунзе. 18 января 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР № 605/126 предприятие было удостоено ордена Трудового Красного Знамени⁶.

В 1942 г. завод № 7 продолжал осуществлять ремонт артиллерийских орудий, выпуск 120-мм минометов (в этот период он являлся головным по их выпуску в Ленинграде), обеспечивал конструкторское сопровождение производства 120-мм и 50-мм минометов обр. 1940 г. на других заводах и фабриках Ленинграда, а также изготавливал зарядные ящики для 76-мм дивизионной пушки обр. 1939 г., каморы для М-13, мины М-28, передки, стволы с затворами, запасные части, инструменты и принадлежность, штоки и колеса для 76-мм полковой пушки обр. 1927 г.⁷.

Кроме этого, специалисты отдела главного конструктора (ОГК) завода № 7 им. М. В. Фрунзе, возглавляемого Н. П. Антоновым, занимались созданием новых образцов артиллерийского вооружения. Одним из основных направлений деятельности предприятия оставалась разработка и производство минометов разных калибров и боеприпасов к ним.

В первой половине 1942 г. были выполнены проекты дальноточных химических мин (ЗИФ-2 и ЗИФ-4 (большой емкости), ЗИФ-9), химических мин (ЗИФ-5, ЗИФ-7, ЗИФ-8 (большой емкости)), осколочно-химической мины (ЗИФ-6). Во второй половине 1942 г. по указанию ЛГК ВКП(б) от 30 июля 1942 г. № 896с на основе запросов и пожеланий с фронта ОГК был подготовлен проект 50-мм миномета (ЗИФ-16). По своим основным данным (в отсутствие утвержденных тактико-технических требований (ТТТ) базовые характеристики изделия были определены самостоятельно) ЗИФ-16 обеспечивал лучшие показатели относительно 50-мм ротного миномета обр. 1938 г., а максимально упрощенная конструкция позволяла наладить его производство в самых простых условиях. Для ЗИФ-16 была разработана 50-мм бронебойная мина кумулятивного действия (ЗИФ-18), которая могла использоваться и для штатного 50-мм ротного миномета обр. 1940 г. К концу 1942 г. на заводе № 7 был выполнен рабочий проект 50-мм автоматического миномета (ЗИФ-15)⁸.

В течение 1942 г. конструкторы ОГК завершили разработку 160-мм дивизионного миномета (заводской индекс 7-26). Его проект был начат в первой половине 1941 г. (по договору

с Управлением минометно-минного вооружения Главного артиллерийского управления Красной армии (УММВ ГАУ КА)) и предусматривал создание крупнокалиберного миномета с высокой маневренностью, минимальным по времени переходом из походного положения в боевое и возможностью вести огонь с необорудованной позиции. Решением ГКО СССР от 24 августа 1941 г. № 571 перед заводом № 7 была поставлена задача форсировать изготовление опытного образца, чтобы с 1 января 1942 г. начать валовое производство. В сентябре 1941 г. технический проект системы был утвержден УММВ ГАУ КА и Техническим советом НКВ СССР. Подготовка рабочих чертежей была почти завершена в октябре 1941 г., затем часть группы их авторов была эвакуирована в г. Молотов, некоторые скончались в первую блокадную зиму. Изготовление опытного образца, начатое в октябре 1941 г., было остановлено из-за авианалетов на цеха завода. Для изделия 7-26 были разработаны 160-мм фугасные мины (ЗИФ-10 и ЗИФ-13), которые отличались только устройством корпуса и типом снаряжения.

К апрелю 1942 г. рабочие чертежи опытного 160-мм миномета были готовы. Решением ЛГК ВКП(б) изготовление батареи из трех опытных образцов изделия 7-26, включая комплект боеприпасов ЗИФ-10, было поручено заводу № 232 («Большевик»). Их испытания были проведены на Артиллерийском научно-исследовательском опытном полигоне (АНИОП) в 1943 г. Однако из-за загрузки завода № 232 заказами Ленинградского фронта освоение серийного производства нового 160-мм дивизионного миномета так и не состоялось⁹.

В 1942 г. продолжился выпуск стрелкового вооружения. В конце марта, в развитие решения ЛГК ВКП(б) о рассредоточении промышленности и создании военно-промышленных баз в Ленинградской области, завод № 7 начал работы по развертыванию своего филиала на базе Волховского алюминиевого комбината, где были налажены выпуск автоматов ППД и ремонт артиллерийских систем (филиал действовал до середины октября 1942 г.)¹⁰.

В сентябре 1942 г., в соответствии с заданием Военного совета Ленинградского фронта и по указанию ЛГК ВКП(б), на заводе № 7 в кооперации с другими заводами Ленинграда было начато освоение производства 7,62-мм ручных пулеметов системы Дегтярева¹¹.

В сентябре–октябре 1942 г. инженеры предприятия занимались усовершенствованием ППД и 7,62-мм пистолета-пулемета обр. 1941 г. системы Шпагина (ППШ). Эти работы были связаны с обращением к члену Военного совета Ленинградского фронта, секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову командира взвода одного из стрелковых полков, воентехника 2-го ранга Г. Г. Ершова, указавшего на важность скорейшей замены дисков ППД и ППШ магазинами для улучшения и расширения возможностей их боевого применения. А. А. Ждановым было дано указание командованию Ленинградского фронта, после чего конструкторам завода была поручена подготовка чертежей такого магазина, изготовление опытных образцов для последующего проведения испытаний, которые завершились в октябре 1942 г.¹²

В течение 1942 г. завод № 7 неоднократно в инициативном порядке направлял для рассмотрения в комиссию по реализации оборонных изобретений ЛГК ВКП(б) предложения по созданию новых образцов оружия. Так, был разработан проект 14,5-мм снайперского бронебойного противотанкового ружья (ПТР) облегченного типа (ПТР ЗИФ-11). К сентябрю 1942 г. были изготовлены три опытных образца (ЗИФ-11А, ЗИФ-11Б и ЗИФ-11, с небольшими конструктивными отличиями), проведены их испытания, по результатам которых изготовлен новый образец. Благодаря меньшему весу и длине ПТР ЗИФ-11 был признан более удобным, чем состоящие на вооружении ПТР Симонова и Дегтярева. В конце 1942 г. была изготовлена опытная серия ПТР ЗИФ-11, которая была направлена в части Ленинградского фронта.

Также был выполнен проект лыжной установки к ПТР (ЗИФ-17), ее опытный образец был изготовлен к середине ноября 1942 г. Она была приспособлена для перемещения ПТР и ведения стрельбы из ПТР Дегтярева, Симонова и ЗИФ-11. В 1942 г. было сделано 150 установок, которые были направлены в 67-ю армию Ленинградского фронта. В начале 1943 г. объемы выпуска лыжных установок к ПТР конструкции завода № 7, направлявшихся на Ленинградский фронт, были значительно увеличены¹³.

В 1943 г. основным профилем производства стало изготовление стрелкового оружия, которое в общем объеме годового выпуска продукции составляло 63%. Главной задачей в 1943 г. явилось освоение производства пулеметов ДП. Прделанная ОГК работа обеспечила безотказность пулеметов в боевой обстановке и хорошие отзывы частей Ленинградского фронта¹⁴.

В этом же году перечень новых изделий пополнился новым наименованием – защитные панцири. В декабре 1942 г. главному конструктору завода № 7 Н. П. Антонову было дано задание приступить к разработке усовершенствованной конструкции индивидуальной панцирной защиты (ПЗ) – ПЗ-ЗИФ-20 (в том же году в Красной армии был принят стальной нагрудник СН-42). В декабре 1942 – январе 1943 г. были проведены конструктивные, материаловедческие исследования, подготовлены варианты, учитывающие требования к использованию панцирной защиты в боевых условиях. Опытный образец, рассчитанный на ношение в зимнее (под шинелью) и летнее (под гимнастеркой) время, был представлен в ЛГК ВКП(б) в марте 1943 г. и одобрен для изготовления опытной партии (100 шт.).

Его полигонные испытания проводились на АНИОПе в мае 1943 г., затем последовала доработка конструкции для увеличения пуленепробиваемости при обстреле бронебойными пулями. В сентябре 1943 г. на АНИОПе были организованы сравнительные испытания СН-42 и ПЗ-ЗИФ-20, которые продемонстрировали лучшие характеристики ПЗ-ЗИФ-20 по сравнению с СН-42.

Завод № 7 наладил серийный выпуск защитных панцирей для частей Ленинградского фронта (они получили название «ленинградские доспехи»), одновременно с испытаниями и совершенствованием их конструкции. С августа было начало изготовление ПЗ-ЗИФ-20 в трех размерах – дополнительно были разработаны варианты панцирей для бойцов мелкого и крупного телосложения (1ПЗ-ЗИФ-20 и 3ПЗ-ЗИФ-20 соответственно). Выпуск ПЗ-ЗИФ-20 был завершен в феврале 1944 г.¹⁵

В продолжение этой темы, в развитие предложения уполномоченного АУ Военно-Морского Флота инженер-капитана 2-го ранга В. К. Афиногенова летом 1943 г. на заводе был разработан проект панциря для защиты расчетов артиллерийских судовых и береговых орудий от осколков снарядов и пулевых ранений при атаках с воздуха (МПЗ-ЗИФ-22). Экспериментальный образец успешно прошел испытания на базе одного из истребительных отрядов катеров Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) в августе 1943 г., затем заводом была изготовлена установочная партия МПЗ-ЗИФ-22¹⁶.

К первой половине 1943 г. характер и динамика боевых действий на фронтах выдвигали новые задачи по оснащению Красной

армии артиллерийским вооружением. Приказом НКВ СССР от 14 июня 1943 г. № 308сс был утвержден перечень опытно-конструкторских работ (ОКР), из них заводу № 7 было поручено представить предложения по конструкции 76,2-мм облегченной полковой пушки (весом 500–600 кг и менее), которая должна была заменить полковую пушку обр. 1927 г.; 2- и 4-орудийных 37-мм зенитных установок для ВМФ; доработать конструкцию 160-мм дивизионного миномета¹⁷.

Тема «Разработка облегченной полковой 76,2-мм пушки», порученная согласно решению Технического совета НКВ СССР, уже была знакома заводу № 7. В 1942 г. ОГК предприятия занимался проектированием 76,2-мм орудия сопровождения пехоты (заводской индекс 7-24), было запущено в производство изготовление четырех опытных образцов, однако дальнейшие мероприятия по этому проекту были прекращены из-за сложностей, возникших при оформлении договора на эти работы с ГАУ КА. В июле 1943 г. на завод № 7 были направлены новые ТТТ на 76,2-мм легкую полковую пушку. Конструкторами был выполнен проект в соответствии с полученными ТТТ, однако и эта тема продолжения не получила¹⁸.

В 1943 г. в номенклатуре разработок предприятия появилось новое направление – корабельная зенитная артиллерия. В первой половине 1943 г. (до получения от НКВ СССР утвержденного плана ОКР на 1943 г.) по договору с АУ ВМФ и при участии представителей КБФ ОГК завод № 7 подготовил проект 76-мм легкой универсальной судовой пушки ЗИФ-21 для установки на корабли малого водоизмещения подводного и надводного флота: требовалось создать орудие, позволяющее вести огонь по воздушным целям, обладающее малым весом, габаритами, дешевое в изготовлении и простое в эксплуатации. Технический проект был выполнен в двух вариантах (с учетом разных начальных скоростей штатных снарядов зенитной артиллерии) и направлен в АУ ВМФ¹⁹.

По инициативе руководства предприятия и с согласия ЛГК ВКП(б) и НКВ СССР с середины 1943 г. было начато освоение производства 37-мм автоматической корабельной зенитной установки 70-К (была принята на вооружение ВМФ в 1940 г.). В IV квартале 1943 г. были изготовлены три образца 70-К. АУ КБФ были проведены дополнительные испытания автоматов, полностью выполненных на заводе № 7, которые были признаны успешными, чем была доказана возможность организации на

предприятию производства таких автоматов и корабельных артиллерийских систем в целом²⁰.

На следующий год заводом было предложено дальнейшее развитие корабельной тематики: как указывалось в плане-заявке ОКР на 1944 г., направленном для рассмотрения и согласования Техническим советом НКВ СССР, «руководящей мыслью... было стремление возможно полно связать ОКР с основным объектом освоения производства в 1944 г. – 37-мм автоматической пушкой 70-К, сделав его наиболее актуальным». В числе намеченных тем были «Разработка конструкции хромированных стволов»; «Разработка чертежей системы 70-К с упрощенной технологией и применением материалов, уменьшающих стоимость изделия»; «Исследование возможности увеличения мощности 70-К за счет повышения начальной скорости без изменения деталей автоматики». Также в планах было освоение валового производства АУ 70-К (в 1945 г.)²¹.

В марте 1944 г. была сдана первая партия АУ 70-К, однако затем их изготовление было прекращено – перед заводом № 7 была поставлена задача приступить к серийному изготовлению 76,2-мм дивизионной пушки обр. 1942 г. (ЗИС-3, постановление ГКО от 29 марта 1944 г. № 5509сс «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 г.», приказ НКВ СССР от 2 апреля 1944 г. № 151сс). Она была разработана в Центральном Артиллерийском конструкторском бюро (ЦАКБ), главный конструктор – В. Г. Грабин (о взаимодействии завода № 7 с данным Бюро речь пойдет ниже)²².

После полного снятия блокады Ленинграда работа предприятия проходила уже «в новых условиях 1944 г. ... в обстановке исторических побед Красной Армии»²³.

7 мая 1944 г. вышло постановление ГКО СССР № 5822сс о принятии на вооружение 100-мм полевой пушки обр. 1944 г. (С-3). Приказом НКВ СССР от 11 мая 1944 г. № 235сс «Об организации производства 100-мм полковой пушки обр. 1944 г. и мероприятиях по восстановлению завода № 232 НКВ» была сформирована кооперация по ее выпуску, в рамках которой завод № 7 должен был обеспечивать изготовление поворотных и уравнивающих механизмов (в процессе освоения серийного производства на заводе № 232 конструкция пушки была доработана, после чего система получила название БС-3)²⁴.

В июле 1944 г., в связи с принятым решением о смене специализации завода № 232, перед заводом № 7 была поставлена задача о подготовке производства для освоения серийного выпуска БС-3. 4 ноября 1944 г. вышло постановление ГКО СССР № 6870сс «О создании базы по производству морской артиллерии на заводе № 232 “Большевик” и организации производства 100-мм полевой пушки БС-3 на заводе № 7 Наркомвооружения в г. Ленинграде» (приказ НКВ СССР от 5 ноября 1944 г. № 478сс). Таким образом, завод № 232 был определен основным по производству морской артиллерии в системе НКВ СССР, а производство БС-3 переносилось на завод № 7. С 1 ноября 1944 г. производство ЗИС-3 было прекращено. В IV квартале 1944 г. планировался выпуск 60 орудий БС-3, к концу первого полугодия 1945 г. объемы выпуска должны были составлять 100 орудий в месяц²⁵.

Результат проведенных работ был отражен в приказе наркома вооружения СССР Д. Ф. Устинова от 19 октября 1944 г. № 477 «О премировании работников ЦАКБ, заводов № 172, 232, 7, ГСПКИ-40 и Наркомата за создание опытного образца новой пушки»: «Центральное Артиллерийское конструкторское бюро, завод № 172, завод № 232 и завод № 7 совместной работой создали и отработали опытный образец новой пушки, прошедшей все виды испытаний и принятой на вооружение Красной Армии...»²⁶

Производство БС-3 было снято с завода № 7 в 1953 г. (постановление Совета Министров СССР от 16 мая 1953 г. № 1283-511сс, приказ Министерства оборонной промышленности (МОП) СССР от 21 мая 1953 г. № 257сс). В 1954 г. техническая документация по БС-3 была передана в дом техники МОП СССР для последующей передачи на экспорт. В дальнейшем завод изготавливал отдельные детали БС-3 в экспортном исполнении.

Одновременно с освоением серийного производства БС-3 предприятие получило задание изготовить в 1945 г. пять опытных образцов 122-мм противотанковой пушки С-4 (еще одной разработки ЦАКБ), имевшей много общих узлов с БС-3 (приказ НКВ СССР от 30 ноября 1944 г. № 516с). Оно было с успехом выполнено; кроме этого, для полигонных испытаний инженерами завода № 7 были внесены изменения в конструкцию орудия²⁷.

Помимо освоения производства новых изделий авторства ЦАКБ, конструкторы завода № 7 продолжали выполнять дополнительные работы по заданию Военного совета Ленинградского фронта и ЛГК ВКП(б): в первой половине 1944 г. был

спроектирован, испытан и отработан дыропробивной аппарат (ДА-ЗИФ-23) для пробивки отверстий в железнодорожных рельсах, действующий от энергии пороховых газов. 12 экземпляров этого аппарата были направлены для опытной эксплуатации частей железнодорожных войск Ленинградского фронта, был также разработан трал для противопехотных мин²⁸.

В 1944 г. конструкторы завода № 7 приступили к проектированию казематных пушек для укрепленных районов (УР). У предприятия уже был опыт выпуска подобных орудий – в 1941 г. был освоен выпуск ДОТ-4, в 1943 г. по заказу 29-го Управления оборонного строительства по чертежам валового производства изготавливалась казематная установка НПС-3²⁹.

В 1944 г. ГАУ и Инженерным комитетом Красной Армии перед НКВ СССР была поставлена задача обеспечить создание 85- и 100-мм казематных пушек и 100-мм стационарной казематной установки. Заводу № 7 было выдано задание Технического совета НКВ СССР на разработку 100-мм казематной пушки (к 1 февраля 1945 г., заводской индекс ЗИФ-25). Технический проект ЗИФ-25 был утвержден в июле 1945 г. (согласно ТТТ, основой баллистического решения для ЗИФ-25 являлась баллистика 100-мм полевой пушки БС-3, конструкция ствола, размеры нарежной части канала и каморы пушки были идентичны БС-3)³⁰.

В первые послевоенные месяцы тематика казематных орудий была продолжена. 4 июля 1945 г. наркомом вооружения Д. Ф. Устиновым на завод № 7 было направлено указание о подготовке к 15 ноября 1945 г. эскизного проекта 85-мм казематной пушки, представляющей собой модернизацию казематной установки Л-17 путем перевооружения ее танковой пушкой ЗИС-С53 (заводской индекс ЗИФ-26)³¹.

Результатом работ, проведенных совместно с производственной кооперацией, стало утвержденное в феврале 1948 г. решение о рекомендации для принятия на вооружение по результатам испытаний пушек ЗИФ-25 и ЗИФ-26 (с внесением в чертежи необходимых изменений: к 1 марта 1948 г. – ЗИФ-26 и 1 апреля 1948 г. – ЗИФ-25). За создание 85-мм казематной пушки ЗИФ-26 группа конструкторов завода была удостоена Сталинской премии II степени за 1947 г.³²

В течение Великой Отечественной войны был образован ряд новых организаций и предприятий, которые стали одними из ведущих в системе военной промышленности СССР и продолжают

работать в настоящее время. Ленинградский машиностроительный завод № 7 оказался причастен к формированию основ и развитию их деятельности.

В мае 1942 г. приказом НКВ СССР для развертывания артиллерийского производства на освободившихся после эвакуации площадях завода № 8 им. М. И. Калинина в г. Калининграде (ныне – г. Королев Московской обл.) был направлен директор завода № 7 А. Д. Каллистратов с коллективом работников (конструкторы, рабочие, мастера). Он возглавлял вновь созданный завод № 88 до 1946 г., затем при его непосредственном участии здесь был образован НИИ-88, в том же году А. Д. Каллистратов был назначен исполняющим обязанности начальника НИИ-88. В дальнейшем институт стал головной организацией в СССР по созданию ракетной и космической техники (ЦНИИ машиностроения)³³. В настоящее время Центральный научно-исследовательский институт машиностроения (ЦНИИмаш) – головное предприятие Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос», занимающее ведущее положение в космической инфраструктуре России.

В 1942 г. Ленинградский машиностроительный завод № 7 принял посильное участие в создании еще одной конструкторской организации. 24 августа 1942 г. вышел приказ НКВ СССР от № 433с об образовании Центрального Артиллерийского Конструкторского Бюро (ЦАКБ) в качестве самостоятельной организации с непосредственным подчинением Наркомату, «расположив его на территории 2-го объекта филиала завода № 8 в гор. Калининграде...» (начальник и главный конструктор ЦАКБ – генерал-лейтенант технических войск В. Г. Грабин). 5 ноября 1942 г. было издано постановление ГКО СССР № 2477сс «Об организации Центрального Артиллерийского Конструкторского Бюро при Народном Комиссариате Вооружения Союза СССР», согласно которому в ЦАКБ сосредотачивалась разработка новых образцов всех видов артиллерийского вооружения Красной армии и Военно-морского флота.

Для обеспечения начала работ в новом Бюро приказом НКВ СССР от 17 ноября 1942 г. № 599с директорам заводов № 7, 232 и 371 было предписано «передать ЦАКБ часть оборудования конструкторских бюро (чертежные доски, кульманы, готвальни и проч.), а также аппаратуру для испытания и исследования материальной части (осциллографы, электросекундомеры,

динамометры и проч.)», что и было выполнено предприятием. Кроме этого предусматривалась переброска конструкторов и квалифицированных рабочих в ЦАКБ (по результатам работы специальной бригады наркомата). Взаимодействие двух организаций, как уже указывалось выше, дало значительные результаты в виде создания и организации производства новых образцов артиллерийских орудий³⁴.

В 1943 г. руководством НКВ СССР в числе актуальных задач отмечалась необходимость создания новых автоматических зенитных установок для вооружения кораблей. Как следствие, указывалось на необходимость организации конструкторского бюро (аналогично ЦАКБ), которое занималось бы вопросами разработки морской зенитной артиллерии. Эти планы, родившиеся в самый разгар войны, в скором времени были реализованы при непосредственном участии конструкторов завода № 7.

Постановлением СНК СССР от 27 мая 1944 г. № 11504 в Ленинграде был организован филиал ЦАКБ (ЛФ ЦАКБ) НКВ СССР, которому было поручено проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и проектирование образцов морской и береговой артиллерии (начальник и главный конструктор – И. И. Иванов). Приказом НКВ СССР от 21 марта 1945 г. № 110 на базе ЛФ ЦАКБ было организовано Морское артиллерийское центральное конструкторское бюро (МАЦКБ), согласно распоряжению Совета Министров СССР от 26 мая 1948 г. № 6391-рс (приказ министра вооружения СССР от 3 июня 1948 г. № 239) оно стало именоваться Центральное конструкторское бюро № 34 (ЦКБ-34). Часть опытных заказов МАЦКБ выполнялась в цехах Ленинградского машиностроительного завода № 7³⁵.

В ходе выполнения работ в рамках производственной кооперации по изготовлению опытных образцов нескольких зенитных установок 20 октября 1949 г. вышел приказ министра вооружения № 575сс, согласно которому Особому конструкторскому бюро при заводе № 7 было передано проектирование морских автоматических зенитных установок калибра 45 и 57 мм, в его состав были переведены конструкторы одного из КБ, входящего в состав ЦКБ-34. 21 ноября 1949 г. вышло постановление Совета Министров СССР № 5316–2040сс «Об организации при заводе № 7 Министерства вооружения Центрального конструкторского бюро» (приказ министра вооружения СССР от 2 декабря 1949 г. № 656сс), в котором указывалось: «... Возложить на

ЦКБ-7 проектно-конструкторские и научно-исследовательские работы по малокалиберной автоматической зенитной артиллерии, горной и авиадесантной артиллерии, а также орудий для укрепленных районов. 2. Передать ЦКБ-7 из ЦКБ-34 всю тематику проектно-конструкторских и научно-исследовательских работ по малокалиберной морской автоматической зенитной артиллерии...»³⁶. В настоящее время это – Акционерное общество «Конструкторское бюро «Арсенал» им. М. В. Фрунзе» (АО «КБ «Арсенал»).

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны Ленинградский государственный машиностроительный завод № 7 имени М. В. Фрунзе обеспечил серийный выпуск артиллерийского и стрелкового вооружения, а также освоил новое для себя направление – корабельная артиллерия, которое в дальнейшем определило вектор его развития на многие десятилетия.

¹ Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны (1938 г. – июнь 1941 г.). М., 2015. С. 741–750.

² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГА СПб). Ф. 1547. Оп. 13. Д. 280. Л. 3, 8–19, 26, 43, 52.

³ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Часть I. Июнь 1941 г. – март 1942 г. СПб., 2019. С. 119, 124–125, 168

⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 7р. Оп. 12. Д. 153. Л. 56, 64, 222–224, 253–254; Д. 171. Л. 7; Д. 173. Л. 97, 182; Д. 180. 153–154, 182, 183.

⁵ Там же. Д. 153. Л. 222–224, 235, 237, 243–244, 253–254; Д. 156. Л. 113; Д. 161. Л. 29, 31–32, 37; Д. 171. Л. 293, 313.

⁶ Газета «Звезда». № 13 от 16.01.1942; Конструкторское бюро «Арсенал»: от артиллерийских орудий к космическим аппаратам. СПб., 2024. С. 75.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 301. Л. 3 (об.), 5, 19–19 (об.), 43, 52.

⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 7р. Д. 291. Л. 2–9; Оп. 12. Д. 163. Л. 100; Д. 180. Л. 247–248; ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 309. Л. 7–9; Невский бастион. СПб., 1999. № 1. С. 38.

⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 7р. Оп. 12. Д. 173. Л. 348–351; Д. 180. Л. 247–248; ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 309. Л. 3–6, 12–16, 20–26.

¹⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 7р. Оп. 12. Д. 161. Л. 121; ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 301. Л. 3–4, 8–8 (об.); Архив ОАО «МЗ «Арсенал». Д. 107. Л. 120; Д. 108. Л. 94, 95.

¹¹ АВИМАИВиВС. Ф. 7р. Оп. 12. Д. 161. Л. 207; Д. 162. Л. 265, 301–302, 305; Д. 171. Л. 293, 313; Д. 177. Л. 11, 20, 32. Архив ОАО «МЗ «Арсенал». Д. 108. Л. 105, 221.

¹² АВИМАИВиВС. Ф. 7р. Оп. 12. Д. 161. Л. 248–249; Д. 162. Л. 265.

¹³ АВИМАИВиВС. Ф. 7р. Оп. 12. Д. 162. Л. 131–134, 259–261, 265, 301–302, 305; Д. 163. Л. 456, 466; Д. 180. Л. 247–248; Д. 181. Л. 11, 12, 16; Д. 183. Л. 7, 10; ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 309. Л. 2, 10, 32; Д. 312. Л. 1–22.

- ¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 317. Л. 40–41.
- ¹⁵ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 317. Л. 19 (об.), 40; Д. 318. Л. 10, 27–27 (об.); Д. 328. Л. 1, 16, 23, 37–39, 48, 52; Архив ОАО «МЗ «Арсенал». Д. 110. Л. 65.
- ¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 325. Л. 16–16 (об.); Д. 328. Л. 42, 45–45 (об.), 47.
- ¹⁷ Там же. Д. 313. Л. 77–82; Д. 325. Л. 21.
- ¹⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 7р. Оп. 12. Д. 161. Л. 160 (об.); ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 318. Л. 4, 16, 27; Д. 325. Л. 12–15, 18–21.
- ¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 318. Л. 18, 29, 32.
- ²⁰ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 317. Л. 42; Архив ОАО «МЗ «Арсенал». Д. 110. Л. 97.
- ²¹ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 318. Л. 31–32.
- ²² Там же. Д. 330. Л. 62.
- ²³ Архив ОАО «МЗ «Арсенал». Д. 111. Л. 75.
- ²⁴ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 330. Л. 107–109; Тюрин П. А. Из истории создания 100-мм полевой пушки БС-3 // Невский бастион. 1997, № 2. С. 40–42.
- ²⁵ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 330. Л. 293, 343–348; Д. 334. Л. 47 (об.).
- ²⁶ Архив ОАО «МЗ «Арсенал». Д. 112. Л. 158–159.
- ²⁷ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 330. Л. 294–295; Д. 350. Л. 20; Д. 362. С. 52.
- ²⁸ Там же. Д. 341. Л. 21–23, 37.
- ²⁹ Там же. Д. 328. Л. 25–26.
- ³⁰ Там же. Д. 361. Л. 12–15; Д. 362. Л. 9, 15, 23, 37–40.
- ³¹ Там же. Д. 334. Л. 47 (об.); Д. 350. Л. 28.
- ³² АВИМАИВиВС. Ф. 39р. Оп. 1. Д. 5. Л. 19, 111; ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 450. Л. 21.
- ³³ Конструкторское бюро «Арсенал»: от артиллерийских орудий к космическим аппаратам. С. 66.
- ³⁴ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 299. Л. 115, 191.
- ³⁵ КБСМ. От артиллерийских систем до стартовых комплексов. СПб., 2002. С. 11–12, 16–17, 20, 23–24; ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 389. Л. 155–156, 232.
- ³⁶ ЦГА СПб. Ф. 1547. Оп. 13. Д. 460. Л. 133–136, 144–145.

А. Н. Черненко (Москва)

**РЕАЛЬНЫЕ РАСХОДЫ ВОЕННОГО
МИНИСТЕРСТВА 1867–1914 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЧЕТОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ)**

Историография военных расходов и расходов Военного министерства Российской империи не может похвастаться большим списком литературы и глубокой разработкой. Историки не уделяли этому вопросу внимания. Исследователи, занимавшиеся общими вопросами (Л. Г. Бескровный или П. А. Зайончковский), разрабатывали другие темы, уделив военным финансам минимум времени, из-за чего их данные страдают отрывочностью и поверхностностью. Часто источниками цифр для них были работы И. С. Блюха, опубликованные государственные бюджеты, Всеподданейшие доклады и сборники ЦСК МВД. Только последние два могут быть использованы как достоверные источники. В «гражданской» литературе вопрос чрезвычайных ассигнований дан в книге А. Л. Сидорова, в главе 1, раздел «Финансирование армии и флота накануне Первой Мировой Войны»¹. Однако финансирование обыкновенных потребностей в книге Сидорова не рассматривается.

В узкоспециализированной литературе ситуация более отрадная. Есть две статьи В. Л. Степанова, исследующие расходы на ведение Крымской и Русско-турецкой войн 1877–1878 гг.² Есть две работы военного финансиста В. В. Тиванова, сфокусированные в основном на внутренних капиталах армии – собственных корпусных, дивизионных, полковых и т. д. суммах и немного – на финансовом обеспечении по законодательству³. Более подобно финансирование армии и контроль за исполнением обязательств исследовал правовед, д. ю. н. А. А. Ялбуганов⁴.

Таким образом, вопрос бюджетов Военного министерства и расходов на войны второй половины XIX в. еще почти не разработан.

Под бюджетом в конце XIX в. понимали план ведения государственного хозяйства на определенный период времени⁵. Бюджетная роспись (смета) – цифровое выражение плана ведения хозяйства на данный период времени, рассмотренное законодательными учреждениями и утвержденное законодательной властью⁶. Роспись (смета) начиналась с первого дня финансового года и заключалась последним. Если не удавалось полностью исполнить смету, то начинался «льготный» период, длящийся до полугода.

Иногда предпринимались попытки ограничить военные траты и вводились «нормальные бюджеты» – установленные на несколько лет бюджеты, которые нельзя было пересмотреть.

Расходы бывали обыкновенные, чрезвычайные и сверхсметные. Обыкновенные государственные расходы – это повторяющиеся ежегодно или с известной периодичностью расходы, чрезвычайные – расходы, которые производятся вследствие особых непредвиденных потребностей. Сверхсметные – расходы, произведенные сверх заявленных в смете⁷.

На расходы учреждений выделялся «кредит», т. е. финансирование. Кредиты также могли быть обыкновенными, чрезвычайными, сверхсметными. Существовали еще и особые, «условные» кредиты. Они вводились Высочайше утвержденным мнением Госсювета от 8 мая 1895 г. и означали особые кредиты для обеспечения расходов, оснований для которых нет ни в штатах, ни в положениях, ни в других актах, и которые не требовали юридического оформления. Использование условных кредитов разрешалось только по разрешению Госсювета, а позднее – Госсювета и Думы.

В 1862 г. правила составления смет были изменены в ходе реформы, проведенной государственным контролером В. А. Татариновым. Изложенные в законе № 38309 ПСЗРИ II⁸ (они же «Общие сметные правила»), они использовались до 1917 г. Закон запрещал расходы, неутвержденные в росписи, перемещение сумм с одного параграфа сметы в другой, устанавливал сроки подачи смет, ответственных и контролирующие органы.

Министерства, их Главные управления и местные органы ежегодно представляли свои примерные доходы и расходы в виде

финансовой сметы. Набор документов состоит из: 1) перечня доходов и расходов; 2) подробной сметы доходов и расходов с обоснованиями этих сумм; 3) приложений с обстоятельными объяснениями и расчетами; 4) объяснительной записки с объемом денежных оборотов, причинами его увеличения или уменьшения по сравнению с аналогичными показателями предыдущего года⁹.

Министерства к 1 сентября (Военное министерство – к 1 или 15 октября) отсылали этот пакет документов в Министерство финансов, Госконтроль и Госсовет¹⁰. Минфин сметы рассматривал, проверял на соответствие законам и пытался сократить или изыскать средства на их удовлетворение. Далее создавался проект государственной росписи доходов и расходов, который к 1 ноября представлялся в Государственный совет.

Параллельно Госконтроль готовил свои замечания по смете, проверяя ее на соответствие закону и исполнение смет прошлых лет.

В Государственном совете замечания Минфина и Госконтроля сначала рассматривались в Департаменте государственной экономики. Он организовывал заседания для обсуждения замечаний. После департамент рассматривал проект росписи в целом, обсуждая «степень пользы и своевременности» предполагаемых расходов. Заключение департамента вносилось в Общее собрание Государственного совета и предоставлялось на подпись императору. Утвержденная роспись и ее финансовые сметы публиковались.

Утвержденные расходные сметы имели силу с 1 января по 31 декабря. Если ассигнованные кредиты не были израсходованы к 31 декабря, они продлевались на льготный период, а если на них не заключили договоров, то возвращались в казну. Льготный срок длился до конца установленного срока (1 мая – 30 июня, по обстоятельствам), за который нужно было рассчитаться по обязательствам. Все расходы и окладные доходы льготного периода учитывались как доходы и расходы предыдущего года.

Последний, VI отдел закона № 38309 определял сверхсметные кредиты. Существовали дополнительный (по предметам, указанным в сметах) и экстраординарный (непредвиденные и неотложные траты). Они испрашивались как обычные кредиты, но иногда без совета Госконтроля.

Военное министерство имело некоторые послабления. В-первых, оно предоставляло проект финансовой сметы позже. Во-вторых, его структурам – Военному совету, интендантским

управлениям армий, местным интендантским управлениям и другим было разрешено использовать сбережения внутри одного параграфа сметы¹¹. Разрешалось движение кредитов по смете. Внутри между параграфами – с одобрения Госсвета, внутри параграфа – по согласованию военного министра и Военного совета¹², внутри статьи – военного совета округа. Льготный срок для Военного министерства продлевался до 31 июля. Министр имел право запросить кредиты непосредственным всеподданнейшим докладом, минуя бюрократические процедуры.

После образования Государственной думы процесс утверждения государственной росписи изменился.

По высочайшему указу от 8 марта 1906 г. «Об утверждении правил о порядке рассмотрения государственной росписи...»¹³ проекты смет вносились в Госсвет и Госдуму к 1 сентября, общий проект росписи – до 1 октября. Военное министерство вносило свои сметы до 15 сентября¹⁴.

Проекты смет и росписи рассматривались комиссиями Госсвета и Думы, которые выносили свои замечания до открытия сессий. Во время сессий доходные статьи одобрялись параграфами, а расходные – номерами¹⁵. Государственная дума не имела права обсуждать значительную часть бюджета, включая доходы и расходы «на основании действующих законов, положений, штатов, росписаний, а также Высочайших повелений, в порядке верховного управления последовавших» (ст. 8).

В случае разногласий между Госсветом и Госдумой образовывалась комиссия из представителей обоих органов. Если она не могла договориться, то вносилась сумма предыдущего года или меньшая из обсуждаемых.

Рассмотрение заканчивалось к 1 декабря. В случае непринятия бюджета государственные органы финансировались по их надобности, не превышающей 1/12 часть прошлогоднего бюджета в месяц.

Сверхсметные ассигнования и условные кредиты одобрялись Госдумой и Госсветом¹⁶. В случае неотложности кредиты одобрял Совет министров, а потом вносил об этом представление в Госдуму. Сверхсметные кредиты на нужды военного времени или тайные открывались по законам № 56981 от 21.02.1877, № 3096 от 30.06.1885 или № 6609 от 26.02.1890.

Составление смет Военного министерства подчинялось вышеуказанным законам, но с исключениями: продленный срок

подачи проекта сметы, продленный льготный срок, право испрошения кредитов в особом порядке. Управления Военного министерства собирали и обрабатывали информацию со всей страны, завися от урожая, будущих цен на фураж и провиант.

Оборона империи требовала огромных сумм, 17–25% всего государственного бюджета, и власти всегда старались ограничить траты Военного министерства, прибегая к разным способам. Одним из таких способов было введение предельных бюджетов.

Закон № 52442 от 4/16 июля 1873 г. «Высочайше утвержденные правила о порядке составления, рассмотрения и исполнения расходных смет Военного Министерства в пятилетие 1874–1878 гг.»¹⁷ и его редакции устанавливали верхнюю границу военных трат – 175 млн на 1874 г. и 179 млн на 1875–1878 гг. Никакое дополнительное финансирование не разрешалось, за исключением военных действий, платежей по долгам, появившимся до вступления закона в силу, повышения цен на продовольствие.

Государственный контролер в отчете за 1872 г. положительно оценивал перспективу этого нововведения: «Не коснувшись [существенных] сторон... сметного порядка... оно ставит Военное и Морское Министерства в такое положение, при котором они будут иметь собственное настоятельное побуждение соотносить свои расходы с степенью истинной в них надобности, под опасением, в противном случае, лишиться всяких средств к удовлетворению возникающих в течение года неотложных потребностей»¹⁸.

Закон позволял военному министру создавать свой фонд на чрезвычайные нужды – запасной кредит из средств, которые министр не пожелал распределить сразу или сэкономленных. Использование кредита – от наград до непредвиденных расходов – должно было утверждаться Госсоветом.

В отношении заключенных смет военный министр получал некоторую свободу – он мог с одобрения Госсовета переносить суммы между параграфами сметы или Главными управлениями.

Эксперимент был признан не слишком удачным – дополнительные средства все равно ассигновались.

7 мая 1888 г. был предложен новый план нормального бюджета Военного министерства на 1889–1893 гг. Он должен был, с одной стороны, поддерживать боеготовность войск на должном уровне, с другой – не допускать займов или увеличения налогов¹⁹.

Новые правила оформлялись законом № 5661 от 20.12.1888 г. Смета Военного министерства ограничивалась 211–221 млн рублей и существующими статьями расходования. Новые статьи вводились, только если они уместались в существующие ограничения. Бюджет Военного министерства все же мог увеличиваться или уменьшаться, в зависимости от роста цен на продовольствие; дополнительных, чрезвычайных и сверхсметных кредитов. Военному министру возвращалось право перемещать средства между сметами Управлений, отдельными статьями и параграфами, а также распоряжения остатками. Военный министр и Военный совет перемещали кредиты и использовали запасной без согласия Госсовета или Министерства финансов. Госсовет, Минфин и Госконтроль получали только подробный отчет и обоснование трат в июне следующего года.

В нашем исследовании бюджетов Военного министерства мы будем опираться на Отчеты Государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет и попытаемся понять, что они могут дать для исследования бюджетов Военного министерства.

Такие отчеты, состоявшие из трех книг (Отчета, Объяснительной записки и Приложения к Отчету) готовили в Госконтроле между 1867 и 1914 гг. В Отчете подводились итоги финансового года, исполнение смет, давалась общая информация о состоянии государственных финансов. Первые Отчеты содержали в себе «Отчет по государственным доходам» и «Отчет по государственным расходам» – общие отчеты с результатами исполнения бюджетов высшими и центральными государственными учреждениями. Приводился Балансовый свод по сметам (а после 1887-го – и по календарному году), показывавший исполнение смет в течение финансового года и льготного периода. В Записке приводилось объяснение представляемым цифрам, указывались причины недоимок или увеличения сборов, сравнивались показатели предыдущих лет. В Приложении добавлялась дополнительная информация: данные по мелким сборам, таблицы недоимок и сборов по губерниям и прочее.

Однако необходимо внимательно сверять между собой отчеты по исполнению росписи и балансовый свод. В ранних балансовых сводах 1860–1870-х приводились только данные по обычным доходам и расходам и экстраординарным доходам.

Экстраординарные расходы – постройка железных дорог, портов и т. д. в Балансовом своде не приводились.

Например, в Отчете за 1867 г. указано расходов на 431,4 млн рублей, а в Балансовом своде указано расходов на 405,7 млн рублей, расходы на постройку железных дорог в 25,6 млн, покрытых из «специальных ресурсов», не подсчитаны в Балансовом своде²⁰. Они указаны только в таблицах по исполнению финансовых смет. В 1868 г. в Балансе не были отображены 38,1 млн рублей на постройку железных дорог²¹. В 1869 г. не учтено уже 53,5 млн расходов²². В Отчете за 1881 г. исчислено в 643,5 млн обыкновенных и 155,1 млн чрезвычайных доходов, а в Балансовом своде – 651,7 млн и 112,7 млн соответственно. Расходы за этот год по общему отчету составили 776,5 млн рублей, но в Балансовом своде учтено только 701, 2 млн рублей. Чтобы избежать ошибок, исследователю всегда нужно сверять информацию как минимум с тремя документами – Балансовым сводом, таблицами исполнения финансовых смет за сметных период и Объяснительной запиской к Отчету.

Следующая опасность – уравнивание сметного и календарного периодов, использование итоговых чисел из таблиц без понимания их значений. Отчеты об исполнении смет представляют собой таблицы в разворот книги или в страницу. В левой части разворота указываются запланированные на смету расходы и их изменения, и исследователя должна интересовать только графа «За тем действительно причиталось к отпуску». Правая часть отображала траты авансовые позапрошлого года, прошедшего года, текущего года (льготный срок), траты будущие – неисполненные обязательства, а также общий итог и «закрытые кредиты» – возвращающиеся в казну средства. Графы общих итогов дают раздутые цифры, поскольку в них учитываются и прошлые траты, и будущие, которые еще не состоялись²³.

Каждая смета оставляла за собой «хвост» из долгов, которые требовалось оплатить. В 1866–1869 гг. долги по сметам Военного министерства составляли 5–7 млн рублей, в 1870–1880-е – около 12 млн²⁴, в правление Александра III – от 7 до 15 млн, в Николаевское до 1905 г. – 25 млн, а в межвоенный период – 30–60 млн. Смета могла растягиваться на несколько лет – вплоть до 5 и более, а в один год производились расходы за 4–6 лет. Однако точные цифры по оплате долгов есть только с 1887 г.

Бюджеты Военного Министерства по сметам и по отчетам Госконтроля							
Дата	Принятая смета в томах ПСЭР II-III	Заключенная смета	по госконтролю			Итого	оставалось свободным / закрыто кредитов
			аванс с предыдущего года в смету нынешнего	год	льготный период в следующем году		
1866	118 792 289,00 P	132 772 731,00 P	108 022 501,00 P		16 381 498,00 P	124 403 999,00 P	3 085 395,00 P
1867	122 712 613,00 P	130 961 274,00 P	7 837 914,00 P	95 022 556,00 P	17 436 461,00 P	120 296 931,00 P	3 711 226,00 P
1868	134 954 047,00 P	142 483 625,00 P	11 544 321,00 P	103 690 791,00 P	15 426 067,00 P	130 661 179,00 P	5 780 850,00 P
1869	140 348 576,00 P	152 593 437,00 P	10 964 960,00 P	111 176 519,00 P	16 198 224,00 P	138 339 703,00 P	4 891 081,00 P
1870	144 721 321,00 P	148 460 041,00 P	11 778 502,00 P	111 492 562,00 P	15 244 033,00 P	138 515 097,00 P	3 248 830,00 P
1871	154 598 544,00 P	159 932 436,00 P	14 408 727,00 P	122 659 774,00 P	15 059 881,00 P	152 128 382,00 P	676 119,00 P
1872	160 970 875,00 P	167 432 604,00 P	15 362 871,00 P	127 657 614,00 P	15 492 361,00 P	158 512 846,00 P	1 508 034,00 P
1873	169 290 088,00 P	176 960 495,00 P	16 486 082,00 P	132 833 757,00 P	16 145 927,00 P	165 465 766,00 P	1 927 388,00 P
1874	175 118 664,00 P	173 492 558,00 P	16 226 309,00 P	132 786 880,00 P	15 815 135,00 P	164 828 324,00 P	5 012 604,00 P
1875	179 641 778,00 P	184 857 062,00 P	16 339 599,00 P	135 066 447,00 P	15 476 907,00 P	166 882 953,00 P	9 425 073,00 P
1876	183 930 723,00 P	239 342 212,00 P	15 717 462,00 P	171 558 570,00 P	32 561 903,00 P	219 837 935,00 P	7 162 465,00 P
1877	184 719 786,00 P	583 821 918,00 P	16 529 441,00 P	381 502 182,00 P	104 670 908,00 P	502 702 531,00 P	12 478 451,00 P
1878	184 611 379,00 P	582 499 085,00 P	23 817 795,00 P	477 427 126,00 P	39 916 493,00 P	541 161 414,00 P	22 008 712,00 P
1879	184 855 714,00 P	317 330 430,00 P	15 848 634,00 P	250 798 056,00 P	21 176 931,00 P	287 823 621,00 P	8 469 589,00 P
1880	193 779 626,00 P	265 076 681,00 P	21 313 142,00 P	205 535 713,00 P	16 805 664,00 P	243 654 519,00 P	5 768 263,00 P
1881	210 056 176,00 P	256 477 359,00 P	17 970 472,00 P	206 283 379,00 P	21 125 227,00 P	245 379 078,00 P	2 806 829,00 P
1882	186 926 277,00 P	208 703 897,00 P	8 915 066,00 P	172 602 364,00 P	10 504 723,00 P	192 022 153,00 P	4 344 544,00 P
1883	196 112 783,00 P	207 008 803,00 P	8 753 217,00 P	170 084 303,00 P	10 634 299,00 P	189 471 819,00 P	5 444 181,00 P
1884	199 366 302,00 P	203 820 978,00 P	6 077 817,00 P	171 938 519,00 P	9 813 827,00 P	187 830 163,00 P	3 853 640,00 P
1885	204 362 215,00 P	212 480 849,00 P	6 781 404,00 P	177 889 965,00 P	9 886 018,00 P	194 557 387,00 P	5 828 919,00 P
1886	211 445 146,00 P	215 159 969,00 P	7 959 364,00 P	183 096 199,00 P	11 128 272,00 P	202 183 835,00 P	3 165 279,00 P
1887	214 275 275,00 P	211 588 476,00 P	7 711 377,00 P	185 258 690,00 P	9 638 707,00 P	202 608 774,00 P	635 714,00 P
1888	210 364 197,00 P	212 247 163,00 P	7 699 280,00 P	182 731 943,00 P	10 131 989,00 P	200 263 212,00 P	151 461,00 P
1889	219 733 515,00 P	217 933 515,00 P	7 093 532,00 P	193 219 170,00 P	10 596 110,00 P	210 908 812,00 P	2 205 297,00 P
1890	225 789 733,00 P	229 246 255,00 P		203 789 235,00 P	13 566 584,00 P	217 355 819,00 P	1 136 413,00 P
1891	231 031 023,00 P	226 368 836,00 P		197 711 739,00 P	14 686 452,00 P	212 398 191,00 P	261 388,00 P
1892	228 907 132,00 P	235 049 589,00 P		205 943 592,00 P	14 830 966,00 P	220 774 558,00 P	182 543,00 P
1893	203 937 030,00 P	236 713 476,00 P		213 711 822,00 P	11 819 387,00 P	225 531 209,00 P	401 105,00 P
1894	240 336 411,00 P	239 411 075,00 P		213 363 437,00 P	13 278 845,00 P	226 642 282,00 P	275 517,00 P
1895	272 017 581,00 P	285 473 603,00 P		244 120 887,00 P	16 615 915,00 P	260 736 802,00 P	30 031,00 P
1896	288 521 969,00 P	294 498 682,00 P		254 565 948,00 P	18 115 895,00 P	272 681 843,00 P	14 067,00 P
1897	284 379 994,00 P	294 594 884,00 P		254 923 439,00 P	13 176 093,00 P	268 099 532,00 P	805 247,00 P
1898	288 808 664,00 P	304 644 232,00 P		266 307 700,00 P	12 965 669,00 P	279 273 369,00 P	1 367 444,00 P
1899	323 791 710,00 P	333 612 474,00 P		279 845 179,00 P	12 690 758,00 P	292 535 937,00 P	33 327,00 P
1900	324 343 686,00 P	332 081 557,00 P		289 313 245,00 P	11 617 107,00 P	300 930 352,00 P	541 054,00 P
1901	324 024 871,00 P	336 873 961,00 P		293 696 601,00 P	14 523 126,00 P	308 219 727,00 P	2 267 955,00 P
1902	322 638 537,00 P	343 740 659,00 P		308 921 150,00 P	15 047 565,00 P	323 968 715,00 P	619 491,00 P
1903	329 923 806,00 P	351 268 593,00 P		315 212 347,00 P	14 811 114,00 P	330 023 461,00 P	248 930,00 P
1904	360 758 092,00 P	372 691 714,00 P		324 094 267,00 P	15 883 585,00 P	339 977 852,00 P	257 308,00 P
1905	367 054 867,00 P	378 248 276,00 P		317 706 472,00 P	19 630 442,00 P	337 336 914,00 P	171 161,00 P
1906	374 734 210,00 P	393 201 310,00 P		328 674 443,00 P	22 475 186,00 P	351 149 629,00 P	653 507,00 P
1907	384 588 345,00 P	406 180 858,00 P		349 094 859,00 P	24 048 743,00 P	373 143 602,00 P	497 223,00 P
1908	425 141 793,00 P	467 975 839,00 P		397 331 462,00 P	31 097 766,00 P	428 429 228,00 P	5 422 630,00 P
1909	473 919 473,00 P	479 427 115,00 P		405 441 730,00 P	22 150 899,00 P	427 592 629,00 P	6 052 586,00 P
1910	480 716 322,00 P	487 401 539,00 P		401 479 092,00 P	26 119 204,00 P	427 598 296,00 P	2 488 400,00 P
1911	482 683 724,00 P	497 795 673,00 P		416 117 546,00 P	27 128 052,00 P	443 245 598,00 P	4 320 910,00 P
1912	492 933 426,00 P	526 344 906,00 P		461 059 531,00 P	35 046 203,00 P	496 105 734,00 P	72 862,00 P
1913	550 900 431,00 P	581 218 324,00 P		511 926 431,00 P	33 170 342,00 P	545 096 773,00 P	118 403,00 P
1914	621 565 110,00 P	641 494 940,00 P		356 665 990,00 P	7 358 536,00 P	364 024 526,00 P	214 082 364,00 P

Ил. 1

Попробуем проанализировать бюджеты Военного министерства (ил. 1).

В таблице приведены данные о сметах Военного министерства по данным Государственной росписи и Отчетов Госконтроля. Принятая законом смета никогда не соответствовала заключенной смете. Кроме того, за финансовый год

и льготный период Военное министерство не успевало потратить имеющуюся сумму, и имеющиеся кредиты продлевались на новые сметные сроки. Лишь небольшая часть, в диапазоне от 30 тысяч до 7 млн, возвращалась в Казначейство в виде «закрытых» кредитов²⁵.

Раз принятая смета могла многожды пересматриваться.

Во-первых, принятие сметы не означало жестких границ расходов и неизменяемых направлений финансирования. Смета могла меняться, например, за счет дополнительных и экстраординарных кредитов. В 1868 г. таких кредитов поступило на 7,5 млн, в 1873 г. – на 5,3 млн, в 1878 г. – на 397 896 342 рубля, а в 1881 г. – на 46,4 млн рублей.

Во-вторых, расходы могли уменьшаться или отменяться. Эти средства оставляли свободный остаток и должны были быть возвращены в казну. В 1866 г. эти остатки составили 3 млн, в 1875 г. – 9,4 млн, в 1895 г. – 30 тысяч.

Во-третьих, наступление нового календарного или финансового года не означало прекращение выплат по смете ушедшего года. В графе «Итого» указана сумма потраченных фондов между вступлением сметы в силу и ее заключением к 30.06 следующего года. По заключенной смете уже нельзя было утверждать новые сделки, однако нужно было оплачивать старые. Например, в 1868 г. Военное министерство должно было отпустить кредитов на 6 млн рублей²⁶ в течение следующих двух сметных периодов. В 1872 г. – на 7,4 млн рублей, в 1888 – на 11,5 млн²⁷, в 1899 г. – на 41 млн²⁸, и в течение 1900–1914 гг. обязательство Министерства перед контрагентами переносилось на сумму 30–40 млн, с некоторыми исключениями. В Отчетах за сметный период указывалось только 85–90 % трат по смете, оставшиеся 10–15% необходимо проследить по другим материалам.

Также военный министр обладал правом перемещения кредитов между подразделениями сметы. Обычно такие перемещения уравнивали друг друга – в 1872 г. убыло обязательств на 8,49 млн, а прибыло на 8,47 млн.

Таким образом, данные в отчетах Госконтроля суммы за отдельно взятый год не отображают полную картину. Реальные траты Военного министерства за календарный год складываются из трат по нескольким сметам – за текущий и 3–5 прошлых лет.

Дата	Расклад трат Военного Министерства за календарный год							
	Аванс на следующий	Расходы по смете за календарный год	Расходы за льготный период предыдущего года	Расходы за -1-й год	Расходы за -2-й год	Расходы за -3-й год	Расходы за -4-й и более годы	итого
1887	7 699 280,00 Р	185 258 690,00 Р	11 128 272,00 Р	7 267 656,00 Р	2 293 886,00 Р	269 831,00 Р	10 045,00 Р	213 927 660,00 Р
1888	7 093 532,00 Р	182 731 943,00 Р	9 638 737,00 Р	5 093 891,00 Р	1 337 221,00 Р	378 173,00 Р	16 851,00 Р	206 290 348,00 Р
1889	7 093 532,00 Р	193 219 170,00 Р	10 596 110,00 Р	10 131 989,00 Р	1 743 971,00 Р	146 334,00 Р	29 656,00 Р	222 960 762,00 Р
1890		203 789 239,00 Р	10 596 110,00 Р	5 257 020,00 Р	1 554 555,00 Р	378 882,00 Р	45 634,00 Р	221 621 440,00 Р
1891		197 711 739,00 Р	13 548 954,00 Р	5 963 799,00 Р	1 653 670,00 Р	205 121,00 Р	25 426,00 Р	219 108 709,00 Р
1892		205 943 592,00 Р	14 686 452,00 Р	6 181 835,00 Р	2 698 229,00 Р	300 197,00 Р	13 624,00 Р	229 823 929,00 Р
1893	1 216 268,00 Р	213 711 822,00 Р	14 852 734,00 Р	9 253 671,00 Р	3 890 192,00 Р	451 235,00 Р	13 182,00 Р	242 172 836,00 Р
1894		212 147 169,00 Р	11 809 489,00 Р	6 674 004,00 Р	2 270 605,00 Р	85 134,00 Р	0,00 Р	232 986 401,00 Р
1895		243 921 631,00 Р	13 264 354,00 Р	8 849 256,00 Р	2 314 557,00 Р	103 717,00 Р	0,00 Р	268 453 515,00 Р
1896		254 565 948,00 Р	16 601 200,00 Р	9 760 685,00 Р	2 317 559,00 Р	53 280,00 Р	0,00 Р	283 298 672,00 Р
1897		254 923 439,00 Р	18 115 895,00 Р	12 026 392,00 Р	3 776 977,00 Р	95 872,00 Р	0,00 Р	288 938 575,00 Р
1898		266 307 700,00 Р	13 176 093,00 Р	15 272 328,00 Р	5 446 626,00 Р	154 590,00 Р	0,00 Р	300 357 337,00 Р
1899		279 845 179,00 Р	12 965 669,00 Р	14 909 810,00 Р	4 355 012,00 Р	388 005,00 Р	0,00 Р	312 463 675,00 Р
1900		289 313 245,00 Р	12 690 758,00 Р	18 455 620,00 Р	4 050 761,00 Р	471 564,00 Р	18 354,00 Р	325 000 302,00 Р
1901		293 696 602,00 Р	11 617 107,00 Р	16 916 544,00 Р	4 842 555,00 Р	290 869,00 Р	0,00 Р	327 363 677,00 Р
1902		308 921 150,00 Р	14 523 126,00 Р	16 235 397,00 Р	4 468 738,00 Р	288 773,00 Р	0,00 Р	344 437 184,00 Р
1903		315 212 348,00 Р	15 047 565,00 Р	12 955 224,00 Р	4 067 511,00 Р	221 392,00 Р	0,00 Р	347 504 040,00 Р
1904		324 094 267,00 Р	14 811 115,00 Р	11 303 871,00 Р	3 233 773,00 Р	567 923,00 Р	0,00 Р	354 010 949,00 Р
1905		317 706 472,00 Р	15 883 586,00 Р	12 425 140,00 Р	2 196 342,00 Р	187 248,00 Р	0,00 Р	348 398 788,00 Р
1906		328 674 444,00 Р	19 630 442,00 Р	19 869 643,00 Р	5 201 043,00 Р	243 099,00 Р	0,00 Р	373 618 671,00 Р
1907		349 094 859,00 Р	22 475 187,00 Р	21 818 760,00 Р	7 240 363,00 Р	202 183,00 Р	0,00 Р	400 831 352,00 Р
1908		397 331 463,00 Р	24 048 744,00 Р	18 940 806,00 Р	7 906 813,00 Р	206 447,00 Р	0,00 Р	448 434 273,00 Р
1909		405 441 730,00 Р	31 097 767,00 Р	18 635 054,00 Р	6 110 009,00 Р	194 379,00 Р	0,00 Р	461 478 939,00 Р
1910		401 479 092,00 Р	22 150 899,00 Р	26 114 093,00 Р	6 701 659,00 Р	402 625,00 Р	0,00 Р	456 848 368,00 Р
1911		416 117 546,00 Р	26 119 204,00 Р	32 969 744,00 Р	20 361 396,00 Р	479 178,00 Р	0,00 Р	496 047 068,00 Р
1912		461 060 262,00 Р	27 128 053,00 Р	35 467 675,00 Р	12 660 677,00 Р	3 522 221,00 Р	0,00 Р	539 838 888,00 Р
1913		511 926 431,00 Р	35 827 967,00 Р	20 618 920,00 Р	12 112 984,00 Р	470 095,00 Р	0,00 Р	580 956 397,00 Р
1914		356 665 990,00 Р	33 170 343,00 Р	23 894 562,00 Р	5 804 279,00 Р	320 318,00 Р	0,00 Р	419 855 492,00 Р

Ил. 2

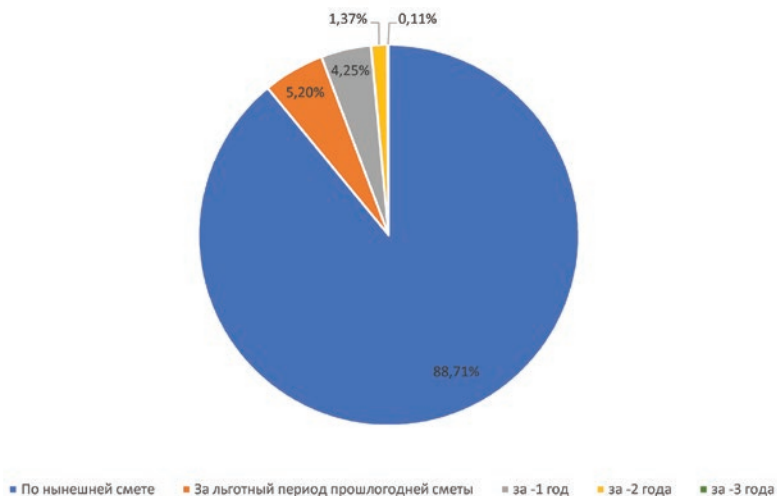
Это дает нам два варианта подсчета расходов Военного министерства: расходы по смете в течение нескольких лет; в год по нескольким сметам. В этой работе используется последний подход: нам необходимы именно ежегодные траты, чтобы оценить нагрузку на государственный бюджет.

Нужно выяснить, какую долю годовых расходов занимала нынешняя смета, а какую – сметы других периодов. Обратимся к данным по расходам Министерства за 1887–1914 гг., как наиболее полным (ил. 2).

Как видно из таблицы, Военное министерство должно было удовлетворять счета не только за нынешний, но и за другие годы.

Аванс выделялся отдельной графой расходов до 1889 г., а потом перестал учитываться отдельно. Столбец «Расходы по смете за календарный год» указывает израсходованную сумму по принятой смете с 01.01 по 31.12 определенного года. «Расходы за льготный период» указывают траты по смете предыдущего года в течение 01.01–30.06 текущего. Столбцы «Расходы за N год» означают расходы по заключенным сметам прошлого, позапрошлого и т. д. годов. Столбец «Итого» – общий итог расходов за год.

Иллюстрация 3. Расходы в средний календарный год 1887-1914 гг.

Ил. 3

Траты по смете за определенный календарный год составляют большинство – 86,6% в 1887 г., 91% в 1894 г., 85,4% в 1912 г. На льготный период прошлогодней сметы и договоры прошлого года приходится по 3–6%. Обязательства позапрошлого года и далее составляют 0,6–1,5%, а 3-летней и более давности – сотые доли процента. В пятилетие перед Первой мировой войной доля долгов по договорам 2-летней и более давности растет, но все равно остается исчезающе малой.

В итоге мы можем дать такую диаграмму средних годовых расходов Военного министерства за 1887–1914 гг. в процентах (ил. 3).

Подобная пропорция остается более-менее стабильной за 27 лет, во время которых бюджет Военного министерства формировался всеми способами – ежегодными ассигнованиями, нормальными бюджетами, ежемесячным ассигнованием. Это позволяет предположить, что до 1887 г. наблюдалось схожее распределение. Зная ежегодные посметные траты, мы можем вычислить предполагаемый размер бюджетов Военного министерства в 1867–1886 г. простой формулой нахождения полного числа по его проценту – $x = (a \cdot 100) / b$, где x – это предполагаемый бюджет,

а – сметная трата в календарный год, а б – 89%, доля таких трат в общих расходах (ил. 4).

Теперь попытаемся выяснить, на что выделялись средства, что потребляло больше всего ресурсов. Для этих целей подойдут и сметы – ведь они отвечали за 85–90% всех трат.

В течение 1866–1914 гг. структура Военного министерства почти не менялась. Оно состояло из:

Главное интендантское управление – снабжение пищевым, фуражным, денежным довольствиями, обмундирование, перевозка войск и т. д.

Главное артиллерийское управление – заказы на производство оружия, обслуживание, содержание арсеналов, организация учений.

Главное инженерное управление (с 1912 г. – Главное военно-техническое управление) – содержание зданий, крепостей, укреплений, заготовление и ремонт инженерного имущества.

Главное управление военно-учебных заведений – содержание военных учебных заведений.

Главный штаб – содержание личного состава командующих войсками, округам и их штабов, «секретные расходы». В 1908 г. из него выделено Главное управление Генерального штаба.

Главное управление иррегулярных войск (Главное управление казачьих войск) – содержание управлений («штабов») в казачьих войсках.

Главное военно-медицинское управление – заготовление и доставка медикаментов и инструментов.

Главное военно-судное управление – содержание военно-судебных учреждений и Военно-юридической академии.

Предполагаемые расходы Военного Министерства за 1867-1887 г.	
Год	Млн р.
1867	106,8
1868	116,5
1869	125
1870	125,2
1871	137,8
1872	143,4
1873	149,2
1874	149,2
1875	151,7
1876	192,7
1877	428,6
1878	536,4
1879	281,7
1880	230,9
1881	231,7
1882	193,9
1883	191,1
1884	193,2
1885	199,9
1886	205,7

Ил. 4

Ил. 5

Ил. 6

Канцелярия Военного министерства – содержание военного министра, организация работы всего министерства, пенсии.

Некоторые из ГУ занимались узкими вопросами, заботы других касались всей армии. Попробуем графиком показать распределение бюджета Военного министерства по сметам его Главных управлений (ил. 5, 6).

Большинство ассигнований шло в смету ГИУ – от 65% до 75%. Из этих сумм почти все шло на обмундирование, провиант, фураж и жалование военнослужащих – эти траты составляли 85–90% трат интендантского ведомства. Причем практически все траты происходили в календарном году. По данным Госконтроля не видно, чтобы Военное министерство задерживало зарплату или поставки продовольствия.

Уменьшение доли расходов на эти назначения происходило за счет перевооружения армии в 1890-х или за счет затрат на перевозку рекрутов, войск и предметов военного назначения (ил. 7).

Дальше шли ГАУ и ГИЖУ, ответственные в сумме за 15–20%. 9% делили между собой ГУВУЗ, Главный штаб, Канцелярия, 1% – Главное военно-судебное управление и Главное военно-медицинское управление.

Ил. 7

Каждое управление имело и другие расходы – содержание своих окружных и местных управлений на местах; награды за службу, пособия, прибавочное жалование; непредвиденные расходы и т. д. Были и совсем невоенные траты. ГИУ оплачивало содержание Военно-народного управления в Туркестанском генерал-губернаторстве – 8,9 млн рублей в 1878 г., 1,5 млн в 1914 г.²⁹; Отдельного корпуса жандармов – 206 тыс. рублей в 1878 г., 5 млн рублей в 1903 г., 4,3 млн (при смете в 7,6 млн) в 1914-м³⁰. ГАУ жандармов вооружало – 5851 рублей в 1908 г.³¹, а ГИЖУ нанимало для них здания – 57 147 р.³². Главный штаб по смете 1892 г. оплачивал эксплуатацию Закаспийской военной железной дороги, по смете 1901 г. – пребывание Бухарского эмира в России, а по смете 1903 г. – строил казармы³³. По смете ГУКВ боролись с саранчой³⁴.

И только оставшиеся суммы, мизерные в масштабах страны и задач армии, тратились на военные нужды – производство и закупку вооружения, укрепление крепостей, заготовку запасов и прочее. И эти оставшиеся суммы не всегда могли быть потрачены. Реальное исполнение расходов на производство вооружения в ГАУ колебалось на уровне 40–60%.

Наконец, последнее. Установим, какую же долю занимали бюджет и траты Военного министерства от всех расходов бюджета Российской империи.

Доля оборонных расходов в течение 1887–1914 гг. постоянно падала, несмотря на абсолютный рост в цифрах. Это происходило как из-за увеличения общей доходности бюджета, так и из-за ожесточенной «конкуренции». Министры финансов – Витте или Коковцев – обычно были настроены против выделения средств на непроизводительные расходы. Потребности других министерств и к 1914 г. догоняли или обгоняли военно-морские бюджеты. Стремление восстановить флот после Русско-японской войны тоже лишало армию финансирования – Николай II выбирал корабельные орудия вместо скорострельных пушек.

Подведем итоги.

Во-первых, бюджеты Военного министерства Российской империи еще практически не изучены. Хотя источники, как архивные, так и печатные, есть в изобилии, главную трудность составляет необходимость осваивать нормативно-правовую основу бюджетного дела Российской империи, теорию и практику выделения и «выбивания» ассигнований.

Во-вторых, введение в оборот отчетов Госконтроля может помочь нам представить себе Военное министерство и Российскую императорскую армию как организации исполинских размеров, потреблявшие колоссальные ресурсы просто для того, чтобы оставаться на плаву. Только после того, как военнослужащие были одеты, обуты, накормлены и размещены, Военное министерство могло подумать о модернизации и перевооружении.

¹ Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 51–81.

² Степанов В. Л. Цена Победы: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и экономика России // Российская история. 2015. № 6. С. 99–119. Там же. Крымская война и экономика России // Вопросы Теоретической Экономики. 2018. № 1. С. 117–137.

³ Тиванов В. В. Финансы русской армии (XVIII век – начало XX века) // Государственная финансовая академия, Военный финансово-экономический факультет. М., 1993. 254 с.; Тиванов В. В. Денежные капиталы в русской армии. М.: Воениздат, 1996. 159 с.

⁴ Ялбулганов А. А. Финансовый контроль в Российской армии XIX – начала XX в. Организационно-правовые реформы. СПб.: Редакция журнала «Правоведение», Издательство СПбГУ, 1999; Его же. Внутриведомственный финансовый контроль в Российской армии в XIX – начале XX в.: историко-правовое исследование. Монография. М.: Академия налоговой полиции ФСНП России, 1999. 207 с.

⁵ Озеров И. Х. Основы финансовой науки: Бюджет. Формы взимания. Местные финансы. Государственный кредит. М.: ООО «ЮрИнфоР-Пресс», 2008. С. 24; Другое определение – акт, точно обозначающий все статьи расходов и доходов государства и имеющий связующее для правительства значение в сфере финансового хозяйств, обеспечение которого обеспечено строгой ответственностью исполнительной власти и контролем. Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Озеров И. Х. Указ. соч. С. 384.

⁸ ПСЗРИ II. Т. 37. С. 469.

⁹ Ялбулганов А. А. Указ. соч. С. 47–48.

¹⁰ Смета должна состоять из перечня доходов и расходов, подробной сметы доходов и расходов, приложений и особой объяснительной записки, в которой объяснялись причины, почему ожидалась эта трата и поступления, §1 приложений к ст. 16 закона 38309. См. Плехан И. С. Бюджетные законы. СПб.: Изд. юридического книжного склада «Право». 1911. С. 200.

- ¹¹ Ст. 31 и 32. Схожие полномочия были предоставлены морскому министру и его главноуправляющим, попечителю Императорского училища правоведения, управляющему Межевым корпусом по Константиновскому межевому институту и Школе межевых топографов.
- ¹² Совет высших чиновников Министерства.
- ¹³ ПСЗРИ III, № 27505. Том 26. Ч 1. С. 223–225, либо в редакции «Свода основных законов Российской империи», с. 100–101.
- ¹⁴ Сметам чрезвычайных расходов, Управлению железных дорог, неким «дополнительным сметам» – и вовсе до 25 сентября.
- ¹⁵ Например, по доходам – за §1 «Налоги поземельные...», §2 Государственный промысловый налог», §3... по расходам – за № 293 «Содержание центральный учреждений» ГИУ, № 294 «Содержание местных учреждений» ГИУ и т. д. по порядку их упоминания в росписи, без уточнения, что входит в налоги или в содержание учреждений.
- ¹⁶ За некоторым исключением – по ст. 96 Основных законов «постановления по строевой, технической и хозяйской частям... положения и наказы учреждениям и должностным лицам военного и военно-морского ведомств... представляются Государю Императору» если эти «постановления» (нововведения, изменения) не касаются общих законов, не требуют новых расходов и финансируются из сбережений Военного или Морского ведомств.
- ¹⁷ Первоначальный вариант и редакции см. в Кашкаров М. П. Обзор бюджетного законодательства России за 1862–1880 годы. Санкт-Петербург, Гос. канцелярия, 1891. С. 629–637 и далее.
- ¹⁸ Объяснительная записка к отчету Государственного Контроля по исполнению государственной росписи за сметный период 1872 года. Санкт-Петербург, 1873 г. С. 53.
- ¹⁹ Кашкаров М. П. Указ. соч. С. 644.
- ²⁰ Отчет Государственного Контроля по исполнению государственной росписи за сметный период 1867 года. Санкт-Петербург, 1868 г. С. 547–548, 551–552.
- ²¹ Отчет Госконтроля ... за 1868 г. С. 142–143, 620–621, 624.
- ²² Отчет Госконтроля ... за 1869 г. С. 688–689, 693.
- ²³ С 1889/1890 г. авансовые траты в основном пропадают, но какая-то общая информация есть в Объяснительных записках.
- ²⁴ За исключением периода войны 1877–1878 гг. Например, в 1877 г. долг по сметам составил 68 640 935 р.
- ²⁵ Исключения составляли военные годы. В 1877 г. в казну вернулось 12,5 млн, в 1878 – 22 млн. В 1914 г. – 214 млн.
- ²⁶ Отчет Госконтроля ... за 1868 г. С. 45.
- ²⁷ Отчет Госконтроля ... за 1888 г. С. 24.
- ²⁸ Отчет Госконтроля ... за 1899 г. С. 22.
- ²⁹ Отчет Госконтроля ... за 1878 г. С. 204–205; за 1914 г. С. 670–671.
- ³⁰ Отчет Госконтроля ... за 1878 г. С. 204–205; за 1903, С. 218–219; за 1914 г. С. 670–671.
- ³¹ Отчет Госкотроля ... за 1908 г. С. 546–547.
- ³² Отчет Госкотроля ... за 1908 г. С. 560–561.
- ³³ Отчет Госконтроля ... за 1892 г. С. 265–266; за 1901 г. С. 274–275; за 1903 г. С. 246–247; за 1908 г. С. 546–547.
- ³⁴ Отчет Госконтроля ... за 1892 г. С. 270–271.

А. А. Черноусов (Санкт-Петербург)

О РОССИЙСКОМ ПРИСУТСТВИИ НА ЧЕРНОМ МОРЕ. МНЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО РАЗВЕДЧИКА

Уильям Джесс – английский капитан, побывавший в черноморских портах России в 30–50-х гг. XIX в. (и, соответственно, занимавшийся разведкой), по результатам своих путешествий написал несколько книг. В своих книгах он дает множество интересной информации о состоянии Черноморского флота, о боевых действиях на Кавказе, о системе государственного управления Российской империи. Однако, несмотря на интересную фактологическую информацию, выводы, которые он делает, нуждаются в критической оценке. Британская спесь и самомнение «белого человека» зашоривают Джессу глаза и приводят его к ошибочным заключениям. Такие ошибочные выводы во многом стали причиной неожиданностей, с которыми пришлось столкнуться британцам с началом Крымской войны.

Описывая ситуацию на Кавказе, Джесс писал: «Чтобы противодействовать планам России в Азии, необходимо оказывать помощь черкесам, поставляя им военное снаряжение и оружие, особенно артиллерию, в которой черкесы так нуждаются. Союзники надеются, что с их помощью турки не допустят продвижение русских в Анатолию. Вместе с тем сомнительно, что удастся вытеснить русских из Грузии, если английские или французские войска не будут принимать непосредственного участия в боевых действиях против русских. Необходимо поддерживать дело черкесов, так как они борются за свободу и национальную независимость»¹.

В 1837 г. была создана Черноморская береговая линия, представляющая собой непрерывную цепь укреплений. Джесс писал, что по побережью было построено 14 фортов. Эти форты, за исключением находящихся в Анапе и Сухум-Кале,

были построены войсками, направленными из Севастополя. Укрепления, по его свидетельству, были весьма внушительными сооружениями. Основные форты – это земляные сооружения, некоторые из которых были обнесены частоколом. Эти укрепления обычно строились на реке и со стороны реки, если позволяла глубина, защищались канонерской лодкой. На выбор места форта влияло даже наличие ручья. «Со слов русского офицера, стакан воды часто стоил им стакана крови. Значительную помощь черкесам во взятии фортов оказывали польские офицеры, дезертировавшие с русской службы»². В фортах он отмечал жестокие эпидемии лихорадки.

После посещения Севастополя английский разведчик замечает: «Севастополь нужно надежно блокировать, либо уничтожить флот в бухтах... Несомненно, что его уничтожение нанесет серьезный удар по русским». Он оценивает флот и инфраструктуру не менее чем в 20 миллионов фунтов стерлингов. Стоимость одних укреплений – 7 миллионов.

Находясь в Севастополе, Джесс не мог не осмотреть и строящиеся береговые батареи, отметив их слабые стороны: «Константиновская, Александровская и Николаевская батареи построены из инкерманского камня. Качество кладки вызывает сомнение. Ярусы в батареях используются как казармы, в промежутках между пушками живут 10 человек. Отапливаются печками. Походные кухни находятся в конце яруса. Есть печи для нагрева ядер. Существуют серьезные трудности с вентиляцией. Для вентиляции использовались печные трубы, окна с тыльной стороны и амбразуры. При стрельбе батареи наполняются дымом, и это создает трудности личному составу. Батареи обеспечивают поддержку одна другой, что соответствует принципам фортификации, но они уязвимы для атак с суши»³.

Интересно описание Джессом адмиралтейства и кораблестроения в Николаеве: «Судостроительный завод обширный, но не все золото, что блестит. Корабли ничем не накрыты. Из четырех линейных кораблей, стоявших на стапелях, самым крупным был трехпалубный «Двенадцать апостолов»; по размерам он превосходил «Ройял Уильям», который, если не считать строящегося сейчас «Трафальгара», считается самым большим военным кораблем в мире. Используемое для строительства дерево очень низкого качества. Его надстройка открыта воздействию солнца, а нижняя палуба на 2 дюйма залита дождевой

водой. А ведь этот корабль должен быть спущен на воду через несколько дней! Большинство военных кораблей, которые строятся здесь, строятся по английским чертежам. Некоторые чертежники получили образование на наших (английских. – А. Ч.) заводах. Измерительные приборы поставлялись из Мюнхена, а хронометры из Англии. В общем, корветы и шхуны оснащаются с большим вниманием. Большие суммы денег ассигнуются на деревянную резьбу. Используется красное и палисандровое дерево. Когда корабли укомплектованы экипажами, они производят намного лучшее впечатление, чем флот заслуживает. За исключением того, что можно спрятать под двумя навесами, все остальные материалы подвержены влиянию погоды, в том числе дуб, привезенный из Польши. Под навесом хранится перво-классный лесоматериал, из которого строят гички, тендеры и яхты. На судах, заложенных 2 недели назад, в обшивных досках обнаружены трещины в четверть дюйма. Наблюдается отсутствие навесов для сушки дерева. Дерево используется вскоре после поступления на завод. Так как в Николаеве нет сухих доков, корабли сушатся прямо на стапелях. Весь период строительства корабли подвержены воздействию погодных условий. Для строительства используются не выдержанные лесоматериалы, поэтому корабли очень похожи на корабль «Варшава», который я видел в Севастополе. Он почти не пригоден для плавания после 8 лет эксплуатации. Половина корабельного состава не смогла бы выдержать непогоду в зимнее время на Черном море. На Николаевском заводе занято более 3 тысяч человек. Почти все они государственные крестьяне. От их работы нельзя ждать хорошего результата. Многие из них, как и в Севастополе, лица, задержанные за отсутствие паспорта, некоторые беглые крестьяне и дезертиры из армии. Многие прилично выглядят, но есть и осужденные в тяжелых цепях. На заводе есть только две пары пил. Отмечаются трудности с поставкой обшивных досок. Часто случается, что корабельные плотники бездельничают из-за отсутствия материала. Имеется в наличии токарный и сверлильный станок и тали. Все оборудование английского производства, как и в большинстве по России»⁴.

Однако, в августе 1841 г. при посещении Черноморского флота, обер-сарвайер Британского королевского флота Уильям Саймондс высказал другое мнение. Его визит Главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал М. П. Лазарев

описал так в письме своему знакомому Веревкину 23 сентября 1841 г.: «...пришлось, показав ему все, что есть у нас в Николаеве, отправиться с ним в Севастополь. Там он видел наш флот и посетил почти все военные суда и, кажется, сверх ожидания своего, нашел все в гораздо лучшем и большем размере, нежели он полагал найти, молчал, закусывая губы. А после из писем его к английскому в Одессе консулу я видел, что он относился в весьма лестных для нас выражениях. «Там пахнет (говорил он) морской нацией, чего на Балтике я не заметил, и ежели правительство поддерживает, то морская часть в Черном море очень усилится». Он судами нашими очень любовался, и всем, что на них есть, как то: красивой постройкой, покровом парусов, рангоутом, гребными судами, кузнечной работой и отделкой вообще...»⁵. А по состоянию линейного корабля «Двенадцать Апостолов» комиссия Главного Морского Штаба после десяти лет службы корабля сделала заключение о том, что корабль к службе совершенно благонадежен. Во время ремонта было всего лишь переменено несколько досок наружной обшивки⁶. Из этих суждений можно сделать вывод, что к началу 40-х гг. XIX в. кораблестроение на Черном море усилилось, но имело серьезные недостатки, связанные со слабой материально-технической базой адмиралтейств.

В оценке Джессом состояния Черноморского флота и его подготовки сквозит британская спесь и подсознательное отношение к России как к дикой отсталой стране: «Англия может позволить себе предоставить России механические средства для борьбы с ней; так как ни деньги, ни указы не могут создать таких моряков, как британские.

Нет! Нет! Здесь Николай должен остановиться! Он может приказать строить корабли, подобные «Двенадцати апостолам», и пушки, от четырехфунтовок до «Пайшанов» (самые современные на тот момент бомбические пушки. – А. Ч.), отливать в неограниченном количестве, но ни он, ни его преемники никогда не смогут рассчитывать иметь такие экипажи, как британские.

За исключением турок, русские хуже всех моряков в Европе. Нельзя не улыбнуться, когда сравниваешь моряков других наций с их моряками. Посмотрите на синюю куртку (форма британских морских офицеров предусматривала темно-синий сюртук, а у матросов синюю суконную куртку. – А. Ч.) на нашей собственной службе! Он весь легкость и свобода, ловкий

и мускулистый; его лицо открыто, а осанка независима; и, хотя он проявляет беспрекословное послушание в условиях дисциплины, его поведение мужественное и уважительное, и он чист (При этом Первый лорд Адмиралтейства У. Черчилль в 1913 г. дал очень хорошо характеристику состоянию дел в британском флоте: «Военно-морские традиции? Ничего, кроме рома, содомии и плети». Эти слова включены в Оксфордский словарь цитат. – А. Ч.). Русский моряк – это ни рыба и ни мясо, своего рода лошадь-моряк. Голова у него почти выбрита, а мундир из зеленого сукна, сшитый, как у драгуна, сидит на нем довольно плотно; спереди он застегнут на все пуговицы и отделан подкладкой... Его нижние конечности обуты в веллингтоны (сапоги – А. Ч.) а на голове у него шерстяная шапочка, набекрень... когда к нему обращается офицер, он снимает шапку и, сведя ноги вместе, встает... по стойке “смирно”!

Экипажи Черноморского флота совершенно некомпетентны; чтобы убедиться в этом, достаточно лишь спуститься в практический порт в Одессе и вы увидите, как команда катера высаживает своего командира с линейного корабля.

Военно-морская мощь России в этом отношении – химера, Хотя огромные суммы были и остаются потраченными на их флот, результатом является не эффективная сила, а лишь видимость таковой⁷.

Для того чтобы оценить «объективность» такого суждения, достаточно вспомнить результат Синопского сражения, когда Черноморская эскадра под командованием П. С. Нахимова, не потеряв ни одного корабля, уничтожила практически полностью турецкую эскадру, а также вспомнить 349-дневную героическую оборону Севастополя во время Крымской войны.

Процитированные в статье мысли и оценки англичанина, сделанные перед Крымской войной, показывают глубину заблуждений англичан относительно возможностей российского Черноморского флота и его моряков. Это стало для них полной неожиданностью с началом войны. Однако, приведенные Джессом факты позволяют также оценить экономическую и военную отсталость России, приведшую в результате к поражению в Крымской войне.

Как видим, игра на «большой шахматной доске» началась не вчера. Противостояние России и Запада в Причерноморском регионе имеет почти двухсотлетнюю историю. Основными

ключевыми территориями для большой геостратегической игры здесь всегда являлись Кавказ и Крым. За это время интересы Запада мало в чем изменились – те же «стратегические интересы» на Черном море и развязанная война на Украине.

---

¹ Captain Jesse. Russia and the war. London, 1854. P. 131–132.

² Ibid. P. 134.

³ Ibid. P. 145–146.

⁴ Ibid. P. 148–149.

⁵ Из писем Лазарева Вережкину // Русский архив. 1883. № 6. С. 385.

⁶ Лазарев М. П.: Документы / Под ред. А. А. Самарова: В 3 т. М.: Военное изд-во МО СССР, 1955. Т. 2. С. 218.

⁷ William Jesse. Notes of a half-pay in search of health: or Russia, Circassia, and the Crimea, in 1839–40. Vol. II. London, 1841. P. 21–22.

А. Н. Чубинский (Москва)

ОБ ОРУЖИИ, САМОВОЛЬНО ВЗЯТОМ МОСКОВСКИМИ СТРЕЛЬЦАМИ НА ПУШЕЧНОМ ДВОРЕ 18 СЕНТЯБРЯ 1682 ГОДА

В архиве Оружейной палаты XVII в. хранятся несколько документов, которые в совокупности рисуют исключительно интересную картину учета, хранения и перемещений боевого оружия, находившегося на балансе этого учреждения в начале 1680-х гг. В четырех столбцах описаны разновременные события, в том числе имеются разнообразные сведения, тематически далекие от истории оружия. В силу чего эти документы невозможно расположить в порядке их формальных датировок, в такой последовательности они не сложатся в связное и логичное повествование, как, впрочем, и в любом другом порядке. Поэтому мы начнем наше исследование с разбора наиболее краткого столбца, датированного 1 мая 1683 г.¹

В нем сообщается о плате московским извозчикам за транспортировку с Пушечного двора на «двор боярина Никиты Ивановича Романова» внушительного количества строевого вооружения – 9040 карабинов с перевязями и 8982 пар пистолетов с ольстрами. Московский двор Н. И. Романова (чье имущество после смерти в 1654 г. отошло в казну) в указанное время находился на балансе Оружейной палаты и использовался, в частности, как складской комплекс². Остается неясной причина, по которой упомянутое оружие хранилось на Пушечном дворе. При этом в другом документе, представляющем собой разрозненные росписи жалования разным мастерам Оружейной палаты и Ствольного приказа 1681–1682 гг., также имеются свидетельства о передаче на склады артиллерийского ведомства оружия со двора Н. И. Романова в 1682 г.: «190-го марта в 31 день... жалования... Приказа Ствольного дела станочным мастером, которые

работали на дворе боярина Никиты Ивановича Романова, с полат снег сгребали, и у дозорщика у Андрея Артемьева в полатах из сундуков ружье выбирали, и клали в стойла и на грядки, ольстра цепляли... и таскали сундуки и возили на Пушечной двор... 190-го майя в 14 день... станочного дела мастером, которые... ис полат выносили... сундуки с ружьем и с ремнями и возили на Пушечной двор»³.

Ситуацию проясняет точно не датированный документ 1683 г.⁴, ссылающийся на указ царя Федора Алексеевича «прошлого» 1682 г. Согласно этому указу, в 1682 г. на Пушечный двор со «двора боярина Никиты Ивановича Романова» было перевезено «2000 мушкетов новых з галанскими замками, станки новые ореховые; 150 мушкетов з жагры, оправы медные; 6500 пар пистолей и карабинов, и в том числе половина с медными оправы, а другая з железными; 3395 пар ольстр пистольных; 6500 ремней карабинных, крюки новые; 13 480 стволов мушкетных старых починошных; 1500 стволов карабинных». Далее следует ссылка на указ «великих государей» Ивана и Петра Алексеевичей «нынешнего» 1683 г., который обязывал Пушкарский приказ передать в Оружейную палату «9314 карабинов с перевязьми и с крюки и с пряшки, 8982 пары пистолей с ольстры»⁵. В этом документе причинно-следственная связь между передачей оружия из Оружейной палаты в Пушкарский приказ и возвращением обратно также неясна. Но точное совпадение количества пистолетов в этом документе и в приведенных выше данных о перевозке оружия 1 мая показывает, что речь идет об одной и той же группе оружия. Следовательно, описываемый документ должен быть датирован временем до 1 мая 1683 г., когда московским ямщикам были выданы деньги за транспортировку описанного вооружения. К финальной части этого документа мы вернемся ниже, а развернуть историю перемещений оружия нам позволит еще один, наиболее интересный для рассматриваемой темы столбец, который выявляет широкий исторический контекст описываемых событий и прочно увязывает между собой все цитированные документы.

Это память, присланная из Пушкарского приказа в Оружейную палату от 19 мая 1683 г.⁶ В преамбуле указывается, что в 1682 г. указом царя Федора Алексеевича Пушкарский приказ был подчинен Оружейной палате, а двор боярина Никиты Ивановича Романова, в свою очередь, был выведен из

управления Оружейной палатой и передан братьям царевны М. М. Апраксиной. Вследствие этих перестановок большое количество боевого оружия, хранившегося на дворе Н. И. Романова и, очевидно, находившегося на балансе Оружейной палаты, было перевезено в «каменные амбары» на территории Пушечного двора – 2242 мушкета и 6550 «служеб рейтарского ружья», т. е. комплектов, включающих карабин и пару пистолетов. Амбары были опечатаны печатью дозорщика Оружейной палаты Андрея Сведенгребля (в других документах он именовался Андреем Артемьевым)⁷. Однако 26 февраля 1683 г. Сведенгребль зафиксировал, что печати на амбарах с оружием были сняты и заменены на печати Пушкарского приказа. При пересчете в амбарах оказалось 1223 мушкета и была выявлена заметная недостача оружия: «недостало тысячи девятинадцати мушкетов, рейтарского ружья розломано три сундука, а в них по счету недостало пятидесяти двух пар одного пистоля»⁸. В отношении недостающего вооружения в Пушкарском приказе был начато расследование, затрагивающее также причины снятия печатей дозорщика. Бывший пушкарский голова и другие служащие приказа были допрошены, они уточнили, что Сведенгребль перевез оружие на Пушечный двор в Великий пост 1682 г., и до начала осени того же года оно хранилось без эксцессов. Однако «сентября в 17 числе было на Москве смутное время», – стрельцы, солдаты и пушкарки вскрыли амбары и самовольно вооружались, правда, большей частью оставляли расписки за взятые ружья. Очевидно, служащие Пушкарского приказа не могли препятствовать происходящему, но сумели придать «раздаче» оружия хоть сколько-то организованный характер, а после ухода бунтовщиков заперли амбары и опечатали их «государевою печатью... которою печатью всякая казна печатается на Пушечном дворе». По их подсчетам, всего было роздано 1529 мушкетов воинам десяти полков.

Здесь необходимо сделать отступление и прояснить ситуацию сентября 1682 г. Самочинное вооружение надворной пехоты на Пушечном дворе описано во многих источниках. Например, книжник Сильвестр Медведев в своих воспоминаниях писал так: «Служивыя же в Москве начата крепиться и во осаде сидети готовитися. Разобрали же себе и роздавали многим людям из государевы казны ружье: мушкеты, и карабины, и копия, — и пороховую казну, и пушки с Пушечного двора по местам причинным... и по своим приказом розвозили»⁹. Согласно записям

Разрядного приказа, «сентября в 18-м числе... великим государям ведомо учинилось, что... во всех полках учили чинить зборы ратным обычаем и ходить в города и везде с копыи и со всяким ружьем, и с Пушечного двора пушки розвезли к себе по полкам, а иные ввезли в Кремль»¹⁰. В челобитной солдатского полка Р. Жданова значится, что «в нынешнем де во 191-м году сентября в 20 день... в полку де у них... учинился страх и сумнение, и они де взяли без... указу с Пушечного двора четыре пушки, 200 карабинов, осмнатцать мушкетов галанских, сто железец долгих спис, свинцу двенатцать пуд, фетилю семь пуд»¹¹.

Непосредственной причиной возбуждения стрельцов была казнь их лидера князя Хованского, состоявшаяся 17 сентября в подмосковном селе Воздвиженском. Вот как описывают свои деяния стрельцы в повинной челобитной: «Мы, холопи ваши, взяли из вашей великих государей казны с Пушечного двора ружье без... указу для того, что вестно нам... учинилось во все полки из троецкого похода из села Воздвиженского от... князь Ивана Хованского... в нынешнем во 191-м году сентября против 18-го числа приехал... князь Иван к Москве из вашего великих государей походу из села Воздвиженского и сказал, что будто отца ево, князь Ивана, взяли в селе Пушкине люди боярские... казнили будто без вашего великих государей указу. Да нам же... окольничего Павла Языкова сын Григорей Языков сказывал... чтобы во все полки дати ведомость, будто нас, холопей ваших надворную пехоту, бояре Одоевские и Голицыны хотят со многим собранием рубити, и чтобы мы засели в Москве... А по дорогам де стоят всяких чинов люди боярские с ружьем и хотят ити к Москве на нас, холопей ваших, боем, и дворишки наши пожечь»¹².

Как видно из челобитной, стрельцы узнали о смерти Хованского 18 сентября. В действительности, и другие источники подтверждают, что оставшийся в живых сын князя Ивана Андреевича оказался в Москве лишь в ночь с 17 на 18 сентября¹³. Эти данные заставляют думать, что служащие Пушкарского приказа в своих показаниях ошибочно отнесли визит стрельцов к 17 сентября, во всей видимости, спутав его с днем казни И. А. Хованского.

Вряд ли можно однозначно определить мотивы стрельцов в момент реквизиций оружия в Пушкарском приказе. Безусловно, сочетание известия о гибели их лидера и дезинформации о подготовке силового подавления бунта вызвало у них панику. Вот как

описывает их эмоциональное состояние Сильвестр Медведев: «Служивыя зазваниша в набатные колокола, опасаящися, яко их будто хотя пришедше боярские холопы рубить до... младенца и слободы их жечь... и вси быша в недоумении и во ужасе быша, не ведяще что сотворити, зане начальника своего лишишася»¹⁴. Согласно Медведеву, стрельцы заимствовали оружие на казенных складах для самозащиты, опасаясь расправы. Несколько другую версию излагает А. А. Матвеев, с его точки зрения, стрельцы, «услышав же князьям Хованским и выборным учиненную казнь, все во един голос закричали: пойдем все сами и побьем бояр всех, и прочая тому подобная»¹⁵. То есть стрельцы собирались не защищаться, а нападать. Так или иначе, в обоих случаях им было необходимо спешно вооружаться. При этом оставленные ими расписки о реквизициях оружия с царских складов¹⁶ показывают, что стрельцы старались оставаться в рамках правового поля и считали свои действия вынужденным ответом на форсмажорные обстоятельства.

Характерно, что позднее «того смутного времени» те же стрельцы, солдаты и пушкарки возвращали взятое оружие на Пушечный двор в обмен на свои расписки. Впрочем, эти действия нельзя назвать добровольными. 3 октября 1682 г. стрельцам был зачитан царский указ, где им было обещано прощение, при соблюдении ряда условий. В числе оговоренных «статей», стрельцы были обязаны вернуть самовольно взятое оружие, в том числе «всякие... запасы, которые они взяли с Пушечного двора и розвезли к себе по полком, тако же ружье, и зелье, и свинец, и фетиль, которое они взяли из их государские казны себе и роздали розных чинов людям»¹⁷.

Проблемы с возвращением ручного оружия, захваченного стрельцами, начали решаться еще осенью 1682 г. Так, в Разряде, скорее всего, на основании тех или иных документов из Пушкарского приказа были составлены списки оружия, взятого стрельцами десяти полков, а также одного солдатского полка: «Список с росписи, что чего в казну великих государей... ис полков надворные пехоты октября по 30-е число не довезено. Генерала думного Агеева полку Алексеевича Шепелева 203 карабина с перевезьми, 81 мушкет, 260 капральств банделер, 88 копей списных. Стольников и полковников Родионова полку Жданова 2 капральства бандрелер, Никитина полку Глебова 104 мушкета, 20 карабинов...»¹⁸. Но лишь к концу зимы 1683 г.

выяснилось, что часть присвоенного стрельцами оружия принадлежала Оружейной палате.

Возвращаясь к описываемому нами документу, коротко укажем его финальные пункты. 29 марта 1683 г. голова Пушкарского приказа составил роспись имеющегося и утраченного оружия. Оказалось, что из числа возвращенных стрельцами мушкетов примерно половина происходит из Оружейной палаты, а другая часть исходно находилась на балансе Пушкарского приказа. Небольшую часть утраченных мушкетов удалось «донять» в двух стрелецких полках через Стрелецкий приказ. Итог расследования был таков: отыскать утраченные мушкеты и пистолеты невозможно, а наличествующее оружие необходимо передать в Оружейную палату.

Отметим неясности с приводимыми в документах подсчетами ружей, фигурирующих в документах 1682–1683 гг. Непонятно, почему в мае 1683 г. на двор Н. И. Романова вернулось в полтора раза больше комплектов рейтарского оружия (карабинов и пистолетных пар), чем было перемещено из Оружейной палаты весной 1682 г. Думается, что нам остается неизвестной часть перевозок оружия между складскими помещениями Оружейной палаты и Пушечного двора 1682–1683 гг., а в описанных нами документах дается ссылка лишь на прецедентное первое перемещение двух тысяч мушкетов и шести с половиной тысяч «служб» рейтарского оружия на Пушечный двор (как мы видели выше, трансфер осуществлялся по меньшей мере в два этапа 31 марта и 14 мая). Также мы не знаем, когда было возвращено на склады Оружейной палаты остальное оружие, в том числе «доимочные мушкеты», а также мушкетные и карабинные стволы. Нельзя исключить, что среди перемещенных на двор Н. И. Романова 1 мая девяти тысяч комплектов «рейтарского ружья» было оружие, исходно принадлежавшее как Оружейной палате, так и Пушкарскому приказу.

Вернемся, однако, к описанному ранее столбцу из архива Оружейной палаты, в котором сообщаются исключительно интересные сведения о превратностях в жизни приказной системы. После изложения указа о перевозе оружия из Пушкарского приказа в Оружейную палату следует ремарка: «А где то ружье... положить... указу о том нет», а также приводится предыстория складских помещений для оружия¹⁹. Выясняется, что если до 1681 г. оружие хранилось в Верхних палатах непосредственно над

приказным офисом Оружейной палаты в Кремле, то следуя царскому указу от 15 июня 1681 г., «всякая оружейная казна» была перемещена в другие помещения тех же палат, а «в тех Верхних полатах велено было делать резного и столярного дела мастером церковные иконостасные и всякие ево великого государя дела по наряду из Приказу Большого дворца». Традиционное место хранения оружия вернулось под крыло Оружейной палаты в 1683 г., однако, к этому времени уже не могло использоваться по прежнему назначению. В результате двухгодичного управления приказом Большого дворца в Верхних палатах были уничтожены «станки» (стеллажи) для укладки оружия, и царила общая разруха: «И с тех Верхних полат станки, в которых лежало ружье, выломаны и с переходов растасканы на поварни и позжены. И как те полаты после очистки в Оружейной полате были не ведомы, и из них кирпичной пол и из окон затворы железные выношены неведомо куды»²⁰. Далее приводилась смета ремонта Верхних палат. К сожалению, окончание этого документа утрачено.

Возвращаясь к оружейному контексту, постараемся ответить на ряд следующих вопросов. Каково происхождение вышеописанного пехотного и кавалерийского стрелкового оружия? Каковы его технические данные? Могли ли сохраниться в музейных собраниях какие-либо предметы из числа упомянутых?

В цитированной выше челобитной солдат полка Жданова среди «взятого без указу с Пушечного двора» оружия значилось «200 карабинов, осмнатцать мушкетов галанских»²¹. «Голландский мушкет» здесь может означать как страну изготовления оружия, так и ссылку на характерный механизм кремневого замка. Напомним, что исходно на Пушкарский двор было перевезено 2242 «мушкета новых немецких з галанскими замками, станки ореховые» или же, по другому подсчету, «2000 мушкетов новых з галанскими замками, станки новые ореховые». Наиболее вероятно, что «голландскими» здесь названы замки, принадлежащие к французскому типу. Известно, что в 1657 г. царь Алексей Михайлович заказал через коммерсанта Ивана Гебдена покупку «пистолей надежных, замки резные галанские о дву взводах»²². В этой цитате примененный к замкам эпитет «голландские» означает не их происхождение, а конструкцию. «Два взвода» – характеристика, применяемая в этом контексте только к французским (или батарейным) замкам²³, наиболее прогрессивной характеристикой которых была лодыжка с двумя вырезами,

соответствовавшими боевому и предохранительному взводам курка. Таким образом, партия мушкетов, пребывавшая в 1682 г. на складах Пушечного двора, наверняка имела замки французского типа. Так как ложи мушкетов были вырезаны из ореха, это исключает их русское происхождение. Скорее всего, эти мушкеты были привезены в Россию голландскими коммерсантами, но, возможно, и немецкими. То, что оружие названо «новым», вполне согласуется с наличием современных замков; вероятно, это был привоз начала 1680-х гг. (в то же время поставки фитильного оружия еще не вполне прекратились, например, в 1681 г. «торговой иноземец Илья Ильин сын Табарт» поставил в казну «800 мушкетов з жагры амстрадамских»²⁴).

К сожалению, группа в две тысячи мушкетов с французскими замками и ореховыми ложами не просматривается в описи Оружейной палаты 1682 г. Об этом мы можем судить по ссылкам на хранившееся в 1682 г. в царской казне оружие в Переписной книге 1687 г.²⁵ В равной степени, в Переписной книге 1687 г. трудно угадать следы «1223 мушкетов з галанскими замками», которые 26 февраля 1683 г. были возвращены на двор Н. И. Романова. С большой вероятностью, за прошедшие годы они были выданы в полки, что косвенным образом подтверждает, что это было наиболее востребованное оружие.

Хранившееся в 1682–1683 гг. на Пушечном дворе «рейтарское ружье», карабины и пистолеты в количестве нескольких тысяч не могли быть изготовлены в Оружейной палате. Очевидно, что и здесь идет речь о зарубежных поставках. В отличие от мушкетов, следы этого оружия мы можем нащупать в описи Оружейной палаты. Единственная крупная группа карабинов в царской оружейной казне в 1687 г. – «Две тысеци шестьсот шездесят один карабин стволы полукруглые, замки барабарские, станки ореховые, оправа железная и медная. В том числе тысеца девять карабинов в починку; цена по рублю по шеснатцати алтын по четыре деньги карабину»²⁶. Это оружие хранилось «у иноземца у Андрея Артемьева [дозорщика Андрея Сведенгребля. – А. Ч.] в Верхней и в Нижней полате». Среди пистолетов в 1687 г. «сверх прежних переписных книг 190-го году объявились в полатах у иноземца у Андрея Артемьева... две тысеци чetyреста сорок пар пистолей немецких... замки бораборские, станки ореховые, оправа на станках медная и железная; цена по два рубля пара»²⁷. С большой вероятностью, именно эти группы являются остатками огромной

партии рейтарского оружия (9314 карабинов и 8982 пары пистолетов), перевезенного с Пушечного двора 1 мая 1683 г. Если это наше предположение верно, то кавалерийское оружие из Оружейной палаты также имело замки французского типа («барабарские» или «борабрские»).

Вероятность того, что в современных музейных собраниях сохранился хотя бы один мушкет или карабин, которые можно было бы связать с событиями 1682–1683 гг., исключительно мала. Тем не менее, упомянутые в одном из цитированных документов «1500 стволов карабинных»²⁸, которые в 1682 г. были временно перемещены на Пушечный двор, вполне вероятно, частично оказались в Музеях Кремля. В Переписной книге 1687 г. они описаны так: «Да у иноземца у Андрея Артемьева в полатах сверх прежних переписных книг триста стволов карабинных глатких и полукруглых и граненых; цена по шти алтын по четыре денги. Да на Бархатном дворе четыреста дватцать семь стволов карабинных; цена по три алтына по две денги. Да на дворе боярина Никиты Ивановича Романова тысяча сто осмнатцать столов карабинных тульского дела; цена по шти алтын по четыре денги»²⁹. Других столь же обширных групп карабинных стволов, которые можно было бы связать с упомянутыми, в Переписной книге нет. Тульские стволы в современном собрании музея отсутствуют (скорее всего, они были установлены на ложи в период после 1687 г.). Но в Оружейной палате на сегодняшний день хранится 475 тонкостенных голландских стволов, которые по клеймам датируются 1655–1660-ми гг. Это преимущественно амстердамские и маастрихтские стволы длиной 65,5–72 см и калибром 15–16 мм³⁰. Скорее всего, именно эти стволы (или их значительная часть) весной 1682 г. были перевезены со складов Оружейной палаты на склады Пушкарского приказа. Во время бунта они не могли заинтересовать стрельцов ни в мае, ни в сентябре 1682 г., а в 1683 г., очевидно, были возвращены Оружейной палате, поскольку не могли представлять никакой ценности и для артиллерийского ведомства (в его штате не было ложевых мастеров, которые бы собирали стрелковое оружие).

Таким образом, в результате нашей работы было выяснено, что Пушкарский приказ, по меньшей мере с 31 марта по 14 мая 1682 г., подчинялся Оружейной палате, а новые каменные склады Пушечного двора использовались для хранения ручного огнестрельного вооружения. Значительная часть оружия, которое

стрельцы заимствовали на Пушечном дворе 18 сентября 1682 г., как оказалось, состояла на балансе Оружейной палаты и позднее была возвращена этому ведомству. Также нами была выполнена правдоподобная реконструкция стрелкового оружия, реквизированного стрельцами. Можно было бы ожидать, то этим оружием окажутся фитильные мушкеты и колесцовые карабины, однако, на складах хранились наиболее современные пехотные и кавалерийские ружья, а также пистолеты, оснащенные кремневыми замками французского типа.

Приложение

Память из Пушкарского приказа в Оружейную палату об отсылке оружия

18 мая 1683 г.

Лета 7191-го мая в 19 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев боярину и оружейнику Петру Васильевичу Большому Шереметеву с товарыщи в Пушкарской приказ к боярину ко князю Василью Васильевичу Голицыну с товарыщи в память за приписью дьяка Василья Протопопова написано.

В прошлом во 190-м году по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца Пушкарской приказ ведом был в Оружейной полате, а двор Никиты Ивановича Романова велено отдать стольником Петру да Федору да Андрею Матвеевым детям Апраксиным.

И з двора боярина Никиты Ивановича Романова из оружейных каменных анбаров перевезено на Пушечной двор ружья две тысячи двести сорок два мушкета новых немецких з галанскими замками, станки ореховые с медною и з железною оправою, шесть тысяч пятьсот пятьдесят служб рейтарского ружья пистолей и карабинов с медною ж и з железною оправою, и положено было на Пушечном дворе в каменные анбары, и у тех анбаров была печать оружейного дозорщика Андрея Сведенгребеля.

И в нынешнем во 191-м году февраля в 26 день по указу великих государей велено то ружье с Пушечного двора перевести на двор боярина Никиты Ивановича Романова по-прежнему. И по скаске ево ж андрееве, у тех анбаров, в которых положено

вышеписанное ружье, объявились печати великих государей, и те печати сняты ис Пушкарского приказа. А по досмотру и по щету ево андрееву, в тех анбарех объявилось того ружья и перевезено на двор боярина Никиты Ивановича Романова тысяча двести дватцать три мушкета з галанскими замками, а недостало тысячи девятинацати мушкетов, рейтарского ружья розломано три сундука, а в них по счету недостало пятидесять дву пар одного пистолля. И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы указали о том ружье в Пушкарском приказе розыскав, отписать в Оружейную полату к тебе боярину и оружейнику к Петру Васильевичу с товарыщи, у тех каменных анбаров, в которых лежало ружье, дозорщикову печать кто снял и ружье имал.

И в Пушкарском приказе бывшей пушкарской голова Иван Каржавин, да Пушечного двора подьячие Ивашко Сидоров с товарыщи, да Пушечного двора выборные Фирско Борисов, Мишка Евтифеев, Федка Петров в допросе сказали.

В прошлом де во 190-м году в великой пост из Оружейные полаты з двора боярина Никиты Ивановича Романова оружейной приимщик Андрей Сведеньгребель привез и положил на Пушечном дворе в новые каменные в две полаты ружья: карабины и мушкеты и пистолы. И те анбары замыкал и печатал своею печатью. А в то де число Пушкарской приказ был ведом в Оружейной полате, а пушкарской голова был Семен Дмитриев. И то де ружье за тою ево андреевою печатью и у тех анбаров замки и печати были целы сентября по 17 число нынешняго 191-го году.

А сентября де в 17 числе было на Москве смутное время. И в то де время приходили на Пушечной двор розных полков московские стрельцы, и салдаты, и пушкари, и пушкарского чину, и у тех анбаров те замки и печати оружейного приимщика Андрея Сведеньгребеля збили и печати сорвали и с тех полат ружье имали многое с роспискою и без росписок насильно при нем Иване и при подьячих, и при выборных.

А те де полаты, в которых из Оружейные полаты оружейной дозорщик Андрей ружье клал сентября с 17 числа нынешняго 191-го году, запечатали они государевою печатью арлом, которою печатью всякая казна печатается на Пушечном дворе, по приказу головы Ивана Каржавина, потому что те полаты после стрельцов и пушкарей стояли бес печатей. И после де того

смутного времени те стрельцы и пушкари, и салдаты по тем роспискам то ружье на Пушечной двор приносили к ним же, голове и к подьячим, и к выборным. А что по тем роспискам того ружья во взятъе было, и тому они подали те росписки в Пушкарском приказе. А по тем роспискам розных полков московских стрельцов, и салдат, и пушкарей, того ружья во взятъе с Пушечного двора в десять полков тысяча пятьсот дватцать девять мушкетов приему Оружейные полаты и Пушкарского приказу. И по росписи головы Ивана Каржавина марта 29 числа нынешняго 191-го году, какову он подал в Пушкарском приказе после смутного времени, в приеме Оружейные полаты семьсот тритцать мушкетов, а за тем, по той же ево иванове росписи, тех мушкетов донять на дву полках: Семенова полку Расловлева четыре мушкета, Федорова полку Головленкова девять, всего тринацать мушкетов. И о взятъе доимочных мушкетов в Стрелецкой приказ подана с ыным доимочным ружьем и со всякими полковыми припасы роспись, а достальные семьсот восемьдесят шесть мушкетов Пушкарского приказу и наличные семьсот тритцать мушкетов Оружейные полаты ныне лежат на Пушечном дворе в анбаре. А рейтарского ружья против памяти Оружейные полаты пятидесят дву пар одного пистоля да двусот семидесят шти мушкетов по роспискам розных полков московских стрельцов и салдат и пушкарей во взятъе и по допросу головы Ивана Каржавина и выборных и пушкарских подьячих не объявилось. И где то ружье ныне, того розыскать неким.

И великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцы указали по тому розыску наличное ружье семьсот тритцать мушкетов ис Пушкарского приказу отослать в Оружейную полату к тебе боярину и оружейнику к Петру Васильевичю с товарищи. И по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев боярину и оружейнику Петру Васильевичю Большому Шереметеву с товарищи о приеме того ружья учинить о том по указу великих государей.

На обороте Л. 8 подпись: «Писал Петрушка Усталков».

На обороте Л. 1 резолюция: «По сему великих государей указу наличные мушкеты принять, а о достальном пропалом ружье написать в доклад тотчас».

По склейкам листов скрепа: «Дьяк Федор Волков».

Филиграни – герб Амстердама (Герасимов А. А. Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. С. 17–18), корона с наметом, на отдельных листах видны срезанные буквы.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21596. Л. 1–8 об. Подлинник.

¹ О выдаче денег извозчикам Абросиму Михайлову с товарищи за провоз с Пушечного двора на двор б. Н. И. Романова ружья карабинов и пистолетов 1 мая 1683. Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 396. Оп. 1. Д. 21367. Л. 1.

² В Переписной книге Оружейной палаты 1687 г. имеются множественные ссылки на хранение строевого оружия на дворе Н. И. Романова в 1682–1687 гг. См.: Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям думным дворянином А. Ф. Полибиным и дьяком В. Мануиловым в 1687 г. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 936. Л. 1, 12, 321 об., 367 об., 372, 375, 429 об.

³ О выдаче кормовых денег Оружейной палаты станочным мастерам, работавшим на дворе боярина Н. И. Романова. 1681–1682. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20473. Л. 6, 14.

⁴ О перевозе ружей из Пушкарского приказа в Оружейную палату. 1683. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21621. Л. 1–2. Строго говоря, документ, составленный в «191 году», мог появиться и в сентябре–декабре 1682 г.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Память из Пушкарского приказа в Оружейную палату об отсылке ружья. 1683. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21596. Л. 1–8.

⁷ Дозорщик – служащий Оружейной палаты, который отвечал за приемку, хранение и отпуск в полки боевого оружия. Об этой должности см.: Яблонская Е. А., Орленко С. П. Оружейной палаты дозорщики XVII века // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 28. М., 2018. С. 105–127.

⁸ Там же. Л. 2–3.

⁹ Симеон Агафонникович (Сильвестр) Медведев. Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92 в них же что содеяно во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей / Подг. А. П. Богданов. С. 144.

¹⁰ Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов [Отв. ред. В. И. Буганов]. М., 1976. С. 96, № 63.

¹¹ Там же. С. 101–102, № 63.

¹² Симеон Агафонникович (Сильвестр) Медведев. Созерцание краткое лет... С. 159.

¹³ Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 179.

¹⁴ Симеон Агафонникович (Сильвестр) Медведев. Созерцание краткое лет... С. 141.

¹⁵ Матвеев А. А. Записки // Рождение империи. М., Фонд Сергея Дубова. 1997. С. 397.

¹⁶ Интересно, что стрельцы приходили на Пушечный двор и ранее, на пике стрелецкого бунта 15 мая 1682 г. они «велели у зеленой казны, и у свинцовые, и у фетильные казны печати снять, замки отмыкать», брали боеприпасы в нужных количествах и также оставляли расписки. См.: Восстание в Москве 1682 года. С. 23, № 4.

- ¹⁷ Там же. С. 105, № 63. Эту же статью дословно цитирует Сильвестр Медведев. См.: Симеон Агафонникович (Сильвестр) Медведев. Созерцание краткое лет... С. 164.
- ¹⁸ Восстание в Москве 1682 года. С. 228, № 175.
- ¹⁹ О перевозе ружей из Пушкарского приказа в Оружейную палату. 1683. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21621. Л. 2.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Восстание в Москве 1682 года. С. 101–102, № 63.
- ²² Бакланова Н. А., Чекан И. В., Заозерская Е. И. Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. М., 1928. С. 67.
- ²³ Теоретически «двумя взводами» обладал и средиземноморский замок, но невозможно предположить, что царь Алексей Михайлович именовал бы эту конструкцию «голландской».
- ²⁴ О приеме в Оружейную палату ружья от иностранца Табарта. 1681. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20241. Л. 1, 3.
- ²⁵ Переписная книга 1687. Л. 370–375 об.
- ²⁶ Там же. Л. 362 об.
- ²⁷ Там же. Л. 429.
- ²⁸ О перевозе ружей из Пушкарского приказа в Оружейную палату. 1683. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21621. Л. 1–2.
- ²⁹ Переписная книга 1687. С. 367–367 об.
- ³⁰ Яблонская Е. А. Огнестрельное оружие Нидерландов XVII–XVIII веков [Каталог собрания Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль»]. М., 2012. Кат. № 637–1102.

Р. Н. Чумак (Санкт-Петербург)

7,62-мм ТАНКОВЫЙ ПУЛЕМЕТ ТКБ-666

В далеком уже 1994 году, в самом начале моей офицерской службы на одном из арсеналов ГРАУ, среди огромного количества хранимого там стрелкового оружия был выявлен необычный пулемет. Его главной особенностью было наличие двух стволов, которые, как выяснилось в процессе изучения, стреляли одновременно (залпом). Пулемет имел обозначение ТКБ-666, т. е. был опытным и явно предназначенным для использования на бронееобъекте: на нем имелись элементы для соединения с постелью танковой установки, прицельные приспособления отсутствовали. Конструкция отличалась простотой и лаконичностью решения проблемы заряжания и стрельбы одновременно из двух стволов и была достойна подробного изучения.

В начале исследования использовался стандартный для таких случаев метод – разборка оружия на составные части

Ил. 1. Подвижная система пулемета ТКБ-666

и механизмы и составление его конструктивной характеристики. Результат исследования приведен в таблице 1.

Таблица 1

**Конструктивная характеристика и некоторые характеристики
7,62-мм танкового пулемета ТКБ-666**

Конструктивная характеристика	
Используемый патрон, калибр	7,62-мм винтовочный патрон (7,62 x 53R)
Количество стволов	2 ствола, расположенных горизонтально
Двигатель автоматики	Газоотводный с приводом от одного (правого) ствола
Схема двигателя автоматики	С длинным ходом поршня
Механизм закрывания канала ствола	Продольно скользящая подвижная система, состоящая из затвора и затворной рамы
Механизм запираания канала ствола	Блок-затвор общий для обоих стволов, вертикально скользящий, вывешенный на четырех параллельных серьгах
Воспламенительный механизм	Ударниковый с приводом от затворной рамы для левого ствола и газовым приводом для правого ствола
Механизм экстракции гильз	Жесткие извлекатели (лапки) в затворе
Механизм отражения гильз	Отражение гильзы производится очередным патроном, снижаемым качающимся рычагом в затворе, и далее вперед в канал под стволами до выхода наружу
Тип механизма подачи патронов	Ленточный (лента пулемета ПК), рычажный, двухтактный с приводом от затворной рамы. Подача ленты справа
Спусковой механизм	Рычажный с электромагнитным (основным) и ручным (резервным) приводами
Дульное устройство	Пламегаситель трубчатого типа
Прицельные приспособления	Отсутствуют
Другие устройства	– механизм взведения подвижной системы рычажный – амортизированное крепление для монтажа на танковую установку
Некоторые характеристики	
Вес, кг	17,4
Длина, мм	1010

Следующим этапом исследования стало изучение и описание особенностей конструкции пулемета и функционирования его механизмов при стрельбе.

Пулемет состоит из ствольной коробки с подвижной системой и блока из двух горизонтально расположенных стволов. На левом стволе установлена газовая камера привода ударного механизма правого ствола, на правом стволе – газовая камера газоотводного двигателя автоматики. Стволы частично заключены в общий сплошной цилиндрический металлический кожух. Дульные части стволов выходят за передний торец кожуха, на них навинчены трубчатые пламегасители. Под дульными частями стволов имеются выходы гильзоотводных каналов каждого ствола, закрытые общей откидной подпружиненной крышкой.

Ствольная коробка – штампованная из листовой стали, коробчатой формы, сверху закрываемая откидной крышкой. На ее боковых поверхностях выполнены загибы для направления движения подвижной системы. В передней части вмонтирован вкладыш для размещения стволов, газовой трубки и основания приемника. В задней части ствольной коробки в вертикальных пазах установлен отъемный затыльник с электроспуском. На правой стороне коробки смонтирован рычаг взведения подвижной системы с планкой. Внутри ствольной коробки размещается механизм подачи ленты и спусковой механизм.

Подвижная система состоит из затворной рамы с газовым поршнем и блок-затвором, а также механизма возвратно-боевой пружины. Затвор смонтирован на затворной раме на четырех параллельных серьгах, за счет чего при движении рамы в откате и накате он может совершать плоскопараллельное движение вверх и вниз для запираания и отпираания. При неполной разборке пулемета затвор от затворной рамы не отсоединяется. Сверху задней части затворной рамы размещены пружинящие зацепы для извлечения патронов из ленты для каждого ствола, а также два качающихся в вертикальной плоскости рычага, предназначенных для снижения патронов в лапки затвора после их извлечения из ленты. В передней части затворной рамы установлена трубка для возвратно-боевой пружины с газовым поршнем. На нижней поверхности трубки находится копирный (винтовой) выступ, предназначенный для приведения в действие механизма подачи ленты. На лобовой поверхности затворной рамы находится выступ (молокот), предназначенный для удара по ударнику левого ствола.

Затвор представляет собой деталь прямоугольной формы. На передней поверхности затвора находятся два комплекта функциональных элементов (для каждого ствола): выступы (лапки) для удержания патронов при их движении по зеркалу и извлечения стреляных гильз, отверстия для выхода бойков ударников, устройства для удержания патронов в промежуточном положении, а также канал для прохода толкателя газового привода ударного механизма правого ствола. На задней части затвора находятся каналы для ударников. Внутри затвора размещено коромысло привода ударного механизма правого ствола. На боковых поверхностях затвора расположены два вертикальных боевых упора (по одному с каждой стороны) и четыре серьги, которыми затвор соединяется с затворной рамой.

Механизм возвратно-боевой пружины представляет собой многожильную пружину, надетую на телескопический направляющий стержень, и буферное устройство из набора круглых тарельчатых пружин.

Крышка ствольной коробки – штампованная из листовой стали, коробчатой формы. В ее передней верхней части установлены элементы приемника патронной ленты с удерживающими пальцами. На верхней поверхности крышки выполнены пара копирных поверхностей, предназначенных для приведения в действие снижающих рычагов затворной рамы. На крышке ствольной коробки нанесены обозначение пулемета (ТКБ-666) и его серийный номер.

Работа автоматики пулемета организована следующим образом.

Исходное положение механизмов пред заряданием. Затворная рама с затвором находятся в крайнем переднем положении, блок-затвор на серьгах поднят вверх, его боевые выступы зашли за запирающие выступы вкладыша ствольной коробки. Молоток затворной рамы нажимает на заднюю поверхность ударника левого ствола, его боек выходит из отверстия в зеркале затвора. Ударник правого ствола находится полностью внутри затвора. Снижающие рычаги затворной рамы подняты вверх, их передние концы находятся над задней частью окна приемника. Возвратно-боевая пружина имеет наименьшее поджатие.

Работа механизмов при зарядании. Для зарядания пулемета крышка ствольной коробки откидывается вверх, лента, снаряженная патронами, накладывается на основание приемника таким

образом, чтобы фланцы гильз двух первых патронов вошли в зацепы соответствующих извлекателей затворной рамы. Крышка ствольной коробки закрывается, при этом удерживающие пальцы в верхней части ее приемника входят в зацепление с лентой, предотвращая ее выпадение при работе механизма подачи.

Воздействием на рукоятку рычага перезаряжания он поворачивается назад, при этом его планка движется горизонтально вдоль коробки и тянет за собой подвижную систему до ее постановки на шептало. После отведения подвижной системы рукоятка возвращается в переднее положение и фиксируется защелкой на выступе крышки ствольной коробки.

При отведении подвижной системы в заднее положение в механизмах пулемета происходят следующие процессы. В начале движения затворной рамы серьги, которыми она связана с затвором, смещаются нижней частью назад, а их верхняя часть движется вниз, увлекая за собой затвор, производя отпирание каналов стволов. Одновременно извлекатели патронов в затворной раме выдвигают из ленты сразу два патрона и удерживают их до следующей операции. По мере движения затворной рамы назад затвор опускается вертикально вниз и в определенный момент его боевые упоры выходят из зацепления с упорами ствольной коробки, после чего затвор присоединяется к раме и продолжает движение с ней в направлении продольной оси оружия. После выхода патронов из ленты и за казенный срез стволов снижающие рычаги затворной рамы упираются в скошенную поверхность копирных поверхностей в крышке ствольной коробки и поворачиваются передней частью вниз, выталкивая патроны из зацепов извлекателей вниз в пазы в затворе до выхода их на линию досылания, где патроны фиксируются защелками. В процессе спуска патронов в затвор затворная рама своим копирным выступом на трубке взаимодействует с рычагом подающего механизма, который сдвигает патронную ленту на один шаг влево (сразу на два патрона) до выхода новых патронов на линию извлечения, после чего лента фиксируется в приемнике удерживающими пальцами. Подвижная система с патронами в затворе, находящимися на линии досылания, сжимая возвратно-боевую пружину, доходит до крайнего заднего положения и становится на шептало спускового механизма. Пулемет заряжен.

Работа механизмов при стрельбе. При подаче напряжения на электроспуск или нажатии на спусковой рычаг шептало

спускового механизма опускается вниз, освобождая подвижную систему, которая под действием возвратно-боевой пружины движется вперед, направляя патроны, зафиксированные в затворе, в патронники стволов. Затвор при этом не может подняться и расклиниться в направляющих коробки, поскольку серьги, связывающие его с затворной рамой, находятся в горизонтальном положении в «мертвой точке». Снижающие рычаги в затворе поднимаются вверх и готовятся стать над донными частями очередных патронов ленты, рычаг механизма подачи ленты, взаимодействуя с выступом на трубке затворной рамы, поворачивается в исходное положение. При подходе затвора к казенным срезам стволов он упирается своими запирающими выступами в копирную поверхность на запирающем вкладыше и несколько смещается вверх. При этом серьги, связывающие затвор с затворной рамой, выходят из «мертвой точки» и начинают принимать на себя вертикальную составляющую усилия затворной рамы, поднимая затвор вверх, осуществляя запирание каналов стволов. Патроны при этом находятся в патронниках стволов, их донная часть фланцем находится в лапках поднимающегося затвора. Одновременно зацепы затворной рамы, приближающейся к своему крайнему переднему положению, упираются в донца находящейся в ленте очередной пары патронов, расходятся в стороны и захватывают фланцы их гильз. В конце хода затворной рамы в крайнее переднее положение молоток рамы соприкасается с задней поверхностью ударника левого ствола, который, сдвигаясь в своем канале вперед, выходит за зеркало затвора и накалывает капсюль патрона – происходит выстрел из левого ствола. После прохождения пулей газоотводного отверстия газового привода ударного механизма правого ствола его поршень отходит назад и своим толкателем воздействует на коромысло ударного механизма в затворе, которое ударяет по ударнику правого ствола – происходит выстрел из правого ствола. После прохождения первой пулей газоотводного отверстия газоотводного двигателя автоматики, размещенного на правом стволе, пороховой газ поступает в его газовую камеру, воздействует на поршень затворной рамы и отбрасывает подвижную систему назад до удара в буферное устройство, после чего начинается ее движение вперед в накате и цикл работы автоматики повторяется.

При стрельбе автоматика пулемета отрабатывает описанные выше операции, дополняемые процессом извлечения стреляных

гильз. Гильзы, находящиеся в лапках затвора, движутся вместе с ним в откате до того момента, когда сверху на них начнет снижаться новая пара патронов, сдвигая их в нижнюю часть лапок затвора, где они пребывают до завершения цикла «откат-накат» и очередного выстрела. В крайнем переднем положении подвижной системы пара стреляных гильз попадает в гильзоотводную трубку под стволом и удерживается в ней до прихода очередной пары гильз. По мере настрела гильзы толкают друг друга и цепочкой движутся вперед по гильзоотводным каналам до выхода наружу из передней части кожуха ствола.

Общий анализ конструктивных решений главных механизмов пулемета ТКБ-666 показал, что их нельзя считать исключительно оригинальными. Так, например, схема механизма запираания в значительной степени сходна с запираанием 12,7-мм пулемета НСВ. Схема патроноподающего механизма в общем плане воспроизводит принцип снижения патронов на линию досылания, использованный в 14,5-мм пулемете Владимирова КПВ. Однако реализация перечисленных узлов в пулемете ТКБ-666 настолько индивидуальна, что ни о каком копировании главных механизмов образцов-предшественников речь не шла, этот пулемет является полностью самостоятельной конструкцией.

Следующим вопросом исследования стало выяснение происхождения пулемета ТКБ-666, для каких задач он создавался и судьбы проекта. С происхождением проблем не было – заводской индекс ТКБ и номер проекта без цифры 0 в начале прямо указывали на разработку пулемета в Конструкторском бюро приборостроения (Тула). Общая судьба проекта тоже была в целом понятна: пулемет на вооружение не принимался и так и остался в статусе опытного изделия.

Было очевидно, что конструктор пулемета ТКБ-666 выбрал двустольную схему, стремясь увеличить скорострельность разрабатываемого оружия. Но почему это нужно было делать на явно сухопутном образце, где высокий темп стрельбы далеко не всегда является достоинством, оставалось неясным. Поскольку в 1994 году эти вопросы остались без ответа, исследование завершилось, сделанные в его процессе записи убраны в личный архив, а пулемет вернулся на свое место в хранилище.

Прошло немало лет до того момента, когда автору пришлось увидеть еще один экземпляр пулемета ТКБ-666 и продвинуть работу по его изучению. На этот раз такой образец нашелся

в собрании учебного оружия кафедры РИПАМ Тульского государственного университета. Но и там немного смогли добавить к уже имеющейся у меня информации об этом пулемете, за исключением того, что один из старших сотрудников кафедры вспомнил о том, что изначальный вариант ТКБ-666 имел примечательную особенность: две пули залпа, покинув каналы стволов, начинали постепенно расходиться в стороны. Особенно хорошо эффект расхождения пуль был виден при стрельбе трассирующими пулями, из-за чего добиться нужной кучности не удавалось.

В ходе консультаций с различными специалистами был сформирован вывод о причинах указанного явления. Дело в том, что, несмотря на очень высокий уровень однообразности параметров патронов стрелкового оружия, изготовить абсолютно одинаковые патроны невозможно. Каждый патрон будет отличаться от всех прочих по целому ряду параметров: весу порохового заряда и заряда капсюля, весу и размерам пули, усилию по ее посадке в гильзу и ее обжатию в ней и т. д. Эти отличия очень незначительны, но из-за них, даже если бойки оружия одновременно достигнут капсюлей обоих патронов, внутрибаллистические процессы в каждом патроне будут развиваться с определенными особенностями, которые приведут к тому, что какая-то из пуль залпа придет в движение первой и покинет канал ствола раньше другой. Но поскольку отличия в параметрах баллистических процессов в каждом стволе и, соответственно, разница во времени между вылетом первой и второй пуль, все же не велика, то обе пули залпа будут идти друг за другом на небольшом расстоянии. При этом баллистическая волна от первой пули не успеет рассеяться, и второй пуле придется двигаться в ее возмущенном фронте, сбиваясь с нормального курса. Кроме того, даже в том случае, когда конструктор задумал конструктивное решение, при котором ударники должны строго одновременно наколоть капсюли обеих патронов, в действительности этот процесс проходит иначе. Из-за имеющихся допусков на размерные цепи ударного механизма каждого ствола разбитие капсюлей патронов не может произойти абсолютно синхронно – в любом случае будет иметь место какое-то отставание одного из них. В итоге, на практике залп из двуствольного пулемета представлял собой не одновременный выпуск обеих пуль, а два поочередных выстрела с очень маленьким промежутком времени друг от друга. Маленьким, но достаточным

Ил. 2. В. С. Катаржнов

Ил. 3. В. А. Кулицкий

для того, чтобы одна пуля вышла из ствола несколько раньше второй, причем на настолько незначительный промежуток времени, что баллистическая волна от первой пули не успевала расшеяться и влияла на параметры боя второй и кучностные характеристики залпа в целом.

Информацию о том, при каких обстоятельствах, для каких задач и с каким результатом создавался пулемет ТКБ-666, удалось получить еще через 10 лет, на этот раз при участии советника генерального директора АО «Конструкторское бюро приборостроения» Виктора Сергеевича Катаржнова. Он рассказал некоторые подробности создания пулемета, а также нашел его ведущего конструктора Владимира Алексеевича Кулицкого и организовал связь с ним. Пояснения этих двух тульских оружейников позволили достаточно полно воссоздать ход процесса создания и дальнейшей судьбы пулемета ТКБ-666.

История создания пулемета ТКБ-666 уходит корнями в конец 1960-х гг., когда в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 28 декабря 1968 г. № 1044-381 в нашей стране начались опытно-конструкторские работы по созданию новой системы стрелкового оружия для вооружения вертолетов и самолетов, в которую должны были войти 12,7-мм и 7,62-мм скорострельные пулеметы. Для выполнения данной ОКР управление вооружения ВВС МО СССР разработало ТТТ № 33388-68

Ил. 4. П. Г. Якушев

Ил. 5. Б. А. Борзов

Ил. 6. В. П. Грязев

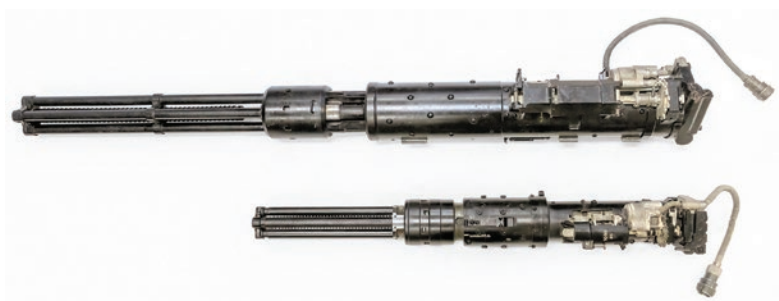
Ил. 7. Е. Б. Глаголев

на пулеметы обоих калибров, задание на их разработку получили два тульских конструкторских бюро – ЦКИБ СОО и КБП.

Проектированием пулеметов в ЦКИБ СОО занялись два опытных конструктора: П. Г. Якушев и Б. А. Борзов, они начали создавать пулеметы обоих калибров по единой конструктивной схеме с вращающимся блоком из четырех стволов.

Ил. 8. 12,7-мм авиационный пулемет ТКБ-063 (ЯкБ-12,7). Фото ЦКИБ СОО

Ил. 9. 7,62-мм опытный авиационный пулемет ТКБ-083 (внизу) рядом с 12,7-мм пулеметом ЯкБ-12,7 (вверху). Фото ЦКИБ СОО

Ил. 10. 7,62-мм авиационный пулемет ТКБ-621 (ГШГ-7,62)

Пулемет калибра 12,7 мм получил индекс ТКБ-063, пулемет калибра 7,62 мм – ТКБ-068. В КБП работу над пулеметами возглавил не менее опытный главный конструктор предприятия В. П. Грязев, а ее непосредственным исполнителем (ведущим конструктором) стал Е. Б. Глаголев. Работы над пулеметами в обоих КБ велись достаточно интенсивно, но в определенный момент сформировалось совместное решение вести разработку 12,7-мм пулемета в ЦКИБ СОО, а 7,62-мм пулемета в КБП. Это позволяло сосредоточить лучшие силы предприятий на создании и доводке до нужного уровня одного пулемета и сэкономить время на проведение работ. Какое-то время дела шли в запланированном порядке: ЦКИБ СОО остановил свои работы над

7,62-мм пулеметом ТКБ-068 и сконцентрировался на доводке 12,7-мм пулемета ТКБ-063, а КБП продолжило разрабатывать 7,62-мм пулемет ТКБ-621, который в дальнейшем станет известен как ГШГ-7,62.

Однако в 1973 году сложившееся между предприятиями разделение темы оказалось нарушенным. На финишную прямую вышли работы по созданию вертолетной подвесной установки (гондолы) ГУВ-8700, в которую как раз и должны были устанавливаться разрабатываемые в Туле 12,7 и 7,62-мм пулеметы. И у В. П. Грязева возникла идея создать к этой установке пулеметное вооружение, разработанное полностью в КБП. Он в инициативном порядке начал разработку 12,7-мм пулемета, нарушив сложившееся ранее разделение тем между КБП и ЦКИБ СОО. Свой 12,7-мм пулемет В. П. Грязев решил строить по двухствольной схеме, которую хорошо знал, любил и умел доводить до нужного заказчика состояния. Но в данном случае он избрал оригинальное решение автоматики, при котором стрельба из двух стволов осуществлялась не последовательно, как в его известных автоматических пушках ГШ-23, а залпом двумя пулями одновременно. Такое решение было достаточно заманчивым, поскольку позволяло получить высокий темп стрельбы при в два раза меньшем количестве циклов работы автоматики на единицу времени и обойтись без применения сложных схем механизмов оружия.

В ответ на «маневр» В. П. Грязева ЦКИБовцы возобновили разработку своего 7,62-мм пулемета ТКБ-068, также решившись претендовать на вооружение гондолы своими пулеметами обоих калибров. Началась конкуренция, называвшаяся в то время соревнованием. Однако в том же 1973 г. вопрос о том, какой 12,7-мм пулемет будет выбран заказчиком для вооружения ВВС, был уже практически решен – им стал ЦКИБовский пулемет ТКБ-063, будущий ЯкБ-12,7. Под воздействием этого неопоримого фактора В. П. Грязев прекратил разработку двухствольного 12,7-мм пулемета, сосредоточившись на доводке 7,62-мм пулемета ТКБ-621, который в 1979 г. поступил на вооружение ВВС под обозначением ГШГ-7,62. Несколько ранее, в 1977 г., на вооружение был принят ЦКИБовский 12,7-мм пулемет ТКБ-063 под обозначением ЯкБ-12,7, и оба пулемета – ЯкБ-12,7 и ГШГ-7,62 – устанавливались в вертолетную гондолу ГУВ-8700. При этом опытные образцы авиационных пулеметов, созданные в обоих КБ в период возникшей конкуренции, оказались не у дел. Но если тульский

Ил. 11. С. 523. Вертолетная подвесная установка (гондола) ГУВ-8700 с установленными в ней 12,7 и 7,62-мм пулеметами ЯкБ-12,7 и ГШГ-7,62

7,62-мм пулемет ТКБ-068 так и остался опытным образцом и развития не имел, то грязевский двухствольный 12,7-мм авиационный пулемет получил шанс на вторую жизнь.

Этот шанс был связан с недовольством В. П. Грязева практически готовым 7,62-мм пулеметом ТКБ-621 (будущим ГШГ-7,62). К этому пулемету, создававшемуся Е. Б. Глаголевым в тяжелых муках, набралось немало претензий по части сложности конструкции и технического обслуживания. Кроме того, он был спроектирован для использования специальной рассыпной патронной ленты, обращение с которой при снаряжении требовало серьезного навыка. Такие свойства пулемета не устраивали В. П. Грязева, и он решил попробовать создать еще один вариант 7,62-мм скорострельного авиационного пулемета с улучшенными конструктивными и эксплуатационными характеристиками, но уже базируясь на схеме ранее отставленного им в разработке двухствольного 12,7-мм пулемета. По итогам опытно-конструкторской работы предполагалось получить пулемет с аналогичным пулемету ГШГ темпом стрельбы, но более простой по устройству и использующий штатную «наземную» патронную ленту от пулемета СГМ/ПК, обращение с которой не составляло трудностей.

Разработка 7,62-мм двухствольного пулемета под заводским индексом ТКБ-666 началась в 1974 г. Первый образец показал темп стрельбы 1500 выст./мин. и надежную работу автоматики. Однако директор КБП А. П. Шипунов считал его недостаточным и попросил конструкторов изыскать возможность увеличения темпа до 2000 выст./мин. Коллектив разработчиков выполнил пожелание директора за счет постановки в возвратный механизм буферного устройства из набора тарельчатых пружин. Но А. П. Шипунов решил не останавливаться на достигнутом результате и, чтобы приблизиться к темпу стрельбы ГШГ-7,62, вновь попросил увеличить темп стрельбы – сначала до 2500, а затем и до 3000 выст./мин. Желаемых значений темпа достичь удалось, но на его максимальном значении начались отказы в стрельбе по причине выпадения пуль из гильз (распатронирования) при извлечении патронов из ленты, из-за чего пришлось вернуться к темпу в 2500 выст./мин., при котором пулемет работал нормально.

В принципе, пулемет ТКБ-666 можно было довести до состояния альтернативы ГШГ, но к концу 1970-х гг. тот уже находился в высокой степени готовности и вскоре должен был поступить на вооружение ВВС. В этих условиях разработка еще одного образца 7,62-мм авиационного пулемета стала неактуальной, что обычно вело к закрытию проекта. Но в данном случае события развивались иначе: пулемет оказался востребован, но не в авиационном варианте, а наземном.

В 1979 г., когда пулемет ГШГ-7,62 поступил на вооружение ВВС, в СССР начались масштабные работы по созданию новой боевой машины пехоты – будущей БМП-3. За разработку комплекса вооружения к ней взялись несколько организаций, в том

Ил. 12. Директор конструкторского бюро приборостроения академик А. П. Шипунов

Ил. 13. Боевая машина пехоты БМП-3

числе и Конструкторское бюро приборостроения. КБП предложило вооружить боевую машину башенной установкой (боевым модулем) в которой размещались объединенные в единую конструкцию 100-мм пушка 2А70, 30-мм автоматическая пушка 2А72, а также пулемет нормального калибра. На начальном этапе работы директор КБП А. П. Шипунов предложил включить в состав вооружения боевого модуля новой БМП двухствольный пулемет ТКБ-666. С этой целью его подвергли доработке: максимально «обжали» поперечный габарит кожуха стволов для уменьшения размеров амбразуры в броне, с целью снижения уровня загазованности боевого отделения машины организовали выброс гильз вперед, ввели устройство регулировки сведения (сострела) двух стволов.

В ходе отработки конструкции пулемета не обошлось без решения нескольких сложных проблем, главной из которых являлась описанная выше особенность принятой двухканальной схемы – расхождения пуль в залпе. По воспоминаниям ведущего конструктора пулемета В. А. Кулицкого, расхождение пуль достигало 0,5 м при стрельбе на дальность 100 м, что являлось категорически неприемлемым. Проблему удалось решить разведением выстрелов в залпе на время, достаточное для того, чтобы баллистическая волна от первой пули успела рассеиваться до

Ил. 14. Контрольно-пропускной пункт 38-го Центрального научно-исследовательского испытательного бронетанкового полигона в Кубинке. Фото <https://vse-podmoskovje.livejournal.com/122201.html>

того момента, когда в данной зоне пространства окажется вторая пуля. Достигнуто это было путем изменения конструкции воспламенительного механизма за счет введения в него отдельного газового привода ударного механизма второго стреляющего ствола. Конструктивно этот механизм выглядел следующим образом. На стволе, выстрел из которого должен осуществляться первым (левый ствол), устанавливалась малая газовая камера с поршнем диаметром 6 мм, толкающий конец которого выходил к передней поверхности затвора. В затворе монтировалось коромысло, нижнее плечо которого располагалось напротив толкателя поршня газового привода, а верхнее его плечо – напротив ударника ствола, выстрел из которого должен был осуществляться вторым (правый ствол).

Рабочий цикл залпа начинался с выстрела в первом (левом) стволе, который осуществлялся путем удара молотка затворной рамы по ударнику в затворе. После прохождения пулей газоотводного отверстия газового привода ударного механизма в том же стволе пороховой газ попадал в его камеру и смещал поршень назад, его толкатель ударял по нижнему плечу коромысла в затворе, а верхнее плечо ударяло по ударнику второго (правого)

ствола – происходил второй выстрел в правом стволе. За счет применения отдельных для каждого ствола приводов ударных механизмов удалось развести пули залпа по времени на 3 миллсекунды и исключить их влияние друг на друга, при этом кучность боя нормализовалась.

Доработанный пулемет ТКБ-666 установили на БМП-1 и отправили для испытаний на 38-й Центральный научно-исследовательский испытательный бронетанковый полигон в Кубинке. В их ходе выявилась высокая боевая эффективность пулемета: при стрельбе по мишени «Ручной противотанковый гранатомет» на дальности 400 м обеспечивалось ее 100%-ное поражение. На больших дальностях вероятность поражения целей снижалась, но все равно оставалась в несколько раз выше, чем у пулемета ПКТ. Столь высокий результат настолько впечатлил испытателей полигона, что в итоговых документах они рекомендовали рассмотреть вопрос об увеличении настильности стрельбы пулемета за счет его перепроектирования под мощный патрон калибра 8,5–9 мм. Конечно, это предложение осталось нереализованным, поскольку такого патрона в СССР в то время не существовало.

После проведения успешных полигонных испытаний пулемета ТКБ-666 директор КБП А. П. Шипунов перешел к следующему этапу реализации своего плана об использовании этого пулемета в комплексе вооружения БМП-3. Он довел свое предложение до министра оборонной промышленности СССР П. В. Финогенова, рассчитывая на его одобрение. Министр предложение выслушал, но... отверг. Он эмоционально призвал Шипунова к умеренности, мотивировав свое решение, во-первых, тем, что использование в БМП скорострельного пулемета приведет к огромному увеличению расхода патронов, которое нужно будет обеспечить усилиями боеприпасной отрасли, а во-вторых, тем, что к новой БМП и так придется ставить на производство две новые пушки, и еще один новый пулемет не нужен. И указал поставить в боевой модуль БМП-3 обычный пулемет ПКТ.

Но и на этом эпизоде история пулемета ТКБ-666 не завершилась. В 1980-х гг. он предлагался в качестве элемента комплекса вооружения перспективного танка «Объект 490». Однако революционная компоновка этой боевой машины и еще ряд обстоятельств не дали развиваться ее проекту до реального образца, что

предопределило и судьбу комплекса вооружения вместе с пулеметом ТКБ-666 – он в очередной раз оказался не у дел. Но теперь уже окончательно: после 1991 г. чертежи пулемета сдали в архив, сохранившиеся образцы передали на склады. Точное количество изготовленных пулеметов ТКБ-666 выяснить не удалось, но, судя по серийным номерам сохранившихся образцов, их число составляло около трех десятков штук, а возможно и более. Из этого количества до начала 2000-х гг. сохранилось менее десяти штук: один пулемет хранился на арсенале ГРАУ (утилизирован в начале 2010-х гг.), два пулемета с серийными номерами 25 и 26 находятся в собрании учебного оружия кафедры РИПАМ ТулГУ, четвертый пулемет был установлен в башенной установке БМП-1, размещавшейся в музейном комплексе КБП в начале 2000-х гг. (его судьба неизвестна), еще несколько пулеметов хранились на складе КБП.

Т. Н. Шевяков (Москва)

ШЕФСКИЕ ЛЕНТЫ ПОЛКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ: НОВЫЕ ДАННЫЕ

Шефские ленты впервые появились на знаменах полков австрийской армии во второй половине XVIII в. Это был способ, с одной стороны, проявить дань уважения подшефному полку, с другой – сделать знамя (в австрийской армии на тот момент однотипное для всех частей) «особенным» с помощью подобного украшения и, наконец, занять рукоделием супругу шефа того или иного полка, поскольку изначально ленты эти были в прямом смысле «семейным» подарком части. XIX в. стал эпохой расцвета этого нерегламентированного отличия. На первом месте тут оставалась Австрийская империя, где многие полки имели даже не по одной, а по две-три ленты. Также шефские ленты были распространены в армии Пруссии, а затем и Германской империи, включая даже самые небольшие земельные контингенты. Позднее к Австрии и Германии присоединилась Румыния, где также правила немецкая династия Гогенцоллернов-Зигмариненов.

В русской армии шефские ленты появляются сравнительно поздно. В 1867 г. король прусский Вильгельм I пожаловал ленты на знамена 6-го пехотного Либавского полка в ознаменование 45-летия шефства над полком своего брата, принца Карла Прусского. В 1868 г. ленты были пожалованы 5-му пехотному Калужскому полку в ознаменование 50-летия шефства самого Вильгельма I. В 1873 г. он же, уже будучи императором, пожаловал ленты Санкт-Петербургскому гренадерскому (с 1894 – лейб-гвардии Санкт-Петербургскому) полку в ознаменование 10-летия шефства. В 1874 г. ленты получил 13-й драгунский Военного Ордена полк, шефом которого император Вильгельм I стал лишь три года назад, в 1871 г. В 1888 г. шефские ленты получили сразу два полка: 85-й пехотный Выборгский от германского императора

Вильгельма II по случаю коронации и Кексгольмский гренадерский (с 1894 – лейб-гвардии Кексгольмский) полк от австрийского императора Франца Иосифа I в ознаменование 40-летия шефства. В 1896 г. вторые шефские ленты были пожалованы лейб-гвардии Санкт-Петербургскому полку в память 25-летия зачисления в полк императора Вильгельма II. И наконец, в 1911 г. ленты были пожалованы 13-му гусарскому Нарвскому полку в ознаменование 10-летия шефства Императора Вильгельма II.

Разрешение на принятие шефских лент каждый раз давалось российскими императорами лично, причем между пожалованием и разрешением могло пройти довольно много времени. Все «иностраннные ленты» указывались в справочных книжках Императорской главной квартиры, более известных в среде военных историков как «Справочник Шенка», – за исключением нарвских гусар (последний справочник по кавалерии был опубликован в 1909 г.), чья лента была упомянута В. В. Звегинцовым в книге «Знамена и штандарты русской армии»¹, а затем в статье М. Чапалы в журнале «Старый Цейхгауз»².

Однако документы Российского военно-исторического архива и материалы, опубликованные Государственным Историческим музеем на Госкаталоге, позволили выявить еще две шефские ленты, пожалованные русским полкам и нигде ранее не упоминавшиеся.

16 мая 1903 г. 18-й пехотный Вологодский Его Величества Короля Румынского полк праздновал столетний юбилей. Шеф полка, король Карл I, прислал по этому случаю в Новоград-Волынский делегацию во главе с генерального штаба полковником Авереску (впоследствии – маршал Румынии)³. По всей видимости, тогда же или чуть позднее (точную дату пока не удалось установить) на новое знамя полка были пожалованы шефские ленты, по поводу чего была начата переписка для получения Высочайшего разрешения на принятие этих лент. 18 июня 1904 г. генерал-квартирмейстер Главного Штаба генерал-майор Лопушанский в докладной записке на имя военного министра генерал-адъютанта Сахарова пишет: «Особых законов или правил относительно порядка пожалования иностранными государствами юбилейных и т. п. лент на знамена наших войсковых частей не существует. Но примеры такого пожалования бывали неоднократно...»⁴. Далее Лопушанский указывает упомянутые выше награждения Калужского, Кексгольмского и Выборгского полков,

причем в последних двух случаях ошибочно указан 1899 г. вместо 1888-го, что указывает, в частности, на отсутствие какого-либо системного учета данных по «иностранным» лентам. Дальнейший текст докладной записки является квинтэссенцией состояния российской военной бюрократии: «По-видимому, на принятие жалюемых лент испрашивалось каждый раз особое Высочайшее соизволение, но навести точной справки в этом отношении не представляется возможным, так как архив Главного Штаба заперт и на лицо не находится чиновника, у которого ключи. Точно также не представляется возможным теперь доложить, какой был принимаемый порядок встречи лица командированного для вручения ленты и было ли это лицо награждаемо русскими орденами»⁵.

На следующий день, 19 июня, на записке военным министром была поставлена резолюция: «Его Величество соизволил разрешить 18 пехотному Вологодскому полку принять жалюемую Королем Румынским ленту к знамени, о чем телеграфировать временно командующему войсками Киевского военного округа»⁶. Уже через пять дней командир 18-го пехотного Вологодского полка телеграфировал в Главный Штаб: «Доношу сегодня 24 июня ден полкового праздника по окончании молебствия была принята перед фронтом полка от лейтенанта румынской службы Горскаго юбилейная лента присланная королем Румынским и возложена на полковое знамя с применительным соблюдением главы второй правил для парадов и церемоний вместо грамоты было прочитано письмо короля Румынии на мое име и произнесено лейтенантом Горским по русски обращение Его Величества к полку»⁷.

В деле отсутствует описание шефской ленты, однако, к счастью, она обнаружилась в фондах Государственного Исторического музея. В Госкаталоге она числится, как «Лента наградная от шефа 18-му Вологодскому пехотному полку. Россия, Петергоф. 1898 г.» (ТМ-1317). По всей видимости, в музей она поступила в 1918 г. из Технического комитета вместе с последним знаменем полка (ТМ-304). Юбилейная лента Вологодского полка на данный момент находится в частной коллекции.

Шефская лента светло-синяя, с красным бантом, золотым румынским генеральским шитьем, золотой бахромой и надписями на одной стороне: «Карль I Король Румынскій» с вензелем внизу ленты, на другой: «Петергофъ 1898...». Размер ленты – 106 на 12,5 см без бахромы, размер банта – 30 на 12,5 см.

На банте – серебряная бляха с накладным Российским двуглавым орлом. К сожалению, лента снята лишь с одной стороны. Стоит указать, что «Петергоф 1898» – это не год и место изготовления ленты, а указание на год и место пожалования шефства румынского короля Вологодскому полку, подтверждение чему можно найти, например, в дневниках Николая II за 1898 г.: «15-го июля. Среда. ... Вернулись в Петергоф в 2 ½ ч. ... 16-го июля. Четверг. Простоял хороший день с одним ливнем. В 11 час. все собрались на станцию для встречи короля румынского с его племянником Nando. Привез его в Коттедж к Мама. Он помещен в тех же самых комнатах Большого дворца, где проживали и все прежние гости. Имел два доклада. К часу все съехались к фамильному завтраку, после кот. король был назначен шефом 18-го пех. Вологодского полка»⁸. В Справочной книжке Императорской Главной квартиры издания 1909 г. упоминание об этой ленте отсутствует⁹.

Вторая выявленная шефская лента была пожалована двумя годами позже. 11 ноября 1906 г. командующий Одесским военным округом генерал от кавалерии барон Каульбарс направляет военному министру генерал-лейтенанту Редигеру несколько сумбурную телеграмму: «Князь Болгарский предполагает прислат депутацию для прибивки (sic! – *Т. III.*) ленты к знаменам Минского полка точка время прибытия депутации еще неизвестно»¹⁰. Эта информация была немедленно переправлена в Главное Управление Генерального Штаба, которое, в свою очередь, 20 ноября направило запрос военному агенту в Болгарии полковнику Леонтьеву: «Ввиду необходимости испросить Высочайшее разрешение принять Минскому полку жалуюмую Шефом ленту к знамени сообщите какие имеются официальные данные первое о пожаловании Князем ленты второе присылке депутации для прибивки этой ленты третье время приезда депутации»¹¹. В тот же день генерал-квартирмейстер генерал-майор Алексеев (впоследствии один из лидеров Белого движения) направляет запрос барону Каульбарсу, чтобы уточнить источник информации. Начальник округа переправил запрос командиру 54-го пехотного Минского полка, на что тот ответил: «официально мне неизвестно намерение шефа пожаловать ленту на знамя частно генерал Николаев сказал мне что шеф заказал ленту которую через месяц пришет полку полагаю что шефом будет испрошено Высочайшее разрешение»¹². Также на генерала Николаева ссылается и военный агент в Болгарии полковник Леонтьев¹³. Стоит

отметить, что болгарский генерал-лейтенант генерал-адъютант Данаил Николаев свою военную службу начинал вольноопределяющимся именно в 54-м пехотном Минском полку.

В конце ноября был составлен доклад по Главному Штабу и подготовлен запрос на разрешение принять шефские ленты¹⁴. Однако по какой-то причине документу этому не был дан ход. Спустя почти год, 10 сентября 1907 г., командир Минского полка полковник барон фон Гейкинг направляет рапорт временно командующему 14-й пехотной дивизией: «Его Королевское Высочество Князь Болгарский Фердинанд, Шеф вверенного мне полка, в бытность мою 30 минувшаго августа месяца на торжествах в Софии, изволил передать мне две ленты для полкового юбилейного знамени: первая – Александровская Болгарская лента с надписью «По случаю столетняго юбилея 22 Ноября 1906 года»; в низу ленты вензель Князя Фердинанда; другая лента, национальная – Болгарская с надписью: «Фердинанд I-й. Князь Болгарский. Своему Славному Минскому полку», в низу ленты княжеский герб. Донося о вышеизложенном прошу ходатайства о разрешении пожалованныя ленты принять и прикрепить к полковому знамени в день полкового праздника 22 Октября с.г.»¹⁵. 17 октября временно управляющий Военным министерством генерал-лейтенант Поливанов испрашивает и получает Высочайшее согласие на принятие шефских лент¹⁶, которые и были вручены полку 22 октября 1907 г.¹⁷.

Однако эпопея болгарских лент на этом не закончилась. За день до доклада Поливанова Николаю II в Главном Штабе внешне выяснили, что «означение дня столетняго юбилея 54 пех. Минскаго полка на лентах, пожалованных полку Князем Болгарским, повидимому, сделано ошибочно, так как 100-летие полку исполнилось 16 Августа 1906 года, а не 22 ноября 1906 г., как означено на ленте. Празднование юбилея полка было перенесено на 22 октября 1906 г. Надо полагать, что этот последний день и послужил причиной ошибки»¹⁸. Вопрос подвис в воздухе, поскольку, с одной стороны, было уже получено Высочайшее разрешение на принятие лент через пять дней после получения разрешения, с другой – ленты были присланы из Болгарии, т. е. необходимость их переделки неизбежно вызвала бы переписку, затраты и, что самое главное – отсрочку выполнения Высочайшей воли. Поэтому военный министр генерал-лейтенант Редигер 22 декабря того же года принимает поистине

соломоново решение – он «приказал уведомить, что юбилейные ленты на знам надлежит считать пожалованными Августейшим Шефом полка 22-го Ноября»¹⁹.

Упоминание о шефской болгарской ленте 54-го пехотного Минского полка в Справочной книжке Императорской Главной квартиры издания 1909 г., как и в случае с румынской лентой Вологодского полка, отсутствует²⁰. В 1915 г. после вступления Болгарии в Первую мировую войну на стороне Центральных держав Минский полк лишился шефства болгарского царя, и шефская лента, по всей видимости, перестала выноситься в строй. В годы Гражданской войны знамя полка (без юбилейных и шефских лент) было вывезено за рубеж, а после Великой Отечественной войны в составе так называемой «Белградской коллекции» вернулось на Родину и ныне хранится в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Местонахождение шефской ленты 54-го пехотного Минского полка на данный момент неизвестно.

¹ Звегинцов В. В. Знамена и штандарты русской армии XVI в. – 1914. Париж, 1964. С. 108.

² Чапала М. Русские полки германских императоров. Вильгельм II – шеф 13-го гусарского Нарвского полка // Старый Цейхгауз. 2016. № 1 (69). С. 39.

³ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 400. Оп. 2. Д. 8249. Л. 3 об.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 3–3 об.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 7.

⁸ Дневники императора Николая II (1894–1918). М., 2011. Т. 1. С. 419.

⁹ Гренадерские и пехотные полки. Справочная книжка Императорской Главной квартиры. СПб., 1909. С. 60.

¹⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 8289. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 4.

¹² Там же. Л. 7.

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 13–13 об.

¹⁵ Там же. Л. 16–16 об.

¹⁶ Там же. Л. 18.

¹⁷ Там же. Л. 24.

¹⁸ Там же. Л. 20.

¹⁹ Там же. Л. 33.

²⁰ Гренадерские и пехотные полки. С. 96.

В. Н. Шентура (Москва)

**О ВНЕДРЕНИИ В ПРАКТИКУ ДЕЙСТВИЙ
ВОЙСК ПРЕДЛОЖЕНИЙ НАЧАЛЬНИКОВ
СВЯЗИ ФРОНТОВ (АРМИЙ) ПО ПОСТРОЕНИЮ
СИСТЕМЫ СВЯЗИ ОБЪЕДИНЕНИЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗУЧЕНИЯ ОПЫТА
БЕЛОРУССКОЙ ОПЕРАЦИИ)**

До Великой Отечественной войны изучение проблемных вопросов организации и обеспечения связи в боевых условиях осуществлялось в военно-учебных заведениях, а задача обобщения опыта использования средств связи была возложена на Научно-технический комитет войск связи. С началом войны он был расформирован, значительная часть его функций, в том числе обобщение опыта использования средств связи, была передана в Научно-испытательный институт связи и особой техники Красной армии¹. Однако эта функция в деятельности института считалась второстепенной, поэтому научные работники занимались ею от случая к случаю².

Упущения и недостатки в организации данной работы были вскрыты в директиве заместителя наркома обороны СССР от 3 января 1942 г. № 497018 «Об улучшении работы управлений связи фронтов и способов организации связи». Указано, что управлениями связи фронтов и армий «...*собственный опыт не изучается и не обобщается, над вопросами улучшения организации связи почти никто не думает. Представленные в ГУСКА раз- вернутые сводки связи являются голой фотографией, без анализа организации связи и работы различных средств связи*»³.

Зимой 1941–1942 гг. в Главном управлении связи Красной армии (ГУСКА) началась проработка подходов к организации глубокого изучения и анализа практической деятельности

начальников связи фронтов (армий) и командиров воинских частей связи при организации связи и построении ее системы в операциях (боевых действиях). Изучение опыта организации связи было поручено офицерам Управления боевой подготовки ГУСКА по совместительству, с соответствующим докладом в отдел оперативной подготовки Оперативного управления Генерального штаба Красной армии.

Для улучшения работы по изучению и обобщению опыта организации связи в операциях (боевых действиях) 7 апреля 1944 г. директивой Генерального штаба Красной армии № Орг./6/307413 в штат Управления боевой подготовки ГУСКА был введен 5-й отдел в количестве пяти человек⁴. Основными задачами отдела были сбор, обобщение и изучение материалов, отражавших опыт организации связи и практику боевых действий войск связи, а также выработка предложений по совершенствованию способов организации связи и боевой подготовки войск связи.

Важнейшим этапом работы офицеров ГУСКА в ходе войны было изучение и обобщение опыта организации связи в Белорусской стратегической наступательной операции. По материалам, представленным в ГУСКА органами управления связью 1-го, 2-го и 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов, 6-й и 11-й гвардейских, 43-й, 39-й, 5-й, 31-й, 49-й, 50-й, 3-й, 48-й, 65-й и 28-й армий, начальником 5-го отдела полковником А. В. Саковичем 17 ноября 1944 г. была подготовлена сводка. В ней были обобщены предложения начальников связи фронтов (армий) и сформулированы выводы, разработанные на основе изучения материалов по опыту организации связи и построения системы связи объединений в операции.

Наиболее сложным вопросом, требующим безотлагательно-го решения руководством ГУСКА, было несоответствие состава фронтового комплекта воинских частей связи решаемым ими задачам по связи. Так, в представленных материалах все начальники связи фронтов отмечали, что:

- существующий оперативный расчет фронтовых и армейских воинских частей связи недостаточен для обеспечения связи в операции, проводимой быстрыми темпами;
- оперативный расчет не предусматривает выделение воинских частей для обеспечения связи взаимодействия с соседними фронтами;

– расчет эксплуатационных частей не обеспечивает своевременное развертывание линий проводной связи, так как при быстрых темпах наступления участки отдельной телеграфно-эксплуатационной роты (*отэр*) чрезмерно увеличиваются, достигая 300–400 и более километров⁵.

Необходимо отметить, что в конце 1941 г. на основе опыта войны были установлены следующие нормы «насыщенности» войсками связи:

– на каждый штаб фронта: отдельный полк связи (фронтowego типа); отдельных линейных батальонов связи (фронтowego типа) (*олбс*) – один на ось и по одному отдельному линейно-эксплуатационному батальону связи (*олэбс*) на направление за каждой армией; отдельных телеграфно-строительных рот – по одной на направление за каждой армией; отдельных телеграфно-эксплуатационных рот – по одной на направление за каждой армией; отдельных кабельно-шестовых рот (*кшр*) – 2–3; отдельных авиapolков связи – 1–2;

– на каждый штаб армии: отдельный полк связи; отдельный линейный батальон связи; отдельная телеграфно-строительная рота (*тср*); отдельных кабельно-шестовых рот – по одной за каждым соединением, входящим в состав армии; отдельная авиационная эскадрилья связи⁶.

Однако уже к концу 1943 г. данный оперативный расчет, исходя из опыта организации связи и практики боевого применения войск связи в операциях, был уточнен, и начальник связи фронта в своем подчинении из воинских частей связи имел: отдельный батальон связи ВПУ фронта; отдельную станционно-телеграфно-телефонную роту; отдельный радиодивизион (или радиороту); отдельную роту связи тыла; отдельный авиapolк связи; в составе линейных частей фронту добавлялась отдельная кабельно-шестовая рота для управления тыла фронта⁷.

Предложения начальников связи о пересмотре существующего оперативного расчета фронтовых и армейских воинских частей связи и увеличении их количества в ГУСКА были признаны заслуживающими внимания, и в качестве вывода в сводке было указано, что «целесообразно перед наступательными операциями усиливать фронт за счет резерва частей ГУСКА одним *олбс* и 2–3 *отэр* (или одним *олэбс*)»⁸. Также для обеспечения связи при быстрых темпах наступления было рекомендовано усиливать армию одной кабельно-шестовой ротой. «Этот вопрос может быть

разрешен путем создания резерва кшр (4–5) в распоряжении начальника связи фронта»⁹.

Основываясь на проведенном анализе боевых возможностей комплекта войск связи фронта (армии) и потребности в людских и материальных ресурсах для формирования новых линейных воинских частей связи, офицерами 2-го управления ГУСКА было сделано следующее заключение: *«Предложения по увеличению количества линейных фронтовых и армейских частей связи – являются ценными. Желательно иметь специальные средства для обеспечения связи с соседними фронтами и армиями, однако изменить практически существующий оперативный расчет нельзя, так как это вызовет новые большие формирования, что сделать невозможно. Этот вопрос может быть решен путем маневрирования средствами, имеющимися в распоряжении начальника связи»*¹⁰.

Кроме того, в ряде материалов, представленных начальниками связи фронтов и армий, было отмечено *«ненормальное положение с обеспечением ВЧ связи»* в ходе операции.

Так, начальник связи 1-го Прибалтийского фронта указывал: *«Отрицательным образом на состоянии проводной связи штаба фронта отражалось значительное отставание работ по подвеске цепей Правительственной связи от работ по строительству и восстановлению линий, производившихся частями НКО, особенно на направлении к 43-й армии. Это приводило к тому, что некоторое время после перехода штаба армии в новый пункт расположения для Правительственной связи передавалась цепь, восстановленная или вновь подвешенная частями НКО. В таких условиях затруднялась или иногда становилась невозможной служебная телефонная связь. Подвеска цепей ВЧ связи по линиям, на которых уже имелись провода с действующими телеграфными связями, как правило, вызывала временное прекращение телеграфной работы»*¹¹.

Эта же проблема была затронута и в отчете начальника связи 2-го Белорусского фронта: *«Использование строительных батальонов ВЧ связи планировалось отделом Правительственной связи для совместной работы по строительству линий связи с армейскими и фронтовыми частями. На практике же из этого ничего не получалось. Строительные части ВЧ связи, как правило, отставали от армейских частей и успевали лишь подвешивать свои цепи по готовым опорам, часто мешая прохождению связи по работающим проводам»*¹².

В описании организации связи в 43-й армии было отмечено: *«Особенно отставал строительный батальон отдела правительственной связи, несмотря на то, что постоянная линия на отдельных участках строилась с установкой 8 столбов на км. В силу этого связь с фронтом проходила напряженно. Большей частью вынуждены были цепь, подвешенную силами фронта и армии, предоставлять для связи ВЧ, так как цепь ВЧ запаздывала с подвеской на двое суток. Только к концу операции, когда продвижение замедлялось, батальон правительственной связи смог догнать с подвеской своей цепи»*¹³.

В качестве предложений по улучшению обеспечения ВЧ связи указывалось: *«Необходимо пересмотреть вопрос о взаимоотношениях начальников связи фронтов и армий с отделом правительственной связи, так как существующее положение не обеспечивает нормальной работы связи. Необходимо подчинить в оперативном отношении части ВЧ связи начальникам связи фронтов, возложив на последних полную ответственность за строительство, подвеску и восстановление цепей ВЧ связи. За отделами правительственной связи оставить вопросы эксплуатации техники ВЧ связи и обеспечения секретности работы»*¹⁴.

Вместе с тем до конца войны проводная связь Ставки (Генерального штаба) с фронтами и армиями продолжала обеспечиваться силами и средствами трех ведомств: наркомата связи, наркомата обороны и наркомата внутренних дел. Для согласования их работы и устранения имевших место недоразумений, приводивших к нарушениям связи, обязанности и взаимоотношения воинских частей приходилось строго регламентировать директивами и приказами, издаваемыми за подписями руководителей трех ведомств¹⁵.

Начальники связи фронтов также обратили внимание на то, что в операциях по окружению Витебской группировки противника были выявлены недостатки в организации связи по фронту. В исходном положении, кроме проводной связи, была организована радиосвязь между 43-й, 39-й и 5-й армиями. Радиосвязь между фланговыми армиями 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов (43-й и 39-й) осуществлялась по радиосети Генерального штаба, а также с помощью радиостанции, высланной с офицером связи 43-й армии в штаб 39-й. Радиостанция с офицером связи была выслана также штабом 39-й армии в штаб 5-й. Эти мероприятия обеспечили связь по фронту в начале операции.

В ходе операции 5-я армия вошла в непосредственное соприкосновение с 43-й, а 39-я осталась для ликвидации окруженной группировки противника в районе Витебска. *«Однако, ни проводной, ни радиосвязи между штабами 5-й и 43-й армий установлено не было. По словам начальника связи 5-й армии, попытки установить радиосвязь в сети Генерального штаба ни к чему не привели»*¹⁶.

В период подготовки операции управлениями связи 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов был согласован вопрос создания единой радиосети для связи подвижных соединений фронтов. *«Однако вопрос о порядке обеспечения связи между корпусами и дивизиями при совместных действиях по окружению противника решен не был. В результате при выходе соединений 39-й армии навстречу соединениям 43-й армии были случаи взаимного артиллерийского обстрела»*¹⁷.

В целях недопущения подобных недостатков офицерами ГУСКА было предложено *«дать указания о порядке обеспечения связи между армиями, корпусами и дивизиями во всех случаях, когда возможны совместные и встречные действия войск разных корпусов, армий и фронтов. Необходимо также обеспечить обязательное выделение передатчика для связи по фронту штабов армий и фронтов»*¹⁸.

Также начальниками связи 31-й и 5-й армий были отмечены: положительный опыт выделения радистов с маломощными радиостанциями в разведгруппы, направляемые в тыл противника; целесообразность разработки портативного передатчика для обеспечения передачи донесений от разведгрупп; необходимость иметь в стрелковых корпусах во время преследования противника в качестве личной радиостанции командира корпуса радиостанцию РСБ.

Отдельным разделом в сводке были рассмотрены штатно-табельные вопросы, которые касались: пересмотра штата фронтowego склада, в части введения в транспортный отдел склада 8–10 грузовых автомобилей; увеличения до четырех взводов эксплуатационной роты армейского *олбс*; введения в отдельных батальонах связи (*обс*) корпусов по одному строительному взводу; изменения количества средств радиосвязи в штате стрелкового полка (8 коротковолновых радиостанций, исходя из расчета: командир полка – 1 комплект; начальник штаба – 2 (1 – для связи с соседями); стрелковым батальонам – 3; батарее 120-мм минометов – 2; один радиоприемник – для связи взаимодействия).

На основании изучения предложений начальников связи офицерами ГУСКА было сделано следующее заключение: *«Вводить в штат обс строительный взвод не следует. Однако целесообразно один из взводов кшр корпусного батальона связи обучать восстановлению постоянных линий и иметь в нем по табелю необходимый инструмент и некоторое количество линейных материалов. Вопрос о пересмотре радиосредств стрелкового полка назрел, так как в наступлении и, особенно, при преследовании управление осуществляется по радио, и имеющихся средств недостаточно»*¹⁹.

При описании опыта боевого применения войск связи в операции были выделены проблемы снабжения воинских частей связи техникой связи и обеспечения эксплуатационной надежности изделий. Начальники связи отметили непригодность для работы речного бронированного кабеля, а также плохое качество приемника «КС» и удовлетворительное – приемника «УС». Некоторые замечания начальников связи по обеспечению войск связи техникой связи не учитывали возможности предприятий промышленности по выпуску изделий. Так, начальником связи 28-й армии было предложено к началу операции иметь запас анодного питания из расчета: в войсках – два комплекта батарей; в летучках – один комплект; в армейском складе – 1–2 комплекта. Однако производственные мощности предприятий оборонного комплекса не позволяли удовлетворить заявленные потребности войск в батареях питания, поэтому начальник 4-го управления ГУСКА генерал-майор Я. Г. Бабкин на это пожелание наложил резолюцию следующего содержания: *«Расчет возражений не имеет, но практически, исходя из наших ресурсов, больше 2–3 комплектов на фронт мы дать не в состоянии»*²⁰. Кроме того, начальником связи 11-й гвардейской армии было отмечено недостаточное количество собираемого трофейного имущества связи по причине отсутствия специальных команд связистов и необеспеченность транспортом временно выделяемых команд. По данному вопросу генерал-майор Я. Г. Бабкин вынес следующее заключение: *«Рассчитывать на создание специальных трофейных команд вряд ли возможно. Считаю, что эти работы должны организовывать начальники связи армии и фронта, путем выделения офицеров и привлечения подчиненных ему частей связи»*²¹.

Особое внимание в сводке было уделено опыту организации боевой подготовки в воинских частях связи. Так, во фронтах и армиях подготовка радистов была организована в период

радиомолчания на радиополигонах, оборудованных на удалении 50–60 км от линии фронта. На этих полигонах также проводились сборы радистов с практической отработкой задач в учебных радиосетях на маломощных радиостанциях. Особенностью подготовки радистов маломощных радиостанций являлось привитие им навыков быстрого перехода из одной сети в другую и установления радиосвязи с нужным корреспондентом. Также отмечался положительный опыт подготовки в каждом взводе *тср* и *киш* не менее двух человек, умеющих производить разминирование.

Существенным недостатком, затрудняющим изучение работы органов управления связью в ходе операции, в сводке было отмечено отсутствие документов, характеризующих работу начальников связи в целом по дням. Поэтому было предложено ввести в управлениях связи фронтов, отделах связи армий и корпусов журналы боевых действий, в которых отмечать состояние связи на каждый день, основные распоряжения, отдаваемые начальниками связи, закрытие и открытие связей.

Сводка по обобщению опыта организации связи после соответствующей проработки и выдачи заключений начальниками всех управлений ГУСКА подлежала докладу маршалу войск связи И. Т. Пересыпкину для рассмотрения, принятия оперативных решений и последующего внедрения в практику действий войск связи по построению систем связи объединений.

Практическая деятельность ГУСКА по анализу и обобщению предложений начальников связи фронтов и армий в ходе операций на завершающем этапе войны показала, что раздельное функционирование отделов по изучению опыта организации связи и эксплуатации средств связи является нецелесообразным, и их объединили в один отдел по изучению опыта войны²². С созданием этого отдела завершилось формирование целостной структуры органов по обобщению и использованию опыта организации связи в войне, которая не претерпела больших организационных изменений до конца Великой Отечественной войны.

¹ С ноября 1942 г. – Научно-испытательный институт связи Красной армии.

² Институт военной связи – 95 (1923–2018): военно-исторический труд. Мытищи: 16 ЦНИИ МО РФ, 2018. С. 74.

³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее: ЦАМО РФ). Ф. 71. Оп. 12169. Д. 163. Л. 4.

⁴ Там же. Оп. 12171. Д. 241. Л. 70.

⁵ Там же. Оп. 12191. Д. 70. Л. 16.

⁶ Там же. Оп. 12171. Д. 241. Л. 58, 59.

⁷ Там же. Л. 62.

⁸ Там же. Ф. 71. Оп. 12191. Д. 70. Л. 17.

⁹ Там же. Л. 18.

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ Там же. Л. 18.

¹² Там же. Л. 19.

¹³ Там же. Л. 20.

¹⁴ Там же. Л. 21.

¹⁵ Жарский А. П. Связь в высших звеньях управления Красной армии в Великой Отечественной войне, 1941–1945. СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2011. С. 117.

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12191. Д. 70. Л. 22.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 23.

¹⁹ Там же. Л. 24.

²⁰ Там же. Л. 25.

²¹ Там же.

²² Главное управление Связи Вооруженных Сил Российской Федерации: история создания и развития (1919–2019 гг.). М.: Авиация и спорт, 2019. С. 326.

В. О. Шишов (Санкт-Петербург)

**МАТЕРИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ И ОПЫТ
ПРИМЕНЕНИЯ РУССКОЙ АРТИЛЛЕРИИ
ПОД ОЧАКОВОМ В ХОДЕ КАМПАНИИ 1788 г.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПИСОК Р. М. ЦЕБРИКОВА
И ДЕЛ КАНЦЕЛЯРИИ И. И. МЕЛЛЕР-
ЗАКОМЕЛЬСКОГО ИЗ АРХИВА ВИМАИВВС)**

Начавшаяся летом 1787 г. новая русско-турецкая война стала серьезным вызовом для всей административной и военной системы Российской империи. Своего рода экзаменом для нее стала кампания под Очаковым, стянувшая основные силы Екатеринославской армии и потребовавшая от русского командования напряжения всех сил.

В стратегических замыслах русского командования Очакову отводилось особое значение. Крепость была форпостом Османской империи в Северном Причерноморье, служа базой турецкого флота и вмещающая многочисленный сухопутный гарнизон. Одновременно с этим Очаков занимал важное стратегическое положение, запирая Днепро-Бугский лиман, ограничивая оперативные возможности для действий русских кораблей Лиманской флотилии и молодого Черноморского флота.

За столетия существования фортификация крепости оформилась в три связанных между собой сегмента:

- «старая крепость», расположенная чуть выше устья лимана, состоящая из башенных и бастионных укреплений, возведенных в XVI–XVII вв. и неоднократно перестраивавшихся с тех времен;

- «гассан-пашинский замок» – небольшое квадратное по форме укрепление, расположенное в месте, где лиман переходит в море;

- земляной «ретранжемент», прикрывающий наиболее уязвимую часть старой крепости с северной и западной сторон.

В предшествующее началу войны десятилетие фортификация крепости была подновлена и основательно перестроена стараниями французских инженеров во главе с Лаффитом-Клаве, однако ограниченность средств и болезненная реакция русского правительства на деятельность французских специалистов не позволили довести все задуманные мероприятия до конца; однако и без этого укрепления Очакова были существенно усилены¹.

После отражения попытки турецкого десанта закрепиться на Кинбурнской косе и его разгрома силами кинбурнского гарнизона 1 октября 1787 г.² стороны взяли паузу и принялись планировать кампанию следующего года.

Кампания под Очаковом растянулась на несколько месяцев и продолжалась с июля по декабрь 1788 г. Именно событиям под этой крепостью было суждено определить дальнейший ход войны. Несмотря на смелые предложения отдельных начальников³, командующий Екатеринославской армией Г. А. Потемкин долгое время отказывался от идеи решительного штурма крепости. Вскоре русский корпус был вынужден приступить к осаде. В этом случае главную роль должна была играть русская осадная артиллерия, сосредоточение и распределение по батареям которой стало одной из ключевых задач русского командования на начальном этапе осады. Именно артиллеристы должны были сделать более сговорчивым коменданта крепости и склонить того к сдаче Очакова, не прибегая к необходимости подходить к валам с лестницами.

История Очаковского взятия достаточно подробно разобрана в историографии. Особенно это касается обзора стратегической ситуации и принимаемых русским командованием решений. При этом стоит отметить, что непосредственно боевая действительность и применение русской артиллерии у стен Очакова оставались вне поля зрения как маститых исследователей XIX в.⁴, так и специалистов XX столетия⁵, ограничиваясь общими замечаниями или особенно крупными акциями (вылазка турецкого гарнизона, стоившая из-за нерасторопности дежурного командира строящейся батареи, или массированный обстрел крепости 9 октября, в ходе которого в ней произошел большой пожар). В данной статье, являющейся продолжением работы автора по изучению этой лакуны в истории Очаковского взятия⁶, предпринята попытка более детально проанализировать применение русской артиллерии через призму служебной документации и дневниковых записей.

Основой источниковой базы для исследования состояния и применения артиллерии стали дневник Р. М. Цебрикова, состоявшего переводчиком при канцелярии Г. А. Потемкина, «Вокруг Очакова», недавно переизданный с исправлениями и дополнениями Сергея Александровича Козлова⁷, и дела канцелярии Ивана Ивановича Меллер-Закомельского – видного участника осады Очакова, командующего всем левым флангом русского осадного корпуса, исполнявшего в это время обязанности генерал-фельдцейхмейстера русской армии, хранящиеся в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. В статье сделан упор, прежде всего, на поденную ведомость расхода боеприпасов русской артиллерии под Очаковым, хранящуюся в одном из дел⁸.

Численность и калибры артиллерии

Перед тем как оценить характер использования артиллерии в ходе осады, определим, какое число орудий было задействовано в ходе кампании. В документах канцелярии Меллер-Закомельского можно найти указание на точное число орудий осадной и полевой артиллерии, а по косвенным сведениям составить примерное представление о числе задействованных во время осады орудий полковой артиллерии.

Осадная артиллерия была представлена пушками калибра 24 и 18 фунтов (40 и 30 единиц соответственно), мортирами калибра 5 и 2 пуда (13 и 5 единиц соответственно) и десятью 1-пудовыми единорогами. Итого осадной артиллерии было наряжено 98 орудий⁹. Кроме того, по линии осадной артиллерии были отправлены 50 единиц 6-фунтовых мортирок, предназначенных для стрельбы гранатами¹⁰. К орудиям полевой артиллерии, задействованной в осаде, относятся 12- и 6-фунтовые пушки (по 20 единиц каждого калибра) и ½-пудовые единороги – 22 единицы¹¹. Итого: 62 орудия.

Таким образом, всего на батареях вокруг Очакова было задействовано 160 орудий осадной и полевой артиллерии. Прибавив к ним 50 единиц 6-фунтовых мортирок, можем сказать, что оценка в 200 орудий, встречающаяся в дневнике Цебрикова, была достаточно близка к реальной картине, что свидетельствует о его осведомленности о состоянии дел во время осады.

К слову, самих артиллеристов, столь активно проявивших себя в ходе осады, было совсем немного: по рапорту

И. И. Меллер-Закомельского – «не более 1760 человек»¹² из более чем 20-тысячного осадного корпуса. Примечательно, что 350 из них участвовали «охотниками» во взятии крепости в составе штурмовых колонн.

Таблица 1

Расход боеприпасов во время осады Очакова по месяцам

№ пп.	Месяц	Дней осады	Дней обстрелов	Средний расход за день обстрелов (ед.)	Всего выстрелов (ед.)	Доля от общего расхода (%)
1.	Июль	31	3	271	814	1,2%
2.	Август	31	5	2040	10201	15,4%
3.	Сентябрь	30	11	328	3610	5,5%
4.	Октябрь	31	28	1070	29965	45,3%
5.	Ноябрь	30	30	496	15382	23,2%
6.	Декабрь	6	6	974	5845	8,8%
Итого:		159	83	863	65817	100,0%

«Вокруг Очакова». Начало осады (июль–август)

Буквально с первых дней осады Р. М. Цебриков уделяет самое непосредственное внимание действиям артиллерии. Уже 1 июля, едва подойдя к крепости, он был свидетелем бомбардировки Очакова: «зделана была ложная атака и батарея, на ней стояли три большие пушки... все утверждали, что город бы здался, ежели бы продолжали бомбардировать еще часа два; но беда, что у нас только всех три больших было пушек, а осадная артиллерия еще не пришла»¹³. Не стоит переоценивать эффект, произведенный обстрелом 1 июля. Слова Цебрикова скорее отражают настроение, царившее в окружении Г. А. Потемкина. Многие (это мнение разделял и сам светлейший князь) были уверены, что достаточно уверенная демонстрация силы и решимости заставит коменданта Очакова задуматься о сдаче крепости русским. Однако, как показали дальнейшие события, это было явным заблуждением, и осаду крепости пришлось вести совсем не демонстративно. Любопытно сравнить сведения Цебрикова с материалами артиллерийского делопроизводства.

В ведомости, озаглавленной «о употребленных против неприятеля выстрелах при осаде Очакова 1788 года», в расход боеприпасов русской артиллерии за 1 июля действительно вписано 38 24-фунтовых ядер, 22 18-фунтовых, 154 12-фунтовых и 207 6-фунтовых¹⁴. Вероятно, те «три бо́лшие пушки», о которых говорит Цебриков, были двумя 24-фунтовыми и одной 18-фунтовой пушками, ядра которых попали в расход за этот день. Кроме ядер, отметим использование ½-пудовых бомб и бранскуглей¹⁵ (188 и 26 соответственно), выпущенных из полупудовых единорогов.

5 июля из Херсона прибывает еще часть осадной артиллерии¹⁶, 12 июля еще несколько орудий¹⁷, однако большинство орудий оказались под стенами крепости только после 20 июля.

В записи, датированной 21–24 июля, Цебриков пишет о сооружении «батареи на высоком кургане»¹⁸ и открытии огня с нее: «после обеда палили с батарей из 24-х-фунтовых пушек бомбами, кои разрывались пред садами... и достиг до садов, палили из пушек, дабы выгнать из оных скрывающихся турков»¹⁹. И действительно, за 24 июля в расход боеприпасов (впервые с 1 числа) записано 47 6-фунтовых ядер и 10 1-пудовых бомб, а 27 числа того же месяца – в день, когда произошла известная неудачная атака под началом А. В. Суворова – двадцать одно 12-фунтовое ядро и сто одна ½-пудовая бомба.

В ведомости по расходу боеприпасов с 27 июля наступает более чем двухнедельный перерыв, однако Цебриков упоминает о действии русской артиллерии в эти дни (в частности, 9 августа²⁰). Здесь же можно почерпнуть сведения о работе по рытью траншей и сооружению батарей, производимой силами осадного корпуса²¹.

Обстрелы возобновились в середине августа. Канонаду 15 августа Цебриков характеризует следующим образом: поутру началась преежестокая и частая пальба с наших батарей и с крепости Очаковской и продолжалась без перерыва часа с два» – и действительно, в этот день русскими артиллеристами было выпущено более тысячи снарядов: 569 ядер разных калибров, 496 бомб (1-пудовых и ½-пудовых) и 40 ½-пудовых бранскуглей²².

На действия артиллерии на следующий день, 16 августа, Цебриков откликается следующей записью: «ввечеру началась сильная пальба под Очаковым»²³ – по ведомости за 16 августа было выпущено 675 боеприпасов (360 ядер и 315 бомб разных калибров). Похожая запись: «начато было бомбардирование, которое

и продолжалось безпрестанно часа три»²⁴, фигурирует под 17 августа. В этот день было выпущено 1015 снарядов (414 ядер, 586 бомб разных калибров и 15 ½-пудовых бранскулей)²⁵.

Красочное описание боя 18 августа вполне соответствует масштабу применения артиллерии в этот день. Приведем только одну выдержку: «с великой нашей батареей также действовали с великим жаром; бомбы и ядра, безпрестанно перелетавшие чрез головы, ужасный свист производили... От частого с ближних наших батарей бросания бомб зажжено в городе было в четырех местах. Усилившийся там огонь заставил молчать все турецкие батареи, но с наших палить не переставали»²⁶. И действительно, всего за день 18 августа по ведомости было выпущено 2865 боеприпасов, причем помимо привычных уже ядер (1776 выстрелов), бомб (865 выстрелов) и бранскулей (76 выстрелов) фигурируют 6- и 3-фунтовые гранаты (всего 77 зарядов для мортирок и полковых пушек) и даже картечь (71 заряд калибром ½ пуда, 12, 6 и 3 фунта).

В записи от 19 августа Цебриков упоминает еще одну важную для понимания работы артиллерии деталь. В этот день были окончены еще две батареи, на каждой из которых было поставлено по 28 пушек (16 осадных, 12 полевых) и по 4 мортиры²⁷. Далее, до записи за 28–30 августа, Цебриков упоминает только работу над батареями²⁸, но ни о какой пальбе не пишет, что точно совпадает с ведомостью, в которой следующей за 18 августа датой записано 30 августа.

В записи, датированной 28–30 августа, можно встретить оценку Цебриковым численности русской артиллерии: «со всех наших около Очакова поставленных батарей... на коих всякого рода орудий простерается числом до 200»²⁹. О точности данной оценки речь шла выше, здесь же упомянем о впечатлении Цебрикова от канонады 30 августа. «Начало пальбы производилось с неописанным жаром с наших батарей... Множество молний вокруг крепости и с крепости безпрестанно сверкали... Неукоснительно зажгли в городе строения, старались то поддерживать безпрестанными пусканиями в него бомб и каленых ядер»³⁰. День 30 августа стал одним из самых «горячих» за все время осады Очакова. Всего русскими артиллеристами было выпущено 4541 заряд: 2867 ядер, 1444 бомб, 115 6-фунтовых гранат, 71 бранскулель, 38 картечей и 6 «каркасов»³¹. Расход боеприпасов за этот день составил 7 % от общего расхода боеприпасов за все время осады Очакова.

Распределение расхода боеприпасов по типам

Тип боеприпасов	Число выпущенных зарядов (ед.)	Доля (%)
Ядра	42193	63,8%
Картечь	1163	1,8%
Бомбы	15249	23,1%
«Каркасы»	104	0,2%
«Светлые ядра»	2	<0,1%
«Брансугли»	470	0,7%
Гранаты	6946	10,5%
Итого:	66127	100,0%

Сентябрь

С точки зрения тактики применения артиллерии интересно замечание Цебрикова от 4 сентября. Приведем развернутую цитату автора: «Сей день разослал светлейший князь приказы ко всем начальным, предписывая им, каким образом должно город бомбардировать... Миллеру³²... учинить распоряжение в пушках, чтобы стрелять не часто, но непрерывно, метать бомбы туда, где лучшие строения находятся, зажи[га]ть брандскугелями и понапрасну не стрелять, но всего पहले стараться разрушить турецкие батареи»³³. Из цитаты можно заключить, что после масштабной бомбардировки города 30 августа Потемкин оказался неудовлетворен результатами и решил внести свои коррективы в практику применения артиллерии.

С 6 сентября обстрелы возобновились, о чем не преминул написать и Цебриков, отметив, что «чрез весь день производилась пальба, но прерывно»: всего было израсходовано 1032 заряда (600 ядер, 403 бомбы, 20 картечей, 7 ед. 6-фунтовых гранат, и по одному 5-пудовому каркасу и ½-пудовому брансугелю)³⁴. Любопытно отметить, что такой внимательный автор как Цебриков не упоминает об обстреле на следующий день, хотя по ведомости за 7 сентября записано в расход еще 830 зарядов (429 ядер, 276 бомб, 114 ед. 6-фунтовых гранат, 7 картечей и 4 каркаса)³⁵.

Отмечает действия артиллерии Цебриков и 10 числа того же месяца: «после обеда началась пальба и продолжалась около двух часов... Огонь нашей артиллерии зажег на форшта-те»³⁶. В этот день в расходе отмечено 497 зарядов (310 ядер, 143 бомб, 27 6-фунтовых гранат, 7 каркасов и 6 картечей)³⁷. Отметим упоминание о пожаре форштадта: очевидно, наставления Потемкина возымели свое.

Следующее упоминание о действиях артиллерии относится к 25 сентября, правда, отличилась в записи Цебрикова неприятельская артиллерия: «турки начали на наши батареи с жаром палить, препятствуя нам работать»³⁸. Тут же упомянуты турецкие запорожцы, которые «производили немалую пальбу на... егерей»³⁹. Работу русской артиллерии Цебриков не упоминает вовсе, хотя по ведомости в тот день в расходе значится 1008 боеприпасов (545 ядер, 335 бомб, 115 6-фунтовых гранат, 10 каркасов и 3 бранскугеля)⁴⁰.

Остальные же числа сентября вообще лишены каких-либо упоминаний о действиях артиллерии, что согласуется с ведомостью: 20, 21, 23, 26, 27, 28 и 30 сентября в расход записаны только мелкокалиберные 6-фунтовые гранаты, использовавшиеся для небольших мортирц.

Таблица 3

Распределение расхода боеприпасов по типу и калибру орудий

Тип орудий	Калибр	Число выпущенных зарядов (ед.)	Доля (%)
Пушки	24ф	17580	26,6%
	18ф	11749	17,8%
	12ф	9008	13,6%
	6ф	4633	7,0%
	3ф	346	0,5%
Единороги	1п	2216	3,4%
	1/2п	10432	15,8%
Мортиры	5п	2256	3,4%
	2п	1055	1,6%
«Мортирцы»	6ф	6852	10,4%
Итого:		66127	100,0%

Октябрь – кульминация осады

Октябрь был особенно активным месяцем с точки зрения применения артиллерии: почти каждый второй снаряд, выпущенный по крепости, был выстрелен в октябре. Особенно жаркими выдались 4, 9 и 23 октября – только за эти три дня было занесено в расход 12 766 снарядов, или 19,3 % от всех расходов за время осады. Вообще же огонь по крепости велся каждый день месяца, за исключением 2, 3 и 12 октября.

В записи за 4 октября автор отмечает: «Поутру началась... мало-помалу пальба с крепости, но скоро потом сильною сделалась и продолжалась часа три. Наши батареи уже весьма близком к крепости подведены, а старые оставлены»⁴¹. При этом о действии этих новых батарей автор не упоминает, хотя расход боеприпасов за 4 октября составил без малого 3420 единиц (2214 ядер, 1115 бомб, 66 6-фунтовых гранат, 17 картечей, 7 каркасов и 1 ½-пудовый бранскуль)»⁴².

Любопытно, что в дневнике отсутствует запись от 6 октября, когда был выпущен 1391 заряд, а вот в записи за 7 октября Цебриков упоминает любопытную деталь: в Очаков перебежал «прежде искусной, но безпорядочный канонер»⁴³, и здесь же прибавляет: «Вечеру часа два бомбы и гранаты пускали, раз восемь причиняли пожар в городе, но после все утихло». Расход боеприпасов в этот день составил 883 единицы (314 ядер, 297 6-фунтовых гранат, 243 бомбы, 21 картечь, 5 каркасов и 3 ½-пудовых бранскуль)»⁴⁴. Обращает на себя внимание активное применение 6-фунтовых мортир – не они ли стали причиной подобного урона городу?

9 октября стало днем наибольшего напряжения сил русской артиллерии за все время осады: «Невзирая на стужу и ветры, производилась весьма долго пальба с нашей стороны, с земли и воды... На сухом пути пущенные из крепости бомбы попали дважды в ящики с порохом и разорвали [их]. В городе с нашей стороны зажжено и долго виден был черной дым. Находящиеся в плену у нас турки заключали, что, конечно, зажжен был хлебной магазин»⁴⁵. И тут Цебриков оказывается довольно точен при описании: действительно, в расход за 9 октября записаны «взорванных» 242 боеприпаса (158 картечей, 43 бомбы, 40 3-фунтовых гранат и 1 бранскуль)»⁴⁶. Очевидно, именно об этих «ящиках с порохом» пишет Цебриков. Что касается «хлебного магазина», – тут

автор записок напрасно доверился пленным туркам. На самом деле в тот день в Очакове было взорвано два больших пороховых погреба, вместимостью 2500 пудов пороха каждый⁴⁷. Расход же боеприпасов указан в 5243 единицы – почти 8 % от всего расхода за 4,5 месяца осады. Большая часть снарядов оказалась ядрами – 3729 единиц, причем 2597 из них были калибра 24 и 18 фунтов, то есть относились к осадной артиллерии. Бомб было выпущено 1370 единиц, 6-фунтовых гранат – 98, картечей и бранскуллей по 18, каркасов – 10 единиц⁴⁸.

Далее в разных заметках за октябрь то тут, то там упоминаются действия артиллерии, однако обращают на себя внимания более конкретные замечания Цебрикова. В записи от 10 октября он не только отмечает, что «после обеда часа три то из пушек палили, то бомбы пускали»⁴⁹ (расход боеприпасов за этот день – 1640 ядер, 824 бомбы, а всего 2587 зарядов⁵⁰), но и упоминает о характере огня артиллерии: «По сие время почти только стреляли в крепость на ответ туркам, но теперь велено в самом деле не зевать. Три недели сряду почти ни одного пушечного выстрела не слышно было, в которое время турки все испорченное починили, и мы были снисходительныя, что нимало им в том не мешали, но сие стоит нам теперь опять и лишних зарядов, и трудов, и людей»⁵¹.

Или в записи за 11 октября (1811 зарядов в расходе за день⁵²): «Поутру производилась палба с обеих стороны попеременно, но после обеда с... жаром чинима была». И тут же: «Турки с ретраншемента своего три дня уже как перестали палить, но тем сильнее с крепости и ядра от них литят на полтора и немало на две версты к нам»⁵³. Такая характеристика турецкой артиллерии не должна удивлять: в крепости находились орудия самых разных калибров, включая феноменальные для конца XVIII в. 41, 40 и 35-фунтовые пушки. Пусть таких пушек было всего ничего (из 300 орудий Очакова калибр свыше 12 фунтов имели всего 33 орудия⁵⁴), они вполне могли использоваться для стрельбы на дальние дистанции.

23 октября (4103 выпущенных снаряда, из которых 3314 ядер и 720 бомб⁵⁵) Цебриков отмечает непрерывную «с великим жаром пальбу», а также соотношение мощи огневых средств: «Турки скоро утихли и после на пять и десять наших выстрелов едва отвечали одним»⁵⁶, и важное для хода осады событие: «После обеда пробили дыры в каменной крепостной стене

и много причинили повреждений в прочих частях крепости с наших на суше построенных батарей»⁵⁷. Упорная работа русских артиллеристов наконец-то была вознаграждена явным успехом. Прорыв брешей в каменной стене именно крепости, а не земляного ретраншемента (вместе с серьезными повреждениями, причиненными «гассан-пашинскому замку» орудиями флотилии в этот же день) предопределили ориентацию русского командования на решительный штурм крепости. Не случайно именно левому флангу русского осадного корпуса, чьи позиции находились против брешей, была определена главная роль в будущем взятии. Осталось дожидаться подходящей погоды, чтобы силы флотилии могли оказать наступающим колоннам поддержку своим огнем.

В записи от 27 октября Цебриковым упомянут интересный казус: дискуссия о правомерности использования зажигательных боеприпасов. «Споры о брандскузелях – россияне одни только несправедливы, употребляя их против Очакова. С моей стороны, что все позволено употреблять против своего неприятеля. Да, ответствовано мне, это одни только россияне способны к тому. Но вить принц Нассав⁵⁸ к нам принес изобретение сие»⁵⁹. Финалом дискуссии с немцем, «всегда и везде показывавшим, что он человек просвещенный» была, как полагается, драка.

Еще одно свидетельство о особенностях применения артиллерии записано под 31 октября: «Каждый день производится пальба, а иногда со всех орудий, на батареях раставленных, залпом палят; такое действие необычайное заставило сперва всех думать, что, конечно, что-нибудь подорвано»⁶⁰.

Ноябрь–декабрь – финал осады

В ноябре активность русской артиллерии существенно снизилась (число выпущенных зарядов упало вдвое, если же брать число ядер и бомб, то тут разница еще более заметна (20 тысяч против 8 и 7,5 тысяч против 2 соответственно). Однако и тут есть на что обратить внимание в записках Цебрикова. Так, например, в записи от 4 ноября автор отмечает «пресильное бомбардирование», хотя по ведомости в расходе боеприпасов значится всего 89 ядер и 82 бомбы (всего 548 зарядов)⁶¹. Здесь же упомяната хитрость, на которую решился пойти Потемкин, чтобы

причинить больший урон крепости: находившиеся в траншеях солдаты должны были кричать «Ура!», имитируя начало атаки. Сбежавшиеся для отражения штурма на валы турки стали мишенью для огня русских батарей⁶².

В этом же отрывке Цебриков пускается в размышления о цене войны: «Полагают... пушечной выстрел по 5 рублей, а бомбу ценят в 25 рублей. Если положить, что мы пустили вчера 100 бомб... да пушечных 25 000 выстрелов... столько стоит пальба – 127 500 рублей». Интересно, что тут же Цебриков упоминает, как ему кажется, нормы расхода боеприпасов: «всякой раз, когда приказано было палить, то никогда менее 25 выстрелов не приказано было чинить из каждого орудия»⁶³. Как ни странно, число выпущенных боеприпасов осадной артиллерии нередко оказывается близко кратным 25. Совпадение ли это? Сложно утверждать наверняка.

В записи за 11 ноября упомянута большая вылазка турок – одна из последних за время осады, направленная, что не удивительно, «на нашу вновь устроенную батарею на фланге левом». Атака производилась на рассвете, когда многие «в сей батарее от холоду уснувши». Турками были захвачены две полевые пушки, которые они попытались утащить с собой в крепость, однако оба орудия были отбиты⁶⁴, а работы по доделке батареи продолжались.

В записи за 27 ноября Цебриков отмечает, что с того дня «велено продолжать пальбу дня три или четыре», однако у огня артиллерии была конкретная цель: «повредить бастион и проломить стену для лучшего входа в крепость нашим солдатам»⁶⁵. И действительно, с 27 ноября наблюдается оживление действий русской артиллерии: если 27 числа было израсходовано 363 боеприпаса (230 ядер, 23 бомбы), то 28 уже 1647 (1376 ядер, 76 бомб). После некоторого спада 29 и 30 ноября (507 и 204 заряда соответственно) вновь начинается оживление. Идет подготовка к штурму.

В своих декабрьских записях Цебриков не упоминает действия артиллерии вовсе, хотя 1 декабря было выстреляно 1367 зарядов, 2 декабря – 2576, 3 декабря – 869. Более того, автор не сообщает никаких подробностей о самом штурме, ограничиваясь замечанием: «Взят штурмом Очаков поутру в восемь часов, ретраншементы турецкие и крепость взяты в один час с четвертью... Плач – везде смерть торжествует»⁶⁶.

В заключение можно сказать, что совмещение двух разнородных источников – дневниковых записей и/или писем и актовой документации – способно дать любопытные результаты, очертив как объективные, так и субъективные стороны процесса, а также дать информацию как о количественных, так и о качественных характеристиках события. Разумеется, дневник Р. М. Цебрикова является своего рода феноменом: нелегко отыскать того, кто с такой открытостью и независимостью суждений, сохраняя при этом любознательность и интерес (пусть и смешанный с откровенным отвращением) к происходящему будет фиксировать день за днем события походной жизни. Однако и другие источники личного происхождения при соответствующих изысканиях могут дать богатый материал.

С другой стороны, анализ актовой документации позволяет видеть картину более комплексно, более формально, что особенно важно при оценке военных действий. Можно смело предположить, что дальнейшие архивные изыскания могут подарить исследователям немало подобных сюжетов, укрупняющих, углубляющих наши представления о самых разных сторонах военной повседневности, тактики и особенностях ведения боевых действий.

¹ См. напр.: Сапожников И. В. Миссия Лафитта-Клаве в Очаковской области и Буджаке в 1784–1789 гг. // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2001. № 5. С. 493–502.

² Здесь и далее даты даны по старому стилю.

³ Например, А. В. Суворова, предложившего дерзкую атаку по льду лимана (примеч. автора).

⁴ См. напр.: Масловский Д. В. Записки по истории военного искусства в России: Вып. II. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1891. 789 с.; Петров А. Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. 1787–1791 гг. Т. I. 1787–1789. СПб.: Тип. Р. Голике, 1880. 300 с.

⁵ См. напр.: Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Военное издательство МО СССР, 1958. 645 с.

⁶ См.: Шишов В. О. Цена осады. Русский осадный корпус под Очаковым, его снабжение и вооружение // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 80-летию Победы в Великой Отечеств. войне, Волгоград, 27–28 сент. 2024 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2024. С. 283–288; также к печати готовится статья «Русская и османская артиллерия в кампании 1788 года под Очаковым. Опыт сравнительного изучения» в сборнике конференции «Мир оружия: история, герои, коллекции» (Тула, 2024).

- ⁷ См. Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. Дневниковые записки Р. М. Цебрикова 1785–1788 / Отв. ред. Н. В. Кирюченко. СПб.: Историческая иллюстрация, 2009. 232 с.
- ⁸ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Приказы, рапорты, ведомости о подготовке к штурму Очакова. 1788. Л. 48–51.
- ⁹ Там же. Ед. хр. 2715. Л. 1–1 об.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. Д. 2768. Рапорты об отправлении осадной и полевой артиллерии и боеприпасов для осады крепости Очаков с приложением ведомостей. 1788. Л. 17.
- ¹² Там же. Ед. хр. 3033. Л. 9 об.
- ¹³ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 145.
- ¹⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 2 Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ¹⁵ Зажигательные боеприпасы, широко применявшиеся при осадных действиях в XVIII в.
- ¹⁶ Козлов С.А. От Лейпцига до Очакова. С. 148.
- ¹⁷ Там же. С. 152.
- ¹⁸ Там же. С. 154.
- ¹⁹ Там же. С. 155.
- ²⁰ Там же. С. 161.
- ²¹ Там же.
- ²² АВИМАИВиВС. Ф. 2 Оп. ШГФ. Д. 277.9 Л. 48 об.–49.
- ²³ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 163.
- ²⁴ Там же. С. 163–164.
- ²⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 2 Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ²⁶ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 165.
- ²⁷ Там же. С. 166.
- ²⁸ См.: Там же. С. 167.
- ²⁹ Там же. С. 168.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ АВИМАИВиВС Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ³² Имеется в виду И. И. Меллер, будущий Меллер-Закомельский, упомянутый выше.
- ³³ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 169.
- ³⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 170.
- ³⁷ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ³⁸ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 173.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ⁴¹ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 176.
- ⁴² АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ⁴³ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 176.
- ⁴⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ⁴⁵ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 177.
- ⁴⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 50 об.–51.
- ⁴⁷ Там же. Д. 2961. Л. 3 об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 2779. Л. 48 об.–49.

- ⁴⁹ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 178.
- ⁵⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 48 об.–49.
- ⁵¹ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 178.
- ⁵² АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 49 об.–50.
- ⁵³ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 178.
- ⁵⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2769. Рапорта о наличии турецких орудий в Очаковской, Кинбурнской и Березанской крепостях с приложением ведомостей. 1788 Л. 13–15 об.
- ⁵⁵ Там же. Д. 2779. Л. 49 об.–50.
- ⁵⁶ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 181.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Речь идет о немецком флотоводце на русской службе Карле Генрихе Нассау-Зигене (1745–1808), принимавшем активное участие во внедрении в русский флот и артиллерию разнообразных европейских новшеств.
- ⁵⁹ Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 183–184.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ АВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2779. Л. 49 об.–50.
- ⁶² Козлов С. А. От Лейпцига до Очакова. С. 186.
- ⁶³ Там же. С. 187.
- ⁶⁴ Там же. С. 188–189.
- ⁶⁵ Там же. С. 191.
- ⁶⁶ Там же. С. 192.

*К. В. Шмелев (Санкт-Петербург),
Т. М. Кармов (Нальчик)*

**СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФОРТИФИКАЦИЯ ЛЕВАНТА
В ЕВРОПЕЙСКОЙ И ОРИЕНТНОЙ ТРАДИЦИИ.
НОВЫЕ НАХОДКИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
ЭКСПЕДИЦИЙ 2023–2024 гг.**

В 2023–2024 гг. усилиями российско-сирийской экспедиции¹, были проведены археологические исследования в нескольких районах Леванта². В их числе – разведки в провинции Латакия, выявившие ряд памятников от эпохи бронзы до Средневековья, раскопки угаритского могильника Aqabat Harun и предварительное обследование средневекового замка Шейх-Хасан. В районе города Пальмира сотрудники экспедиции принимали участие в проводимых DGAM работах по обследованию и реставрационной подготовке разбора руин театра Пальмиры. Параллельно был проведен ряд работ, связанных с обнаружением маркеров римской дорожной сети к западу от Пальмиры³, а также сделано научное описание ранее необследованного средневекового укрепления на месте двора храма Баала в Тадморе.

В северо-западной части современной Сирии проведены работы по предварительному исследованию ранее неизвестного памятника европейской средневековой фортификации. Укрепление известно современному населению как замок Шейх-Хасан⁴. Объект расположен на юго-западном склоне перевала через горную гряду, тянущуюся вдоль побережья Средиземного моря, в 6,8 км к северо-востоку от населенного пункта Ras-al-Bassit⁵.

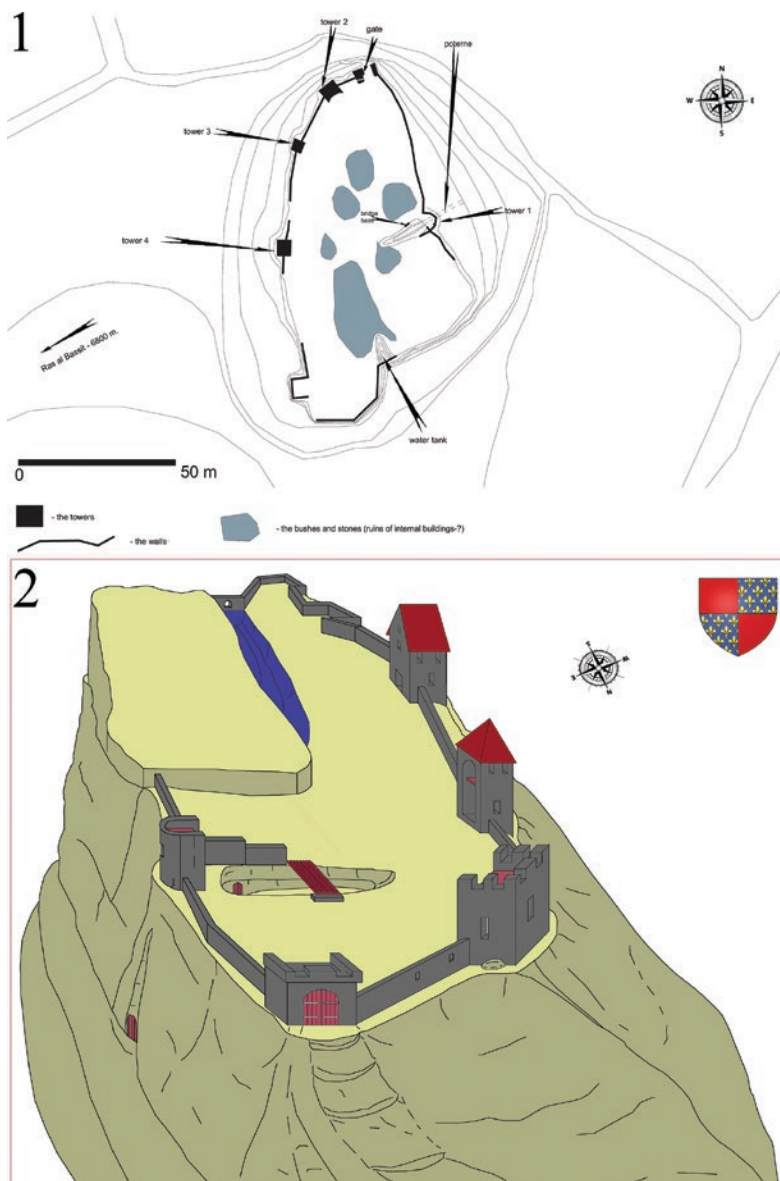
Эта территория в 1980 г. обследовалась специалистами по эпохе бронзы, были обнаружены находки, относящиеся к культурному кругу Угаритского царства, при этом наличие

Ил. 1. Карта Леванта с указанием границ Сирии на конец 2024 г. и обозначением исследованных памятников. 1 – замок Шейх-Хасан; 2 – крепость на храме Баала в Пальмире

средневековых укреплений было отмечено, однако научное описание и фиксация объекта как культурно-исторического памятника не производились⁶.

Замок (ил. 2, 3) расположен на отдельном естественном скальном выходе высотой относительно окружающего рельефа более 40 м. Скалистый холм имеет вытянутую подтреугольную форму размером 132х69 м, ориентированную длинной стороной по оси север–юг. Южная и восточная стороны характеризуются вертикальными отвесными склонами, сформированными выходами светлого известняка. Северо-западная – более пологая, покрытая грунтом и зарослями. Внешняя поверхность скал покрыта многочисленными трещинами, щелями и небольшими гротами, в ряде случаев укрепленными каменной кладкой или заливкой смесью известкового раствора со щебнем. Вся территория вокруг крепости в настоящее время засажена рощами цитрусовых деревьев, за исключением небольшого участка у подножия со стороны восточного склона. Элементы фортификационных сооружений прослеживаются по восточному, северному и, частично, юго-западному краям площадки. Размеры укрепленной площадки (замкового двора) – 102х34 м.

Ил. 2. Замок Шейх-Хасан. 1 – топографический план. Съемка К. В. Шмелева; 2 – гипотетическая реконструкция внешнего облика. Рисунок К. В. Шмелева

Ил. 3. Замок Шейх-Хасан. Реконструкция вероятного облика воротного сооружения и трехстенной башни на основе миниатюр «Библии Моргана» и сохранившихся трехстенных башен г. Висби. Рисунок К. В. Шмелева

Прослеживаемый комплекс архитектурных элементов относится к фортификационным и хозяйственным сооружениям и расположен в основном по периметру площадки. В юго-западной части замка постройки представлены каменными брустверными стенками, сложенными по краю вертикального обрыва из колотой некалиброванной известняковой плиты, большей частью насухо. Высота сохранившихся частей стен 0,8–1 м, в ряде случаев, судя по характеру верхних рядов кладки, участки стен сохранились на полную высоту. Там же, на южном склоне холма, находится сооружение, которое можно интерпретировать как цистерну (танк) для сбора дождевой воды⁷. Она представляет собой естественный овраг в скальной породе с подработанными стенками, вероятно, с обмазкой склонов гидроизолирующим раствором. На уровне линии внешних стен овраг перекрыт вертикальной стенкой, в верхней части смыкающейся с брустверной стеной по краю площадки. Примерно на уровне поверхности внутреннего двора укрепления прослеживаются остатки арочно-го проема с разрушенной верхней частью шириной около метра,

выполнявшего функцию сброса излишней воды из цистерны и препятствовавшего подтоплению боевой площадки.

Северо-западный край всхолмления имеет относительно пологий профиль, и конструкция стен на этом участке имеет сложную структуру из внешнего и внутреннего панцирей и бутового заполнения, пролитого раствором, между ними. Стены из колотого тесаного камня⁸ выстроены таким образом, что внутренний панцирь расположен на краю площадки, а внешний, имеющий большую высоту, – на склоне холма. Таким образом, стены имеют с внешней стороны высоту до 2,5–3 м, с внутренней – до 1–1,3 м. При этом часть стен на данном участке разрушена до основания и прослеживается только в виде каменных осыпей по склонам. Помимо стен, на данном фасе укрепления выявлены остатки еще нескольких элементов укрепления:

Западная башня (башня 4), прослеживается в виде остатков прямоугольного фундаментного блока размером 3,9х2,7 м. Высота сохранившейся части менее одного метра с внутренней стороны и до 2,1 м с внешней. Конструктивно остатки башни состоят из внешнего панциря на растворе, переложеного с кладкой прясел стен и внутреннего бутового заполнения, пролитого раствором. Это остатки фундаментной платформы, на которой должны возводиться конструкции основного сооружения, до настоящего времени не сохранившегося. Северо-западная башня (башня 3), представляет собой остатки аналогичной конструкции, также с несохранившейся верхней частью и частично разрушенной фундаментной платформой, но имеющая значительно меньшую площадь – 1,7х2,9 м. Северная башня (башня 2) крупнее и имеет лучшую сохранность (ил. 3). Площадь основания башни – 5 х4,5 м, прослеживаемая высота стен со стороны склона – порядка 3,8–4,2 м, с внутренней – до 2,5 м. Здесь сохранились не только фундаментная часть, но и нижний боевой ярус башни. Он характеризуется наличием двух вертикальных прямоугольных щелевидных (с расширением к внутренней части) бойниц, расположенных на фронтальной (северо-западной) и на северо-восточной стене, фланкирующей участок прясла между башней и воротным сооружением. Сохранилось до 10 рядов кладки. Башня сложена из подтесанных, в большинстве своем крупных (в среднем 30х40 см), неаккуратных известняковых блоков, для выравнивания рядов используется добавление в кладку мелких камней и плит. Подобная кладка, примененная также при

создании воротного сооружения, башен 1 и 2 и прясел между ними, была широко распространена на побережье Леванта в период крестоносцев⁹. В нижней части восточной стены башни в качестве элемента кладки использован крупный выступ материковой скалы. Боевой ярус имеет толстые стены только с внешней стороны укрепления, со стороны площадки преграда отсутствует, то есть данная постройка относится к типу распространенных в европейской традиции трехстенных башен.

Прясло стены (ил. 3) между северной башней и воротным сооружением сохранилось, вероятно, на полную высоту (с внешней стороны оно имеет высоту до 2,8 м), с внутренней стороны стена укреплена подсыпкой грунта, вероятно, формировавшей платформу боевого хода. На этом «приступном», наиболее опасном в боевом отношении участке прослежен единственный случай наличия в кладке стены небольших, высотой до 30 см, щелевидных бойниц, предназначенных для обстрела подъема к воротному сооружению.

Ворота находятся в северо-восточном углу укрепления. К ним проложен пологий ступенчатый подъем, прорубленный в скальном основании северной части склона холма, в настоящее время сильно осыпавшийся. Характер подъема вынуждает атакующего подниматься, обернувшись к стенам правой, неприкрытой щитом стороной, подобная ситуация имеет многочисленные аналогии в фортификационных сооружениях Европы. При этом подъем явно не был приспособлен для проезда колесного транспорта, но преодолим для людей и вьючных животных.

Ворота установлены на стыке северного и восточного прясел. Они представляют собой сводчатую арку с небольшим (около 0,6 м) выносом за пределы линии стен, габариты проема – 1,6х1,9 м, площадь основания ворот – 2,3х2,6 м, свод арки в верхней части проломлен. С внешней стороны арки, с ее восточного края, зафиксирован выступающий за габариты постройки блок с углублением – пяточный камень поворотного столба внешней створки ворот. С внутренней стороны арки прослеживаются щель для решетки-герсы и гнездо для воротного засова в виде прямоугольного паза сечением 18х23 см. Оно зафиксировано в стенке правого пилона ворот. Вероятно, воротная арка имела боевую площадку, выполняя функции надвратной и угловой башни. Прямые аналоги данного сооружения в европейской фортификации не сохранились, однако именно такой тип ворот

изображен на иллюстрации к синхронному литературному памятнику – миниатюре «Оставление Иерусалима» из «Библии Моргана»¹⁰ и ряде других изображений. Близким, но сильно перестроенным аналогом можно назвать воротный комплекс замка Münzenberg¹¹ и ряд других. Близкую конструкцию в виде сооружения, встроенного в земляной вал, имели новгородские ворота на Легощей улице, относимые к XIV в.¹²

На восточной стороне холма участок прясла выполнен в виде брустверной стенки высотой около метра, здесь он расположен на краю скального обрыва высотой порядка 40 м. В центральной части данного фаса расположен сложный комплекс, сформированный вокруг естественной трещины в скальном основании. В западной части комплекса находится естественный карстовый провал в основании скалы, имеющий вытянутую форму, размером 11,3х5 м и глубиной до 4,5 м. В восточной он переходит в перекрытый в верхней части участок – естественный проход, выводящий за пределы холма. Проход имеет следы подработки камнерезным инструментом, а в нижней (внешней) части – остатки запорных устройств, то есть он использовался в качестве потерны – выхода за пределы укрепления. Длина его скрытой части – около 16 м, перепад между уровнем площадки и точкой выхода достигает 23 м. Вход в потерну с территории замка возможен только через отводной коридор Г-образной формы, выходящий в провал с южной стороны. Отводной коридор начинается на первом ярусе трехстенной округлой полубашни (*rondelle*), прикрывающей выход из потерны. Башня в плане U-образной формы, кладка внешних стен несколько отличается от примененной в других башнях и воротах замка – использован колотый грубо отесанный камень, отсутствует фундаментный блок, поверхность скалы является полом первого боевого яруса. Размер башни – 6,3х5,2 м, сохранившаяся высота – до 3,6 м. С внутренней стороны имеются следы тонкой фальшстенки на уровне нижнего яруса укрепления. В полу башни (и потолке потерны) прослеживается отверстие, вероятно, использовавшееся в качестве «дыры смерти» (*murder-hole*), а у основания стен два машикуля в виде узких проемов, направленных вниз под углом 45°. Конструкция трехстенных башен имеет многочисленные аналогии в европейской архитектуре Средневековья¹³. В Леванте крестоносного времени подобные полубашни, но замкнутого профиля, использованы на внешней

стене замка Мархоб¹⁴, где они сооружены в ходе перестройки середины XIII в.¹⁵, и ряде других сооружений.

С юга к вышеописанному комплексу примыкает отрезок стены, укрепляющий южный край провала и одновременно отделяющий юго-восточную часть площадки замка. Через провал был переброшен мостик, по всей вероятности подъемный, на северном склоне провала фиксируется его основание в виде прямоугольной кладки длиной около двух метров.

Упомянутый карстовый провал и цистерна-водосборник оказываются своеобразными рвами, отделяющими юго-восточную часть замка. На данной территории отсутствуют какие-либо архитектурные сооружения, однако эта часть приподнята относительно остального двора на высоту порядка 2–2,5 м, представляя собой лишенный растительности скальный выход. Выскажем предположение, что эта территория представляла собой, вероятно, замковую цитадель, а имевшиеся здесь сооружения либо были полностью уничтожены, либо исходно сооружались из легких материалов. Площадка имеет искусственно выровненную поверхность, в западной части – следы прорубленного в каменном массиве ступенчатого подъема. Возможно также, что одновременно с нивелировкой данного участка он был использован в качестве каменоломни, о чем свидетельствуют следы камнерезного инструмента.

На площадке замкового двора прослеживаются три крупных скопления камней, сильно заросших кустарником, – вероятно, остатков внутренних построек.

В сооружениях замка прослеживаются минимум два типа кладок (вероятно, разновременных); имеются многочисленные аналогии в европейской и, частично, византийской архитектурной традиции. Укрепление находится в северной части средневекового Антиохийского княжества¹⁶ и, вероятно, связано с деятельностью крестоносцев в этом регионе, хотя сведений письменных источников о данном объекте пока не обнаружено. В то же время памятник расположен аналогично ряду других небольших укреплений крестоносного времени в прибрежной зоне Леванта¹⁷ и, вероятно, представляет собой остатки владельческого замка. Собственно, все укрепления эпохи крестоносцев, расположенные вдоль побережья Средиземного моря от Израиля до южной Турции, за исключением ряда приморских крепостей, привязаны к перевалам в горной гряде, проходящей в данном районе

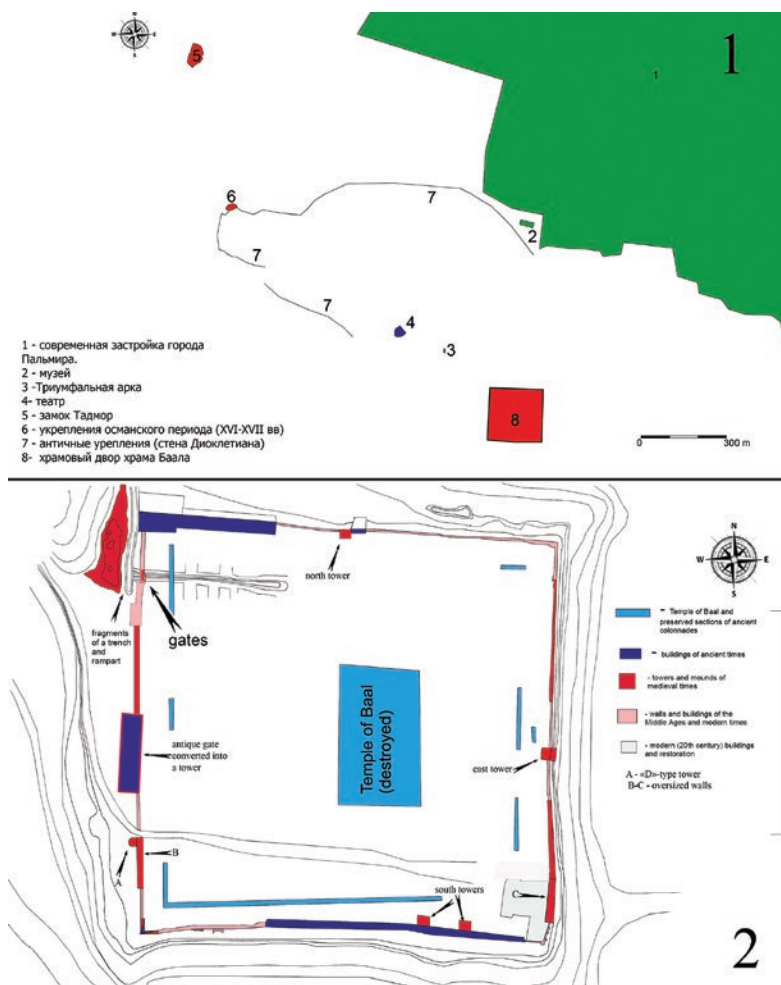
параллельно береговой линии. Крестonosный этап существования памятника может быть датирован периодом XII–XIII вв., хотя не исключено наличие и более ранних элементов византийского периода.

Замок Шейх-Хасан оказывается одним из немногих непрерывных европейских замков доогнестрельной эпохи, включающих ряд элементов, в том числе трехстенные башни, имеющие прямые аналоги от Готланда на севере до Британских островов на западе и бывших итальянских и византийских владений на юго-востоке Европы, в то же время мало характерных для Леванта. К сожалению, был проведен только предварительный этап исследовательских работ, и поскольку в настоящее время территория в районе сирийско-турецкой границы является нестабильным регионом, закрытым для исследовательских групп, неизвестно, возможно ли возобновление научной деятельности в дальнейшем.

В районе Пальмиры были обследованы укрепления, сооруженные на руинах античного храмового двора Баала. Комплекс укреплений исторической Пальмиры в настоящее время включает в себя набор разновременных фортификационных сооружений – от поздней античности до раннего Нового времени, в который входят внешний обвод городских стен с башнями (стены Диоклетиана, или стены Зиновии), лагерь Диоклетиана (район расквартирования римских войск) позднеантичного времени, а также замок Тадмор¹⁸ эпохи развитого Средневековья, находящийся вне периметра городских стен, – укрепленная резиденция правителя. Самым поздним укреплением является форт, приспособленный для круговой обороны, выстроенный на месте одной из башен стены Диоклетиана, датируемый Османским периодом, не ранее XVII в. Непосредственно среди городской застройки элементы фортификационных сооружений обнаруживаются на еще одном объекте – в храмовом дворе Баала.

О наличии данных сооружений известно со времени первых описаний Пальмиры конца XVII – середины XVIII в., однако их научное описание не было осуществлено. Одно из наиболее ранних упоминаний укреплений присутствует в тексте Р. Вуда¹⁹. В ряде случаев исследователи упоминают наличие средневековой фортификации, не производя ее научного описания.

Комплекс античного храма с прилегающим двором характеризуется приспособлением в качестве основной линии укреплений стен двора и других элементов изначальной культовой

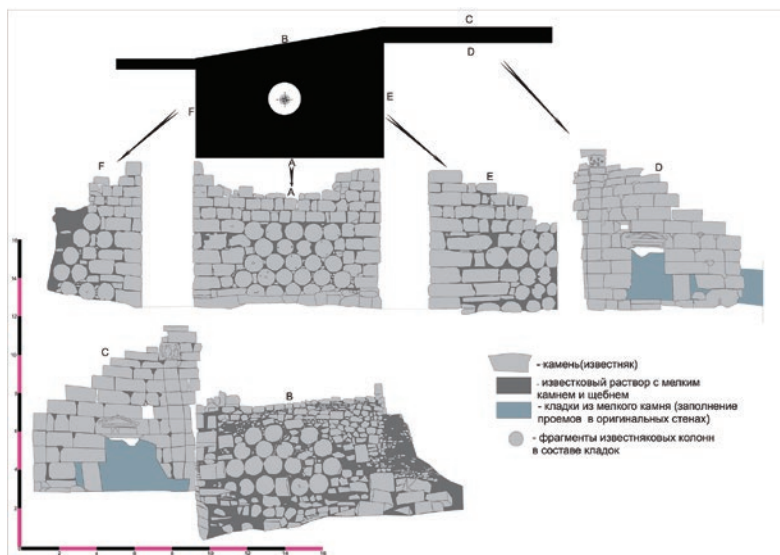

Ил. 4. Укрепления на храме Баала в Пальмире. 1 – фортификационные сооружения города Пальмира. Общая схема; 2 – храмовый двор Баала. Топоплан с обозначением разновременных сооружений. Съемка К. В. Шмелева

постройки. Часть укреплений, вероятно, сохранялась до начала реставрации храма, осуществлявшейся в период французского мандата, и была разобрана как элемент позднего происхождения²⁰. Античный комплекс (ил. 4) расположен на естественном

холме с плоской вершиной, находящемся в юго-восточной части города, и состоит из расположенного в центральной части храма²¹, окружающих колоннад и внешнего периметра стен с входным комплексом²². Размеры двора (по внешним габаритам) – 210х195 м.

В ходе осмотра в 2023 г. был выявлен ряд объектов, соответствующих описанию Вуда. Внешние стены храма, использовавшиеся в качестве средневековых укреплений, расположены по периметру холма, на стыке края площадки и склона (холму искусственно придана подпрямоугольная в плане форма), за исключением западного фаса, где перед стеной имеется широкое, до 35–40 м, пространство. Согласно тексту Вуда²³, вдоль западного фасада выкопан ров, снесен портик воротного сооружения и на его месте построена четырехугольная башня. Упомянутая башня, вероятно, представляла собой перестроенную верхнюю часть первоначального античного воротного сооружения (где в действительности отсутствует внешний портик, а в самих воротах заложены проходы). Картина XVII в. «Панорама Пальмиры»²⁴ Г.-Х. ван Эссена²⁵ показывает верхнюю часть сооружения, надстроенного площадкой с парапетом и зубцами по краю. Аналогичная конструкция с зубцами и выступающими консолями изображена на гравюрах Пальмиры и храма Баала Л.-Ф. Касса²⁶ 1799 г. На фотографиях 1930-х гг. эти элементы уже утрачены²⁷. Следы рва в районе этой постройки в настоящее время не прослеживаются. Северней сохраняется участок рва максимальной глубиной до двух (дно засыпано) и шириной до шести метров. Ров оказывается частью более сложного сооружения, вероятно, выполнявшего функцию входного комплекса со сложной траекторией движения входящего, близкого к европейским ворбургам²⁸. Снаружи параллельно линии рва насыпан вал высотой до 1,5 м, он увеличивает глубину рва, а также прикрывает от обстрела основную стену. Для предохранения от оплывания сделана круговая обкладка из крупных обломков камня. Основная стена двора на данном участке (как и еще в ряде мест) пришла в негодность еще в древности и была выложена заново на фундаменте первоначальной стены из мелкоформатного колотого камня на известковом растворе²⁹. В стене на уровне дна рва сооружен воротный проем шириной 2 м и прослеживаемой высотой до 2,5 м. С внутренней стороны стены проход выходит в длинный (порядка 60 м) пандус с вертикальными внешними

Ил. 5. Укрепления на храме Баала в Пальмире. Северная башня. Съемка К. В. Шмелева

стенками, проложенный под линией фундамента внутренней колоннады, выходящий к центральной части двора. Таким образом, человек, входящий в укрепление, должен был пройти по дну рва, затем резко повернуть влево, миновать воротный проем и подняться по пандусу, чтобы в результате оказаться на площадке к северо-западу от здания храма Баала.

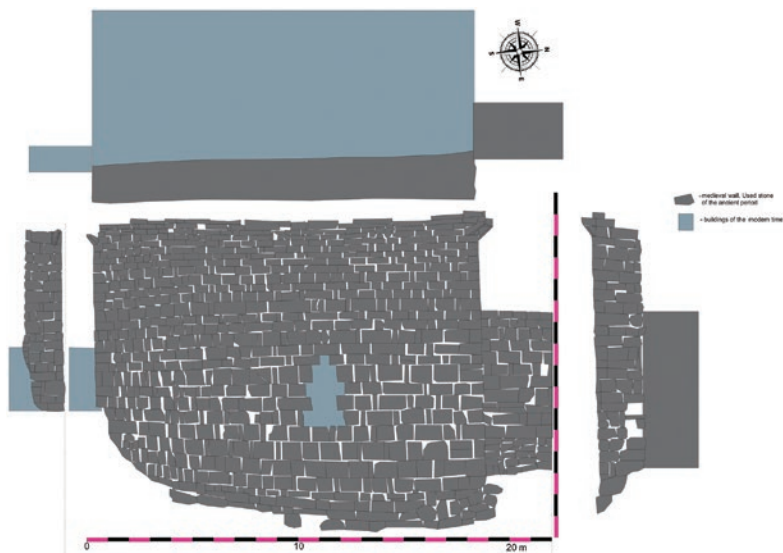
В северо-западном углу двора сохраняется крупный (около 70 м длиной) отрезок первоначальной стены, сохранившийся на полную высоту и дающий представление об исходном периметре античного периода. Стена имеет максимальную высоту до 18 м и сложена из крупных прямоугольных тесаных блоков³⁰. Стандартный размер блока – 0,9х0,9х1,7 м, кладка стены монолитная, без внутреннего и внешнего панцирей. Основание стены поставлено на естественный выход материковой скалы, дополненный фундаментной выкладкой из крупных грубо обработанных блоков, подкрепляющих внешний склон холма. В стене имеется два уровня декоративных оконных проемов, окна нижнего яруса заложены³¹ либо кладкой на растворе, либо подходящими по размеру обломками колонн.

Восточнее находится цокольная часть башни (ил. 5), приложенной к участку стены изнутри (этот фрагмент стены, вместе с северной стенкой башни, осыпался в период после 1930-х гг., когда проводилась французская реставрация храмового комплекса). Башня четырехугольной, немного неправильной в плане формы, размеры 8,8х6,4х4,9 м. Максимальная высота – 4,9 м. Постройка имеет монолитную конструкцию цоколя с внешним панцирем, где сохранилось до 12 рядов кладки, и внутренней забутовкой, пролитой известковым раствором. Имеется ряд характерных особенностей: нижний (фундаментный) ярус выложен из крупных блоков во вторичном использовании³². Угловые части выполнены из таких же блоков в виде несущих рустовых «столбов», пространство между ними заполнено рядами кладки из обломков колонн³³ и фрагментов блоков меньшего размера. Начиная с шестого яруса, кладка вновь выполнена из крупных тесаных блоков. В настоящее время стена с северной стороны разрушена, однако на фотографиях начала XX в. видно, что башня была приложена к участку средневековой стены, сложенному между двумя отрезками античных стен. Эта кладка была использована в качестве панциря внешней северной стены башни, но остальные стенки не были с ней перевязаны, то есть башня была сооружена позже, чем отрезок стены. Первоначальный вид башни в настоящее время не определим, на картине ванн Эссена виден только незначительный фрагмент. С востока к башне примыкает участок античной стены с дверным проемом, заложенным кладкой из колотого камня на растворе.

Следующий участок к востоку, включая угловой стык северной и восточной стен, выполнен из камня на растворе – вероятно, это части, ремонтировавшиеся в позднее время; на панораме 1693 г. и фотографиях 1930-х гг. эти участки стен выглядят аналогично современным.

Восточная стена храмового двора имеет участок длиной около 120 м оригинальной античной кладки с различной степенью сохранности, в верхней части в основном переложенной в период Средневековья и частично дополненной более поздними кладками.

С юга к данному отрезку стены примыкает участок (ил. 6) протяженностью порядка 20 м, вынесенный вперед относительно линии стен (он установлен не на краю площадки холма у основания склона), полностью выполненный из блоков во вторичном

Ил. 6. Укрепления на храме Баала в Пальмире. Участок восточной стены. Съемка К. В. Шмелева

использовании, в верхней части его прослеживается ряд выступающих камней, выполняющих функции консолей³⁴. Эта часть стены выложена в технике кладки, не встречающейся на других частях памятника, – применена кладка в технике «тычка», когда стандартные, выложенные продольно блоки чередуются (чаще всего через один или через три) с блоками, уложенными торцевой частью в сторону лицевой стороны кладки, что позволило увеличить толщину стены. Вероятно, на данном участке прослеживается средневековая стена на максимально возможную высоту (порядка 15 м); утрачена только самая верхняя, парапетная часть. Почему данный участок был вынесен вперед относительно остальной линии стен – не до конца ясно; вероятно, здесь играл фактор особенностей рельефа местности – и в настоящее время участки стен, установленные на самом краю площадки, осыпаются и съезжают по склону. Возможно, что подобная ситуация случилась и в древности, и для предотвращения сползания стены она была вынесена вперед и установлена у подножия холма.

В центральной части восточного фасада³⁵ изнутри к стене приложена башня схожей конструкции. Как и в случае с башней

у северной стены, от нее сохранился только цокольный уровень размером 5,4х5,7 м, высотой до 6,4 м. Она также имеет фундаментный ряд и угловые рустовые «столбы», часть рядов кладки из обломков колонн и бутовое заполнение. Башня была приложена к фрагменту античной стены, сохранявшему элементы декора и встроенного в стены средневекового времени. Участок стены служил внешним панцирем башни, и поскольку он не имеет перевязки с другими стенами, то частично откололся от цоколя и сполз по склону холма.

Южный фас двора частично сохранил участки античной стены на значительную высоту. К ней приложены две башни аналогичной конструкции, расстояние между ними около 12 м; вероятно, расположенные на этом участке башни имеют не только фортификационную функцию, но и укрепляют отрезок стены. Юго-восточная башня сохранилась частично, от нее прослеживается только западная часть площадью 7,8х4,2 м и высотой до 7,2 м. Юго-западная башня, наоборот, – один из наиболее сохранившихся объектов (размеры – 7,6х4,6, высота – до 6,9 м). Обе башни сложены по уже описанной схеме – с основанием и угловыми частями из прямоугольных массивных блоков, тремя рядами обломков колонн в качестве нижних рядов кладки и прямоугольными блоками в верхних ярусах. При этом в юго-западной башне сохранилось до 14 уровней кладки, полноценно изучить ее внутренние конструкции не представилось возможным, но, по всей вероятности, бутовое заполнение формирует монолитную платформу до 9–10-го уровня; выше находятся полости, служившие внутренним объемом башни.

Западнее описанного участка внешняя стена вновь переложена, аналогичная ситуация наблюдается и с юго-западной стены западного фаса, где имеется участок сильно разрушенной античной стены, доложенный сверху и усиленный дополнительными рядами кладки снаружи. Вероятно, это сделано для усиления западной стороны, имеющей открытую площадку перед стеной, наиболее опасной с точки зрения вероятного направления атаки, эта же логика обосновывает и наличие здесь основания еще одной башни. Это единственная в комплексе башня, приложенная к внешней стороне стен. Сохранилась цокольная часть постройки размером 4,5х5,5 м. Башня³⁶ D-образной в плане формы, высота сохранившейся части до 4,5–5,3 м; как и все остальные башни комплекса, она имеет монолитную цокольную часть с внешним

панцирем и внутренней забутовкой, пролитой известковым раствором. Особенность данной постройки в том, что она полностью сооружена из веерообразно выложенных обломков колонн и отдельных прямоугольных блоков. Сохранилось девять ярусов кладки из колонн, плюс один нижний фундаментный, полностью выложенный из тесаных блоков. Используемые обломки колонн имеют стандартный диаметр около 40 см (38–43 см), что меньше диаметра колонн в постройках храма Баала. Вероятно, для сооружения данной башни было разобрано здание, имевшее свой стандарт диаметра колонн. Сохранившаяся высота башни – меньше находящейся рядом стены, первоначальная высота постройки должна была быть ей равна или быть выше – на гравюре Касса видна задняя часть этой башни, в конце XVIII в. она уже была сильно разрушена.

Предварительно укрепления можно датировать периодом развитого Средневековья, до распространения огнестрельного оружия, что не противоречит данным письменных источников. Д. Вуд, опираясь на мнение местного населения, считал укрепления «турецкими» (Turkish)³⁷, К. Михайловский аннотировал башню у западной стены как «arabski bastion»³⁸. Ряд документов упоминают строительство укреплений в Пальмире правителем Алеппо Сейфом-ад-Даула³⁹ в 995 г., хотя в данном случае непонятно, о каких именно постройках идет речь, – возможно, имеется в виду ремонт античных стен Диоклетиана⁴⁰. «Хорошо укрепленный» город Тадмор упоминается при правлении Буридов в 1136 г.⁴¹ Сообщения арабских источников об устройстве городской цитадели на холме с храмом Баала относятся к периоду при губернаторе Юсубе-ибн-Фирузе⁴², приблизительно 1132–1133 гг.⁴³ Использование укреплений продолжалось и в последствии, в XIII в. Якат-Шихаб ад-Дин аль-Хамави⁴⁴ описывает «городской замок с каменными воротами»⁴⁵.

Замок Тадмор сооружен северо-западу от города в XIII в.⁴⁶, и крепость, выполнявшая функции городской цитадели, предшествовала ему. Прослеженные элементы фортификации имеют ряд аналогий в синхронных памятниках как исламского, так и европейского круга. Воротные сооружения сложной конструкции, требующие продвижения по маршруту, параллельному линии укреплений, с одним или несколькими поворотами, появились в европейской традиции в конце X в., а к XII в. уже широко применялись⁴⁷. Консоли на стенах, помимо уже упоминавшихся

ближневосточных аналогов в цитадели Дамаска и Каср эль-Хейр эль-Шарки, присутствуют в постройках замка Крак-де-Шевалье и множестве синхронных памятников Европы. D-образные в плане башни применялись с античного времени, они имеются в крестоносных замках Леванта⁴⁸ и укреплениях Европы⁴⁹. Непосредственно в Пальмире они присутствуют среди построек стены Диоклетиана; считается, что они появились в ходе реконструкции стен при Юстиниане⁵⁰. Башни, приложенные к стенам изнутри, – явление редкое в истории фортификации, присутствие подобных сооружений⁵¹ традиционно считается признаком доогнестрельной фортификации⁵². Относительно расположения башен в крепости на храме Баала важно отметить их нахождение не по углам ограды, а в пределах отрезков стен. Выскажем предположение, что прикладка башен к стенам изнутри вызвана в первую очередь особенностью топографии холма. Возможность вынести башню за пределы стен здесь имела только на западном фасаде, что и было реализовано постройкой D-образной башни. На других фасадах стены поставлены вдоль края площадки и пространства для постройки башен снаружи там не имеется. Расположение башен не в угловых позициях, возможно, вызвано необходимостью укрепления существующих стен. В этом случае башня играет роль контрфорса, удерживая стену от падения, – данную функцию башни южной стены выполняют и сейчас. В целом укрепление на храме Баала характеризуется большим набором элементов, частично разновременных, создававшихся в процессе эксплуатации постройки, вероятно, в течение нескольких столетий. В любом случае, к моменту первых графических фиксаций объекта (конец XVII – XVIII в.) он уже пребывал сильно разрушенном и неиспользуемом состоянии.

Приведенные результаты являются предварительными, работы экспедиции были приостановлены в октябре 2024 г., предполагалось их продолжение следующей весной, однако развитие политической ситуации в регионе не позволяет строить какие-либо планы относительно дальнейшего проведения исследований.

---

¹ Экспедиция организована под эгидой Федерального агентства по делам СНГ (Россотрудничество), ассоциации «Корпус» (Санкт-Петербург) и Генерального директората древностей Сирии (DGAM) при участии сотрудников СПбГУ, а также при поддержке Нижегородской области в лице ГП НО «НОФ».

- ² Топографическая и фотофиксация и архитектурные обмеры выполнены К. В. Шмелевым. При работах в Пальмире использовались данные аэрофото-съемки, выполненной А. Петренко (Ростов), которому авторы статьи приносят особую благодарность.
- ³ Шмелев К. В., Кармов Т. М. *Viae militares* к западу от Пальмиры. Новые данные о дорожных столбах Имперского времени // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 4. С. 244–256.
- ⁴ «Kale Sheyh Hasan», «نيس ح شيلا»
- ⁵ Город фиксируется в данном месте с эпохи бронзы, с периода эллинизма это порт Посидеум (Ποσίδιον), существовавший в византийский и крестоносный периоды. В настоящее время – арабская деревня.
- ⁶ Saadé G. Ougarit et son royaume. Des origines à sa destruction. Bibliothèque archéologique et historique (T. 193) Institut français du Proche-Orient. Beyrut. 2011. P. 413.
- ⁷ На площадке замка источники воды отсутствуют, а у подножия холма находится источник. Вероятно, водосборная цистерна использовалась как резервный источник на случай боевых действий.
- ⁸ Стандарт каменных блоков в кладке стен и башен в северо-западной части укрепления: в пределах 25–37 см по длинной стороне, 13–24 см по высоте и ширине. Сторона, обращенная внутрь кладки, не отесывалась.
- ⁹ Тип 2 по типологии Tonghini и Vannini. Tonghini C., Vannini G. The Contribution of «Light» Archaeology to the Study of Fortified Sites in Northern Syria // Proceedings of the 2nd International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East 22–26 May 2000, Copenhagen Volume 2 Islamic Archaeology, General Islamic Archaeology, Symposium. Bologna. 2016. P. 278–279.
- ¹⁰ Noel W., Weiss D. The Book of Kings: Art, War, and the Morgan Library's Medieval Picture Bible. Baltimore. 2002.
- ¹¹ Krähe F.-W. Burgen und Wohntürme des deutschen Mittelalters. Stuttgart. 2008. P. 25.
- ¹² Косточкин В. В., Орлов С. Н., Раппопорт П. А. Новые данные об укреплениях новгородского острога // Памятники культуры. Вып. 3. М., 1961. С. 73–76.
- ¹³ Falck W. Visbys stadsmur. En kulturhistorisk vandring. Stockholm Riks antikvarieämbetet. Stockholm. 1995. P. 17, 42.
- ¹⁴ Marpat, Margat, Marquab.
- ¹⁵ Balázs M. Constructing a Medieval Fortification in Syria: Margat between 1187 and 1285 // Bridge of Civilizations The Near East and Europe c. 1100–1300. Oxford. 2019. P. 17.
- ¹⁶ Principatus Antiochiae – лат.
- ¹⁷ Balázs M. Remains of the 12th and 13th Century Rural Settlement in the Southern Littoral of Syria (First Report on the Fieldwork) // Proceedings of the 20th Congress of the Union Européenne des Arabisants et Islamisants. Part Two – Budapest, 17 September 2000. Budapest. 2003. P. 252–258.
- ¹⁸ Фахр-ад-Дин аль-Маани, Qalaat Fakhr ad-Din al-Maani, رخف علق, ين عملنا نيدلا. Сооружен в XIII в. при курдском эмире Аль-Муджахиде Ширкухе II Al Malik Al-Mujahid Asad ad-Din Shirkuh II.
- ¹⁹ Wood R. The ruins of Palmyra, otherwise Tedmore, in the desert. London. 1753. P. 43
- ²⁰ Seyrig H, Amy R, Will E. Le temple de Bel a Palmyre. Paris. 1975.
- ²¹ Уничтожен взрывом в 2015 году.

²² Hammad M. *Lesanctuaire de Bel a Tadmor-Palmyre*. Urbino. 2006. P. 224

²³ «Высота стены двора побудила турок превратить его в оплот силы. Для этой цели они закрыли окна, выходящие на север, и проделали перед ним ров с запада, где разрушили портик главного входа, чтобы построить на его месте четырехугольную башню...» (Wood 1753. P. 43).

²⁴ Создана в начале 1690-х гг. по результатам голландской экспедиции в Левант.

²⁵ Gerard Hofsted van Essen.

²⁶ Louis-François Cassas.

²⁷ Seyrig, Amy, Will. 1975. P. 271.

²⁸ Vorburg, др. рус. «захаб».

²⁹ Этот участок стены несколько раз подвергался ремонтам и реставрации. На панорамах ван Эссена он показан сильно руинированным. Между аркой входа и «башней», сооруженной из воротного комплекса, присутствует участок, сложенный из стандартных крупных блоков во вторичном использовании, с большим количеством известкового раствора.

³⁰ Отметим характер кладок различного времени. Кладка античного периода выполнена из крупных стандартных блоков, качественно отесанных, сложенных насухо или с минимальным количеством раствора. Кладки исламского времени характеризуются наличием блоков во вторичном использовании с большим количеством строительного раствора. Часто используются дополнительно расколотые, вероятно, для уменьшения веса, блоки и фрагменты колонн. Кроме того, присутствуют еще два вида кладок – из мелкого колотого камня с большим количеством известкового раствора. Они используются для заполнения различных проемов в кладках крупных форм и в качестве ремонтных на разрушенных участках. Между собой они визуально различаются по цвету раствора, при этом более темный характерен для поздней кладки, сложенной из самой мелкой фракции камня. Реставрационная кладка французского периода отличается схожим раствором, она выполнена из колотого, но качественного калиброванного камня (размером ок. 20х12х12 см).

³¹ «Для этой цели они закрыли окна, выходящие на север ...» (Wood 1753. P. 43).

³² Примечательно, что традиция использования элементов античных построек Пальмиры во вторичном использовании не единична, аналогичный случай зафиксирован на средневековой крепости Каср эль-Хейр эль-Шарки. См. Грушевой А. Г. Арабы в грекоязычных надписях римского и византийского Ближнего Востока // Кунсткамера: Этнографические тетради. № 12. 1998.

³³ Использованы фрагменты крупных колонн диаметром 1–1,2 м, аналогичных колоннам, находящимся в колоннаде храмового двора.

³⁴ Сооружения с консолями известны в ближневосточном регионе с позднеллинистического времени, они применены на башне в г. Джерад (Jerada) в Сирии, римской крепости Каср-Бшир (Иордания) и укреплениях монастыря св. Екатерины на Синае (Burns R. *The monuments of Syria*. NY. 2009. P. 179; Gregory S. *Roman militare architecture on the Eastern frontier*. Vol 3. Amst. 1997), средневековых Каср эль-Хейр эль-Шарки (Сирия), а также присутствуют в цитадели Дамаска, где используются для выноса машикулей за пределы стен. Консоли на стенах замка Тадмор прослеживались на фотографиях начала XX в. Однако для сооружений исламской архитектуры они мало характерны.

³⁵ В 106 м от северо-восточного и 86 м от юго-восточных углов храмового двора.

³⁶ Arabski bastion (Mikhailovskii 1968. P. 16).

- ³⁷ Wood. 1753. P. 43
- ³⁸ Mikhailovskii K. Palmyra. Warszawa. 1968. P. 16.
- ³⁹ Sayf al-Dawla.
- ⁴⁰ Grabar O., Holod R., Knustad J.; Trousdale W. City in the Desert. Qasr al-Hayr East. Harvard Middle Eastern Monographs. Vol. 23–24. Harvard. 1978. P. 158
- ⁴¹ Gibb H. A. R. The Damascus Chronicle of the Crusades: Extracted and Translated from the Chronicle of Ibn Al-Qalanisi. NY. 2002. P. 237.
- ⁴² Yusuf ibn Firuz.
- ⁴³ Grabar, Holod, Knusta, Trousdale. 1978. P. 161.
- ⁴⁴ Yaqt ibn-'Abdullah al-Rumi al-Hamawi.
- ⁴⁵ «Тадмур – знаменитый город в Сирийской пустыне. Он находится в 5 днях пути от Халаба и недалеко от Хомса. Сейчас люди там живут в замке, окруженном каменной стеной. У него есть двойные ворота из камня...» (Le Strange G. Palestine under the Moslems, a description of Syria and the Holy Land from A. D. 650 to 1500. Translated from the works of the medieval Arab geographers. Houghton. 1890. P. 541).
- ⁴⁶ Balázs M. Al-Malik Al-Mujahid, Ruler of Homs, and the Hospitallers (The Evidence in the Chronicle of Ibn Wasil). In Hunyadi, Zsolt; Laszlovszky, József (eds.). The Crusades and the Military Orders: Expanding the Frontiers of Medieval Latin Christianity // Central European University Medievalia Series. Vol. 1. 2001. P. 62.
- ⁴⁷ См. Krähe F.-W. Burgen und Wohntürme des deutschen Mittelalters. Stuttgart. 2008. P.25; Böhme H. W., Friedrich R., Schock-Werner B. Wörterbuch der Burgen, Schlösser und Festungen. Heidelberg. 2004 и др.
- ⁴⁸ Balázs 2019. P. 17
- ⁴⁹ Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 237–240.
- ⁵⁰ Juchniewicz K. Late Roman fortifications in Palmyra // Studia Palmyreńskie XII. Fifty Years of Polish Excavations in Palmyra 1959–2009, International Conference, Warsaw, 6–8 December 2010. Warsaw. 2013. P. 195–196.
- ⁵¹ Подобные ситуации следует отделять от установленных внутри линии стен замковых донжонов.
- ⁵² Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. МИА 140. Л., 1967. С. 37–38; Косточкин. В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI веков. М., 1962. С. 97–99; Kamińska M. Grody południowo-zachodniej Rusi w okresie od 1240 do 1340 r. w świetle źródeł archeologicznych i historycznych : praca doktorska . Kraków. 2020. P. 560–564.

Е. И. Юркевич (Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ДАТЕ СОЗДАНИЯ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КИРАСИРСКИХ ЕГО И ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКОВ

Среди гвардейской кавалерии Русской императорской армии лейб-гвардии Кирасирские Его Величества и Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полки считались одними из лучших. История полков давала к такому выводу все основания.

Правда, как оказалось, эта история начиналась совсем не так, как было написано в полковых историях.

В соответствии с ними лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк ведет свою историю с 1702 г., от драгунского князя Григория Волконского полка (впоследствии Ярославского драгунского)¹, со старшинством с 21 июня 1702 г. (этот же день стал и днем полкового праздника)². Соответственно, 21 июня 1902 г. в Царском Селе полк отметил свой двухвековой юбилей, по случаю которого были выпущены нагрудный знак и жетон³.

А история лейб-гвардии Кирасирского Ея Величества полка гласила, что 8 апреля 1704 г. Именным указом, данным своему «дядьке», отвечавшему когда-то за покупку для него игрушек и одежды, боярину Тихону Никитичу Стрешневу (1649–1719), Петр Великий повелел к 1 июня сформировать в Москве два драгунских полка⁴. Один из них, названный по имени командира, Яна Портеса, драгунским Портеса полком, и явился предком «синих кирасир»⁵. Судя по тому, что старшинство полка считается с 26 июля 1704 г.⁶, именно в этот день полк был окончательно сформирован. Соответственно, 26 июля 1904 г. полк отпраздновал 200-летний юбилей и получил юбилейный штандарт⁷.

И в свете отгремевших юбилеев незамеченным остался выход небольшой книги «Научно-историческое исследование

неточностей, вкравшихся в хроники полков Лейб-Гвардии Кирасирских: Его Величества и Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны с основания означенных полков до восшествия на престол Императрицы Екатерины II в 1762 г. (включит.)»⁸. Автором книги являлся замечательный военный историк, штабс-ротмистр (впоследствии полковник) лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка Николай Павлович Волинский (1875–1913), внебрачный сын Великого князя Николая Константиновича (1850–1918) от А. А. Демидовой⁹, автор одной из полковых историй кирасир Его Величества¹⁰, исследования по истории русской конницы петровской эпохи¹¹ и романа¹². Чем же примечательна его книга?

Во-первых, он установил и с фактами в руках доказал, что лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк ведет свою историю не от драгунского князя Григория Семеновича Волконского полка, сформированного в 1701 г. и названного в 1708 г. Ярославским драгунским, как утверждалось ранее, а от драгунского князя Григория Ивановича Волконского полка, сформированного в 1706 г., который и был в 1708 г. назван Ярославским драгунским¹³. Т. е. Волинский на четыре года «омолодил» родной лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк, отметивший 200-летний юбилей еще в июне 1902 г.¹⁴

Изучив ряд новых документов, Н. П. Волинский пришел к выводу, что в период с 1701 по 1796 г. князем Григорием Волконским было сформировано два драгунских полка¹⁵. Но далее Николай Павлович выясняет, что в начале XVIII в. драгунские полки формировали два князя Григория Волконских – Григорий Семенович и Григорий Иванович¹⁶. У истоков будущего Ярославского драгунского полка стоял князь Григорий Иванович Волконский-меньшой (? – до 1732).

Дело в том, что у Григория Ивановича имелся старший брат – полный его тезка (? – 1715), в 1688 г. бывший стольником при дворе Петра, а в 1711 г. при учреждении Правительствующего сената ставший одним из первых сенаторов. В 1712 г. Г. И. Волконский был назначен начальником Тульских оружейных заводов. В следующем году Григорий Иванович был уличен в краже казенных денег. Началось следствие, за которым пристально следил сам царь, назвавший Волконского «Иудой». В 1715 г. Григорий Иванович был казнен¹⁷.

А вот Григорий Иванович Волконский-меньшой так и назван в сборнике биографий рода Волконских: «полковник драгунских полков»¹⁸. С 1692 г. он значится в ближних стольниках Петра, с 12 августа 1701 г. – воевода в Козлове. В 1703 г. стольник Волконский направлен Петром на Тамбовщину – описывать тамошние леса, необходимые для строительства молодого русского флота. А с 1705 г. Григорий Иванович «переписывал и разбирал» служителей приказных палат и монастырских слуг на предмет годности в солдаты. При этом он продолжал оставаться Козловским воеводой.

7 апреля 1710 г. Григорий Иванович был назначен обер-комендантом в Ярославль, Романов, Углич, Кашин, Торжок, Бежецк и Тверь, находясь в этой должности до 1712 г. За это время им была построена в Ярославле полотняная фабрика.

После 1712 г. данных о служебной карьере Г. И. Волконского не имеется, в сборнике Е. Г. Волконской описываются лишь тяжбы с родственниками по поводу имений¹⁹.

Что интересно, Г. И. Волконский числился командиром полка своего имени с 1706 по 1712 г., но фактически командовал им до 1708 г., т. к. с 1708 г. по 15 сентября 1710 г. командующим полком был подполковник Михаил Иванович Нащокин, с сентября 1710 г. по 20 июня 1711 г. – полковник Иван Иванович де Фулен (в 1711 г. ему дана отставка), а с 22 мая 1711 г. и аж до 1729 г. – полковник Леонтий Максимович Стогов²⁰.

10 марта 1708 г. полк был поименован Ярославским драгунским²¹. Это имя прославило полк в сражениях Великой Северной войны 1700–1721 гг. К сожалению, осветить первые годы существования полка крайне трудно, поскольку полковой архив, где хранились первые документы полка, в том числе и связанные с первыми боями, погиб в сентябре 1710 г.²²

Что же касается полка, сформированного князем Григорием Семеновичем Волконским, то он, по данным Н. П. Волынского, был сформирован в 1701 г., а в 1708 г. назван Новгородским драгунским²³.

А вот дальше было самое интересное!

В 1733 г. Ярославский и Невский драгунский полки были переформированы в кирасирские и названы соответственно Бевернским и Лейб-Кирасирским полками. В 1741 г. Бевернский полк был назван Кирасирским Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Петра Феодоровича

полком, по восшествии Петра на престол ставший Лейб-Кирасирским Его Императорского Величества.

27 декабря 1761 г. Высочайшим повелением было приказано вернуть полк из Пруссии, где он тогда находился, в Россию. А 29 декабря последовало еще одно Высочайшее повеление – Лейб-Кирасирский полк именовать Кирасирским Корфа полком.

В 1833 г., при составлении краткой истории лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, оба этих повеления были ошибочно отнесены к Кирасирскому Его Высочества полку²⁴. «Последствием этой путаницы было то, что все названия обоих кирасирских полков за период 1761–1762 гг. были спутаны между собою таким образом, что все, что касалось Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка с его основания до 1762 г., было отнесено к Лейб-Гвардии Кирасирскому Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полку, и наоборот», – писал Николай Павлович²⁵.

Николаем Павловичем было доказано, что изначально ошибка появилась в составленной генерал-майором князем Сергеем Николаевичем Долгоруким (1769–1829) в 1799 г. «Хронике Российской Императорской Армии»:

«Несмотря на правильные сведения о Лейб-Кирасирском Ея Императорского Величества полку, доставленные командиром его г[енерал]-м[айором] Есиповым за время 1742–1799 гг., кн. Долгорукий не придавал им значения и в его труде впервые появилась та самая путаница, которая ныне мною разоблачается. При этом, не имея точных сведений о Лейб-Кирасирском Его Императорского Величества полку, автор «записок» поместил преимущество этого полка от сформированного в 1731 г. Минихова кирасирского... полка»²⁶. Действительно, в «Хронике» С. Н. Долгорукова значится, что Лейб-Кирасирский Его Величества полк ведет историю от Минихова кирасирского полка, сформированного в 1732 г., который в 1763 г. наименован Наследниковым, а Лейб-Кирасирский Ея Величества полк ведет историю от Лейб-Кирасирского полка, который сформирован в 1732 г. взамен Лейб-Регимента, поступившего в 1730 г. в Конную гвардию. Что интересно, в «Хронике» история обоих полков до 1732 г., т. е. в бытность их драгунскими, не отражена вообще²⁷.

Из «Хроники» С. Н. Долгорукова, как показывает Н. П. Волынский, ошибочные сведения перешли и в другие работы, в том числе и полковые истории Кирасир Его и Ея Величества²⁸.

В январе 1903 г. Н. П. Волынский подготовил соответствующий доклад на имя Главнокомандующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа Великого князя Владимира Александровича (1847–1909), который, изучив доклад, распорядился создать специальную комиссию из командиров двух полков, авторов их полковых историй штабс-ротмистров Н. П. Волынского (кирасира Его Величества), Анатолия Александровича Мордвинова (1870–1940) (кирасира Ея Величества) и генерал-майора Александра Захарьевича Мышлаевского (1856–1920) под председательством начальника 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Ивана Сергеевича Зыкова (1846 – не ранее 1908). Решающее слово было за А. З. Мышлаевским – как известным к тому времени военным историком.

А. З. Мышлаевский отметил «полную научность» представленных Н. П. Волынским данных, дав высокую оценку работе исследователя. Волынскому и Мордвинову было предложено продолжить совместный поиск материалов в других архивах. Но Мышлаевский отметил, что выводы, к которым пришел Н. П. Волынский, оказывают серьезное влияние на истории и регалии полков²⁹. Резюме же Мышлаевского по данному вопросу, тем более в свете приближающегося в мае 1904 г. 200-летия кирасир Ея Величества, было весьма расплывчатым: «...По нашему убеждению, возникший вопрос по истории полков предпочтительно было бы в настоящее время оставить исключительно в числе обычных вопросов внутренней полковой жизни, не давая ему никакого официального движения и ни в чем не связывая тем или иным его решением текущих полковых событий, впредь до окончания работ полковых историков...»³⁰

Результатом дальнейших изысканий Н. П. Волынского по истории двух полков и стала вышедшая в 1906 г. книга. Несмотря на ее аргументированность, она не была замечена – ведь, во-первых, оба полковых юбилея уже прошли. А во-вторых, Николай Павлович сократил, а не увеличил истории полков-однобригадников. Пусть всего на два–три года, но все равно это задевало полковое самолюбие. Вот если бы к историям полков ему удалось прибавить эти годы – тогда, возможно, его данные приняли бы во внимание. А так книга, изданная на средства автора, стала всего лишь библиографической редкостью...³¹

Нужно отметить, что на путаницу в наименовании и истории двух полков задолго до Воынского обратил внимание первый историограф кирасир Ея Величества, автор замечательного многотомного труда «История конницы», полковник (впоследствии генерал-майор) Михаил Илларионович Марков (1843–1899):

«Из сопоставления всего приведенного можно заключить, что или с наименованиями полков происходила путаница в переписках, или одновременно с 27 декабря 1761 года по 25 апреля 1762 года было два Лейб-Кирасирских полка: один наш, другой Лейб-Кирасирский Его Императорского Величества; или, наконец, генерал-аншеф Корф был шефом или полковником сначала в одном из упомянутых полков, а потом в другом, и окончательно назначен вице-полковником в Кирасирский Наследника полк, когда вступила на престол Императрица Екатерина II.

Генерал Есипов, командовавший нашим полком от 1799 по 1806, в своем донесении в военную коллегию № 175 говорит, что наш полк в царствование Петра III назывался Лейб-Кирасирским Его Величества полком. Донесению этому, разумеется, нельзя придавать большой веры. Но есть еще одно обстоятельство, которое как бы указывает на то, что Петр III Федорович был некоторое время Полковником нашего полка или числился в нем. Это именно то, что мундир и доспехи этого Государя хранились в нашем полку, а не в Наследниковом Кирасирском. Мундир этот находился в полку до 1811 года, когда вследствие приказа Цесаревича Константина Павловича он из полка был взят»³².

Таким образом, М. И. Марков проблему увидел, но серьезно разобраться в ней не пытался – возможно, у него просто не было времени, ведь полк очень ждал свою первую полковую историю. А на пути Н. П. Воынского, проблему решившего, встали «традиции» и уже отшумевшие полковые юбилеи...

И длительное время, как в эмиграции, так и в России, материалы по истории кирасир Его и Ея Величества опирались на данные полковых историй, содержащие в себе серьезные ошибки³³.

Справедливость восторжествовала только в 2005 г., когда были изданы две замечательные работы: книга петербургского исследователя С. А. Летина «Российская Императорская Гвардия» и составленный А. М. Вальковичем и А. П. Капитоновым

справочник «Российская Гвардия 1700–1918», в которых исторические хроники двух полков были исправлены в соответствии с исследованиями Н. П. Волынского, с сохранением только «старого» старшинства полков, Высочайше установленного (у кирасир Его Величества – с 21 июня 1702 г., у кирасир Ея Величества – с 26 июля 1704 г.)³⁴.

В соответствии с этими данными, лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк начал формироваться в июле 1704 г. в Москве из дворянских недорослей как 2-й Ингерманландский Яна Портеса драгунский полк и завершил формирование в июне 1705 г. В декабре 1705 г. он получает наименование 2-го Ингерманландского Антона фон Штольца драгунского полка, в декабре 1707 г. переименовывается в Калины Кампбеля драгунский полк, а 3 марта 1708 г. поименовывается Невским драгунским полком. С 16 февраля по 5 ноября 1727 г. он носит имя Углицкого драгунского полка, а с 6 ноября – вновь Невского драгунского. 1 ноября 1732 г. он становится 2-м кирасирским, а 21 июня 1733 г. получает название Лейб-Кирасирского. С 30 декабря он именуется Корфовым кирасирским полком, с 4 июля 1762 г. – Кирасирским Наследника полком. И с этой даты его история полностью соответствует тому, что написано в полковой истории и «Хрониках» Императорской гвардии.

А вот будущий лейб-гвардии Кирасирский Ея Величества полк формируется в 1706 г. в Туле князем Григорием Ивановичем Волконским-меньшим из служилых людей украинских низовых городов и получает вначале имя князя. 10 марта 1708 г. он становится Ярославским драгунским, с 16 февраля по 5 ноября 1727 г. именуется Новгородским драгунским, а 6 ноября получает прежнее название. 1 ноября 1732 г. он переформируется в 3-й кирасирский, 21 июня 1733 г. становится Бевернским кирасирским, 15 апреля 1738 г. – Брауншвейгским кирасирским, 31 января 1742 г. – Его Королевского Высочества Герцога Гольштейн-Готторпского, 4 декабря того же года – Его Императорского Высочества Государя Великого князя Петра Феодоровича полком, 27 декабря 1761 г. – Лейб-Кирасирским Его Императорского Величества, а 28 июня 1762 г. – Лейб-Кирасирским Ея Императорского Величества полком. С этого дня история полка соответствует тому, что написано в полковых историях и хрониках.

Таким образом, в итоге исследований Н. П. Волынского история каждого из полков сдвинута на два года вперед.

Что объединяет оба полка, так это, в бытность обоих уже кирасирскими, – шефство монарших особ. Это делало службу в этих полках особенно престижной и перспективной. И в связи с этим особенно важно исследование Николая Павловича Волынского, позволившее установить истину в первоначальной истории двух прекрасных полков-однобригадников Русской императорской гвардии.

---

¹ Туган-Мирза-Барановский А. История Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка. СПб., 1872. С. 7–8.

² Императорская Гвардия: Справочная книжка Императорской Главной Квартиры: По 1-е мая 1910 года. СПб., 1910. С. 131.

³ Ильина Т. Н. Нагрудные знаки и жетон Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка // Петербургский коллекционер. 2019. № 1 (110). С. 62, 65–66.

⁴ Марков М. И. История Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества полка. СПб., 1884. С. 5; Русский биографический словарь: Смеловский–Суворина. СПб., 1909. С. 588–593.

⁵ Марков М. И. История Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества полка. С. 4.

⁶ Императорская Гвардия: Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. СПб., 1910. С. 135.

⁷ Звегинцов В. В. Знамена и штандарты русской армии: XVI век – 1914 и морские флаги. М., 2008. С. 106; Ильина Т. Н. Нагрудный знак и жетоны Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Императорского Высочества Марии Федоровны полка // Петербургский коллекционер. 2019. № 2 (111). С. 58.

⁸ Волынский Н. П. Научно-историческое исследование неточностей, вкравшихся в хроники полков Лейб-Гвардии Кирасирских: Его Величества и Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны с основания означенных полков до восшествия на престол Императрицы Екатерины II в 1762 г. (включит.). СПб., 1906.

⁹ Русская интеллигенция: Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова. Аннотированный указатель в двух томах. Том 1: А–Л. СПб., 2001. С. 261; Кузьмин Ю. А. Российская Императорская Фамилия 1797–1917: Библиографический справочник. СПб., 2011. С. 309–310.

¹⁰ Волынский Н. П. История Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка 1701–1901: Том I. Книга I: 1701–1733. Период I: Драгунский полк кн. Н. Ф. Мещерского, кн. Г. И. Волконского и Ярославский. СПб., 1902; Волынский Н. П. История Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка 1701–1901: Том I. Книга II: 1701–1733: Приложения. СПб., 1902.

¹¹ Волынский Н. П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра. СПб., 1912.

¹² Волынский Н. П. Жертвы войны. СПб., 1909.

¹³ Волынский Н. П. Научно-историческое исследование неточностей, вкравшихся в хроники полков Лейб-Гвардии Кирасирских. С. I–VII.

- ¹⁴ Там же. С. II.
- ¹⁵ Там же. С. IV.
- ¹⁶ Там же. С. VI–VII.
- ¹⁷ Род князей Волконских: Материалы, собранные и обработанные княгиней Е. Г. Волконской: С портретом автора, снимком с родословной 1686 г. и гербом рода. СПб., 1900. С. 681–683.
- ¹⁸ Там же. С. 683.
- ¹⁹ Там же. С. 683–693.
- ²⁰ Российская Гвардия 1700–1918: Справочник. С. 191; Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730: Обмундирование и снаряжение / Под ред. В. И. Егорова. М., 2008. С. 308.
- ²¹ Российская Гвардия 1700–1918: Справочник. С. 188.
- ²² Татарников К. В. Русская полевая армия 1700–1730. С. 308.
- ²³ Волинский Н. П. Научно-историческое исследование неточностей, вкравшихся в хроники полков Лейб-Гвардии Кирасирских. С. VI–VII.
- ²⁴ Там же. С. VII–VIII.
- ²⁵ Там же. С. VIII.
- ²⁶ Там же. С. XIV.
- ²⁷ Хроника Российской Императорской Армии. Из разных сведений собрана генерал-майором, Государственной военной коллегии членом и ордена Святыя Анны первой степени кавалером князем Долгоруким. Напечатана по Всевысочайшему Его Императорского Величества повелению. СПб., 1799. № 162–163.
- ²⁸ Волинский Н. П. Научно-историческое исследование неточностей, вкравшихся в хроники полков Лейб-Гвардии Кирасирских. С. XIV–XVI.
- ²⁹ Там же. С. VIII–XI.
- ³⁰ Там же. С. XI.
- ³¹ Выражаю искреннюю признательность за предоставление материалов книги старшему научному сотруднику ГМЗ «Гатчина» Е. А. Родионову.
- ³² Марков М. И. История Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества полка. С. 100–101.
- ³³ См.: Штейнгель В. В. Императорская Российская Гвардия 1700–1878: Хронологические таблицы. СПб., 1878. С. 264; Памятка Кирасир Ея Величества за время Гражданской войны 1917–1920 гг. / Сост. полковник А. А. ф. Баумгартен, штабс-ротмистр А. А. Литвинов. [Берлин], [1927]. С. XXVII, XXXII–XXXIV; Трубецкой В. С. Записки кирасира // Наше наследие. 1991. № IV (22). С. 112; Трубецкой В. С. Записки кирасира. М., 1991. С. 208; Дерябин А. И. Первая мировая война 1914–1918: Кавалерия русской Императорской Гвардии. М., 2000. С. 5–6; Марков О. Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб., 2001. С. 141; Юркевич Е. И. «Маленькие синие Ее Величества...» // Спектр-Гатчина. № 48 (458). 1 декабря 2004 г. С. 8; Незвецкий Р. Ф. Лейб-Гвардия Императорской России. М., 2009. С. 383; Букин Ю. В. Историческая хроника Лейб-Гвардии Кирасирского Его Императорского Величества полка // Кирасиры Его Величества: Сборник материалов. Царское Село, 2011. С. 17–18; Карпеев В. И. Конница: Дивизии, бригады, корпуса. Соединения русской армии: 1810–1917. М., 2012. С. 173; Юркевич Е. И. Краткая история Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны полка // Трубецкой В. С. Записки кирасира: Воспоминания 1911–1912. М., 2017. С. 244; Вилинбахов Г. В. Комментарий к военной теме и воинской атрибутике // Трубецкой В. С. Записки кирасира:

Воспоминания 1911–1912. М., 2017. С. 255–256; Ильина Т. Н. Нагрудный знак и жетоны Лейб-Гвардии Кирасирского Ея Императорского Высочества Марии Федоровны полка. С. 52; Ильина Т. Н. Нагрудные знаки и жетон Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка // Петербургский коллекционер. 2019. № 1 (110). С. 55; Юркевич Е. И. Гатчина – город военный // Гатчина – город дворцовый: Каталог выставки. СПб., 2021. С. 40; Егоров А. Ю., Рогулин Н. Г., Трошин Д. Ю., Букин Ю. В. Царскосельский гарнизон. СПб., 2023. С. 61, 177–178 и др.

³⁴ Летин С. А. Российская Императорская Гвардия. СПб., 2005. С. 236–238, 392–394; Российская Гвардия 1700–1918: Справочник / Сост. А. М. Валькович, А. П. Капитонов. М., 2005. С. 176–199.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бей Евгений Васильевич – Российская академия ракетных и артиллерийских наук (Москва), советник, доктор исторических наук.

Герасимова Анна Александровна – Государственный Исторический музей (Москва), старший научный сотрудник, искусствовед.

Кармов Тимур Михайлович – Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук (Нальчик), научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Николаев Александр Владимирович – Российское военно-историческое общество (Москва).

Оводков Никита Алексеевич – эксперт по культурным ценностям по специализации «оружие (огнестрельное, холодное, метательное и пневматическое)» Министерства культуры РФ, старший научный сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), хранитель фондов иностранного и особо ценного оружия.

Орлов Алексей Викторович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Оточкин Вячеслав Валентинович – Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), доцент, кандидат исторических наук.

Панкратов Александр Германович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник.

Пашута Валерий Лукич – Военный институт физической культуры (Санкт-Петербург), заведующий кафедрой военно-политической работы в войсках (силах), профессор, доктор педагогических наук, заслуженный работник высшей школы РФ.

Песина Инна Ефимовна – Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (г. Полоцк, Республика Беларусь), главный хранитель фондов.

Песьяков Сергей Алексеевич – Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС» (Москва), доцент кафедры социальных наук и технологий, кандидат философских наук.

Петров Александр Александрович – Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва), старший научный сотрудник.

Петрухин Илья Николаевич – Тульское региональное отделение Общероссийского общественного движения «Клубы исторической реконструкции России», председатель совета.

Пинк Игорь Борисович – ФГБУК «Тульский государственный музей оружия», заместитель директора по научной и экспозиционно-выставочной деятельности, кандидат исторических наук.

Приходько Михаил Анатольевич – Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры истории государства и права, кандидат юридических наук.

Прохоровская Анастасия Игоревна – Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Прямыцын Владимир Николаевич – Российская академия ракетных и артиллерийских наук (Москва), советник, доктор исторических наук.

Птицын Виктор Викторович – Тульский государственный университет, кандидат технических наук, доцент.

Рахимов Рамиль Насибуллович – Уфимский университет науки и технологий, заведующий кафедрой истории России, историографии и источниковедения, кандидат исторических наук, доцент.

Родионов Евгений Александрович – ГБУК «ГМЗ "Гатчина"», старший научный сотрудник, хранитель фонда «Оружие».

Савченко Сергей Николаевич – Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова», научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Садов Юрий Валентинович – Военный институт железнодорожных войск и военных сообщений Военной академии материально-технического обеспечения имени А. В. Хрулева (Санкт-Петербург), доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), кандидат исторических наук.

Сиваков Тимофей Валентинович – КГБУ «Государственный архив Хабаровского края» (Хабаровск), специалист, краевед.

Смирнов Борис Евгеньевич – ФГБУ «Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого МО РФ» (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, заведующий сектором оружия отдела фондов, кандидат педагогических наук.

Стрельченко Александр Владимирович – Институт археологии РАН (Москва), соискатель.

Талантов Сергей Вадимович – независимый исследователь (Москва).

Тимофеева Римма Александровна – Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, доцент кафедры истории и теории искусства, кандидат искусствоведения.

Ульянов Илья Эрнстович – Уфимский университет науки и технологий, соискатель кафедры истории России, историографии и источниковедения.

Федечкин Алексей Дмитриевич – независимый исследователь (Москва), капитан 3-го ранга запаса, кандидат исторических наук.

Федулов Сергей Валентинович – Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского (Санкт-Петербург), профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, доктор исторических наук.

Хуснулин Артур Равилович – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва), исторический факультет, аспирант.

Черенцова Ксения Владимировна – АО «Конструкторское бюро «Арсенал»» имени М. В. Фрунзе» (Санкт-Петербург), главный специалист, кандидат исторических наук.

Черненко Александр Николаевич – независимый исследователь для АНО «Руниверс» (Москва).

Черноусов Андрей Анатольевич – Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова (Санкт-Петербург), преподаватель кафедры военно-политической работы в войсках (силах), кандидат исторических наук.

Чубинский Александр Николаевич – ФГБУК «Государственный музей-заповедник «Московский Кремль»», старший научный сотрудник.

Чумак Руслан Николаевич – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), начальник отдела, кандидат технических наук.

Шевяков Тимофей Николаевич – GR Consulting Srl., генеральный директор (Москва), кандидат исторических наук.

Шептура Владимир Николаевич – Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, научный сотрудник, кандидат военных наук, доцент, член-корреспондент РАН.

Шишов Владимир Олегович – Государственный мемориальный музей А. В. Суворова (Санкт-Петербург), заведующий отделом патриотической и культурно-массовой работы.

Шмелев Кирилл Владимирович – СПбГУ, Институт истории (Санкт-Петербург), научный сотрудник.

Юркевич Евгений Иванович – Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. В. Орлов (Санкт-Петербург)</i> . Заводы против заводов (Борьба за оборонные заказы в военной промышленности России 1893–1899 гг.).....	3
<i>В. В. Оточкин В. Л. Пащука (Санкт-Петербург)</i> . Герои Советского Союза Н. С. Угрюмов и Д. А. Балаханов на страницах газет «На страже Родины» и «Красная звезда» (1939–1940 гг.)	27
<i>А. Г. Панкратов (Санкт-Петербург)</i> . «Шелом татарский?» Боевое наголовье из 1-го отечественного фонда ВИМАИВиВС	43
<i>С. А. Песьяков (Москва)</i> . К проблеме изучения «охочих людей» XIV–XVI вв. на основе псковской летописной традиции	64
<i>А. А. Петров (Москва)</i> . Бой при деревне Каушен 6 августа 1914 г. в воспоминаниях эмигрантов – офицеров русской гвардейской кавалерии.....	77
<i>И. Н. Петрухин (Тула), А. А. Герасимова (Москва), А. В. Николаев, Б. Е. Смирнов (Санкт-Петербург)</i> . Западноевропейский латный полудоспех из собрания ЦВММ: к вопросу атрибуции	92
<i>И. Б. Пинк (Тула)</i> . О некоторых сведениях о зарубежных изобретениях в области артиллерии, поступивших в Россию в середине XIX в.	109
<i>М. А. Приходько (Москва)</i> . «С. И. Салагов во главе Генерал-аудиториата в 1805–1808 гг.»	120
<i>А. И. Прохоровская (Москва)</i> . Советская спецпропаганда в Корсунь-Шевченковской наступательной операции (24 января – 17 февраля 1944 г.).....	123
<i>В. А. Прямыцын, Е. В. Бей (Москва)</i> . Отчет о проведении сбора руководящего состава метеорологической службы ВВС Красной армии 1945 г. – новый источник по истории Великой Отечественной войны.....	135
<i>Р. Н. Рахимов (Уфа)</i> . Пехота Оренбургской укрепленной линии первой половины XIX в.: организация, пограничная служба, преобразования	142

<i>Е. А. Родионов (Гатчина), А. Н. Чубинский (Москва).</i> Награда за вакцинацию. Оружие, переданное в дар Екатериной II Томасу Димсдейлу в 1768 г.	155
<i>С. Н. Савченко, Т. В. Сиваков (Хабаровск).</i> Участие Уссурийского казацкого полка в бою Уссурийской конной бригады 5-й армии Северо-Западного фронта под местечком Векшни Ковенской губернии 11 (24) июня 1915 г.	168
<i>Ю. В. Садов (Санкт-Петербург).</i> К вопросу об отставке генерала А. П. Ермолова.....	183
<i>А. В. Стрельченко (Москва), И. Е. Песина</i> <i>(Полоцк, Республика Беларусь), А. В. Николаев (Москва).</i> Атрибуция позднесредневекового меча из Витебской области Республики Беларусь	196
<i>С. В. Талантов (Москва), Оводков Н. А. (Санкт-Петербург).</i> К вопросу атрибуции шашек Кавказских казацких войск конца XIX – начала XX в.	206
<i>Р. А. Тимофеева, Р. Н. Чумак (Санкт-Петербург).</i> «Встретились как-то американец, бельгиец и русский»: новые сведения о разработке 3-линейного револьвера оружейником С. И. Мосиным.....	224
<i>И. Э. Ульянов (Уфа).</i> Прицельная стрельба и рассыпной строй в тактике русской линейной пехоты 1804–1818 гг.	234
<i>А. Д. Федечкин (Москва).</i> Производство основных типов минного оружия Российского флота накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.)	249
<i>С. В. Федулов (Санкт-Петербург).</i> Боевая деятельность подводных лодок на Ладожском озере в 1943–1944 гг.	260
<i>А. Р. Хуснулин (Москва).</i> Военная продукция советской промкооперации и основные направления ее применения (1930–1940-е гг.)	269
<i>К. В. Черенцова (Санкт-Петербург).</i> Производственная деятельность Ленинградского государственного машиностроительного завода № 7 имени М. В. Фрунзе в годы Великой Отечественной войны	289
<i>А. Н. Черненко (Москва).</i> Реальные расходы Военного министерства 1867–1914 гг. (по материалам отчетов Государственного контроля).....	303
<i>А. А. Черноусов (Санкт-Петербург).</i> О российском присутствии на Черном море. Мнение английского разведчика.....	319

<i>А. Н. Чубинский (Москва). Об оружии, самовольно взятом московскими стрельцами на Пушечном дворе 18 сентября 1682 г. ....</i>	<i>325</i>
<i>Р. Н. Чумак (Санкт-Петербург). 7,62-мм танковый пулемет ТКБ-666 .....</i>	<i>339</i>
<i>Т. Н. Шевяков (Москва). Шефские ленты полков Российской императорской армии: новые данные .....</i>	<i>357</i>
<i>Шептура В. Н. (Москва). О внедрении в практику действий войск предложений начальников связи фронтов (армий) по построению системы связи объединений (по материалам изучения опыта Белорусской операции).....</i>	<i>363</i>
<i>В. О. Шишов (Санкт-Петербург). Материальная часть и опыт применения русской артиллерии под Очаковым в ходе кампании 1788 г. (по материалам записок Р. М. Цебрикова и дел канцелярии И. И. Меллер-Закомельского из архива ВИМАИВиВС).....</i>	<i>372</i>
<i>К. В. Шмелев (Санкт-Петербург), Т. М. Кармов (Нальчик). Средневековая фортификация Леванта в европейской и ориентной традиции. Новые находки по результатам экспедиций 2023–2024 гг. ....</i>	<i>387</i>
<i>Е. И. Юркевич (Санкт-Петербург). К вопросу о дате создания лейб-гвардии Кирасирских Его и Ея Величества полков .....</i>	<i>407</i>
<i>Сведения об авторах .....</i>	<i>417</i>

===== Для заметок =====

УДК 351.852.1 + 355.48

ББК 79.1 + 68 + 63

В 65

В 65 **Война и оружие. Новые исследования и материалы:** труды Двенадцатой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14–16 мая 2025 г. / Под ред. С. В. Ефимова: в 4 частях. – Ч. 3. – СПб.: ВИМАИВиВС, СПбГУПТД, 2025. – 424 с.

Научное издание

Война и оружие
Новые исследования и материалы

Труды Двенадцатой Международной
научно-практической конференции

В четырёх частях

Часть 3

Редактор: *Н. В. Медведев, Т. Н. Юдина*

Художник: *Н. Ю. Якубовская*

Верстка: *А. В. Барашев*

Корректор: *Я. В. Камашина*

Подписано в печать 29.04.2025.

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 16.

Бумага офсетная. Гарнитура PeterburgC.

Тираж 130 экз.

ФГБУ «ВИМАИВиВС» МО РФ
197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 7.